

Александр Юрьевич Селюкин

Нисхождение

Александр Юрьевич Селюкин

Нисхождение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127680

Аннотация

Отдаленное будущее. Человечество вышло в космос и колонизирует новые планеты, но его образ жизни и проблемы, с ним связанные, не изменились. Миром правят гигантские могущественные корпорации, борющиеся за ресурсы и сферы влияния. Группа случайных людей становится наемниками, цель их миссии – сместить зарвавшегося провинциального диктатора в интересах корпорации-нанимателя. Но ступившие на тернистый путь «солдата удачи» не догадываются, какая роль им предназначена и чего им будет стоить эта операция...

Примечание

Данное произведение является художественным вымыслом, поэтому любые совпадения и пересечения с известной читателям реальностью случайны, а субъективизм, несуразности и нестыковки, наоборот, закономерны. В тексте встречается ненормативная лексика. В реальности она тоже встречается, только чаще;-)

Содержание

1. Поверхностное натяжение	4
2. Выбор оружия	24
3. Чужая земля	112
4. Выход в красное	196
5. Падение	253
6. Бег в никуда	323
7. Подъем с глубины	400

Александр Селюкин

Нисхождение

1. Поверхностное натяжение

– Эй, начальник, такого уговора не было! Это же верная погибель, какого хрена на Земле в конторе по найму нам втирали... Словом я выхожу из дела и требую...

Удар ребром ладони под дых с короткого замаха, цинично нанесенный майором Прайсом, оборвал выражавшего свое свободное мнение долговязого парня, согнув его пополам и лишив на некоторое время возможности не только говорить, но и дышать. Майор отступил пару шагов назад и задумчиво перевел взгляд со своей мимолетной жертвы на пестрый строй разнообразно одетых молодых людей в возрасте от 19 до 26 лет. 85 разнокалиберных оболтусов, стоявших на пластобетонном полу сортировочного уровня грузового терминала, враз прекратили возмущенный галдеж и с тревожным вниманием ожидали дальнейшего развития событий.

– Спокойствие, любезные. Думаю, проблема сильно преувеличена отдельными морально нестойкими личностями, принимающими слишком близко к сердцу безответственные слухи и домыслы, – он глянул на едва пришедшего в себя долговязого, – и никаких оснований для паники нет. Кро-

ме того, – с нажимом продолжил майор, подавляя вновь было поднявшийся ропот, – я хотел бы напомнить вам, что вы подписали соглашение, согласно которому, «... в случае одностороннего прекращения исполнения своих обязательств Работником, по причинам, не перечисленным в настоящем Контракте, Работодатель оставляет за собой право требовать с последнего полного возмещения связанных с этим издержек...» и так далее, – бодро оттарабанил он, продемонстрировав неплохое знание нормативной базы. Складно звонит – небось, частенько выдержки по случаю излагает, тогда и не такое еще наизусть запомнить можно...

– Вы, – оратор уничтожающе обвел взглядом строй, – за всю свою предшествующую жизнь не заработали столько, чтобы окупить понесенные в результате разрыва вами Контракта издержки, следовательно, все вы в случае отказа автоматически получите равный сроку Контракта период «альтернативных работ» на ближайших рудных приисках с зачислением всей суммы заработка на счет «Magma Ink». Условия работы там м-м-м... неоднозначные: условия труда вредные, техника безопасности и моральный дух коллектива оставляют желать много лучшего, да и контингент... специфический, травматизм и смертность опять же... Все понятно или вам картинку нарисовать? – блоки фраз вылетали изо рта майора стройно и с нужной интонацией – похоже, что он изрядно поднаторел на формировании общественного мнения и явно встречал уже не первую команду новобран-

цев-контрактников.

Лица слушателей отразили воцарившееся в их сердцах уныние. «Альтернативные работы» по сути, представляли собой каторгу, а под «коллективом» подразумевалась бригада зеков, которым доверялась низкоквалифицированная работа, на участках, которые по ряду причин не были популярны у вольнонаемных горняков. Судиться или качать права на планете-руднике, с непригодной для дыхания атмосферой, небольшое наземное и огромное подземное обитаемое пространство которой принадлежало и контролировалось монструозной корпорацией «Magma Ink» было все равно, что предъявлять иск дьяволу, попав в преисподнюю. Тем более, что наем происходил полуанонимно. Цепочка была примерно такая. Безликие объявления типа «примем на перспективную высокооплачиваемую работу физически здоровых, энергичных молодых людей, с обучением, возможны длительные командировки» приводили кандидатов в какой-нибудь временно снятый офис для сортировки с лучшими учаством улыбчивыми мэнами и соответствующими секретаршами. В офисе имела место персональная доверительная беседа: «...мы – солидная фирма... спад, массовая безработица... много желающих... мы хорошо платим, но требуем соответственного...». Затем подпись под Контрактом: «... ну и заключительная формальность». И, наконец, сердечное рукопожатие: «...я постараюсь оправдать...». По истечении некоторого времени вербовочные офисы меняли места рас-

положения, соответственно концы сыскать было затруднительно.

Промежуточная база, куда новоиспеченных наемников доставили для обучения, находилась, как и большая часть обитаемого пространства этой планеты, на глубине несколько сотен метров под изрытой метеоритными кратерами скальной поверхностью, среди многоуровневых переплетающихся галерей рукотворного и естественного происхождения. Это был один из многочисленных временных неофициальных центров подготовки, где ковались кадры для случаев, когда препятствующие бизнесу обстоятельства нельзя было эффективно устранить административно-финансовыми методами, и требовалась старая добрая грубая сила.

Большой грузовой лифт проваливался вниз несколько минут, у всех возникло ощущение, что на выходе их встретит запах горячей серы и черт с трезубцем. Добыча разнообразных полезных ископаемых велась компанией «Magma Ink» здесь уже пару десятков лет, за это время муравейник рукотворных и естественных подземных галерей достиг фантастических размеров и сложности. Естественная сеть подземных каналов была частично осушена, частично вода ушла еще задолго до открытия планеты людьми. Высота сводов варьировала от тесных шахтерских лазов, до десятков или даже сотен метров, где располагались целые комплексы строений административного, жилого и производственного на-

значения. На поверхности были только взлетно-посадочные площадки для челноков, доставляющих пассажиров и грузы с поверхности на орбиту и обратно. В окрестном космическом пространстве еще со времен активной фазы неокOLONиальных войн патрулировали корабли, которые при надобности могли отвадить непрошенных гостей, желающих запустить свою жадную лапу в богатые недра планеты, находящиеся в чужой собственности.

Так что после доставки группы польстившихся на белозубые улыбки вербовщиков на «промежуточную базу», обратного хода не было как в финансовом, так и в техническом смыслах: лететь обратно было не на что и не на чем. Их судьба теперь была безраздельно в руках работодателя. Работодатель же был почти всесилен – одна из крупнейших транснациональных многоотраслевых корпораций, давно и надежно прихвативших мир за яйца. Ненасытный молох технического прогресса смердящей цивилизации требовал все новых и новых ресурсов. Кто контролировал ресурсы, тот был правой рукой ушедшего в отпуск Господа, выше закона, выше политики. Даже больше: контролирующей добычу и поставку ресурсов сам был и законом, и политикой. Разнообразные «слуги народа», грозящиеся костью лечь за благо своих драгоценных избирателей и раздающие щедрые обещания на предвыборных кампаниях, ели у него с руки, преданно глядя в глаза в надежде получить очередную пайку или переиз-

браться на новый срок. Выборы назывались «демократическими», но населению по сути навязывался небогатый выбор из посредственных и несамостоятельных кандидатов-марионеток, чьи пиарщики соревновались в циничности манипулирования сознанием избирателей посредством средств массовой информации. Политики в основной своей массе были лишь «говорящими головами», они отработывали заказ тех или иных влиятельных групп, которые привели их к власти – лоббировали интересы «спонсоров», наживались при этом сами, обзаводились полезными связями и так далее, остальным же, то есть своими прямыми обязанностями как руководителей, занимались лишь «постольку-поскольку» с широким использованием принципа бюрократической «коллективной безответственности». Корпорации фактически правили миром: затевали войны и революции, смещали и назначали правительства, финансировали освоение новых миров. То, что долговязый поделился с остальными содержанием случайно услышанного разговора двух местных работяг-технарей во время пребывания в сортире перед построением, принципиально уже ничего не меняло. А разговор был короткий, но наводил на размышления о грустных перспективах:

– Видел, опять босяков новеньких привезли? И откуда столько долбаков берется, неужто слухом земля не полнится?

– Да некому особенно слухи распускать – команды мрут как мухи, для выживших – в контракте «неразглашение», а

в нужных местах все схвачено. Кстати, трепаться надо бы поменьше, может нас прям щас какая-нибудь ебучая скрытая камера внутреннего контроля пишет – вставят нам на пару распиздон за длинный язык в общественном месте.

Общеизвестно, что чем большее число людей в курсе по замыслу конфиденциального мероприятия, тем сложнее сдержать распространение секретной информации в пространстве и по кругу лиц. А если при этом не выделяется дополнительных средств на повышение мотивации держать язык за зубами, то утечка рано или поздно произойдет, при этом, передаваясь от одного «слышавшего звон» к другому, информация часто обрастает фантастическими подробностями. Именно так и попытался представить дело гражданин начальник.

– У кого-нибудь есть вопросы или предложения? – ехидно осведомился майор. Вопросов или предложений вслух не последовало.

– В таком случае с административно-правовыми частностями покончено и вы поступаете под начало старшего инструктора Доплера, который призван в сжатые сроки всемерно повысить вашу профпригодность на новом поприще. Добро пожаловать на ускоренные курсы за счет заведения. А мне позвольте на этом попрощаться.

Майор молча кивнул подошедшему мужику в темно-зеленой форме без знаков различия с закатанными выше локтей рукавами, вручил тому планшетку со списком новобранцев,

развернулся и быстро зашагал внутрь ближайшего входа в помещение, напоминавшего ангар, вскоре исчезнув в клубах испарений от многочисленных рабочих механизмов, вокруг которых суетились техники в замасленных спецовках и некогда оранжевых касках.

Доплер, в отличие от худощавого франтоватого майора, был коренастым и жилистым, лет где-то хорошо за сорок, но в отменной кондиции. В нем сквозили замашки практика со стажем. Доплеровская физиономия несла на себе отпечатки славных баталий, в которых ему довелось поучаствовать, перед тем как осесть на провинциальной тренировочной базе. То ли он скучал по острым ощущениям боевой молодости, то ли не был вполне доволен заработком на нынешнем месте, но выражение его лица было еще более мрачным, чем до того у майора, а выделяющийся среди прочих отметин диагональный шрам на физиономии придавал его облику что-то пиратское, что в сочетании с бесовским взором глаз неопределенного цвета наводило трепет на слабых духом и телом. От мужика ощутимо исходила какая-то пульсирующая аура хищной силы. Едва он открыл рот для приветственной речи, стало ясно, что ехидству они с майором обучались за одной партой, а голосовые данные вряд ли при каких-нибудь обстоятельствах заставляли его пользоваться громкоговорителем.

– Итак, мальчики и девочки, – обратился он к собравшимся, без напряжения перекрывая шум работающего неподалеку оборудования, и хотя строй состоял заведомо из одних

только «мальчиков», видимо Доплер мысленно квалифицировал большую часть из них иным образом, – пришло время конкретизировать суть вашей «перспективной работы», так сказать ближе к жизни дабы искоренить из ваших стройных рядов убогие слухи и нездоровый ажиотаж.

Доплер изучающе провел по новобранцам взглядом слева направо и справа налево, помрачнев в итоге беглого осмотра подопечных еще больше, хотя поначалу казалось, что больше уже просто некуда.

– В одной из провинций на одной из планет земного типа, где именно – вам знать пока что не к чему, нашим дорогим генеральным работодателем – корпорацией «Magma Ink» велись разработки крупного месторождения руд редких цветных металлов, условия залегания которых позволяли уверенно смотреть в будущее даже в нынешние смутные времена. Столь удачные условия в немалой степени обеспечивались до недавних пор лояльным руководством провинции, которое в свое время не без помощи «Магмы» пробилось к рычагам политического руководства на волне народного недовольства тамошними «временными трудностями» постоянного характера. «Трудности», приведшие к смещению существующей власти, в свою очередь, тоже не на пустом месте взялись: бардак – это не отсутствие порядка, это такой порядок. Дабы снизить возможность переворота, новоявленный президент несколько изменил законы в свою пользу, прибавив себе полномочий, по сути до диктаторско-

го уровня, а также мудро поступил, пожаловав своим ближайшим соратникам «дворянство», чтобы те при землях были и при налогоплательщиках. Очень скоро эта заурядная в прошлом провинция стала развитой криминальной империей при почти полном развале инфраструктуры и экономики. Естественно, что большинству избирателей не стало лучше, тем более им теперь приходится тщательно следить за речью, прилюдно говоря о руководстве и его внутренней политике.

Поначалу президент, согласно договоренностям, исправно делился с нужными людьми, которые его и подняли, а также не препятствовал «Магме» в ее деятельности по добыче минерального сырья на своей территории на крайне выгодных для «Магмы» условиях. Но через несколько лет, как это часто бывает, зажадничал: взял да и национализировал все что можно, а делиться престал совсем – выкатил новые условия. Оно и понятно: открылись новые направления – наркотики, работоторговля, контрабанда, убежище для розыскиваемых и так далее. Денег уже куча, а его столичные кукловоды и корпоративные боссы за карманного диктатора держат. Расчет на то, что режим без поддержки извне вскорости падет сам, по причине своей полной государственной некомпетентности, не оправдался, а перспективные разработки бросать, мягко говоря, жалко. Руководство Корпорации добилось неафишируемой договоренности с Правительством Межпланетной Конфедерации и местным планетарным руководством, что утрясет дело на, так сказать, вольно-

наемных началах, а «Магма» за свое спонсорство получит к монопольному праву на разработку ряд приятных привилегий и официальное прощение по кое-каким прошлым грешкам. Правительству МК перед выборами не с руки вязнуть в очередной гнилой войне «за территориальную целостность и восстановление законности», планетарным же внутренним войскам без внешней поддержки полнометражная война с одной из провинций, наводненной военизированными формированиями, не под силу. Да и не хочется им под свою ответственность ворошить улей у себя под боком, тем более, что формального повода-то для вторжения вроде как и нет: в провинции правит законно избранная власть, которая официально никому войны не объявляла.

Вы же здесь, потому что не смогли найти для себя другой подходящей работы на старушке-Земле, что, правда, в теперешних условиях неудивительно – народу там просто до хера стало, причем все хотят быть по жизни в шоколаде. Никто не будет вас искать, так как ни у кого из вас нет влиятельных родственников или близких знакомых, это проверялось по социальным базам данных при наборе, пока вы старательно заполняли разные заумные тесты. Официально вы в длительной командировке. Теперь – только вперед. Взбодритесь, ибо вам, любезные, предстоит благородная миссия: поучаствовать в смещении режима коварных узурпаторов. Подробности узнаете в свое время.

Конечно, если бы вам на Земле сразу открыто заявили,

что берут не просто на альтернативную службу, а для участия в боевых действиях, то вы бы скорее предпочли остаться безработными. Воистину престиж армии невысок сегодня, особенно после недавней грязной кампании на Шеоле. И все же вас должно радовать, что прошедшие обучение получат половинный задаток, а выжившим, помимо перевода остатка, еще и зачтется, будто они отслужили во всенародно нелюбимой армии, так что не придется больше периодически доказывать призывной комиссии, что вы насквозь больные, не способные к обильным тяготам современной армейской службы люди. Сумма не шибко большая, но для вашего уровня это нормально, говорю как практик. Разумеется, все блага выпадут на долю тех, кто вернется живым и достаточно целым, чтобы ими воспользоваться.

По вашим личным делам и внешнему виду с уверенностью можно заключить, что при нынешней подготовке, а точнее при ее отсутствии, живым мало кто обратно вернется, поэтому в течение отпущенных полутора месяцев я призываю вас прилежно учиться и внимать каждому моему слову, остальное, что не успеем, освоите на практике. В ходе обучения рекомендую не забывать, что имел в виду майор под альтернативными работами: те, кто в результате обучения не дойдут до нужной кондиции, будут отправлены на «отработку неустойки» ковырять породу на одних правах с зэками. Это недалеко – тут по соседству. Так что в этой школе на второй год никого не оставят. Ну вот, теперь мы подняли

друг другу настроение, а к делу приступим завтра, то есть, примерно через 7 часов. А сейчас – все за мной: вам сделают модную прическу, выдадут форму в обмен на ваш штатский хлам, потом в казарму и спать. В пять-тридцать по местному времени для вас начнется праздник тела и духа, – несмотря на приличную длительность речи, инструктор ни разу не поперхнулся, не прокашлялся – горло у него, похоже, было луженое.

Цепочка будущих вояк потянулась за Доплером в хозблок, приглушенно обмениваясь между собой мнениями по поводу вновь поступившей информации. Выбор «причесок», предложенный местным парикмахером, сутулым косматым дядькой, скорее похожим на столяра, был небогат и состоял из одного вида: «под ноль». То есть, конечно, не совсем до блеска налысо, но близко к этому. Народ, особенно имеющий стильный прикид, начал было выступать, но Доплер резко схватил ближайшего недовольного за его заплетенную во множество косичек смоляную гриву, вывернув тому голову назад, как тряпичной кукле:

– Излишний волосяной покров предоставляет противнику дополнительную возможность поймать вас – видите, как неприятно этому бедолаге? – он равнодушно кивнул на объект демонстрации. – Зовут тебя как, хиппарь безродный?

– Вудс. Сэр... – ответил курсант, сохраняя еще остатки гонора.

– Ты что, гаитянский колдун? Типа, черная магия Вуду?

Чревовещанием, небось, балуешься? Порчу тут на моей базе наводить собрался? – словно инквизитор над еретиком, угрожающе навис Доплер с многообещающе-зверским выражением лица.

– СЭР, НИКАК НЕТ, СЭР! – на одном выдохе выдал Вудс, предположив, исходя из популярных фольклорных армейских штампов, что для прекращения экзекуции требуется с должным рвением следовать Уставу. Но Доплер, против ожиданий, этого порыва не оценил:

– Гляди, какой горластый сперматозоид, а? Знание уставной фени тебе тут не поможет – будешь до хуя выебываться или мудиться – огребешь вселенских пиздюлей полной ложкой так, что жить-насрать будет. А ну, пшел в кресло! – инструктор резко отпустил Вудса, придав ему ускорение в указанном направлении. – Два раза «сэр» мне не к чему, орать тоже не обязательно – здесь не плац для строевой муштры, говорить надо коротко и по существу, – добавил Доплер уже всем.

Оставшиеся притихли и покорно позволили флегматику – парикмахеру свершить над своими шевелюрами свое незатейливое действие.

В импровизированной казарме, которую отрядили новобранцам в качестве жилья, было довольно чистенько, но всех посетила мысль о том, что, скорее всего недавно здесь обитали в свободное от нелегкого принудительного труда время «альтернативные работники». Когда счастливые облада-

тели нового форменного комплекта разползлись по двухъярусным койкам, Доплер пожелал всем спокойной ночи и направился к выходу. В дверях казармы он обернулся, одарил общество своей пиратской ухмылкой, дверь с вздохом пневматики отъехала в сторону и закрылась за ним, как только он переступил порог. Вырубился свет, что означало ручной закат солнца по местному времени, и каждый остался наедине со своими мыслями, потому что пока слишком поверхностно был знаком с соседями для душевных разговоров.

Долговязого парня, который, общаясь с Прайсом получил под дых, звали Сплин. Ему досталось место на верхней койке в углу со стороны двери. На сон грядущий Сплин предавался воспоминаниям и раздумьям о перспективах своей карьеры. Год назад после окончания вуза он почти сразу нашел относительно неплохую работу почти по специальности, но через полгода потерял ее по причине сокращения штатов во время очередного экономического кризиса, вызванного обвалом фондового рынка из-за каких-то там беспредельных по циничности и масштабам спекуляций. Объявление о наборе на «перспективную работу» попало ему на глаза случайно, когда он глубокой ночью лазил по базам данных Глобальной сети с домашнего компьютера одного из своих приятелей-хакеров. У того была приличная работа и халявный, то есть оплачиваемый работодателем, доступ в Сеть. Социально и финансово друг детства был существенно выше Сплина, но в общении был прост, незаносчив и друзей студенческой

юности не забывал, несмотря на занятость.

В результате основательных воспоминаний, сопровождавшихся поглощением непомерного количества пива, приятель был пьян и храпел на диване. Сплин тоже был пьян, но меньше, что и обусловило его желание с пользой провести время, на халяву шарясь в Сети в поисках чего-нибудь интересного. Вообще-то он искал какую-нибудь веселенькую порнографию, но все действительно стоящие адреса, на которые он наткнулся, хотели денег, призывая в обмен на свою клубничку сообщить прежде номер кредитной карточки, а денег на карточке Сплина было чуть побольше, чем на такси до дому. Так что, когда на одном из поисковых серверов попала какая-то левая ссылка на «перспективную работу» (то есть денежную), Сплин машинально залез туда и распечатал страничку. Утром, проснувшись в кресле за столом от того, что онемела спина, он не помнил, что делал ночью, в связи с чем неизвестно откуда возникшая распечатанная страничка на столе предстала как знамение свыше.

После продолжительного периода грошовых разовых приработков и бесплодных поисков приличной работы он без особых надежд шел на очередное собеседование с очередным работодателем, и вот в итоге оказался здесь, хрен знает в какой дали от родины.

В свете очередной фазы призывных претензий Вооруженных Сил на его душу, вакансия убивала сразу двух зайцев – заработок как таковой и официальное снятие призывного

вопроса навсегда по линии «альтернативной службы». Содержание работы формулировалась несколько расплывчато, но довольно безобидно: охрана промышленных объектов на колонизируемой планете земного типа, сопровождение грузов, при необходимости ликвидация последствий аварий. Оговаривалось, что никакой радиации или подобной дряни. Короче что-то среднее между охранником, пожарным и спасателем. Полный социальный пакет, все дела. Какого хрена местных нельзя было на это дело подрядить, Сплин тогда подумать забыл, а может и не захотел. Сейчас вскользь промелькнуло: может секретность обеспечивали? Да какая теперь разница...

Сплин был язвой, пессимистом, занудой и сквернословом, несмотря на законченное высшее образование (а может и благодаря ему). Он не смог удержаться от ехидных комментариев даже во время собеседования в офисе по сортировке желающих, с удовлетворением отметив, что сумел-таки на пару секунд сбить лучезарное выражение с лица тестирующего его мэна. Впрочем, его прямолинейность и ирония распространялись не только на окружающий мир, но и на себя самого, что, как он сам считал, не давало ему превратиться из просто неудачника в законченного неудачника-мазматика.

Сама технология тестирования показалась Сплину какой-то бессистемной, на добрые 40 процентов околоинтеллектуальных ситуационных тестов он ответил изобретатель-

но, но заведомо неверно и, за неимением лучшего, периодически острил, что, впрочем, никого не развеселило: сказывалась разница в чувстве юмора. Помимо основного тестирующего в последней комнате отборочного конвейера присутствовал какой-то средних лет подтянутый коротко стриженный дядя с нехарактерно для штатского прямой спиной. Его лицо с острыми чертами было бесстрастным, а взгляд пронзительным. Сидя в своем углу, он что-то помечал по ходу беседы на планшете с данными предыдущих тестов, не вмешиваясь в разговор, изредка бросая короткие взгляды на старательно приукрашивающих собственные достоинства кандидатов. Дядя, по-видимому, больше слушал не что говорят, а как говорят. Потом проверяли физическое здоровье, рефлексы. Сказали, что нужны здоровые сотрудники, чтобы минимизировать простои в работе и пособия по нетрудоспособности. Сплин был уверен, что не прошел по конкурсу и, ожидая результатов, соображал, куда бы податься в поисках работы дальше. Так что, когда его имя прозвучало в списке принятых, он так удивился, что едва не проморгал сообщение о том, когда и куда явиться для «доставки к месту обучения».

Отвлечшись от воспоминаний, Сплин занялся сопоставлением своих возможностей и требований современных обстоятельств жизни. Он был не глуп (хотя порой излишне наивен), прагматичен (хотя местами ухитрялся не замечать очевидных вещей), не обижен воображением, более или менее

здоров, насколько может быть здоров не слишком богатый житель про

енного индустриальными отходами мегаполиса, не был абсолютно чужд спорта и обладал некоторой силой и выносливостью, чего по его прикидкам, вполне хватило бы на «альтернативную службу» без реальной войны. Кроме того, в условиях, когда в морально разложившемся и криминализованном обществе витает угроза не то братской резни, не то воцарения анархии лучше подвязаться в какую-нибудь относительно устойчивую к подобным катаклизмам структуру, чем быть простым обывателем, которому больше всех достанется от всех участников массовки. Вот и подвязался на хлявный сыр...

Правда, все оказалось несколько серьезнее, и Сплин сознавал, что солдат из него посредственный как в физическом, так и в психологическом смыслах, а воевать, похоже, придется с профессиональными головорезами... Сплину вообще было свойственно, решая одну проблему, встречать в другую. Впрочем, судьба довольно часто заставляет человека делать выбор в условиях недостаточной информации, а после наказывает за то, что не угадал – рядовое, вроде бы, решение может порой привести к серьезным последствиям, круто изменяющим жизнь. Однако трепыхаться было поздно, а здесь хоть на довольствии и не надо больше ежедневно таскаться в поисках работы через весь город, рискуя получить в подземке зуботычину, а то и перо в бок, общаться с

людьми, которых ты совершенно не интересуешь, принимать вежливое и пустое «мы с вами свяжемся...» раз за разом. А тут в судьбе появилась некая определенность. Взбодрив себя напоследок подобной мыслью, он решил, что хватит рефлексировать – пора спать, не зря ведь Доплер так плотоядно ухмылялся на прощанье.

2. Выбор оружия

Противный зуммер побудки, продирающий нервы до позвоночника, в сочетании с громогласными понуканиями ураганом ворвавшегося в казарму Доплера грубо вытряхнул курсантов из сна.

– Живо всем одеваться и на построение!! Сорок пять секунд – кто не уложится или будет выглядеть в строю как босьяк, тот пожалеет, что не умер при родах!!! – само взыскание не уточнялось, но все поверили на слово, что лучше до него не доводить.

Сплин, болезненно морщась от продолжающего царапать нервы зуммера, лихорадочно влез в камуфляжные штаны, зашелкнул карабины на кевларовых десантных ботинках и, на ходу заправляя в штаны майку, с разбегу вломился в забор тел, образовавшийся при входе. «Ну, блядь, вот и началось дичево, „сэр“, „так точно, сэр“ и вся такая хрень», – уныло подумалось ему. – «Так чего до завтрака, на пустое пузо пылить, можно ведь и спокойно до столовой добраться». Сплин был «совой» и поутру всегда с большим напрягом возвращался к жизни, то есть в состояние бодрствования. Однако, как показали дальнейшие события, начали не с завтрака. Доплер поджидал воспитанников в коридоре, заложив руки за спину. Дождавшись пока строй оформится, он огласил программу первого дня.

– Сегодняшний день – начальная разминка, заодно я посмотрю, на что вы примерно способны. Как вы, может быть, заметили по ходу жизни, один из простых и довольно эффективных методов проверить человека на прочность – это создать ему тяжелые условия и поглядеть, как он будет себя вести. Дальше – больше. Сейчас проследуем в сектор отработанных галерей, где раньше добывали ценные кристаллы. Их тут в просторечье обзывают «алмазами», хотя, строго говоря, это и не совсем алмазы. Устроим старый добрый «забег в ширину» на время.

До входа в старую галерею добрались по рельсам на шахтерском поезде. Было темно почти как в тоннеле метро, виднелись лишь рельсы по ходу, освещаемые фарами. Кое-где на стенах и потолке светился не то мох, не то плесенный грибок. Оттенки биолюма встречались разного цвета, местами образуя довольно красивые узоры. Многие дремали, сидя в тесных открытых вагончиках. По прибытии на место, оператор подождал, пока все вылезут у развилки, махнул рукой Доплеру, затем двинул поезд дальше по основной ветке. При свете фонарика каски Доплер набрал код на панели справа от трехметровой стальной двери, закрывая панель спиной. Дверь с глухим скрежетом открылась наполовину. Вход осветился розоватым светом светодиодной лампы. Изнутри затхло пахнуло подвалом и болотом.

– Входите, не стесняйтесь! – радушно пригласил за собой

инструктор.

За дверью также не было совершенно темно, гораздо светлее, чем вдоль основной ветки. Источником царящего люминесцентного сумеречного света являлся мшистый грибок, густо облеплявший там и сям стены и потолок пещеры. Было влажно и жарко, утопленные в пол старые рельсы местами затопляла вода. Свод был довольно высокий – три-четыре метра. Этот сектор, похоже, давно был исключен из системы активной вентиляции, что объясняло непомерно распространившиеся плантации грибка и спертый воздух.

– Местная плесень выгодно отличается от земной тем, что прилично светится и невыгодно – тем, что хуже пахнет. Но запах не токсичен. Вроде бы... Галерея представляет собой естественную пещеру. В свое время до нее продолбились беспилотные искатели и обнаружили вкрапления, а теперь все алмазы отковыряли. Может, когда-нибудь здесь построят жилые или технические помещения – свод тут хороший, – тоном экскурсовода отметил Доплер.

– А теперь о деле, – продолжил он. – Протяженность галереи – около двух с половиной километров. Она петляет, есть ветвления и параллельные ходы, но блудить особо негде, держитесь рельсов. Как махну – старт. Бежать будете, как кто сможет, я буду вас ждать на выходе у такой же двери.

Затем инструктор вышел за порог и, протянув руку к дверной консоли, добавил:

– Да, кстати, по истечении нормативного времени я с той

стороны дверь закрою, а открою только завтра утром, так что кто не уложится в норматив – тот без жратвы будет загорать здесь и пропустит много интересного. Не залеживайтесь на одном месте, если не хотите близко познакомиться с местными грызунами и насекомыми.

До Сплина не сразу дошла мотивационная задумка. Глянув на часы, он оторопело спросил:

– А какой норматив-то?

Но Доплер отрезал:

– Пошли! – и закрыл дверь снаружи.

– Вот... его бабушку! – выдохнул Сплин, набирая скорость. Почти каждый выразился в том же духе и припустил к финишу.

Никто поначалу особенно не вырвался вперед и не отстал. Отряд растянулся в сосредоточенно сопящую неровную колонну по 2–3 человека. Ботинки нестройно бухали, чавкали, шлепали по поверхности пола. Ночевать в галерее никому не хотелось – все бежали изо всех сил молча и не оборачиваясь. Постепенно колонна растянулась в цепочку – более крепкие особи вырвались вперед. Сплин бежал где-то в конце первой трети – ходить-то он умел быстро, но вот бегать с детства не любил. Да и остальной народ, по большей части, явно легкой атлетикой давненько не пробавлялся. Начала сказываться повышенная гравитация планеты: не особенно заметные при бездействии 1,13 g, по мере накопления усталости превратили десантные ботинки в чугунные гири, которые слов-

но магнитом тянуло к полу. В горле kloкотало и першило от запаха плесени, сердце часто бухало, ноги стали ватными, в глазах плыли мутные разводы. Поначалу он старался еще дышать носом, а выдыхать ртом, но теперь бежал на износ, не заботясь о технике. В голову лезли подозрения: а вдруг Доплер ошибся или намеренно соврал насчет протяженности и он попросту сляжет тут, не рассчитав силы. Стоп – скорее всего так и есть, это было бы вполне педагогично и не без юмора. Сплин сбросил скорость, пытаясь выровнять дыхание. Его тут же обогнали несколько человек. «Или я прав и галерея раза в полтора – два длиннее, или этот выебон мне боком выйдет» – подумалось ему.

Курсанты бежали и бежали, а выхода все не было и не было. Вскоре Сплин обогнал тех, кто обгонял его несколько минут ранее и еще нескольких. Бедолаги спотыкались, их водило из стороны в сторону. Немногим позже Сплин уже не видел и не слышал никого ни перед собой, ни позади себя. Наконец, за очередным поворотом, которым казалось, конца не будет, вагонеточные рельсы исчезали за долгожданной дверью, которая была закрыта. Перед дверью, словно загнанные лошади, уже отдыхивались шестеро парней. Разводы по-та темнели на их майках. Сплин оказался седьмым. Постепенно перейдя на шаг, он вяло махнул рукой присутствующим, остановился, и, с усилием сплюнув липкую тягучую слюну, kloкотовавшую в горле и мешавшую дышать, прерывисто спросил:

– Видел кто-нибудь, как дверь закрывалась?

– Да она, похоже, и не открывалась вовсе – тут все углы нетронутой плесенью затянуты, – ответил Сплину крепко сбитый парень с резкими чертами лица, выдающимися скулами и тяжелым раздвоенным подбородком, который по виду устал меньше других. В доказательство правомерности своего мнения он показал жилистой рукой на места соединения двери с полом и стенами.

Сплин вытер пот с лица подолом майки, снова заправил ее в штаны и угрюмо произнес:

– Ну и что делать-то будем?

– А хрен его знает! Алмазы поищем, может не все в свое время собрали. Будет чем оплатить обратный билет, – флегматично ответил коренастый, глядя на приближающуюся группу замотанных стаеров из трех человек. Сплин позавидовал его устойчивой психике.

В этот момент дверь, заскрежетав, отъехала, обдирая плесень с пазов. В дверном проеме подсвеченный сзади светодиодной лампой монументально высился в облаке пыли силуэт Доплера. Позади маячили вагончики поезда.

– Поздравляю всех с прибытием. Сколько вас тут? – улыбаясь как любимым родственникам, пришедшим на именины, сказал он. Затем посчитал прибывших по головам. – Подождем чуть-чуть еще.

Когда собралось где-то три четверти, Доплер с сожалением произнес:

– Видимо отсутствующие не проявили должного рвения – им придется продлить удовольствие, хотя и не до завтра, конечно – мы ж не звери. Отстающим я приготовил записочку, что их подберет шахтерский поезд, там, где стартовали. – Он приколол листок синтетической бумаги с внутренней стороны двери продолговатым камешком к плесени на уровне груди. Затем закрыл дверь снаружи перед носом кого-то из финиширующих.

– Ну вот, с почином нас, а теперь рассаживайтесь и поехали завтракать, – обернувшись, сказал он, и направился к головному вагончику.

– Сэр, – обратился Сплин к инструктору – тот вопросительно поднял бровь, – скажите, а какова все-таки протяженность галереи?

– Три километра семьсот метров. Как я и говорил – около двух с полтиной. Ведь бравым молодцам вроде тебя лишний километр – левое дело, верно я говорю? – отвечивал Доплер, усаживаясь рядом с водителем.

– Так точно, сэр, – вздохнул Сплин и, с трудом переставляя ноги, полез в вагончик. Коленки все еще дрожали с непривычки – стыдно, однако, ведь дистанция была и впрямь далеко не марафонская. «То ли еще будет, помоги нам господи...» – пронеслось в голове.

Поезд неспешно тронулся, вырулил на основную ветку и набрал скорость.

Набор блюд в пустой на данный час столовой не пора-

довал курсантов ни богатым ассортиментом, ни изысканностью приготовления: синтетические концентраты из автомата, стилизованные под натуральные продукты, лишь отдаленно напоминали по вкусу последние. Доплер запрограммировал здоровенный пищевой синтезатор с несколькими раздаточными окошками, подождал минуты три, затем первым отоварился своей порцией, продемонстрировав попутно для тех, кому раньше подобным образом питаться не доводилось, как добыть из синтезатора искомое. Больше всего походила на настоящую каша, представляющая собой комковатую слизь в чем-то напоминающую гибрид перловки и овсянки. Помимо стандартного набора блюд к рациону курсантов прилагались прозрачная пластиковая туба с розовой от пищевого красителя жидкостью и кубик в обертке размером с игральную кость. После того как все расселись по столикам, Доплер, не прекращая жевать, пояснил их назначение:

– В тубе – стакан «бормотухи», способствующей ускоренному расщеплению лишних жиров, укреплению и росту мышц, нормализации двигательных функций, поднятию тонуса и все такое. Работает при интенсивной физической нагрузке, которую я вам гарантирую обеспечить – будете шуршать как электровеники. Конечно, не нанотехнологии, да ведь и вы – не разжиревшие звезды шоу-бизнеса. Кубик – витамины и макроэлементы. На вкус и то, и другое не очень, зато без побочных эффектов. Вообще, нечего кривиться, бод-

рее лопайте – от натуральных продуктов одно сплошное расстройство желудка, – сам Доплер поглощал пищу с методичностью и скоростью снегоуборочной машины.

Сплин решил сначала проглотить прилагаемые снадобья, чтоб было чем их закусить. Кубик под оберткой был темно-желтый, а на вкус что-то среднее между золой и мелом. Стоило разжевать эту многослойную прессованную массу, как она тут же завязла во рту. С трудом разлепив челюсти, Сплин скрутил колпачок с тубы, и в три глотка забулькал в себя «мышечную болтанку», сдобренную вкусовыми наполнителями, зачерпнул вилкой какой-то псевдосалат и зажевал.

Его сосед напротив, тот крепыш, который дошел до финиша первым, имел схожую с Доплером манеру принятия пищи, как будто в любой момент ожидал подъема по тревоге и пытался успеть закидать внутрь максимальное количество еды за минимальное время, оставаясь при этом в рамках столовых приличий. Сплин предположил, что парень где-то уже это проходил. Хотел было спросить, но передумал, так как, скорее всего, реакция на подобные личные вопросы о подробностях биографии была бы прохладная.

Доплер окончил трапезу, резко встал из-за столика и, закинув пустой лоток на утилизационный транспортер, провозгласил:

– Все, подъем! Кто не доел, тот не был голодным. В коридор и строиться – продолжение праздника.

Те курсанты, кого завернули на второй забег, успели аккуратно к построению. Кто-то, довольно упитанный с виду, ломанулся было в столовскую дверь в праведном стремлении восполнить запас потраченных калорий, но Доплер довольно грубо перенаправил его в конец строя:

– В следующий раз налопаешься, желудок, а сейчас – не заработал. Быстро встал в строй, Жердяй!

Пытаться качать права никто из «опозданцев» благозвучно не стал.

– Возможно, вы успели огорчиться несколько примитивному началу наших занятий, – обратился инструктор к питомцам, после того как те выстроились в коридоре неподалеку от грузового лифта. – Для тех, кто успел, счастлив сообщить, что в следующем номере нашей программы – парный спарринг с применением высоких технологий. Пошли в спортзал.

«Спортзалом» оказался пустующий ремонтный цех площадью с несколько нормальных спортзалов. Вдоль стен стояли ветхие горные машины и механизмы различной степени разобранности. Необычно высокий потолок в известковом налете и с причудливыми наростами сталактитов свидетельствовал о естественном происхождении зала – когда-то, возможно, здесь был подземный водоем. Середина площадью с пару баскетбольных площадок была свободна. Пол был не грунтовый и не каменный, а настильный, металлический с пупырышками в «елочку» и относительно чистый.

Доплер выкатил из подсобки тележку. Приглушенно жужжа приводом, тележка повиновалась его направляющим движениям, так что усилий затрачивать почти не приходилось. Инструктор открыл контейнер, помещенный на тележке, и достал оттуда плотный запечатанный пакет размером с обувную коробку. Глянув на маркировку, отложил, перебрал еще несколько, затем вытащил нужный, раскрыл. В пакете оказался сине-зеленый костюм с капюшоном, похожий на одежду для подводного плавания, только без ласт и кислородных баллонов.

– Фрост! – обратился Доплер к парню, который сидел напротив Сплина за завтраком. – Раздевайся до трусов и майки, примеришь новинку. Я помогу с «молнией», – добавил он ехидно, хотя «молнии», конечно, как таковой не наличествовало, возможно даже, костюм был герметичным.

Фрост быстро и без суеты разоблачился, сложил одежду на скамейку у стены, подошел и, повертев комбинезон, изображая, что к чему, влез в него. Доплер помог ему с подгонкой размера и с креплениями-застежками, нахлобучил облегающий голову шлем, из того же материала, что и костюм, имевший со стороны лица маску с сетчатым округлым треугольником респиратора на уровне носа-рта и черными продолговатыми линзами глаз, непрозрачными снаружи.

В результате Фрост оказался похожим на Бэтмена – героя старинных комиксов, только без крылатого плаща и ушей на маске. Костюм сидел на его мускулистой фигуре как вторая

кожа. Сплин подавил в себе желание спросить инструктора, кто же будет Суперменом и дадут ли ему красный плащ. Допплер перехватил его скомканную ухмылку и зловеще пома-нил пальцем:

– Иди-ка сюда, остряк, у меня найдется и твой размер.

Сплин, припоминая, как одевался Фрост, надел предложенную обновку, смутно догадываясь о ее назначении. Как и Фросту, инструктор помог ему правильно надеть шлем-маску, затем удовлетворил любопытство группы:

– Джентльмены, перед вами два будущих неустрасимых воина, которые сейчас показательно займутся оттачиванием навыков рукопашного боя. Костюм, по сути, представляет собой нечто среднее между легким боевым скафандром и виртуальным симулятором, которые так любит нынешняя молодежь, проводящая большую часть своей пустой ничемной жизни в Глобальной сети. Армейская модель, партия была списана одним талантливым снабженцем якобы по негодности. Не самое новое, но для вас сойдет. Любые полученные вами по ходу спарринга удары, заломы, захваты, уколы и порезы имитаторами холодного оружия не принесут вам физических травм – максимум легкие синяки, нанотехнологические компенсаторы костюма все поглотят. Это позволит вам резвиться на всю катушку. С другой стороны, под действием нейросимулятора, встроенного в шлем, вы будете чувствовать боль и повреждения, адекватные получаемым оплеухам. Исходно датчики в материале костюма настроены на

интенсивность «один к одному», так что возможны тошнота, потеря сознания, непроизвольное расслабление сфинктеров, короче, все прелести. Костюм выгодно повышает реализм тренировочных боев, но плохо переносит полевые условия, во многом именно поэтому ваше обучение проходит здесь, а не где-нибудь под открытым небом на природе, ну плюс еще транспортные соображения и вопросы конфиденциальности... Хочу сразу предупредить про воспитательный момент, – Доплер сделал паузу и тяжело оглядел курсантов. – Если я сочту, что кто-то из вас не проявляет должного энтузиазма, тому к следующей тренировке добавлю интенсивность болевых импульсов в полтора раза, если не увижу эффекта – в два, дальше – больше, вплоть до... Короче, всем ясно? А теперь, Фрост, Длинный – до нокаута, начали!

Сердце у Сплина провалилось куда-то вниз – он не ожидал столь резких темпов, хоть и был осведомлен, что программа обучения «ускоренная». Противники медленно кружили, примеряясь. Причем Сплин с неудовольствием отметил, что Фрост, в отличие от него самого, двигается довольно технично, поза его ассоциировалась со сжатой пружиной. Адреналиновые волны, как это часто бывало, забили бедняге все невеликие тактические навыки, и он, помянув, что реальных увечий не получит, бестолково ломанулся на Фроста, рассчитывая примитивно достать того в челюсть прямым ударом правой.

Фрост легко блокировал покушение на свою челюсть, и, в

свою очередь, коротко всадил кулаком противнику под дых. Выбитый воздух пыхнул из носа и рта, подпрыгнул к пищеводу завтрак. Осыпаясь сломанным вопросительным знаком на пол, Сплин успел подумать, что Фрост, похоже, не во всю силу ударил. Несмотря на вполне реалистичную тупую боль, напомнившую о вчерашнем эпизоде с майором, Сплин почувствовал по отношению к Фросту смутную благодарность – могло быть хуже. Осев на пол и завалившись на левый бок, поверженный выкинул неожиданный для своего более опытного противника фортель: резко распрямив корпус, Сплин правой ногой подбил зазевавшегося Фроста по щиколотке. Потеряв опору, Фрост смачно шмякнулся на задницу, после чего Сплин, не теряя инициативы, перекатился на правый бок и вземом левой ноги удачно залепил оппоненту в ухо. Удар вышел несколько вялый – надо было бить правой. Не успел Сплин вскочить на ноги, с намерением не дать Фросту подняться, как тот перекатился в сторону, пресекая неизящное и неспортивное намерение Сплина с подпрыгу упасть на него всем весом. Невесть каким образом Фрост шустро переместился с дальней на короткую дистанцию и без ложных выпадов реализовал первоначальный план своего незадачливого противника: удар в челюсть. Сплин едва успел чуть наклонить голову, но «нырок» удался только на треть – обтянутый перчаткой костюма кулак стремительно увеличился в глазах, чавкнул расплющенный нос, в голове раздался льдистый звон, словно хруст снега под каблуком на морозе, череп

пронзил импульс ломящей боли. Тут же не замедлил последовать второй удар, своротивший набекрень физиономию – окружающий мир перед глазами закачался и оплыл, стремительно теряя четкость. Во рту почувствовался железистый привкус крови из онемелых разбитых губ. Последним, что успел заметить Сплин перед потерей сознания, был величественно и неотвратимо, как цунами, поднимающийся к лицу узор покрытия пола. Все побоище не заняло и минуты.

Медленно выплывая из полуреальных обрывков образов и звуков, Сплин ощутил противный терпкий запах, бивший в ноздри. Сопоставив запах и свое самочувствие, он решил было, что находится в студенческой общаге, напился до бесчувствия и заснул, отключившись в загаженном местном сортире на исповеди у «белого фаянсового брата». Постепенно две черные вселенные, затмевавшие обзор, расползлись одна вверх, другая вниз, белесая муть, уступившая место черноте, сфокусировалась в смутно знакомую рельефную физиономию с диагональным шрамом.

Доплер водил перед носом распростертого на полу Сплина открытым флаконом с нашатырем, ожидая от того каких-либо проявлений активности. Заметив, что взгляд пациента обрел осмысленное выражение, инструктор убрал нашатырь и порадовал Сплина своей оценкой:

- Хорош защитничек – больше времени в отключке валялся, чем воевал.
- Служу трудовому народу, – хмуро отвечивал «защит-

ничек», поднимаясь на ноги.

Шлем-маска валялась рядом, Сплин провел рукой по губам, отнял, посмотрел – крови, как и было обещано, не было. Голова слегка плыла, живот, лицо и нижняя челюсть давали знать о недавно перенесенной боли, но в принципе самочувствие было сносным. Доплер лыбился. Стоявшие вокруг одноклассники не проявляли признаков веселья, лишь встревоженное любопытство. Фрост держал шлем-маску в руке, лицо его было бесстрастным. Доплер перестал улыбаться и сказал, обращаясь ко всем:

– Сейчас я буду называть имена, а вы подходите ко мне получать костюмы. Надевайте и ждите: буду вызывать по двое на пробы. По итогам разобью на пары, – он отошел к тележке и начал подзывать курсантов на раздачу костюмов-симуляторов.

В течение следующих пары часов все курсанты прошли первичную обкатку. Сплин убедился, что не он один тут «чайник»: примерно две трети продемонстрировали хилые способности, их спарринги были не слишком зрелищны и скорее напоминали школьные потасовки или заурядные кабацкие драки. Однако были и впечатляющие дебюты. Худощавый с виду невысокий парень азиатской внешности по имени Хоу, по жизни невозмутимо-спокойный, как удав, весьма технично вывалил своего не хилого соперника тремя быстрыми ударами ноги в колено, живот и в голову. Возня заняла еще меньше времени, чем побоище Сплина и Фроста,

а поднимался побежденный еще дальше, чем Сплин. Когда недооценивший Хоу соперник пришел в себя, на его деревенского вида квадратной веснушчатой физиономии читалось не столько чувство досады, сколько удивленное восхищение. Даже Доплер удовлетворенно хмыкнул в знак одобрения. Но потом скептически заметил:

– В полной снаряге, да после доброй беготни у тебя такой Шао-Линь не получится, имей в виду.

Немного позабавил всех парень, в свое время, видимо, плотно занимавшийся боксом. Получив в спарринге по голове и потеряв ориентацию, он по привычке на автопилоте сблизился с соперником, приобняв того за плечи, чтобы лишить возможности маневра и прийти тем временем в себя. Но здесь был не ринг с рефери, а драка на вылет, что на деле показал боксеру соперник, цинично двинув коленом в пах. За боксером закрепилось прозвище Клинч.

Инструктор, которого все, не сговариваясь, за глаза стали называть Сержантом, хотя его реальное звание, возможно, было существенно выше, разбил всех на пары, при этом пообещав, что будет их время от времени тасовать, «чтоб не формировать стереотипов». Сплину достался в напарники парень по имени Дрейк примерно его комплекции, но чуть поплотнее, поменьше ростом и существенно более гибкий и шустрый. Сплина устраивало, что соперник был сильнее и быстрее его, так как это стимулирует собственное развитие. Боль после пропущенных ударов в костюме не оставалась на-

долго, равномерно стихая через непродолжительное время, не то, что в реальности. Хотя, конечно, это можно было перенастроить.

Несколько часов будущие вояки, рассредоточившись по импровизированному залу, усердно отрабатывали друг на друге разнообразные способы нанесения тяжких телесных повреждений, которые один за другим демонстрировал Дюплер, используя в качестве сегодняшней «груши» Фроста. Как правило, инструктор чередовал серии приемов на нападение с приемами контратаки. Каждая серия несколько раз медленно показывалась по частям, затем опять целиком. Демонстрировалось пару раз всем, а затем, по мере необходимости, для особо «одаренных» – персонально, но уже с большим пристрастием. Приемы были на первый взгляд просты, ничего вычурного или сверхъестественного – сухая физика движений, использование инерции противника и уязвимых деталей человеческой анатомии. Но при должном уровне исполнения эти комбинации движений были способны превратить взрослого неслабого бойца в беспомощного от боли ребенка, а то и чего посерьезней... От пассивных повторений Сержант велел перейти к коротким эпизодам в полный контакт: попеременно один нападал первым, другой контратаковал – кто реализовал свою задачу, тот и победил. Для начала, сценарий рукопашных схваток был простейший – лобовое столкновение без применения «предметов». Примерно через четыре часа непрерывной возни, сопровождаемой

звительными комментариями, курсанты качались как трава на ветру – ясно было, что на сегодня физических нагрузки на пользу уже не пойдут. Доплер резко хлопнул в ладони, велел закругляться и строиться.

– Слишком долго возитесь – в бою на это нет ни сил, ни времени. Там, если не выйдет отправить противника в аут или на тот свет за несколько секунд, то желательно хотя бы сломать или вывихнуть ему что-нибудь, чтоб тот был занят собой и, соответственно, отстал от вас, при этом «неспортивные» приемы вполне уместны, – прокомментировал он успехи единоборцев. – Завтра плотно рассмотрим приемы захвата и удушения, их эффективность на практике зачастую не уступает ударной технике, но нужно сразу понять, что совершенно универсальных приемов нет и действовать надо адекватно обстоятельствам.

– Костюмы теперь будут вашей рабочей одеждой для тренировочных миссий, в комплект входят инструкция и средства ухода. Каждый вечер настоятельно рекомендую аккуратно, но тщательно и в соответствии с инструкцией чистить внутреннюю поверхность, иначе прямой шанс подцепить какую-нибудь кожную заразу или внушение лично от меня, если замечу. Персональные настройки изменять не пытайтесь, это имею возможность сделать только я. Тем более не пытайтесь вывести блок управления костюма из строя. Отключить симулятор в учебном бою вы также не сможете до его окончания. А сейчас тащите свое тельце в душ, затем на обед,

потом будет теория по матчасти.

Сплин здорово вымотался, есть не хотелось, хотелось лечь и не шевелиться. Он с трудом, теряя равновесие и опираясь на стенку, стащил с себя костюм, прилипающий к вспотевшей коже. Возился долго: усталые мышцы там и сям болезненно скручивались в узлы судорогами. Наконец, уложил костюм в упаковочный пакет со встроенной сушилкой и потащился следом за остальными в душевую. Та отвечала всем стандартам казенного дома: коричнево-серый кафель в подтеках, капанье, чуть теплая вода – экономят энергию. Зеленый тубик с моющим средством, как и следовало ожидать, содержал еще более зеленую слизь со стандартным щиплющим глаза елочным запахом. Сколько работяг-контрактников, закопченных, вымотанных тяжелой рутинной работой, питающих вечную мечту выбраться из этой бесконечной грязной колеи перебивало здесь до него, тускло глядя в осклизлую кафельную стенку? Может кто-то и заработал себе на лучшую долю.

После душа, как ни странно, Сплину полегчало. Сидя в тесном вагончике поезда, он ощущал, как по всему телу разливается покой. По прибытии на место он, подавляя зевоту, с неведомо откуда взявшимся аппетитом быстро проглотил невнятное месиво, которое исторг на его лоток пищевой синтезатор. Пластиковая вилка подрагивала в нетвердых пальцах. «Расклеился я совсем», – подумал Сплин. – «Ничего – дня три-четыре и втянусь. Наверное...».

После трапезы Доплер провел всех в небольшой конференц-зал, если так можно выразиться, для преподавания обещанной чуть ранее «теории». Свод в импровизированной лекционной аудитории был невысокий и несколько давил на уши. Пластиковые столы, составленные рядами, подвесной потолок «под мрамор», светодиодные лампы, доска, голографический проектор. Похоже, в перерывах между обучением партий новобранцев здесь собиралось шахтерское руководство низшего звена, чтобы обсудить пути трудовых свершений на предстоящий рабочий день или способы практической реализации поставленных более высоким начальством задач. Сейчас бригадиров, видимо, отправили общаться в другое место. Когда все, наконец, расселись, Доплер огласил программу:

– Сегодня обзорно рассмотрим базовое снаряжение, затем вплоть до ужина – занятия с предметом. И не вздумайте спать! Я желаю постоянно видеть искреннюю заинтересованность на ваших лицах.

Для начала инструктор приоткрыл необоснованную, по мнению большинства курсантов, завесу секретности над местом, где надо будет смещать диктатора и его команду, сообщив, что «места там не то, чтобы совсем дикие, но дорогу часто бывает спросить не у кого, причем лучше, чтобы о вашем местоположении и намерениях никто посторонний не знал». Вообще-то, сказал он, картами, описаниями оперативной обстановки, расположением значительных природ-

ных и рукотворных объектов и так далее вас снабдят на месте. Ориентирование и прокладка маршрута – дело командиров, а дело рядовых – топтать в составе подразделения и не потеряться. Так что большая часть сведений по этой теме – так, на всякий случай, ведь случай, как известно, бывает всякий... Достав из кучи заранее заготовленных наглядных пособий универсальный компас армейского образца, Доплер объяснил, как им пользоваться и что означают показания индикаторов. Плоский компас мог крепиться двумя ремнями на предплечье, и был не только собственно компасом, но и содержал продолговатый экранчик-дисплей. В память загружались топографические ландшафты в определенном формате (обычно спутниковые снимки), которые можно было листать, масштабировать, помечать условными значками. Если была такая возможность, то через систему спутниковой навигации можно было точно позиционировать свои координаты на местности. Более интеллектуальные модели имели возможность демонстрации трехмерных голограмм, а также систему идентификации пользователя.

Народ оживился: игрушки понравились. Но Сержант вскоре поотбирал их, и, сказав что-то вроде «хорошего помаленьку», развесил здоровенную карту из стойкой синтетической бумаги и принялся объяснять нетленные топографические доктрины. Сплин ожидал казенного занудства, но Доплер рассказывал интересно, образно, с минимумом уставных оборотов, но при этом структурировано и логично. За-

кончил он вводный курс топографии словами:

– Панорамный компас с GPS – полезные игрушки, спору нет, но в полевых условиях они могут запросто накрыться, да и не каждому они положены – только командирам, так что чтением старой доброй карты владеть необходимо, если, например, не приведи господи, окажетесь одни и придется выбираться к своим. Только рисовать и пометать на ней ничего не вздумайте, при захвате в плен могут быть проблемы и не только у вас. Сейчас перерыв. Вопросы?

– Сэр, а когда нам настоящие автоматы дадут? – спросил Расти, тот курносый увалень, которого при спарринге вырубил Хоу.

Доплер закатил глаза к потолку и, сделав над собой заметное усилие, сказал совсем не то, что подумал:

– Скоро. Прямо сегодня.

Когда все снова расселись после небольшого перерыва, инструктор торжественно произнес:

– А теперь основной инструмент в нашем деле – весьма популярная в самых широких кругах штурмовая винтовка, проще говоря, автомат «Вепрь» – уже несколько десятков лет с неослабевающим успехом используется сторонниками насильственного решения проблем во всех освоенных мирах.

Изюминкой оружия является цельнометаллический патрон калибра 9 миллиметров. Особенности его конструкции можно объяснить примерно так: берется полый металлический наконечник, в переднюю конусообразную часть запрес-

совывается сердечник с таким расчетом, чтобы общий вес конструкции был равен общему весу пули, в расположенном за сердечником свободном пространстве размещается метательный заряд и инициирующий капсюльный состав, донная часть герметизируется влагостойким лаком. Таким образом, цилиндрическая часть гильзы выполнена как одно целое с оболочкой пули.

Сплин огромным усилием воли удерживал веки открытыми, в сон клонило нещадно, а Доплер все говорил:

– У оружия с цельнометаллическим патроном имеется масса достоинств. Например, исключение из цикла работы автоматики операции извлечения стреляной гильзы. Гильза здесь выталкивается из ствола вместе с пулей, донная прокладка сгорает вместе с метательным зарядом, что упрощает и облегчает конструкцию, делает ее более надежной за счет применения закрытой ствольной коробки без окна для выброса гильз, и повышает кучность стрельбы очередями. Немаловажно и другое – гильз на месте стрельбы не остается. Формат пули предоставляет хорошие возможности для размещения в ней специального наполнения, типа трассирующего или зажигательного, без существенного ухудшения основных характеристик.

Сам патрон – посланец смерти, воспетый инструктором, походил по форме на вытянутое пламя свечи и напоминал обычную классическую винтовочную пулю среднего калибра, только как бы растянутую в длину. Рассказывая, Доплер

пластично перехватывал винтовку то так, то эдак из одного положения в другое, чтобы зрители могли хорошо рассмотреть это несомненно культурно значимое порождение рук человеческих. «И впрямь популярная вещь» – подумал Сплин. Ему часто доводилось видеть это угловатое оружие в руках разного рода борцов за энное дело в теленовостях из горячих точек. Полупрозрачный, похожий на чуть изогнутый рожок, коробчатый магазин с просвечивающими цилиндриками патронов, губчатая пистолетная рукоятка, складывающийся набок скелетный приклад с затыльником для поглощения отдачи, простой открытый прицел секторного типа с характерной формой мушки.

– ... емкость магазина – 35 патронов рожковый или 70 – дисковый. Имеются пристяжки: глушитель, разные варианты прицелов, подствольный гранатомет, штык-нож. Последнее, правда, не очень популярно, хотя в умелых руках... Впрочем, это не про вас... Со снаряженным стандартным магазином винтовка весит чуть больше трех килограмм. Первый патрон досылается вручную, после выстрела последнего патрона магазина затвор остается в заднем положении, что облегчает и убыстряет перезаряжание. Предохранитель флажкового типа, расположен вот тут, под большим пальцем, симметрично с обеих сторон пистолетной рукояти. Порядок переключения – предохранитель, одиночные, очередь. Сопротивление и свободный ход спуска настраиваются. Стандартно, при нахождении переводчика в положении автоматиче-

ского огня, при нажатии спуска до половины его хода производится одиночный выстрел, а уже после полного дожатия – автоматический огонь. Такая система довольно удобна и при некотором навыке способствует экономии боеприпасов в положении переводчика на «авто».

Не прекращая сыпать характеристиками и объяснениями принципов действия, Доплер сноровисто подсоединял и отсоединял описываемые дополнительные приспособления. Затем он показательно разобрал и собрал винтовку, так быстро, что Сплин едва успел разглядеть, из чего она состоит.

– Прочность и безотказность винтовки весьма впечатляют, как и относительная простота исполнения. За счет применения композитных материалов оружие имеет относительно небольшую массу и устойчиво к коррозии, однако, по мере возможности ее все же следует содержать в чистоте. Особенно важно своевременно чистить казенник и канал ствола от продуктов сгорания метательного вещества. Комплект для ухода хранится в полости приклада. Ну, вот на сегодня и все, вроде бы. Впрочем, возможно кое-кто из вас уже познакомился с кое-какими образцами на улицах, ничего особо секретного я вам не показал, все это довольно доступно циркулирует на черном рынке.

Сплин был далек от современных веяний черного оружейного рынка, но заочно он был знаком с показанными игрушками или осведомлен об их существовании. Никакого

чуда-оружия не было продемонстрировано, о нем вообще речь не шла. Доплер обосновал свой выбор тем, что лучевое или плазменное оружие требовательно к условиям эксплуатации и обслуживания, а кроме того, демаскирует стрелка (по крайней мере через приборы спецвидения). Разного рода ускорители масс электромагнитным полем вроде ружья Гаусса при текущем развитии технологий, несмотря на прогрессивность идеи, для войскового стрелкового оружия пока являются неприемлемо громоздкими. Огнестрельное автоматическое оружие, основанное на механике при минимуме электроники, уязвимой для намеренных вражеских и естественных природных радиоэлектронных помех, с достаточно мощным патроном и дальностью эффективной стрельбы не ниже 400 метров для их миссии и региона ее выполнения более предпочтительно – «Вепрь» как раз вписывается в эти требования.

Доплер также пояснил для расширения кругозора, что модели огнестрельного оружия с облегченной пулей меньшего калибра и лафетной системой поглощения отдачи, бесспорно, обладают лучшими характеристиками настильности траектории и кучности стрельбы очередями. Но уменьшенный калибр обладает меньшей пробивной силой, большей склонностью к рикошетам. Так что, хотя по телу такая пуля зачастую наносит более тяжелые раны за счет большей скорости полета и нестабильности при прохождении через ткани, недостатки малого калибра все же велики. Например,

в условиях плотной растительности или городского боя, да еще, если противник имеет индивидуальные средства бронезащиты, пробивная способность пули более крупного калибра и стабильность ее траектории при прохождении сквозь препятствия с сохранением проникающей способности куда важнее кучности непрерывного огня, ведь расстояния при боестолкновениях там небольшие. То же относится и к необходимости отбиваться от крупных хищников. Да и тяжелые раны от гуляющей по телу малокалиберной пули тоже не такое уж достоинство – огромные страдания жертвам причиняют. На это есть мнение, что чем хуже врагу – тем лучше, пусть о тяжелораненых заботятся, ресурсы на это отвлекают, да и что за ересь – гуманный калибр орудия убийства? Может и так... Но раз уж войны так или иначе неизбежны, в средствах следует все же придерживаться рамок необходимости – запретили же давным-давно трехгранный штык, разрывные пули, бактериологическое оружие. Не столь давно запретили варианты электромагнитного, делающие людей идиотами со стертým мозгом. Да и практически – неужто солдат противника, может быть такой же вынужденный обстоятельствами участник боевых действий, получивший, например, сквозное ровное ранение в грудь «честным» средним калибром, останется в строю в качестве активного игрока? Вряд ли. Ну и незачем из него инвалида делать, войны-то заканчиваются рано или поздно. А потом все стороны репы чешут – на хрена оно нам надо было?

Кроме того, в полевых условиях автономного рейда, где запыленность, влага и грязь – неизбежные явления, по надежности и простоте обслуживания «Вепря» мало какое доступное ручное оружие превосходило – старый конь борозды не испортит, как говорится.

Итак, со стороны вооружения, видимо, никаких преимуществ перед противником не предвидится. Тогда с какой предвидится? Сплина не покидала навязчивая мысль о том, как же возможно сделать из группы любителей, пусть даже и небесталанных, специалистов для столь щекотливого дела за такое короткое время.

Между тем Доплер закончил с теоретической частью и повел курсантов на стрельбы. Тир представлял собой продолговатое пеналообразное помещение, в дальнем торце которого были установлены плоские безликие силуэты мишеней, за которыми находились пулеуловители, а в другом – поделенные на секции позиции для стрелков. Пол и потолок вообще не были отделаны, там и сям на скальной поверхности виднелись мшистые пятна плесени, воздух, правда, был чистый. Было очень светло, ряды светодиодных ламп, забранных в пуленепробиваемое стекло, светили так, что с неприщипки глаза заслезились. В каждой секции на стойке, высоту которой можно было варьировать для удобства стрельбы из различных положений, лежал незаряженный «Вепрь», рожковые магазины, к разделительным стеночкам были прислонены мишени различных силуэтов. В виртуальные тире Сер-

жант то ли не верил, то ли работодатели не предоставили такой возможности и соответствующего оборудования.

– Запомните следующее, – чеканя слова, предостерег Сержант, – никогда не наводите друг на друга или на себя боевое оружие: ни в шутку, ни при чистке, никогда. Даже если вы уверены, что оно не заряжено, все равно проверяйте патрон в стволе. Я говорю это каждой группе, но несчастные случаи из-за распиздяйства курсантов и глупых шуток бывают гораздо чаще, чем можно ожидать от взрослых людей с нормальным IQ. А теперь смотрите сюда, я показываю, как примерно надо применять оружие в деле.

Он взял с ближайшей стойки винтовку, с легким клацаньем подсоединил магазин, навернул на ствол продолговатый цилиндр глушителя, поднял оружие на уровень глаз, приложив приклад к плечу, и, почти не целясь, один за другим произвел десяток одиночных выстрелов. Выстрелы по звуку напоминали сдавленное чихание, только короче, резче и чуть громче – магазин был снаряжен дозвуковыми патронами для бесшумной стрельбы. Механизмы в винтовке вообще шума почти не производили. Инструктор отложил оружие, нажал на кнопку подачи мишени. Где-то на полдороги стали отчетливо видны на темной поверхности силуэта кучно расположенные пробоины по «груди» и «голове».

Народ про себя протащился – прям как в кино, и мы такие крутые скоро будем, ага... Доплер показал как управляться с механизмом подачи мишеней, велел установить дальность

для начала на 30 метров и не спеша приступить одиночными из положения стоя.

Сплин, дождавшись своей очереди, занял позицию, вставил магазин, дослал патрон, снял с предохранителя и неуверенно прижал приклад к плечу – стрелять из настоящего оружия ему раньше не доводилось. Обратил внимание, что мушка и целик для лучшей видимости в условиях недостаточной освещенности были подкрашены со стороны приклада фосфоресцирующей краской.

– Не так, баранья голова, – услышал он вдруг у самого уха осуждающий голос неслышно подобравшегося Сержанта и вздрогнул.

– За цевье берись посередине, а приклад плотнее к плечу, а то отдачей синяк набьет. Да не стискивай ты ее как ядовитую змею, свободнее. Так, теперь совмещай прицел и плавно нажимай. Быстро, но плавно, понял?

Мушка плясала, казалось, что удержать ее неподвижно нет никакой возможности. Сплин поймал момент, когда целик, мушка и мишень сойдутся на одной линии, и выстрелил. Спуск шел с некоторым сопротивлением, продольная отдача была чувствительная, но терпимая. Особенности конструкции и компенсаторы сводили подброс ствола к минимуму, по крайней мере, одиночными.

– Ну, попасть в мишень, ты попал, но ручонки у тебя нетвердые, хотя это мы поправим. И не заценивайся подолгу, – прокомментировал Доплер, потом велел добавить ди-

станцию и отошел наставлять других.

Под «вечер» Сержант показал тем, кто не умел, как пользоваться пистолетом, и они расстреляли по паре обойм из пистолета. Инструктор привел несколько практических соображений насчет применения пистолета в полевых условиях. Сам пистолет там малоэффективен, исключая специальные случаи, типа скрытного проникновения на объект или других вариантов, когда менее шумный пистолет с глушителем предпочтительнее винтовки для индивидуальной точечной работы на близких дистанциях. Пистолет следует носить как вспомогательное оружие в легкодоступном месте, но желательно скрытно, по крайней мере, не напоказ, например, в специальном кармане разгрузочного жилета. В боевых условиях – с досланным патроном, причем в определенных обстоятельствах можно стрелять прямо из кармана, сквозь ткань, если как следует изготовиться к стрельбе времени однозначно нет. Если застанут врасплох и обезоружат, случается, что пленного забывают сразу же обыскать или делают это поверхностно, а с пистолетом имеется шанс выбраться из свежего плена, пока враги не отправили к себе в тыл с применением средств дезориентации (мешок на голове, закрытый транспорт), не разули, не избили, не поморили голодом, холодом и сыростью в какой-нибудь яме.

Насчет стрельбы из основного оружия, Доплер рекомендовал осознанно подходить к выбору режима огня и также высказал несколько мыслей по этому поводу.

Грамотный беглый огонь одиночными из оружия с достаточно мощным патроном зачастую более эффективен и экономичен, чем традиционные короткие очереди и бестолковые длинные, дающие стрелку психологическое преимущество (а точнее его иллюзию), но порой оставляющие его с пустым магазином в самый неподходящий момент. Причем это правило справедливо не только для существенных расстояний в несколько сотен метров, но для относительно ближних дистанций в несколько десятков метров. Инструктор продемонстрировал обоснованность этого заявления на деле – один из курсантов, имеющий опыт обращения с автоматическим оружием, в три длинных очереди высадил весь магазин по группе ростовых мишеней в тридцати-сорока метрах, имитирующих фронтально расположенное вражеское отделение. Посчитали пробоины – некоторые мишени вообще не были поражены, у некоторых были пробоины по краям, а где-то сразу несколько. Поменяли мишени на новые на тех же позициях. Практически за то же время Доплер ухитрился засадить в каждую по две пули в область груди и сохранил полмагазина.

Дело в том, что, хотя скорострельность автомата в режиме непрерывного огня составляет 600–700 выстрелов в минуту, но при стрельбе веером пули идут с существенным разбросом, зачастую проходя между рядом стоящими целями, кроме того, стрелок, удерживая быющееся в руках оружие, порой произвольно смещает направление стрельбы. При стрельбе

бе от пояса этот эффект еще сильнее. Технически, в том же «Вепре» можно чуть ли не в разы поднять скорострельность очередями, но для этого потребуется немислимый для самостоятельного ношения вдали от снабжения расход боеприпасов, да и ствол может расширяться от перегрева, и пули будут падать неподалеку от дульного среза.

Не стоит забывать, что стрельба очередями сопровождается более густым и продолжительным дульным пламенем, которое мешает обзору и демаскирует стрелка, особенно в темноте, и сильнее провоцирует ответный огонь. В условиях, когда боец все свое таскает на себе, находясь в автономном режиме, пока не выполнит задачу, каждый сделанный им в белый свет выстрел приближает момент, когда он останется безоружным перед лицом вооруженных врагов, поэтому стрелять надо расчетливо, а не просто нажатием на спуск гасить свой страх в бою. Страх уходит сам, если толково действовать и осознавать, что твое поведение обеспечивает тебе максимально возможные шансы уцелеть. При заградительном огне, стрельбе на прикрытие или прочесывание быстрые серии одиночных также обеспечивают более равномерное покрытие.

Таким образом, для автоматчика упирать надо не на плотность огня, а на его точность, а для того, чтобы поливать, как из шланга, предназначен пулемет. Но, конечно же, в ближнем бою разумнее использовать режим «авто», например, внутри зданий, или при захвате вражеского окопа, или

в плотной растительности, в условиях недостаточной видимости и тому подобное. А на случай, если магазин опустеет раньше, чем кончатся непосредственные противники, нужно иметь прикрытие бойцов своей огневой группы. Можно сформулировать правило выбора режима огня: если расстояние до целей и их характеристики делают необходимым и полезным использование прицела, то предпочтительнее одиночный огонь, если несложно попасть, ведя огонь навскидку, и возможно неожиданное появление в непосредственной близости групповых целей, то непрерывный огонь оптимальнее.

В ближнем бою важен еще вот какой момент. Часто противник, получив даже серьезную или вовсе смертельную рану, еще какое-то время способен жить и бороться, например, выстрелить в ответ, ткнуть холодным оружием или активировать гранату. В горячке боя человеческий организм, насыщенный адреналином и эндорфинами, не сразу воспринимает тяжесть ранения, поэтому желательно поражать цели основательнее, несколькими попаданиями.

Кстати, хотя полупрозрачный пластиковый магазин позволяет видеть, сколько осталось патронов, в темноте это не поможет. Некоторые делают в корпусе магазина продольные пропилы, чтобы видеть и чувствовать на ощупь наличие патронов, но так в патронник могут попасть грязь или пыль, что может вывести оружие из строя или даже покалечить стрелка. Чтобы визуально ориентироваться в количе-

стве оставшихся боеприпасов, можно заблаговременно снаряжать магазин так, чтобы в середине и последними тремя были трассеры. А если все трассеры, то наоборот – перемежать обычными, а лучше трассерами другого цвета. Впрочем, это тоже не всегда приемлемо, так как демаскирует стрелка. Так что наиболее универсально – иметь свежие магазины в легкодоступном месте, навык быстрой перезарядки и взаимное прикрытие.

Существует ряд простых рамочных правил, позволяющих эффективно вести перестрелку даже с превосходящими силами, если те этим правилам не следуют.

Прежде всего, желательно по возможности оставлять за собой инициативу, и представлять численность, расположение и вооружение противников, избегать попадания в ситуации явной уязвимости, а если этого не избежать, то надо иметь простой и выполнимый план действий, как соскочить, если потенциальные риски реализуются. Ни в коем случае не следует молодецки стоять, как герои боевиков и палить длинными от пояса в окружающих супостатов – продырявят тут же и не по разу. Стрельба на бегу у непрофессионалов также обычно малоэффективна, но иногда необходима, когда прикрыть некому. Перестрелку желательно вести сериями «пострелял – укрылся». При этом, высываясь из укрытия для открытия огня, надо знать по какой цели или группе целей работать, не расплываться и не отвлекаться. За один прием надо отстреляться, оценить обстановку, наметить це-

ли для следующей серии, причем длительность нахождения вне укрытия должна быть возможно меньшей, как и выступающая поверхность тела, чтобы не успели подловить. В одном и том же месте выглядывать два раза подряд категорически не рекомендуется, надо смещаться. Идеальна позиция, если противники перекрывают друг другу сектор обстрела, а сами при этом доступны для эффективного поражения в узком секторе. И наоборот, следует избегать собственной уязвимости одновременно с разных сторон или с широкого фронта.

Цели следует выбирать в зависимости от обстоятельств. Жизненно важно первым обнаружить противника и открыть огонь, используя фактор внезапности. Спланированные нападения, когда силы, расположение и уязвимые места противника более-менее ясны, а собственные действия рассчитаны, и задачи загодя распределены между ответственными, обычно более эффективны, чем случайные боестолкновения. План должен обязательно включать «аварийный выход», если, в силу неизвестных ранее обстоятельств первоначальная задумка потеряет актуальность и уже запущенный в дело план станет неработоспособным или даже фатальным для подразделения – переиграть на ходу и довести до людей новые задачи может оказаться невозможным.

Если же наоборот, вражеская стрельба вас застала врасплох, то, по общему правилу, следует примерно прикинуть (по звуку, по особенностям местности, по характеру последствий от попадания пуль в окружающие поверхности) откуда

ведется огонь и, с учетом этого, быстро залечь, желательно за укрытие, причем со смещением в сторону от первоначально замеченной противником позиции, одновременно изготавливаясь к стрельбе. Иногда полезнее пытаться достичь безопасной зоны движением с максимальной скоростью и резкими сменами траектории с падениями-перекатами и так далее, однако против врага с автоматическим оружием все же предпочтительнее сокращение времени собственной уязвимости для прицельного обстрела, чем более продолжительные перебежки зигзагами. В любом случае нельзя стоять на простреливаемом месте и озираясь, паля из невыгодного положения в белый свет. И даже если кто-то из врагов и заметен – не факт, что это вся атакующая группа. Лучше разбираться в ситуации и принимать решения, находясь в относительной безопасности. Хотя, например, при боестолкновении в лесу иногда имеет смысл проявить выдержку и попытаться неподвижно выждать и выявить, откуда ведется стрельба, если, конечно есть основания полагать, что враг пока бьет не слишком прицельно и сам точно не засек вашего персонального расположения. Уклонится от боя или принять его – решает командир. Если небольшое подразделение попало под обстрел неизвестными силами врага на малознакомой территории, то благоразумнее уклониться. Даже если враг показывает спину, нелишне помнить, что если преследование развивается слишком гладко, значит, очень может быть, вас заманивают в ловушку.

В общем случае, открывать огонь следует по конкретным целям, а не просто в сторону врага, лишь бы пальнуть, но довольно часто приходится стрелять, толком не видя целей. Тогда следует вести прочесывающий огонь одиночными по местам, где предположительно может находиться противник с учетом оптимальности позиций с его точки зрения.

Выбирая укрытие и находясь в укрытии, следует иметь в виду, возможность применения противником не только стрелкового оружия, но и различных средств «переносной артиллерии» типа ручных и реактивных гранат. Сами укрытия тоже следует по возможности время от времени менять, как только станет ясно, что конкретно и заинтересованно долбят непосредственно по вам, или возникает угроза окружения. Опасно выбирать слишком очевидные, особенно отдельно стоящие укрытия, которые имеют свойство провоцировать вражеский огонь или вообще могут быть загодя пристрелянными или даже заминированными. Нежелательно также занимать временную позицию в месте, на которое противник сможет легко и быстро навести огонь коротким и исчерпывающим описанием-целеуказанием с использованием однозначно понятных ориентиров, например, на опушке леса, на вершине небольшой возвышенности или в седловинке между двумя холмами. В идеале, позиция должна, с одной стороны, обеспечивать оптимальный сектор обстрела и приемлемое укрытие, а с другой, быть относительно неприемлемой для противника как можно более продолжительное

время. В простреливаемой зоне двигаться надо короткими энергичными перебежками от укрытия к укрытию, перемещаясь в направлении, соответствующему текущей задаче, стоящей перед подразделением, при этом пытаться избегать предсказуемости и тактических тупиков. Следует стремиться к целеустремленности действий с соответствующей тактикой – если атаковать, то расчетливо и напористо, если стоять в обороне, то осмотрительно и основательно и так далее. Полумеры и невнятное вялое поведение с нечеткими целями и непродуманной реализацией их достижения погубили немало людей.

Вообще, по своей воле или вынужденно, ввязываясь в бой, надо планировать и прикидывать как будет развиваться ситуация, что предпримет враг и что следует предпринять вам, что является провокацией или подставой, а что – реальным замыслом, как выкручиваться, куда отойти, на чем можно самому подловить противника и так далее, хотя здраво мыслить и тем более просчитывать ходы наперед в боевых условиях порой очень трудно даже ветеранам. И дело даже не только в стрессе, страхе или азарте. Неопределенность обстоятельств велика, информации почти никогда не бывает достаточно, чтобы быть полностью уверенным в обоснованности того или иного действия, а осознаваемая цена ошибки способствует нерешительности. Причем поспешные действия могут стать причиной гибели столь же верно, как и затянутое бездействие. Слепое и предсказуемое следование

шаблонам уставов и наставлений может погубить так же, как и отсутствие сколько-нибудь осмысленной тактики. Одно точно – не следует умножать риски халатным или пренебрежительным отношением к вопросам, которые солдат на своем месте вполне может контролировать или предвидеть сам. Закончил Доплер словами:

– Конечно, это далеко не все, существует еще масса приемов и соображений, применимых для различных тактических условий, взаимодействие бойцов в группе и групп между собой – вообще отдельная тема, но на сегодня хорош, однако, а то по вашим стеклянным глазам я вижу, что вы уже ни хрена меня не слушаете. Но, думаю, некоторый кругозор я вам обеспечил, подумайте на сон грядущий – завтра пригодится...

За ужином Сплин едва не уснул, а добравшись, наконец, до своей койки, с трудом мог поверить, что прошел только один день. О том, что осталось еще несколько недель и думать не хотелось. Попытка оценить полученные новые впечатления ни к чему не привела – мысли расползались, как вялые тараканы, едва погас свет, как он провалился в сон.

Ожидая лютых мышечных ломок, Сплин очень удивился, ощутив в мышцах на утро второго дня лишь слабое гудение. Это наполнило его оптимизмом и чувством уважения к тому зелью, которое он так неохотно впихнул в себя накануне за завтраком. Похоже, препарат, помимо прочего, понижал содержание молочной кислоты в мышцах.

Дни замелькали как карты в руках шулера. Доплер нещадно гонял их, время от времени меняя галереи. Почти четырехкилометровый первый кросс по ровной поверхности был просто прогулкой.

Костюм, оказывается, помимо интенсивности болевых импульсов, имел возможность варьировать сопротивление своей поверхности физическим усилиям того, на ком был надет. При выключенном режиме костюм абсолютно не стеснял движений. При включенном на максимум – почти полностью их парализовывал, человек чувствовал себя, как с головой загипсованный. Доплер имел пульт, позволяющий менять текущие настройки, но пока что ничего не менял в виду того, что курсантам хватало повышенной гравитации.

Основную часть тренировочной программы составляли учебные бои. Виртуальные симуляторы с полным погружением были слишком дорогим средством для подготовки «чайников», кроме того, Доплер придерживался консервативных взглядов в этом вопросе и считал, ничто не способно так закалить тело и укрепить боевой дух солдата, как реальные комплексные нагрузки.

Он на второй же день поделил группу пополам, раздал заряженные холостыми патронами винтовки с лазерными имитаторами выстрела, изменил с пульта команде, в которую попал Сплин, флуоресцирующую окраску имен на груди и спине на красную, чтобы члены одной команды могли отличить своих. Затем назначил в каждой команде старшего, раз-

вел «красных» и «желтых» по разные стороны площадки и дал сигнал начинать. Битва должна была вестись до полной победы одной из сторон. Лазерный луч имитатора, попадая в поверхность костюма давал симулятору шлема команду инициировать иллюзию определенного ранения. А холостые заряды нужны были для придания поведению оружия реалистичности.

Старшим в команде Сплина оказался Фрост. Он, немного искаженным респиратором маски голосом, велел всем сосредоточиться так, чтобы никто не перекрывал друг другу сектор обстрела, и, по возможности держа ближнего в поле зрения, наступать. Прячась за разнокалиберными контейнерами и неопознаваемыми ржавыми механизмами, в беспорядке наставленными по периметру площадки, обе команды начали подбираться друг к другу.

Сплин снял винтовку с предохранителя, поставил на одиночный огонь, как учили, перехватил оружие поудобнее, и двинулся, резко заглядывая за углы перед тем, как завернуть, неосознанно подражая стереотипам киноебоевиков, хотя умом и понимал, что при отсутствии реальных навыков внешняя атрибутика вроде «крутого» стиля перемещения не поможет. Со спутником, которого он намеревался держать в поле зрения, разминулись при обходе полуразобранного рельсоукладчика. Кричать «Ау!» не имело смысла.

Выходя на относительно свободный участок, Сплин внезапно услышал с противоположного края площадки серию

хлопков, крики и непроизвольно глянул в ту сторону, хотя заведомо ничего не смог бы разглядеть из-за нагромождений контейнеров и оборудования. Неожиданный удар в правый бок, отозвавшийся жгучей болью во всей правой половине туловища, рефлекторным сокращением мышц развернул его вправо, открыв взору «желтого» в пяти-шести метрах, который скрывался за кабиной облезлого погрузчика, пристроив цевье винтовки на нижней кромке пустого проема для бокового стекла. Позиция была у того более выигрышная, Сплин это оценил и как заяц отпрыгнул как можно дальше в сторону, убираясь с линии огня. Оставшееся до ближайшего укрытия расстояние дополз на четвереньках. Каждое движение причиняло боль, бок пульсировал и как будто начал неметь. «До чего реалистично» – пронеслось в голове, боль не затихала, как от ударов, полученных при спарринге – реакция костюма на имитацию попадания пули была поинтереснее.

В свое время Сплин немало времени провел, играя в разнообразные виртуальные бродилки, однако теперь это мало прибавляло преимуществ, так как убывающие проценты жизни вызывают лишь досаду, а пуля в бок, пусть не совсем настоящая – это боль, страх, потеря подвижности, шансов уцелеть. Сплин понятия не имел, как его организм отреагирует на виртуальную «смерть» в костюме – может и вправду дуба врезать или отнимется какой-нибудь орган, а то и не один, прости господи. Пот заливал глаза, сердце ухало. Требовался неожиданный ход, чтобы переломить ситуацию. Шум

боя нарастал – окрики, хлопки выстрелов слышались вокруг чаще. Сплин описал вокруг предполагаемого местонахождения противника небольшую петлю, затем, стараясь не шуметь, влез на низенький ящик, затем на крышу вагончика, оттуда на большой контейнер, озираясь в надежде разглядеть стрелка сверху. Тот тоже не стал дожидаться мести, его не было видно. «Зараза, он не мог отойти далеко, так куда же он подевался?» – соображал Сплин, распластавшись на крыше контейнера. Решив спровоцировать противника, Сплин с намеренным шумом перепрыгнул с одного возвышение на другое, третье, имитируя бегство, затем на пол, испустил стон тяжело раненого и на корточках, морщась от боли в боку, торопливо переместился по полу обратно к проходу, на выходе из которого чуть не поплатился за ротозейство. Противник вывернул из-за угла прямо на ствол винтовки примостившегося в углу подранка. Сплин трижды выстрелил желающему dokonать незадачливого недобитка преследователю в грудь, тот беззвучно опрокинулся навзничь и застыл.

Испугавшись, что его выстрелы вызвали у противника шок или приступ какой-нибудь, Сплин подскочил к жертве и склонился над ней, силясь разглядеть выражение глаз за затемненными линзами, но там лишь искаженно отражался он сам, да светодиодные лампы на потолке. Сплин попытался снять шлем – тот не снимался. Тут он вспомнил, что Доплер предупреждал о невозможности самостоятельно снять шлем и отключить симулятор до окончания тренировочного

эпизода. Жертва, на груди которой было написано имя «Аткинс» издала слабый стон, затем послышался искаженный респиратором сдавленный голос.

– Со мной все нормально, коллега, просто костюм заду-бел, я не могу пошевелиться. Наверное, это значит, что я убит, поздравляю. А теперь пошел вон – не тревожь покой павших.

Сплин успокоился, подобрал винтовку, и, внимательно глядя по сторонам, двинулся дальше. Ни своих, ни чужих не было видно. Вдруг прямо перед собой Сплин услышал грохот прогнувшегося железа, задрал голову и поднял оружие. На крыше контейнера стоял только что забравшийся туда «желтый», который тоже заметил Сплина, но поздно – один из пяти торопливо произведенных Сплином выстрелов угодил ему в шею. Удивительно – расстояние десятков метров всего-то, а попал лишь один раз. Не то, что безответные мишени в тире дырявить. Вскинув руки, противник завалился на крышу контейнера. Однако Сплин слишком увлекся – шедший по полу напарник первого «желтого», вывернул из прохода слева и залепил ему три пули: в бедро, в левый бок, в плечо. Остальная часть очереди ушла выше головы.

Сплин, раздираемый болью в раздробленных костях, последним конвульсивным усилием в падении развернулся в сторону нападавшего, часто давя на спуск и сожалея, что полюбился и установил одиночный режим ведения огня – все равно даже первый магазин истратить не успел. Заключи-

тельное попадание в грудь вызвало ощущение, что его насадили на раскаленный лом, как бабочку на иглу – и без того невыносимая боль стала просто запредельной, так что перехватило дыхание, свет в голове погас, словно перегорела лампочка, после чего накрыло, наконец, спасительное бесчувствие.

Сплин очнулся как бы со следующего кадра – самой боли уже не было, но память о ней вспышкой заполнила только что вынырнувшее из забытья сознание, как отголосок свежего ночного кошмара. Сплин было дернулся, но тщетно. Оказалось, что он лежит на полу, лицом вверх, не в силах пошевелиться – костюм не гнулся, как ледяная корка. Воспоминание о недавней нестерпимой боли еще раз неприятно царапнуло сознание, но нейросимулятор уже прекратил наводить свои адские иллюзии травм по факту виртуальной гибели обладателя костюма от ранений, несовместимых с жизнью. Ну, могло быть хуже – хорошо хоть не обделался. Несколько дребезжащий бесполоый монотонный компьютерный голос, искажая модуляции слогов и интонации предложений, бубнил в наушнике шлема текущий статус «здоровья»: перечислял полученные ранения и описывал повреждения. В случае «смерти» данная информация зачитывалась не по запросу, а автоматически, с небольшими паузами по кругу, чтобы, дожидаясь разблокирования, проникнуться мыслью о том, что надо бы быть в следующем бою порасторопнее. Оно, конечно, полезно – по ощущениям знать, что именно в организме

похерено, после нескольких боев существенно расширится медицинский кругозор, но не дай боже в жизни такое почувствовать. Да и в костюме тоже приятного мало...

Через некоторое время шум боя стих, начали возникать опасения, что его и бывшего супостата на контейнере ненароком забыли. Тут компьютер объявил, что миссия завершена – Доплер со своего дистанционного пульта послал сигнал на снятие блокировки. Сплин поднялся, снял маску и огляделся. Рядом стоял Хоу, который махнул ему рукой:

– А ты мне все-таки попал в живот, я свалился неподалеку. Хотя будь это настоящие пули – тебе хватило бы первой же раздачи.

Сплин в ответ пожал плечами – «если бы у бабки был бы конец, то она была бы дедкой».

При «разборе полетов» выяснилось, что победили «красные» с перевесом в три человека. Весьма отличился Фрост, который проявил замашки одинокого волка и «сделал» аж пять супостатов, правда, получив легкое ранение в ляжку. Сержант посоветовал ему и остальным, прежде чем поворачиваться спиной к телу врага, убедиться, что оно не представляет угрозы. Затем показал им записанные индивидуальными и внешними телекамерами относительно удачные эпизоды (как он выразился, «наименее убогие») и несколько «куропатов» – тех, кто сложил голову наиболее бесславно. Отметив недостатки и достоинства первых, он ехидно прокомментировал вторые. Особенно досталось Жердюю, кото-

рый в запарке угробил своего, не рассмотрев толком, из какой тот команды. Сплину было сказано, что «количественно – неплохо, но по сути – бесхребетная тактика, просто повезло, что не приложили сразу же».

В целом, Доплер отметил две вещи: необходимость взаимодействия и взаимного прикрытия, а также разделения секторов наблюдения и огня. Отчасти забегая вперед, он, демонстрируя на конкретных эпизодах записи, рассказал несколько тактических приемов, которые были бы уместны. Из-за укрытия надо выглядывать правой стороной тела, так стрелок, по крайней мере правша, меньше подставляется. Действовать надо двойками или тройками, двигаться при этом ближе к стенкам коридора, причем каждый контролирует противоположную от себя сторону, включая опасность сверху, так как имеет для этого лучший обзор, а третий прикрывает при перезарядке и следит за тылом, если есть такая угроза. Придется научиться доверять своему прикрытию и сосредоточиваться на своем секторе ответственности, так как в одиночку боец не в силах эффективно контролировать все тактическое пространство вокруг себя целиком, охватывая вниманием одновременно, без необходимости вертеть головой, лишь сектор примерно в 90 градусов. Грамотное взаимное прикрытие снижает уязвимость отдельного солдата и увеличивает боеспособность подразделения в целом.

Для солдата-правши углы рекомендуется огибать против часовой стрелки, слева направо, так как оружие находится по

правую сторону. Если же обстоятельства заставят обходить угол слева направо, по часовой стрелке, надо переложить автомат в левую руку, чтобы иметь возможность стрелять вправо без разворота, минимально открываясь из-за укрытия. Желательно огибать крупные объекты и углы, находясь как можно дальше от них. Этим солдат оберегает себя от внезапного нападения. Враг, спрятавшийся за углом, открывается, постепенно теряя преимущество внезапности. Это правило работает на больших площадях. В лабиринтах узких коридоров и небольших помещений лучше идти вдоль капитальных стен, прижимаясь к ним спиной, опасаясь светиться в простреливаемых проемах. Здесь иногда имеет смысл наоборот, резко врываться в дверные проемы и выдвигаться за повороты, при этом сразу же подальше убираясь от углов, служащих визуальной привязкой для огня противника. Можно также предварительно обследовать пространство за углом или дверь с помощью зеркальца, закрепленного на проволочке, шомполе или ноже, или специального оптического прибора типа фиброскопа, вроде тех, которыми пользуются медики для осмотра полых внутренних органов. Но если враг ожидает нападения, то может увидеть или слышать эти манипуляции, и пальнуть рядом в стену или в пол из подствольника или ручную гранату кинуть неподалеку, чтобы поразить ударной волной и осколками, а может и просто для профилактики то же самое сделать, даже ничего подозрительного не заметив. Поэтому маячить поблизости

проемов следует как можно меньше. К входным дверям здания приближаться следует под углом, чтобы не подставляться под огонь из глубины коридора, иногда лучше проникать внутрь через окна или проломы в стенах.

Доплер устраивал по несколько боев с тематическими сценариями в день, перемежая их с изнурительными кроссами, занятиями по тактике и рукопашному бою, стрельбами. Все это сопровождалось его непрерывными понуканиями, окриками, «бодрящими» речевками из сержантского репертуара, постоянной язвительной критикой. Что характерно, муштры, как таковой, не было совсем, унижительных и грязных хозработ или сторонних «припашек» тоже. Для санкций за нерадивость и наказаний за провинности применялись меры сколь мучительные, столь и обучающие. Например, один изрядно борзый по жизни тип, по имени Мэллоун, как-то, умаявшись на рукопашке, скептически высказался насчет ее полезности в современном бою, когда рулят крутые пушки. На его беду, умника услышал Доплер, который вообще имел талант неожиданно возникать рядом. Сержант быстро надел костюм, велел Мэллоуну взять автомат с имитатором выстрела:

– Я твой пленник, доведешь меня вон до той стенки и пристрелишь. При попытке побега – также стреляй на поражение, но не раньше. Это, как ты знаешь, очень больно. Симулятор моего костюма включен на «норму», как и у тебя, хочешь – одень и проверь. Небось, мечтаешь это сделать в ре-

альности, а? Ну, пошли – мечты сбываются...

Не успели сделать десяток шагов, как инструктор едва уловимым движением сместился в сторону, развернулся, приблизившись, отвел от себя ствол оружия, одновременно перехватывая его, ударил конвоира ногой под колено, выкрутил автомат и так заехал противнику прикладом в живот, что бедолага, скрючившись на полу, успел выbleвать значительную часть завтрака, прежде чем датчики шлема не открыли маску, и симулятор не прекратил мучения жертвы. А Сержант как ни в чем не бывало, объяснил группе, что и как он проделал, а также ошибки Мэллоуна и как на его месте надо было. Кто-то из курсантов коротко, но емко за глаза высказался насчет методов инструктора так: «не заebet, так яйцами зашлепает».

С другой стороны, Доплер совершенно не грузил разными протокольными вещами, не требовал по два слова «сэр» в одном предложении или всяких там «разрешите обратиться». Не пытался раздавить индивидуальность курсантов, обдирая с них человеческое достоинство, как кожуру с банана. Не стравливал их между собой тем или иным способом, например, выделением любимчиков или наказанием всей группы за промахи кого-то одного, тем самым обрекая данных субъектов на тяжелый моральный климат в коллективе. Не в его стиле также было унижать ради чистого садизма, что обычно направлено на формирование у курсанта заряда ярости и тотальной озлобленности на все живое, чтобы, когда

его, наконец, выпустят на войну, как голодного пса с поводка, он воспринял это как послабление режима и исправно рвал тех, кого назначат врагами, «на старых дрожжах», как Тузик грелку, причем желательно погиб бы при этом, чтобы избавить родное государство от ряда забот по окончании своей службы.

Идея разрушения ядра личности и замены его на клубок ненависти путем систематических унижений и упражнении в жестокости вообще представляется весьма сомнительной, так как отнюдь не вывернутое наружу зверство, а самоуважение и достоинство, подкрепленные волей и наработанным мастерством, служат фундаментом личного мужества. Часто в тяжелых условиях, когда физические силы на исходе, а обстоятельства беспросветны, это единственное, что заставляет человека продолжать бороться, а перенесенные тяготы лишь закаляют. А культивирование жестокости в чистом виде служит основой морального разложения и окончательного распада личности. О какой моральной стойкости и сплоченности подразделения может идти речь, если личность сломлена еще при подготовке, и нет в душе того центра тяжести, который поможет солдату устоять в безумной круговерти войны? И как будет жить такой солдат потом, если переживет войну?

Доплер формировал у своих курсантов отношение к войне как к трудной и опасной работе, которую надо делать расчетливо и профессионально, не впадая в крайние эмоции и

недостойные толкового солдата психозы, мешающие трезвой оценке ситуации и, в конечном счете, выполнению задачи. Материал всех нещадно, раздавал затрещины, но периодически с его губ в адрес каждого мимоходом слетала скупая похвала в форме легкого одобрения, хотя он и любил повторять насчет мудаков, которые в деле лажают, первыедохнут и других за собой тащат. Но все же нагрузки были предельные, и всем было тяжело.

Зачастую учебные бои проводились в малопривлекательных местах – спутанных, тесных, давно заброшенных горняками галереях и тоннелях, часто тупиковых. Надо было выполнить задачу, не заблудившись в дельте слабоосвещенных или совсем темных незнакомых коридоров, ориентируясь по голографическим планам, которые иногда намеренно были неполными.

Сначала были просто примитивные побоища на взаимное уничтожение. Потом сценарии стали поразнообразнее: добыча ценного объекта, захват определенного игрока противоположной стороны, освобождение «заложников», занятие плацдарма против превосходящих сил, зачистки помещений на специально оборудованных площадках-полигонах и так далее. Существенное внимание уделялось групповому взаимодействию и скоординированности действий. Состав групп постоянно менялся, утром ты доверяешь ближнему прикрывать свою задницу, а вечером он стреляет тебе между глаз и симулятор костюма заставляет ощутить черепом, что же

именно означает расхожее выражение «пораскинуть мозгами». Доплер пытался у всего отряда выработать единый стиль поведения в бою, когда, исходя из ситуации, каждый выполняет свою часть задачи на автопилоте, без лишних указаний, здраво осозная и адекватно оценивая тактическую обстановку, при этом эффективно взаимодействуя с любыми бойцами подразделения, оказавшимися в суматохе боя поблизости.

Бешеный график обучения и непривычные физические нагрузки, обильно приправленные болью и шоками многократных «смертей» быстро поставили Сплина на грань физического изнеможения и нервного срыва. Его часто «убивали», хотя в тире он стрелял не хуже других – сказывалась некоторая заторможенность реакции и неприспособленность к столь резкой смене образа жизни. Подняться утром с койки было для него подвигом, откинуть наждачное казенное одеяло было не легче, чем медведю восстать из зимней спячки. На проклятый костюм-симулятор он смотрел, как приговоренный на электрический стул. Частые нокауты при спаррингах и стрессы, вызванные «смертями» в учебных боях вызывали состояние какого-то непрекращающегося тяжелого похмелья. Первые дни он чувствовал себя как старая боксерская груша, которая вот-вот лопнет и вся набивка на хрен повывалится. Сплин был на пределе сил. Усталость, медленным ядом разлитая по всему телу, давала знать о себе уже прямо с момента подъема, словно вместо крови в жилах тек

вязкий тягучий кисель. Сержант часто отправлял его на добавочные дистанции после кроссов, персонально дубасил на занятиях по рукопашному бою, демонстрируя сначала «ты делаешь вот как» – серия ударов, «а надо вот как» – серия ударов, потеря сознания. Моральное состояние тоже оставляло желать лучшего: Сплин преследовало ощущение, что он едва ли не хуже всех и вот-вот будет зачислен в «альтернативные работники» за хроническую неуспеваемость. В педагогических целях Сержант добавил отстающему интенсивность болевых импульсов на 15 процентов, после чего боль заиграла на нервах бедняги как скрипач-виртуоз, прекращаясь только во сне, который, как и все хорошее, был слишком скоротечен.

Сплин никому из группы про это не сказал, его продолжали прессовать на общих основаниях. Каждое мышечное усилие вызывало какое-то яростное отторжение со стороны организма. Выжимая из себя все силы, он временами думал, что вот-вот потеряет сознание и сдохнет стоя, как загнанная лошадь, или в момент очередной виртуальной смерти с ним случится припадок, и он захлебнется в собственной блевотине, или что-нибудь в этом роде. Он уже подсознательно решил, что конец его близок, после отсева и перевода на каторжные работы, при серьезной физической нагрузке, враждебном окружении, хреновой жратве и так далее ему долго не протянуть. А затем его бранные останки бесследно сгинут в адском пламени ближайшего мусорного конвертора. «На-

прасно старушка ждет сына домой, ей скажут – она зарыдает...» Сплин скрежетал зубами и упрямо заставлял себя держаться, покуда в состоянии шевелиться, про себя и вслух укрепляя твердость духа живой силой крепкого народного словца.

Однако свойственное ему упорство и естественная реакция организма на тренировку постепенно сделали свое дело. Поворотным моментом в мировосприятии стала мимолетная фраза Доплера, произнесенная им в затылок лежащему после серии пропущенных ударов в полубессознательном состоянии Сплину:

– Признайся, жалкий желудок, ты думаешь, что легче содохнуть, чем встать. И ты полностью прав! Запомни: умирать легко – жить трудно. Ты слишком боишься, осознай, что твоя смерть – уже решенный вопрос, за который поздно волноваться. Считай это игрой, где боль – наказание за проигрыш. У тебя теперь ничего нет, тебе нечего терять, не о чем сожалеть, нечего бояться. Ты – солдат, твоя единственная задача – бороться изо всех сил и грамотно действовать в бою, полностью сосредоточься на этом и ни о чем больше не думай. Тогда, возможно, останешься жив.

Сплин попытался подняться – тело сотрясала крупная дрожь, дыхание было частым и прерывистым, в горле при вдохе-выдохе клочкотало, звуки долетали издалека и с задержкой. Шатаясь, Сплин принял стойку, чем вызвал легкое одобрение Сержанта:

– Молодец, что поднялся. Понимаю, как это было непросто.

Сплин безбожно медленно попытался провести нападение, но Доплер не дал ему даже как следует выйти на дистанцию атаки:

– Не жди, что твой жалкий тряпочный героизм кого-то впечатлит в реальном бою – тебя уроют без всякой пощады, как только дашь возможность.

Удара, который вынес сознание из его головы, как порыв ветра задувает спичку, Сплин не видел и едва почувствовал. До пола он долетел в глубокой отключке, а очнулся уже в лазарете.

– Лечить-то тебе нечего, парень, при всем моем желании, – порадовал его фельдшер, почесывая бородку. – Ничего не повреждено – ты же был в костюме. Все твои травмы, кроме неопасных ушибов и синяков, воображаемы и живут у тебя в сознании. Я тут тебя прокапал кое-чем для профилактики, но дальше сам, Доплер велел поставить тебя на ноги и отправить обратно. Держись, военный, кому сейчас легко? Господь терпел и нам велел, – отключая датчики и отцепляя капельницу, напутственно закончил он.

Сплин поблагодарил, сполз с кушетки, натянул до пояса костюм, надел холодно-склизкую от пота майку и поплелся в сортир отмывать заблеванный шлем. Постепенно придя в себя, он вдруг во всей неожиданной глубине ощутил находящимся на грани безумия сознанием жизнеутверждающую

силу последних изречений Сержанта.

Наконец, как-то незаметно, но довольно быстро, благодаря тому, что мышцы и психика, наконец, адаптировались к нагрузкам, а также катализатору, который продолжали выдавать в качестве приложения к завтраку, Сплин к началу третьей недели начал чувствовать в своем физическом состоянии качественные перемены. Мало-помалу в движениях его появилась скоординированность и рациональная пластика – прямое следствие того, что организм перестал быть средством перемещения задницы из одного сидяче-лежачего положения в другое. Избыточный жир почти полностью стогрел, так, что пучки мышечных волокон местами были видны сквозь кожу, вены выступали веревками.

Ощущение контроля над своим телом прибавило Сплину уверенности в себе: он стал меньше бояться боли, по крайней мере в костюме, и научился эффективно причинять боль соперникам. Появились новые навыки: он зачастую распознавал начало движения противника, чтобы вовремя контратаковать, расставлял ловушки, например, притворно открываясь, чем провоцировал соперника на ожидаемое действие. Конечно, специалиста ему было не одолеть, но для рядового пехотинца это был приемлемый уровень. Преподаваемый стиль был смешанным и включал в себя элементы разных видов – от бокса до айкидо. Развернутой философской базы, принятой в традиционных боевых искусствах, не подводилось – цели обучения были сугубо прикладные.

Также затрагивались сопутствующие темы: работа с подручными предметами, в первичном качестве не являющимися оружием, методика грамотного личного досмотра и способы связывания пленного противника.

Сплин понял, зачем инструктор продолжает грузить их рукопашкой, хотя в реальном бою до этого вряд ли дойдет – единоборства косвенно, но бесспорно развивают полезные для бойца личностные качества. Пребывание на грани закалило его. Враг был точно таким же мешком костей и мяса, как и он сам, надо быть только достаточно осмотрительным и расчетливым, бить сильно, безжалостно, в уязвимое место и в наименее ожидаемый момент. Ну, а если уж ты оказался настолько тюфяком, что позволил себя поиметь, ну что ж, бывает, впредь надо сделать выводы и пытаться применить те же приемы, чтобы поиметь других. При прочих равных условиях уцелеет тот, у кого крепче яйца. Он не испытывал ни реальной, ни искусственной ненависти ни к Сержанту, ни к одноклассникам, с которыми приходилось драться. Соперничество, азарт, злость – да, но противник не был для него личным врагом, он был просто объектом, в той или иной степени подлежащим нейтрализации теми или другими средствами. Безликая шлем-маска, скрывающая как испуг, так превосходство на лице соперника, отчасти способствовала такому отношению. Тем более, что члены группы практически не общались между собой вне тренировок: просто не было времени, время на отдых и сон было абсолютной ценно-

стью. Никаких «дембельских» разборок между курсантами в духе «кто выше на забор ссыт» не было, они так регулярно и помногу метелили друг друга на рукопашке и «дырявили» в перестрелках, что устали от этого. Но обстоятельства и боль заставляли каждого защищаться и нападать снова и снова.

Сплин редко смотрелся в зеркало, только когда брился (а брился он тоже нечасто), но он заметил, что изменилось и его лицо. Черты заострились, глаза и щеки запали, углубились складки от носа к углам рта. Если раньше он имел преимущественно окислившееся выражения лица, то теперь оно стало каким-то исступленно-отрешенным, как у бесстрастного, но целеустремленного камикадзе. Сверлящий душу зуммер побудки не звучал теперь предвестием очередного мучительного кошмара – он был сигналом неизбежного начала дня, в течение которого будут приобретены новый опыт и новая сила, которые повысят шансы на выживание. Оказался в игре – изучи правила и стремись играть не хуже остальных: нытье, сетования и сопли бессмысленны и опасны.

Что всерьез доставало, так это невозможность по своему желанию побыть одному. Вокруг постоянно находились люди, или кто-то мог в любой момент без спросу войти в любое из обитаемых помещений. Дико не хватало своего угла, некоего неприкосновенного физического личного пространства, хотя бы небольшого. Вроде бы и скрывать нечего, и люди все более-менее свои. Причем особо неприятных или вы-

ражено социально опасных уродов-то нет, в душу особо никто не лезет, да и про свое не плачется – это молчаливо поприцалось, а все равно быть постоянно на виду – со временем ощутимо утомляет психику.

Люди в отряд подобрались, как водится, разные: кто-то был раздолбаем «перекати-поле» без определенных занятий, кто-то, в общем, хоть и имел некую профессию, но так или иначе оказался по основному профилю не у дел, были и околоуголовые типажи, и мутные личности перманентно находящиеся в бегах, несколько вчерашних студентов, как и сам Сплин, еще какие-то категории, с менее ярко выраженными и узнаваемыми на неискушенный взгляд поведенческими признаками. Короче, как говорится, «суп из семи залуп – шесть крошены, одна так брошена, рыба – сверху чешуя, а внутри ни хуя, пирожки горячие, на хуях стоячие». Однако опустившихся люмпенов, бесхребетных слизняков, типов со сломленной личностью или явных психопатов не было – отсеялись при наборе, рекрутинговая контора туго знала свое дело и не одну собаку на нем съела. Еще не хватало тратиться на транспортировку в такую даль потенциального некомплекта. Перевод отсеянных на каторжные работы был, по видимому, не столько способом компенсации издержек работодателю, сколько средством консервации информации.

Сплин втянулся очень вовремя, так как к середине третьей недели Сержант объявил, что детский сад окончен и начал закручивать гайки. Во-первых, заметив, что питомцы

укрепли, Доплер повысил всем сопротивление костюма, а наиболее крепким – Фросту и еще нескольким повысил еще больше. Теперь движения в костюме в какой-то мере напоминали хождение по дну по шею в воде – то же равномерное вязущее сопротивление движению.

Изменились кроссы. То, что раньше наивно считалось кроссами, теперь стало просто утренней разминкой в дни, когда физическая подготовка была непрофильной темой. А нынешние забеги занимали по несколько часов, хотя не галопом, конечно, и не обязательно «на время». Нередко они проходили в слабо освещенных или совсем неосвещенных галереях, местами полузатопленных прокисшей водой, где до финиша можно было добраться разными путями, а можно было и заблудиться. Встроенные в шлем костюма очки ночного видения давали мутную картинку в зеленых тонах, которая, впрочем, была существенно лучше, если все-таки имелось хотя бы слабое освещение, например от пятен светящейся местной плесени, специально нанесенных на стены маркеров или разбросанных люминесцентных трубок. Каждый костюм имел датчик местонахождения, но на картах универсальных компасов курсантов, в отличие от компаса Доплера, он в педагогических целях не просматривался. Всех пугала перспектива заблудиться и невесть сколько, обливаясь холодным потом в полном одиночестве, слушать реальное или воображаемое дыхание недр и ожидать, пока за тобой явятся гонцы от Доплера или он сам.

В первый же день двое умников из тех, кто решил срезать путь и всех наебать, заблудились. Первого умника нашли через полчаса и еще какое-то время гонялись за ним, так как точка его датчика лихорадочно металась по мониторчику компаса Доплера из одного тупика в другой – ужас и давящее ощущение полукилометровой толщи свода над головой не позволяли бедняге ожидать вызволителей на месте, как загодя было велено. Сержант матерился на чем свет стоит: самой ласковой оценкой заблудившегося было «пизда тебя родила, а не мама». До второго через час добрались Фрост, Сплин и Дрейк, которых Сержант снабдил интеллектуальным компасом, показывающим помимо прочего еще и кратчайший маршрут. Сами вызволители при этом чуть не заблудились. Незадачливого Барни нашли в тупиковом штреке в позе зародыша. Деактивировали с пульта костюм, сняли шлем – взгляд Барни блуждал, никого не узнавая. Он не выразил никаких чувств по поводу своего освобождения, но не впал и в истерику, покорно позволив отвести себя под белые ручки. Возникли опасения, что Жердяй двинулся умом на почве латентной клаустрофобии. В лазарете ему вкатили в плечо добрую дозу транквилизатора. Через полчаса он вроде пришел в норму, объяснив свое недостойное воина поведение тем, что через час ожидания стены ожили и начали смыкаться над ним. Никто не язвил и не смеялся.

С того случая курсанты предпочитали достигать финиша более длинным, но более комфортным путем, причем

всей толпой. Доплера это огорчило, но он быстро придумал новшество, стимулирующее тактическую изобретательность. Теперь одна группа стартовала несколько раньше и вооруженная лишь пистолетами, а вторая, полностью вооруженная, стартовала чуть позже с заданием не дать первой команде добраться до финиша. Причем за нечаянное попадание в своего (что было очень нетрудно сделать при посредственной видимости через ПНВ, несмотря на контрастно светящиеся имена на костюмах), а также за оставление или добивание своих раненых для всей команды грозил второй заход в качестве преследуемых, причем без средств навигации. После первого же такого кросса Сержант добавил к аналогично наказуемым деяниям малодушное самоубийство. Симулятор костюма, при имитации попадания пули в голову, мучил жертву гораздо меньше, чем при ранениях, не столь однозначно отправляющих на покой. Сценарий назывался «Отрыв от преследования».

Доплер счел полезным задействовать в ходе обучения гипнопроектор Мерлина, правда, несколько устаревший. Данное устройство изначально было спроектировано и начало применяться для медицинских целей: восстановление потерянных двигательных функций после травм соответствующих отделов головного мозга, при овладении пациентом навыками пользования трансплантированными или искусственными конечностями. Однако впоследствии, как это часто бывает, устройство было взято к применению военными

и соответствующим образом доработано для загрузки в память боевых двигательных и психических рефлексов. С его помощью нельзя было загружать в память человека сложную информацию типа иностранных языков, курса молекулярной биологии и тому подобных комплексных знаний. Это было привилегией тех немногих, кто мог позволить себе раскошелиться на имплантацию интерфейсного разъема, обеспечивающего прямую связь с мозгом с компьютером. Назначением гипнопроектора Мерлина было оптимизировать двигательные функции организма, в данном случае обострить боевые рефлексы, причем гипнопроектор не грузил знания как таковые, а скорее создавал предпочтительные для их лучшего восприятия психические установки. Поскольку модель была устаревшей, полезные ментальные блоки вроде подавления паники или притупления болевых ощущений волевым импульсом не были в ее возможностях, но можно было защитить условную подпрограмму-триггер перенаправления этих деморализующих эмоций в другое, более конструктивное русло. Сержант не стал вдаваться в подробности, а может, и сам их не знал, просто делал по инструкции и все.

Сплин, устраиваясь в пологом кресле, похожем на зубо-врачебное, испытывал беспокойство, смутно опасаясь, что после гипнокурса может тронуться головой (начать передвигаться на четвереньках, например, полагая это естественным) хотя аппарат вроде был многократно проверен и рикошетов в сознании обычно не давал.

– Отставить мандраж, курсант! – цыкнул на него Сержант, на миг оторвавшись от бодрого отстукивания на клавиатуре пульта управления.

Сплин хотел было спросить, есть ли у инструктора соответствующее медицинское образование для подобных манипуляций, но решил сберечь хотя бы физическое здоровье и промолчал, покорно позволив Доплеру нахлобучить на свою голову массивную черную сферу, из разъемов на поверхности которой к центральному блоку шли пучки проводков. Сфера блокировала все внешние звуки. Какое-то время происходила калибровка устройства на критичные индивидуальные особенности мозга, затем незаметно для себя Сплин погрузился в глубокий гипнотический сон. Очнувшись после короткого мягкого забытья, он не ощутил в себе никаких новых качеств, правда, почувствовал себя отдохнувшим.

– Сэр, а когда ждать полезного эффекта? – поинтересовался Сплин, освобождая место в кресле.

– Не думай об этом. Когда надо будет – само торкнет, – ответил Доплер. – Следующий!

На третьей неделе обучения Сержант ознакомил курсантов с применением индивидуальной походной аптечки армейского образца. Это был коробчатый механизм, с простенькой панелью управления. Аптечка выполняла главным образом терапевтические функции и некоторые хирургические.

В случае общего недомогания по не вполне понятным

причинам можно было просто наклеить аптечку на локтевой сгиб и, например, после тестового забора крови она могла впрыснуть внутривенно или внутримышечно соответствующие лекарства, или затребовать дополнительных анализов. Можно было также выбрать предварительно предполагаемую хворь или вид повреждения из типового набора, чтобы сократить время диагностики и повысить направленность лечения. Если диагностер аптечки обнаруживал, что на пострадавшего нет индивидуальных сведений в памяти, то он исходил из стандартных данных и мог выдавать предупреждения о возможных аллергических реакциях, побочных эффектах и так далее.

После наложения на рану и активации, диагностер аптечки сверял состояние поврежденного места с занесенной в память нормой, почерпнутой из индивидуальной медицинской карты человека, затем вносились посильные коррективы: пережать сосуды и остановить кровотечение, впрыснуть в кровь лекарства, запечатать рану восстанавливающим гелем, установить скобки-стяжки на кожу и так далее. В случае, если требовалось наложить шину или проделать с пострадавшим другие глобальные манипуляции, на мониторчике аптечки появлялись соответствующие инструкции с графическими комментариями типа комиксов. В завершение выдавались рекомендации по уходу и желательным медикаментозным мероприятиям. Прибор был крайне полезен в походных условиях и весьма надежен, хотя при серьезных

ранениях, медика, конечно, не заменял – скорее позволял протянуть какое-то время и дождаться квалифицированной помощи.

Сплин уже весьма неплохо справлялся в стычках с применением оружия, прорезались навыки грамотного передвижения и некоторое тактическое чутье. Винтовку и пистолет он мог собирать-разбирать и перезаряжать на ощупь, благо, что они имели блочную структуру. Чтобы оружие действительно стало продолжением руки, надо гораздо больше тренировок, но что-то похожее Сплин ощущал, как гитарист чувствует струны инструмента, так и Сплин понемногу учился чувствовать оружие. Порой, будучи в ударе, на относительно небольшой дистанции около тридцати метров, Сплин, стреляя по ростовой мишени навскидку, не прибегая к прицелу, уверенно поражал противников. В ходе практики на своей шкуре выяснились некоторые подробности по технике стрельбы.

В среднем, стрельба от пояса может быть результативна в режиме непрерывного огня на дистанциях до 25 метров, а одиночными – еще меньше. Свыше 50 метров при любом режиме огня уже следует пользоваться прицелом. Поэтому в общем случае, при угрозе боестолкновения рекомендовалось двигаться с прикладом у плеча, стволом, приопущенным чуть вниз для лучшего обзора и поворачиваться всем корпусом вместе с оружием, глядя вверх него. Из такого положения удобно вести как прицельную стрельбу, так и

огонь навскидку. Хотя при неожиданных стычках почти в упор – без разницы, главное первым успеть, при этом попасть по нижним конечностям или рикошетом от пола или стен лучше, чем промахнуться совсем. Хорошо стреляет тот, кто стреляет первым и не дает возможность стрелять врагу.

Убедившись, что курсанты приемлемо освоили стрелковую часть программы, Доплер, отоварил всех коллиматорными прицелами закрытого типа. Прицел представлял собой кургузый цилиндр с просветленной оптикой, крепящийся на корпус автомата сверху специальной системой зажимов. Глядя через устройство, стрелок наблюдал проецируемую в его поле зрения прицельную марку в месте, куда попадет, в пределах дальности прямого выстрела. Причем это ничего общего не имело с лазерным целеуказателем – на самой цели, если смотреть не через прицел, никаких меток не было, как не было и исходящего луча в каком-либо спектре, который мог бы быть виден постороннему в условиях задымления или при помощи ПНВ. Снаружи коллиматор никаких демаскирующих признаков типа свечения в темноте или бликов оптики на свету не имел. Прицельный знак, его цвет и яркость могли меняться специальным курсором на корпусе, имелась и автоматическая регулировка яркости изображения и цвета прицельного знака по окружающей среде, что позволяло использовать прицел и в относительной темноте, и на ярком свету с любым фоном. При полной разрядке элемента питания прицельная марка не исчезает полностью, а

только гаснет, становясь черной – при этом прицел существенно теряет в эффективности лишь в условиях плохой освещенности. Увеличения прицел не давал, но смысл был в другом – не требуется совмещать целик с мушкой, маркер сразу же показывал потенциальное место попадания. Смотреть можно, и даже нужно, двумя глазами, причем с произвольного расстояния от окуляра и, возможно, под значительным углом к нему, при этом параллакс практически отсутствует, что облегчает прицеливание и не сокращает стрелку пространство обзора, в отличие от снайперского оптического прицела. Для тактических дистанций это была приспособа, что надо, все сразу это почувствовали в учебных боях на своей шкуре, причем после короткой практики, обод прицела и не маячил особо, просто стрелок видел как бы висящую в воздухе прицельную марку.

Приоритеты обучения все больше смещались от индивидуальной подготовки к тактике группового взаимодействия. Получили индивидуальные цифровые рации, с радиусом действия в несколько километров, состоявшие из наушника и ларингофона. Настройки приема-передачи и параметры скремблирования устанавливались с отделяемого пульта, а на самой рации был только переключатель каналов. Ларингофон был предпочтительнее микрофона, так как в шуме боя микрофон дает слишком много посторонних звуков и может выйти из строя, кроме того, ларингофон удобнее при ношении противогазной или респираторной маски.

На одной рабочей частоте радиообмена можно было использовать несколько настраиваемых каналов приема-передачи. Передачи по разным каналам кодировались определенным образом для обеспечения возможности настройки приоритетов и фильтров приема. Например, для небольшого подразделения, численностью до взвода, можно было определить основной, командный и экстренный каналы, чтобы командный канал имел приоритет приема над основным, а экстренный – над обоими. Для более крупного подразделения – роты, можно было выделить для каждого взвода отдельный основной канал, чтобы рядовые слышали переговоры только своего взвода, распоряжения своих командиров и, возможно, напрямую командира роты. Таким образом, весь отряд представлял собой своеобразную локальную сеть, где каждый по чужим переговорам мог ориентироваться, что происходит вокруг.

Заканчивалась четвертая неделя, мастерство курсантов уверенно росло, никто из них так не был переведен в «альтернативные работники», а Сержант уже не казался злобным демоном, а его бесконечные задумки – инквизиторским садизмом. Наоборот, постоянное вдалбливание в их штатские мозги практической дисциплины уберегло курсантов от дурацких несчастных случаев и вообще, сильно повлияло на менталитет многих.

Поначалу сочетание страха перед поражением и болью с волей к его преодолению в состоянии крайнего утомления

творили с сознанием Сплина занятные вещи – он намеренно искушал судьбу и лез навстречу опасности в учебных боях, полагая, что лучший способ победить свой страх в безвыходной ситуации – наплевать на последствия и самому устремиться навстречу его источнику, ведь, как известно, клин клином вышибают. Через какое-то время на ум пришли из памяти вводные положения старинной японской книжки Хагакурэ, насчет того, что Путь Самурая – это смерть и Самурай должен в ситуации «или-или», исполнившись решимости, стремиться к смерти, жить так, будто его тело уже умерло, тогда все пойдет как надо, поскольку остальное второстепенно. Сплин усмехнулся – в свое время он прочитал немного и бросил, завязнув в чуждых социально-культурных заморочках и оценив прочитанное как средневековый бред. Бытие определяет сознание, однако. Сплин вспомнил также похожие слова инструктора и понял, что если он хочет вернуться домой, то надо немедленно браться за ум и стравить пар, иначе в реальном бою он точно нарвется с таким отношением. Вскоре Сплин заметно подутратил то лютное остервенение, посетившее его на ранних этапах, которое помогло ему выдержать, но грозило вызвать сдвиг по фазе. Образ его мыслей стал более расчетливым, холодным, структурным и конкретным. Однако что-то, какую-то детскую часть своей личности, ранее старательно оберегаемую от разъедающей ржавчины повседневной рутины, он все же потерял навсегда. Да и хрен с ней, в конце концов.

В начале пятой недели, когда стало ясно, что человеческий материал, несомненно, стоит дальнейшей обработки, всем роздали портативные компьютеры и дали ограниченный доступ к базам данных, главным образом учебных. Лица, считающие себя знатоками компьютерных технологий, немедленно попытались выйти за навязанные скучные рамки, но потерпели полную неудачу. Данная часть процесса обучения протекала в свободное от основных занятий время и особенно не контролировалась. Но Доплер однозначно дал понять, что в интересах курсантов как можно более тщательно изучить предлагаемую информацию, так как базы данных, в числе прочего, содержали разнообразные сведения о планете и регионе, где будет проходить их миссия.

Планета имела название «Фурия», Сплин вертел изображение планеты на дисплее, менял масштаб, читал сноски и пояснения. Планета земного типа, гравитация 1,04 g, относительно недавно начала колонизироваться, богата минеральными ресурсами, расселение очаговое. Фурия имела необузданный по человеческим меркам плохо предсказуемый климат и буйный животный и растительный мир. Три четверти поверхности занимал океан. Суша была представлена двумя континентами причудливо изрезанной формы и архипелагами более мелких островов. Континентальная часть вблизи экватора имела слишком контрастный для проживания без обременительной защиты климат – скалы и пе-

сок, невыносимая жара, в разы перекрывающая самые горячие точки Земли по температуре, днем и арктический холод ночью. Заселению в той или иной степени подверглась территория в умеренно северных широтах той материковой части планеты, где температурные колебания были для хрупкого человеческого организма относительно приемлемы. Зима и лето в этих широтах принципиально не отличались, по земным меркам это было что-то вроде экваториальной Африки, только ночами было холоднее. Местами растительность не имела четко выраженной поясности: перемежались гладкие как бетон плечи почти безжизненных пустынь, заснеженные у вершин горные цепи, джунгли, где жизнь была ключом. Такие условия отчасти создавались особенностями циркуляции воздушных масс, зависящими от рельефа и океанских течений. Кое-где на поверхности зияли провалы, в несколько раз превосходящие земной Великий Каньон по глубине и имеющие сотни квадратных километров площади. Дно, где прорывалась наружу магма, плотно застилала ядовитые серные испарения. Часть приемлемых для освоения площадей фактически не осваивалась из-за вулканической или сейсмической опасности. Наконец, Сплин принялся изучать регион предстоящей операции.

Отколовшаяся провинция называлась Либертия. Она находилась близко к центру обитаемой территории на большем из материков, была преимущественно покрыта дикими

плохо проходимыми джунглями и по площади не превышала суммарную площадь какого-нибудь земного мегаполиса с близкими пригородами.

Обращала на себя внимание достаточно разнообразная и весьма агрессивная фауна. К тому же из-за высокого уровня солнечной активности местные виды еще и постоянно мутировали. При каталогизации названия часто давались в соответствии с земными аналогиями. Сплин бегло пролистал внушительный список наиболее распространенных и опасных форм жизни и пришел к выводу, что придется его выучить, как вечернюю молитву. Создавалось впечатление, что без полного комплекта защиты переход по джунглям мог запросто окончиться в чужом органе пищеварения, а без знания темы такой шанс возрастал до вероятности «достоверного события». В конце списка была обнадеживающая ремарка о том, что список неполный и постоянно обновляется.

Сплин также обнаружил в интерактивных учебных базах кое-какие файлы по системам вооружений тактического плана и ряду наиболее популярных образцов военной техники. Он заинтересованно просматривал то, что, хотя и прямо не касалось его как пехотинца-автоматчика, но при стечении определенных обстоятельств могло пригодиться. В технические детали лезть не имело смысла, то, что было для Сплина слишком сложно и требовало длительной специальной учебы, он бросал сразу же, больше обращая внимание на практически доступные способы применения и противодействия,

сильные и слабые стороны.

Обучение курсантов подходило к концу, шла заключительная неделя. Через три дня предстоял «выход в свет», то есть переброска на место. План предстоял следующий. На транспортном корабле группа, числящаяся по документам разного рода гражданскими специалистами, добирается до соседней, лояльной по отношению к Межпланетной Конфедерации провинции, именуемой Портленд, с которой исторически и началось освоение Фурии и которая является планетарным административным центром. Далее от космопорта на средствах транспортной авиации группа доставляется к базовому лагерю неподалеку от границы с Либертией, которая имеет с Портлендом общую административную, фактически фрагментарно контролируруемую границу, так как та проходит в диких джунглях.

Базовый лагерь периодически использовался внутренними планетарными войсками, дислоцированными в Портленде, для полевых учений и в настоящее время пустовал. К моменту прибытия группы, там их будут ожидать офицеры – наемники с весомым профессиональным стажем, палатки для ночлега, оружие и снаряжение для выполнения миссии. Собственно сама миссия заключается в устранении неудобного нынешнего президента Либертии путем вооруженного нападения на него в относительно уязвимый момент, скорее всего, во время его нахождения по делам вне столицы в удалении от главных сил с минимальной личной охраной. Непол-

средственно выступление состоится после нескольких дней дополнительного обучения и акклиматизации. За это время будет получена со спутника рабочая наводка с указанием места и времени, благоприятных для успешного нападения, а офицеры, опираясь на последние сведения по оперативной обстановке, сформируют план операции и предметно поставят задачи рядовым бойцам.

Изюминка акции с политической точки зрения, по словам Доплера, состояла в том, что их команде предстояло выступить как бы группой местного сопротивления, а не захватчиками извне. Сплин про себя прикинул, что в случае удачного окончания их миссии, средства массовой информации капнут обывателям на мозги что-нибудь вроде «... отважные борцы против тирании свергли преступного диктатора и его уголовную клику...», а в случае неудачи – «... народное восстание в Либертии было жестоко подавлено властями...» или вообще промолчат. Естественно, в случае успешного «народного восстания» в Либертию будут моментально подтянуты войска Межпланетной Конфедерации под благовидным поводом «обеспечения законности при проведении свободных демократических выборов», в результате которых в президентское кресло сядет нужный человек, который устраивает всех заинтересованных лиц и, прежде всего, конечно, уважаемых спонсоров.

С технической точки зрения, конечно, можно было проще решить вопрос управляемой авиабомбой из стратосферы

ры или ракетой с орбиты. Но тогда это уже становилось или внешней интервенцией, или терроризмом, светило расследование. По законам Межпланетной Конфедерации, само расследование, выборы или внешнее управление в этом случае организовывались специальным комитетом при Правительстве МК, а это кончиться может по-всякому, в том числе и в пользу конкурентов, да и недопустимо долго.

Чем ближе к концу срока, тем время летело быстрее, а учеба давалась легче, из изнуряющей каторги постепенно превратившись скорее в привычную работу с элементами игры. Курсанты просолились и заматерели, Доплер довольно ухмылялся. Перспектива применения полученных знаний на практике, в ходе чего наверняка придется делать из живых врагов мертвых (а противник, в свою очередь, в долгу не останется) пока всерьез как-то не воспринималась. Так же парашютист-перворазник воспринимает как некую своеобразную занимательную игру с шуточками-присказками такие предшествующие прыжку вещи как предварительный инструктаж, суету на взлетном поле и даже набор высоты, уже сидя с парашютом за спиной в летательном аппарате. И лишь оказавшись носком толчковой ноги на обресе, ожидая команды выпускающего сделать шаг за борт, чтобы упасть навстречу земле далеко внизу, доверившись при этом слабо контролируемым предметам и обстоятельствам, он всерьез познает цену вопроса.

Никого из курсантов так и не отсеяли. Доплер стал мень-

ше язвить по поводу их уровня подготовки, успехи группы были налицо – система дозированных пиздюлей в который раз показала свою исключительную эффективность. Сплин лишний раз убедился на своем опыте, что если пресс жизненных трудностей нарастает не сразу и насмерть, а постепенно, то человек способен вынести такое, чего бы сам о себе никогда не подумал. Причем тренированный страдает от трудностей не намного меньше, но имеет психологическую готовность заставлять себя преодолевать их, находясь порой на пределе сил. К концу подготовки физические данные, быстрота реакции и тактические способности Сплина были вполне приемлемы и укладывались в средние показатели по группе.

Каждый из курсантов какое-то время в рамках тренировочных миссий побывал командиром по крайней мере огневой группы в составе отделения. Выявилось несколько курсантов, которые приемлемо справлялись с тактическим управлением даже на уровне взвода. Сплин же особыми полководческими талантами не блеснул и выше отделения не поднимался, да, в общем, не очень-то и стремился, так как считал командную должность на поле боя скорее бременем, чем преимуществом – это ведь не флажки по карте двигать в штабе, мало того, что придется воевать самому, быть приоритетной целью на отстрел, так еще и принимать решения, от которых может зависеть жизнь и смерть подчиненных, нести за них ответственность, а это тяжкий и неблагодарный крест.

Всю последнюю неделю курсантам с перерывами высаживали разнообразные прививки, которые были призваны оградить их от хворей в джунглях Либертии. Глаза у Сплина горели, тело там и сям чесалось, температура была вроде повышенная – все время было жарко, вопреки бодрящей внешней температуре. То же было и с остальными. Ушлый фельдшер на жалобы ответил, что «это не триппер – само пройдет».

За два дня до отлета кормить стали раз в день постным рационом, как для больных с трудностями в поглощении пищи: тюбики с полужидкой болтанкой. Фельдшер объяснил, что надо очистить организм от избытков разнообразных шлаков перед помещением в криотанки на корабле, чтобы организм сам себя не травил в бездействии. Какие еще шлаки – из-за тренировочных нагрузок жратва при приеме пищи, казалось, и до желудка-то не долетает, расхвывается голодным организмом по дороге. Но порядок есть порядок. Перелет должен занять около двух с половиной недель, а содержать, развлекать и кормить кучу бодрствующего народу все это время нерационально. Куда практичней для перевозчика, да и для самих пассажиров, если все будут мирно спать в персональных холодильниках. У спящих, под влиянием низкой температуры сильно замедляется обмен веществ, так что помимо того, что холод не дает им в неположенное время пробудиться, организм к тому же медленнее стареет.

Наконец, «утром», в обычное время подъема, когда большинство уже по привычке проснулось, вместо резкого зум-

мера побудки, в казарму зашел Доплер и без традиционных сержантских интонаций в голосе произнес:

– Подъем, парни, приводите себя в порядок, через полчаса посадка на шаттл.

Уже перед самым лифтом, ведущим на площадку космопорта, явившийся на проводы майор Прайс, велел им поменьше общаться с остальными пассажирами, если придется с ними встретиться, затем сухо пожелал удачи и отдал распоряжения команде сопровождения, разрешая подъем. Группа набилась поровну в два больших грузовых лифта. Среди провожающих полуофициальных лиц в форме и штатском, стоял Доплер, выражение его лица не содержало повседневного хищного ехидства, оно было спокойным и слегка грустным. Сплин вдруг подумал, что Сержант за полтора месяца подготовки дал ему едва ли не больше, чем вся предшествующая жизнь. Встретившись с ним взглядом, Сплин слегка кивнул, Доплер чуть заметно кивнул в ответ. Закрывающиеся двери лифта вызвали у Сплина слабый, но заметный укол тревоги: игры кончились, скоро все будет по-взрослому. «Хуйня – пробьемся» – успокоил себя он. На почве того, что удалось достойно пережить учебку, заметно возросли самомнение и самоуверенность. Впрочем, критическое мировосприятие Сплина тоже никуда не делось, и он не склонен был недооценивать будущих противников-ветеранов – легко не будет. После резкого щелчка включившегося подъемного механизма лифт рванулился вверх. Внутренности опусти-

лись и колени подогнулись в первые секунды подъема. Оба лифта достигли поверхности почти одновременно. Коридор вел к посадочной площадке челноков, которая находилась в шахте под поверхностью и герметично закрывалась сверху здоровенными, как разводной мост, створками после посадки или взлета.

Наемники, сопровождаемые суровыми представителями службы безопасности, проследовали через главный шлюз площадки по «гармошке» выдвижного коридора в шлюз челнока. Сплин про себя ухмыльнулся – их теперь считают достаточно опасными людьми, чтобы привлекать вооруженную охрану, это отчасти лестно. Челнок был готов к отлету, ждали только их. Рассадили по тесным рядам кресел, проследили, чтобы все страховочные приспособления были надежно зафиксированы. Пассажирская палуба ровным счетом ничем не была примечательна: только ряды посадочных кресел и запертый сортир в хвосте. Средств внешнего обзора не было никаких. Сплин невесело предположил, что это отсек для транспортировки заключенных. Ни с кем из других пассажиров, если таковые и были на других палубах, столкнуться не довелось. Затем старший группы сопровождения сверил по списку, все ли здесь, после чего вместе со своими десантниками покинул челнок. Шлюз герметично закрылся, «Гармошка» выдвижного коридора с кляцаньем открепилась от шлюза шаттла.

Какое-то время ничего не происходило, затем раздался предупреждающий зуммер, кресла приняли полулежачее положение. Возник нарастающий гул прогреваемых двигателей. С цепным лязганьем, точно ворота старой крепости, открылись внешние двери сверху. Шум двигателей нарастал, затем челнок дрогнул, оторвался от поверхности и плавно начал набирать высоту, немного навалилась перегрузка, которая вскоре сменилась невесомостью. Наконец, корпус трянуло, клацнули зажимы доков: челнок пришвартовался к транспортному кораблю. Кресла вновь приняли сидячее положение, ободы безопасности отщелкнулись. Сила тяжести была слабая, но все же была: челнок вращался вместе с громадой корабля. Женский компьютерный голос безэмоционально велел ожидать, так как имеется предписание открыть дверь их отсека лишь после того, как остальные разгрузятся. Поднялся вялый возмущенный ропот, но тут же стих – никто и не ожидал, что будет встреча с оркестром.

Сплин включил встроенный в спинку впереди стоящего кресла телевизор, напялил наушники. Оказалось, ящик фурьичит, правда, с записей двухнедельной давности. Сначала переключал каналы наугад, наткнулся на лощеных баб, гладких и холеных до неприличия, с приклееными гримасами белозубо – счастливых псевдо-улыбок. Те рекламировали какую-то очередную дурацкую косметику, которая, типа, из кого хошь модель сделает. Сплин расстроился, так как дальнейшая работа наличия доступных баб не предусматривала,

тем более моделей. «Эх, мне бы женщину белую, белую... А впрочем – какая разница! Привязал бы я ее к дереву, да и в задницу, в задницу, в задницу... Ну, может и не в задницу, да и привязывать не за чем... Я вас любил, да хули толку – ебаться хочется как волку... Эх, чего уж теперь...» – в фоновом режиме пронеслось в голове. Жизненные трудности на некоторое время отпустили, и тут же начали поднимать голову иные интересы. Не хлебом да пиздюлями едиными сыт человек, в конце-то концов...

Соображая, чего бы полезного урвать от недолгого общения с ящиком, Сплин набрал запрос: «новости Фурия Либертия». Через несколько секунд телевизор выдал список передач в порядке убывания даты. Сплин выбрал из списка верхнюю запись. Хорошенькая дикторша с гладким кукольным личиком что-то говорила про «нарастание напряженности» в провинции. При этом у нее было строгое и немного осуждающее выражение лица, значащееся в подсказках бегущей строки, с которой она читала текст. Видеорепортаж с мест событий показывал разрушенные и горящие поселки среди джунглей, раненых, беженцев, куда-то бегущих и в кого-то невидимого среди зарослей стреляющих солдат в тяжелой броне. Комментатор говорила, что некоторые соратники Либертийского правителя, перешедшие постепенно в политическую оппозицию, со временем все больше расходились с ним во мнениях, и в конце концов подняли вооружен-

ный мятеж против «правлящего криминального режима», который из-за разобщенности оппозиционеров оказался неэффективен и вскорости был в целом подавлен.

Несмотря на лозунги, очевидно было, что все дело было исключительно в претензиях на власть, так как с содержательной точки зрения лица, организовавшие переворот, были из того же теста и ничем не лучше, может оппозиционеров как-то обошли при разливе и они обиделись. В заключение комментатор отметила, что военные действия в ряде регионов провинции могут продлиться довольно долго даже после формальной победы одной из сторон: партизанщину в джунглях искоренить непросто. Наемникам такая ситуация отчасти даже на руку: в мутной воде легче остаться незамеченными. С другой стороны, президент Либертии и его войска начеку, и это может осложнить саму акцию. А с третьей стороны, хрен его знает, что там будет, когда группа доберется до места, поживем – увидим...

Размышления прервал шум открывающегося замка двери их пассажирского отсека. Размеренно и правильно выговаривая фразы, бортовой компьютер велел покинуть челнок, после шлюза следовать по коридору вдоль желтой линии на полу к отсекам, где их погрузят в криогенный сон на время полета. Группа прошла по бело-серому извилистому коридору, тускло освещаемому желтоватым светом светодиодных ламп до пеналообразных спальных отсеков со стоящими в несколько рядов криотанками. Сами капсулы криотанков

напоминали цилиндрические гробы со стеклянными крышками. Ни дать, ни взять – подвальное логовище вампиров.

Наемников встретила небольшая команда медицинских техников. Всем велели посетить сортир, раздеваться и ложиться в криотанки. Медтехники шустро упаковывали пассажиров. Очередь быстро дошла и до Сплина – женщина средних лет, стриженная ежиком, оригинально раскрашенным «под седину», чуть улыбнулась ему странно мягкой улыбкой, налепляя манжеты с датчиками на запястья:

– Расслабься, касатик, пора в люлю, – Сплин улегся в анатомически рельефную ванну криотанка. Он слегка дрожал – было прохладно, да и волновался немного, в холодильнике ложился первый раз. Путь на тренировочную базу занял меньше времени и обошлось без криотанков – пассажиры в персональных модулях погружались в менее глубокий сон специальным полем, несколько раз за дорогу последовательно отдельными группами пробуждались, разминались, справляли биологические нужды, какое-то время тусовались в отсеке для отдыха бодрствующих, затем опять укладывались по своим модулям, чтобы освободить место следующей партии.

Медтехник сноровисто закрепила ему на сгиб руки универсальный инъектор Тело стало легким и теплым, душа впервые за несколько недель наполнилась покоем – следствие кратковременной эйфории, вызванной премедикацией. Сплин хотел было сказать даме-медтехнику, что у нее

чудесные серые глаза, но не смог осуществить этого намерения, так как на лицо легла дыхательная маска, и по истечении следующих нескольких секунд он провалился в черный обволакивающий омут сна. Медтехник посмотрела кривые, ползущие по мониторам датчиков, убедилась, что все идет как надо. Затем ввела с консоли блока управления несколько команд – крышка с легким жужжанием герметически закрылась, мутная желтоватая криогенная жидкость наполнила усыпальницу Сплина. Женщина пару секунд задумчиво глядела на его умиротворенное сном лицо, затем еще раз проверила показания индикаторов и перешла к следующему.

3. Чужая земля

Бортовой компьютер «разбудил» наемников через семнадцать дней, когда корабль вышел на стационарную орбиту вокруг Фурии. Криогенная жидкость была откачана, температура в обитаемых отсеках повышена до 18 градусов, воздух провентилирован. После этого компьютер открыл крышки криотанков. Пробудившись, пассажиры инстинктивно прокашливались, исторгая из легких жидкость, которой они дышали больше двух недель, как младенцы в утробе матери. Откашлявшись выворачивающим, раздражающим горло кашлем, Сплин не без усилия вспомнил кто он, где он и зачем он здесь. После длительного бездействия тело находилось в вялом состоянии, как после болезни. К тому же в отсеке было нежарко, а остатки криогенной жидкости на теле вызывали ощущение, что он вымазан мерзкой холодной слизью. Несмотря на чувство влажного холода, во рту было сухо, чуть ли не до скрипа, голову ломило, будто с похмелья – организм был обезвожен. Стараясь двигаться плавно, Сплин сел, свесив ноги, отцепил от себя датчики, и, морщась, огляделся вокруг. Окружающие, судя по их неуверенным движениям и кислым выражениям лиц, чувствовали себя не лучше. Он опустил голову, выжидая пока пройдут цветные круги в глазах.

Вдруг Сплин услышал до боли знакомый голос, напоминающий нечто среднее между звуком циркулярной пилы и трогающимся железнодорожным составом:

– Утро доброе, дамочки! Что это еще за климакс, ну-ка взбодритесь, а то кажется, что вам не на дело идти, а в дом для пожилых оформляться.

Каково же было всеобщее удивление, когда повернувшись на голос, все узрели Доплера собственной персоной, облаченного в новый синий рабочий комбинезон со множеством карманов, да еще и в фуражке-бейсболке с эмблемой Корпорации, надетой на коротко стриженную голову. На штатского инженера он был похож мало. Сплин подумал, что даже смокинг с бабочкой будет выдавать в Доплере Сержанта.

– Сэр, но вы не поднимались с нами для посадки в шаттл, – удивленно промямлил Аткинс.

– Ты что, рядовой, не рад видеть своего любимого инструктора?

– Нет, сэр, рад, но как же...

Доплер прервал его нетерпеливым взмахом кисти. И объяснил, обращаясь ко всем:

– Крученный тип, который был нанят, чтобы возглавить миссию, в последний момент не явился и вообще никак на связь не вышел. И аванс Корпорации не вернул. Меня настойчиво попросили занять его место. Скажем так, это было предложение, от которого невозможно отказаться. Я сел в шаттл последним. А летел в отсеке с настоящими горняками.

Ну, все, хватит приветствий, чего раскрылатились, как роженицы – быстро в душ и разминайтесь, как папуля учил. Через полчаса, да после приема пищи должно полегчать. Форма, то есть гражданская роба в шкафчиках вон там у стенки. Пойду проведу остальную часть коллектива, – он, бодро насвистывая что-то, направился ко входу в другой спальный отсек.

Завтрак не зря нейтрально-обезличенно назывался «приемом пищи», но был заглочен, учитывая его потребительские свойства, с завидной скоростью – хавать надо впрок все съедобное, что подворачивается, потому как неизвестно еще, когда следующая кормежка состоится. Доплер оказался прав – народ оживился.

– Ну вот, другое дело – чувствую себя, как белый человек, – прокомментировал свое улучшившееся самочувствие Сплин.

Аткинс, будучи черным, то есть без малого полным негром, уставился на него непонимающе.

– Ну, то есть я в том смысле, что...

Аткинс залыбился на зависть крепкими зубами:

– Да расслабься, Длинный, все мы тут ниггеры.

Едва группа вылезла из-за столиков, как Доплер, прижимая к уху коммуникатор, что-то коротко ответил невидимому собеседнику и скороговоркой проговорил, обращаясь ко всем:

– Наш челнок припаркован к седьмому доку, уже загру-

зился, ждут нас, велено немедленно быть. Опять полетим в отдельном отсеке. Оно и к лучшему, общение с настоящими технарями сразу покажет, что вы ни хрена в специальности не смыслите.

Их пассажирский отсек был еще более утилитарен, чем в прошлый раз, даже телевизоров не было. Челнок спускался на поверхность несколько дольше, да и болтало сильнее, так как планета обладала полноценной атмосферой. Вблизи поверхности врубилась тормозные двигатели, что резко вдавило пассажиров в страховочные системы кресел. У Сплина от неожиданной перегрузки клацнули зубы, перехватило дыхание и в глазах залетали серебряные мушки. Те же ощущения пришлось испытать при соприкосновении посадочных опор с поверхностью.

Опять пришлось ждать, пока все, прибывшие на планету официально и открыто, выгрузятся. Затем женский компьютерный голос размеренно поздравил всех с прибытием, оповестил, что местное время – 06:23 утра, в местных сутках – двадцать восемь часов, температура снаружи +32,7 градуса по Цельсию, влажность такая-то, пожелал «всего вам доброго» и порекомендовал воспользоваться глазными каплями из встроенных в спинки впередистоящих кресел аптечек для лучшей адаптации зрения к местному уровню освещенности. Сплин выгреб из аптечки полиэтиленовый тюбик с каплями, но, с детства избегая по возможности употребления фармацевтических препаратов, циничные производите-

ли которых зачастую грешили разного рода подлогами, решил воспользоваться им в случае необходимости позже.

Группа выбралась из посадочных кресел и нестройной вереницей двинулась за Доплером навстречу двери в иной мир, которая из полумрака коридора сияла ослепительно, как райские врата. Шедшие впереди исчезали, растворяясь в этом свете. Сплин зажмурил глаза: после полутора месяцев, проведенных в подземном муравейнике при искусственном освещении, контраст был слишком велик. Он нашарил в нагрудном кармане куртки тюбик, сдвинулся к стенке, чтоб не стоять на дороге, и поспешно выдавил в слезящиеся глаза капли, половину пролив при этом мимо.

Шлюз челнока переходил в крутой выдвижной трап. Несмотря на любопытство, не в силах поднять взгляд на окружающий ландшафт, Сплин сошел с трапа, глядя себе под ноги и прикрывая глаза рукой. После выхода последнего пассажира дверь челнока с шипением закрылась, коротко клацнув замком.

В первые минуты какая-то часть прохлады держалась на коже и одежде, но очень быстро все ощутили, что попали в настоящее пекло. Ветер был несильный, но заметный, хотя облегчения от жары не давал, воспринимался как дуновение из сушилки для волос. Сам воздух, как и было обещано, вроде поддерживал дыхание и был похож по составу на земной, недостатка кислорода не чувствовалось. В воздухе присутствовали какие-то трудноуловимые и неопределенные из-за

отсутствия аналогий пряные ароматы, видимо приносимые ветром с окружающих посадочное поле джунглей. Чуть за тридцать градусов – не так много, но высокая влажность добавляет в жару новые ощущения. Причем это ведь еще только утро...

Местное дневное светило было астрономически крупнее Солнца, визуально оно казалось примерно такого же размера, только ярче и было на вид скорее белым, чем желтым. Небо тоже было иное: снизу, над линией горизонта – бледноватое серо-голубое с немного красноватым оттенком, а чем выше, тем его доминирующий цвет постепенно становился ближе к фиолетово-розовому – как предзакатный отсвет на земных облаках.

Зрение, наконец, более или менее адаптировалось к избытку света, и Сплин смог полноценно оглядеть окружающую действительность. Космопорт располагался в котловине почти круглой формы естественного происхождения с пологими, как стенки чайного блюдца склонами, площадью в несколько квадратных километров. Центральная часть дна котловины, предназначенная для посадки крупных аппаратов, была покрыта пластобетонными плитами, но большая часть имела естественную поверхность, почти столь же гладкую и твердую. Видимо, это было дно давным-давно пересохшего водоема, теперь покрытое плотной, потрескавшейся крупными ячейками, соляной коркой песчаного цвета. По краям взлетного поля располагались административные,

эксплуатационные и складские постройки, с такого расстояния казавшиеся игрушечными – шаттл сел почти в центре. Среди построек выделялось административно – вокзальное здание с грибом диспетчерской вышки и разнообразными антеннами на крыше. Сплин разглядел приближающийся к нему фургон с пассажирами, которые выгрузились первыми и несколькодвигающихся в направлении коробчатых складских модулей приземистых большеколесных грузовозов, поднимающих за собой слабый шлейф пыли, относимый слабым ветром в сторону. Они были уже далеко, шум моторов был едва слышен. Склоны котловины со всех сторон покрывали джунгли, смотревшиеся на светлом фоне взлетно-посадочного поля неопределенно темными.

Доплер велел всем пока осматривать достопримечательности, а сам отошел чуть в сторону, достал трубку коммуникационного устройства, зубами вытащил короткую антенну и, установив связь, принялся договариваться с местными насчет транспорта, постепенно переходя на повышенные тона, а с них на мат – их ждали позже и поэтому с транспортом не очень-то разбежались. Сплин слушал вполуха не слишком озабоченно: солдат спит – служба идет.

Затем он обошел шаттл, чтобы лучше видеть панораму с другой стороны. Шагалось тяжеловато – он не вполне отошел от гиперсна, да и повышенная гравитация после расслабухи немного давила. Это не особенно тревожило, тренированный организм скоро должен был адаптироваться, ведь грави-

тация на тренировочной базе также была повышенная, даже несколько больше. Подошвы десантных ботинок глухо бухали по пластобетонным плитам. Звук на открытом пространстве был непривычный, более рассеянный. Там и сям между плитами пророс какой-то местный эквивалент бурьяна, который, похоже, регулярно выжигался двигателями приземляющихся аппаратов и не менее регулярно вырастал снова.

Термостойкое покрытие корпуса шаттла потрескивало, остывая. В дальнем краю поля выднелись ряды разнообразных летательных аппаратов местной авиации и комплексы для ее обслуживания. Сплин узнал некоторые модели, в том числе военные образцы, описания которых присутствовали в учебных базах. В целом космопорт был почти пуст, и особого движения не наблюдалось. Это казалось неестественным, точнее непривычным, если вспомнить дикую перегруженность и безумную плотность движения, характерную для всех транспортных коммуникаций, которыми Сплин пользовался на Земле. Он решил, что в провинциальности, безусловно, есть свои плюсы – жизнь здесь не такая суматошная. Планета на нынешнем уровне развития местного колониального хозяйства имела главным образом относительно низкотехнологичную околосырьевую специализацию, и для обеспечения текущих производственных и бытовых нужд в основном использовалась местная производственная база, так что средний уровень здешней материальной части по современным цивилизационным меркам был несколько отста-

лым, а в чем-то и архаичным.

Жара заставила Сплина прекратить осмотр местности и переместиться в тень, отбрасываемую корпусом шаттла. Большая часть группы расположилась в поисках защиты от палящего солнца там же. Сплин устало сел прямо на теплый бетон, с трудом подавляя желание лечь, положив под затылок фуражку-бейсболку. Прохладнее в тени не было, но, по крайней мере, прямые лучи не жарили. Доплер закончил переговоры, спрятал рацию, и вразвалку направился к ним. Он не стал строить всех «во фронт», а небрежно заметил:

– Зря вы тут расселись, ребятки – у старых моделей были «грязные» движки, так что бетон наверняка фонит.

Народ оперативно повскакивал, подозрительно глядя себе под ноги, как будто радиоактивное излучение можно было увидеть. Вскоре два вертолета из стоящих на площадке внутреннего аэропорта оторвались от земли и двинулись в их сторону. Чуть позже они приблизились настолько, что можно было их разглядеть. Хлопающий гул двигателей вблизи был оглушительным, так как подавители шума не были включены, а может и вовсе отсутствовали – модель была старая, а эти образчики, судя по давно выцветшей окраске, полустертым номерам и эмблемам Корпорации на бортах, были едва ли не ровесниками самых молодых бойцов их отряда. Это были транспортные машины модели «Конвей» средней грузоподъемности, имеющие продолговатый, похожий на сардельку, корпус и два продольно расположенных несущих

щих винта. Имелись также коротенькие плоскости в кормовой трети корпуса, где располагались вспомогательные реактивные двигатели, играющие главным образом роль средств стабилизации и маневрирования. Пилотская кабина располагалась спереди между тупым носом и шишковатым наростом двигательного отделения первого несущего винта. В условиях отдаленности от высоких технологий современности в использовании вертолетов в качестве транспорта был резон: они требовали относительно просто изготавливаемого топлива, запчастей и инфраструктуры обслуживания. Кроме того, часто при доставке груза требовалось зависнуть прямо над головами из-за отсутствия места для посадки, при этом не подпалив людей двигателями.

Машины сели неподалеку от шаттла. Доплер, прижимая к голове фуражку, пригибаясь в сопротивлении воздушному потоку, подбежал к кабине ближайшего вертолета и что-то проорал пилоту, высунувшемуся в открытое боковое стекло. Пилот, как ни странно, несмотря на шум моторов, его вроде бы понял, потому что энергично кивнул и махнул рукой себе за спину – грузовой трап, представлявший собой плоское дно чуть задранной кормы, медленно открылся, как нижняя челюсть кашалота. Почти одновременно отвалился трап второго вертолета.

Кресел внутри не было, а были две низенькие линии откидных полужестких сидений вдоль обвешанных грузовыми крепежными сетями бортов, как в вагонах подземки, только

в полтора раза компактнее и с ремнями безопасности. Внутри гул двигателей был существенно тише, чем снаружи и не так давил на барабанные перепонки – грузовой отсек был отчасти звукоизолирован. Было так же жарко, как на улице, пахло какой-то смесью моторного масла, авиационного топлива, нагретого пластика и неопознаваемыми остатками запахов перебивавших здесь за долгий период грузов. Сплин обратил внимание, что Фрост, усевшийся напротив, потянул носом воздух, взгляд его на короткое время устремился куда-то не то внутрь, не то сквозь, левая сторона рта изогнулась в задумчивой полуулыбке. Но тень узнавания слетела с его лица так же быстро и неожиданно, как и возникла, оно снова приняло обычное бесстрастное выражение. Не в первый раз Сплин замечал за Фростом проблески замашек, свидетельствующих о том, что он далеко не настолько «чайник» в деле, как большая часть группы, как старался представить он сам, нарочно напрягаясь вполсилы во время тренировочного курса, в то время как многие были на грани.

Лететь пришлось довольно долго. Сплин отсидел себе всю задницу, а некоторым сидячих мест вообще не хватило. Он поворачивался на мелком и коротком сидении и так и эдак, но помогало это мало. Прислонить голову к поверхности внутренней обивки и поспать не вышло – стена чувствительно вибрировала, вызывая в зубах частое дребезжание, а низенькая спинка сидения была долговязому Сплину где-то на уровне ниже лопаток. В окошке изрядно закопченного ил-

люминатора зеленым ковром, на сколько хватает глаз, проплывали джунгли. Несколько раз мелькнули поселки и вроде какой-то промышленный комплекс, блеснула извилистая линия реки. Через бортовой иллюминатор листва верхнего яруса растительности в долинах казалась такой плотной, что по ней можно ходить, не проваливаясь. Местность была пересеченная, когда гребень очередного холма проплывал под брюхом фюзеляжа, было видно, как вспархивают в разные стороны вспугнутые птицы причудливой расцветки. Некоторые крупные сопки были выше эшелона вертолетов, их верхушки частично скрывались под туманными вуалями, постепенно тающими под набирающим дневную силу солнцем. Наконец вертолет сбавил скорость, снижаясь, описал небольшую дугу и, чуть задрав нос, приземлился в небольшой долине на неприметной поляне, которую Сплин и не заметил сверху. Открылся грузовой трап и вояки, неуклюже переставляя затекшие ноги, вышли наружу. Поляна поросла невысокой, по колено, травой горчично-желтого, у корней ближе к зеленому, цвета, такой насыщенности, какой Сплин у земной травы никогда ни в одно из времен года не видел. По краям поляны рос кустарник, переходящий в заросли джунглей, столь густые на первый взгляд, что передвижение по ним, иначе как в бульдозере циклопических размеров, казалось немислимым. Как только все выгрузились, вертолеты тут же набрали высоту и улетели. Стрекошущий шум их двигателей быстро затих вдали.

Смесь непривычных для обоняния тропических запахов защекотала в носу, Сплин забористо чихнул, проглотив несколько насекомых, полчища которых жужжали, гудели, пищали вокруг, действуя на нервы городскому жителю. Большинство из них изъявило настырное желание испить человеческой крови, хоть человек и был чуждым, относительно новым элементом планетарной экологии и в местные пищевые цепи прямо не вписывался. От болезнетворных укусов кровососов должны были помочь прививки, сделанные в последнюю неделю тренировочного курса. Воздух был застойный, горячий и влажный, как в парной. Пить захотелось еще в вертолете, теперь же вода занимала все мысли.

Из-под полога обширной маскировочной пленки «хамелеон», на которую поверх была накинута лоскутно-бахромистая маскировочная сеть, которая тщательно закрывала жилые палатки и нагромождения грузовых контейнеров, материализовался голый по пояс мужик неопределенного возраста в промежутке от 20 до 45. Он был среднего роста, обладал стройной, атлетичной фигурой, смугловатой гладкой кожей и рельефной, но не выпирающей мускулатурой. Никаких армейских или блатных татуировок. Черты его лица были тонкими и правильными, если не сказать аристократичными, но не обладающими никакими запоминающимися признаками, за исключением недельной щетины. После перемещения взгляда на другой объект, такое лицо тут же забывалось. Оно могло бы принадлежать преуспевшему в жизни научному ра-

ботнику или бизнесмену, если бы не циничное и жесткое общее впечатление. Все это наводило на мысль о возможном профессиональном вмешательстве пластического хирурга, а может и морфогенетика.

Встречающий остановился в нескольких метрах от группы прибывших, нисколько не щурясь от бьючего прямо в глаза солнца, цепко оглядел воинство, остановил взгляд своих удивительно черных, как дула пистолетов, без признаков радужных оболочек глаз на Доплере и удивленно поднял бровь.

– Сержант? А мир и вправду тесен. Рад видеть живым и на свободе. А где же Зальцман? – голос был доброжелательный и спокойный, как у дорогого психоаналитика.

Бойцы переглянулись, услышав, как Доплера назвали Сержантом. Видимо это прозвище прилипло к нему еще в детском саду, если, конечно тот когда-либо ходил в детский сад, а не сразу в десантное училище или где он там учился делать людям «бо-бо».

– Слэш... А ты хорошо сохранился, наверное, много работал над собой, – тот в ответ улыбнулся и пожал плечами. – Зальцман не явился, прихватив задаток. Я за него. Остальное все в силе. Вот предписание. Ты пригласишь нас войти или так и стоять на солнце?

Слэш глянул на документ, удостоверяющий полномочия Доплера, вынул из кармана форменных брюк предмет, напоминающий пульт дистанционного управления, навел его на невысокий, около метра, куст, один из многих, окружав-

ших поляну, слева от себя, нажал на пару кнопок. Проследив за его взглядом, Сплин заметил как вполне естественно выглядящее растение, развернулось от их группы в противоположную сторону – к обступавшим поляну джунглям. Сквозь листья на миг проглянул ствол какого-то стационарного оружия.

– Конечно, входите, – он зазывно мотнул головой в сторону укрытого маскировочной пленкой лагеря, так пастор приглашает темных и грешных прихожан посетить церковь. – Вода вон в том здоровом термосе, те пустые палатки для вас, располагайтесь. Отдыхайте пока. За пределы периметра лучше не выходить – потеряетесь или съедят. Внутри периметра довольно безопасно, тут вокруг понатыканы широкополосные ультразвуковые излучатели с датчиками движения, они зверье на расстоянии держат.

– Что за хренотень, зачем ты наставлял на нас караульный лазер, я же связывался с вами из вертолета и предупредил о нашем прибытии, – недовольно насел на Слэша Сержант.

– Доверяй, да проверяй, коллега. Только так. Ты же сам знаешь.

По дороге к офицерской палатке, Слэш вкрадчиво поинтересовался у Доплера:

– Кстати, где ты набрал этих пионеров? У большинства из них выражено зеленый вид, а противники, сам знаешь, у нас серьезные. То есть я не хочу, конечно, сказать, что ты...

– Это не я, – оборвал Слэша Доплер. – Мне вся команда

в комплекте досталась.

– А может быть ты случайно не в курсе, с чего это вдруг старина Зальцман столь низко уронил свой образ профессионала, о котором он так ревностно печется, и грубо кинул нашего нанимателя?

Доплер почесал затылок, и неуверенно ответил:

– Зальцман неплох в деле, но всегда был отменным рвачом, способным продать и заложить родную мамочку, так что хрен его разберет, если встречу – спрошу.

Слэш, который в рамках этого задания был одним из офицеров, соблюдая субординацию, церемонно откинул перед Доплером полог офицерской палатки и торжественно произнес в проем:

– Джентльмены, к нам прибыл Главнокомандующий.

В ответ на эту ехидную реплику, Доплер несильно двинул его локтем в стальной пресс и вошел, после внутри скрылся и Слэш.

Сплин посмотрел им вслед, затем встал в хвост очереди к бочке-термосу, которая насчитывала десяток еще не утоливших жажду страждущих. Проклятые насекомые ползали по лицу, роба прилипла к вспотевшей коже, капли пота, щеко-ча, стекали с груди по животу, создавая впечатление, будто какая-то букашка, а может и не одна, забралась под майку и там ползает, выискивая, где бы укусить. И как Слэш прохлаждается тут без куртки? Наверное, обрызгался каким-нибудь инсектицидом.

Наполнив себя чуть прохладной водой, которая имела заметный привкус обеззараживающих таблеток и жажды вполне не утолила, Сплин нашел недоукомплектованную постояльцами палатку, а в палатке – пустую лежанку. Интерьер жилища был небогат. Каждому полагалась раскладная пластиковая койка и импровизированная тумбочка из пустого ящика для боеприпасов. Долгостояния здесь не предполагалось. Ожидая инструкций мудрого руководства, народ бездельничал, вяло перебрасываясь малозначащими фразами. Сплин последовал примеру остальных и, не разуваясь, улегся на свое жесткое ложе, заложив руки за голову и слегка свесив подошвы ботинок с края койки. Легче не стало, жара и влажность были мучительны, но для поддержания лежачего положения требовалось куда меньше сил.

Через час, а может быть и через полтора, полог палатки откинулся, заглянул Доплер и позвал всех «на большой половой развод». Опухший от жары народ с видимым усилием начал шевелиться в направлении выхода. Они начали было привычно строиться, но Сержант отрицательно скривился и махнул рукой – вольно. Бойцы расположились неровным полумесяцем на траве в тени маскировочного тента. Офицеры остались стоять в нескольких метрах перед ними, исподволь оценивая разглядывая прибывших. Помимо Слэша, остальные предстали взору будущих подопечных впервые. Причем один из четверых офицеров еще не подошел, видимо его ждали прежде чем начать. Доплер оглянулся на

офицерскую палатку и окликнул:

– Боцман, ты чем там занят?

– Отправляю подтверждение! Щас подойду, – раздался в ответ хрипловатый низкий голос.

Сержант начал представлять офицеров рядовому составу.

– Со Слэшем вы уже виделись, – представляемый чуть улыбнулся углом рта и кивнул. – Он командир первого взвода и мой заместитель.

Дальше его прервал подошедший быстрым шагом из офицерской палатки коренастый детина, еще более здоровый, чем сам Доплер, и на полголовы выше. На вид ему было лет 27–35, в отличие от Сержанта его несколько рыхловатая мышечная масса, распирающая засаленную безрукавую майку, досталась ему в большей степени от природы, чем явилась плодом мучительных тренировок. Возможно, он был уроженцем планеты с повышенной гравитацией, так как его движения при ходьбе были более резкими и подпружиненными, чем можно ожидать от человека с такой комплекцией. Волосатые руки были покрыты густым слоем татуировок самого разного содержания и смысла: от лирическо-философского до колюче-угрожающего. Его голова, поросшая рыжеватыми космами, имела трапецевидную форму с расширением книзу, затем плавно переходила в могучую шею, а та незаметно перетекала в плечи. Мясистый нос с торчащими оттуда волосами был как минимум пару раз перебит в переносице, что свидетельствовало об общительном и любознательном

характере. Подойдя, он что-то вполголоса сказал Доплеру на ухо. Доплер кивнул на подошедшего:

– Теперь все в сборе. Это, как вы поняли, Боцман – специалист по технической части вообще и минно-взрывному делу в частности, – тот оскалился бородатым ртом, что, видимо, означало «очень рад вас видеть, джентльмены» и в свою очередь оценивающе оглядел вялое сборище товарищей по оружию. – Если проживете достаточно долго, то общение с этим типом существенно увеличит ваш словарный запас.

Боцман еще раз ухмыльнулся и поправил пропитанную потом темно-зеленую бандану, повязанную вокруг головы – его тоже донимала жара: судя по белой коже на открытых участках тела, он не очень-то любил загорать под естественным светиллом. Повадки этого кадра красноречиво говорили за то, что распылять на атомы у него получается гораздо лучше, чем починять сломанное.

Доплер повернулся чтобы представить третьего: среднего роста и телосложения, азиатской наружности, с нейтрально-непроницаемым выражением лица.

– Бишоп. Наш медик, – тот бесстрастно кивнул, но Сплину почудилась мелькнувшая в его глазах усмешка, не насмешка, а именно ухмылка бывалого человека, наблюдающего за великовозрастными детьми, пытающимися выглядеть взрослыми крутыми перцами. Хотя черт их поймет, этих азиатов, и глаз-то не видать почти, может и показалось.

– Ну и наконец, – Сержант повернулся к четвертому –

черному долговязому парню со стрижкой «площадкой», – Штырь, командир второго взвода.

– Начальник, я не понял, почему черные всегда в последнюю очередь? – сопровождая свой вопрос соответствующей артикуляцией в гангстерском стиле, в шутку наехал на Допера Штырь.

Доплер подыграл ему, пресекая, тем не менее, фамильярность интонацией:

– Потому что по завершении дела я первому дам тебе самую большую медаль, какую только найду, перед телекамерами, так чтобы черного героя видели все благодарные жители этого Господом забытого захолустья, идет?

– Ловлю на слове, начальник, – улыбнулся Штырь, демонстрируя незлобливость и способность к компромиссам. Перед тем как стать наемником, в регулярной армии этому добру молодцу, по всей видимости, послужить не довелось, так как соблюдение субординации он явно считал излишеством, а там это крепко вдалбливают – не сразу проходит. Впрочем, Доплер и не настаивал на формальном чинопочтении – в районе боевых действий различия в форме и поведении при общении укажут наблюдательному врагу, кого отстреливать в первую очередь, так что авторитет командиров «в поле» держится отнюдь не на внешней атрибутике. Сплину все неевропейские физиономии были на одно лицо, так что он с трудом мог судить о возрасте Штыря, но похоже тот был самым молодым из офицеров, так как не изжил еще абстракт-

ного чувства юмора, которое на такой работе со временем либо пропадает совсем, либо трансформируется в мрачный цинизм.

– Теперь о деле, которое, как выяснилось, не ждет, – перешел к главному Доплер.

По словам командира, задача стояла в целом следующая. Спутниковой передачей, которую недавно принял Бозман, поступила информация, что президент Лутар, свержение которого является целью их операции, намерен такого-то числа в рабочем порядке прибыть в одно из своих дальних поместий для проведения ряда конфиденциальных деловых встреч, где он пробудет минимум несколько дней. Группе вообще-то положено не меньше недели на адаптацию, но реально есть два дня, так как упускать благоприятную возможность нельзя. Предстояло совершить трехдневный марш пешком к поместью и штурмом захватить его. Дорог там немного – наземным транспортом добираться нельзя, везде блокпосты да скрытые пункты наблюдения, вертолетом нельзя, так как они у местных практически наперечет, и группа опять же себя обнаружит, а более сложную технику с развитыми средствами маскировки не дали – не прошла по смете. Так что ножками, по старинке – через границу от базового лагеря подкинут вертолетами, но дальше сами.

По завершении акции отряд отправляет сообщение, в котором на правах якобы местных сил сопротивления запрашивает помощи у Представительства Конфедерации. Даль-

ше все идет как по писанному «в соответствии с действующим межпланетным законодательством»: из соседней, лояльной Конфедерации провинции Портленд вводятся правительственные войска, освобождают от войск Лутара столицу, сажают туда временное правительство, затем превосходящими силами в течение нескольких недель берут под контроль остальную территорию. После чего в результате «свободных демократических выборов» президентом становится нужный Корпорации человек. Понятное дело, горы и джунгли под полный контроль взять нельзя – там еще долго будут партизанить противники нового режима, но подобная маленькая война кое-кому даже на руку. Например, подрядчикам Министерства Обороны, крупнозвездным армейским чинам, разного рода паразитам на финансировании и материальном обеспечении, всякому местному отребью, которое будет заниматься бандитизмом под маркой «народного сопротивления», да и черт знает кому еще. Война невыгодна только жителям, которым надо лишь, чтобы им не мешали спокойно жить и зарабатывать, да вот только кто б их спрашивал, этих жителей...

– Сэр, – встрял Сплин, – А как мы оттуда уберемся?

– Ну что ты вечно бежишь впереди паровоза, студент, – я все скажу и не по разу, – поморщился Доплер. – Хотя вопрос уместный.

Подробнее выполнение миссии выглядело так. Вечером первого дня их встретит проводник из местных, который до-

ведет отряд до поместья так, чтобы не нарваться на патрули, минные поля и минимизировать трудности и опасности передвижения по джунглям. Проводник – наемник, но кинуть не должен, так как у него зуб на Лутара. Несколько лет назад законную собственность его родного папаша присвоил один из подручных Лутара, а самого папашу повесили как пособника прежнего режима. Внештатным сотрудником первого отдела «Магмы» этот субъект стал вскоре после побега из фильтрационного лагеря, где провел не лучшие восемь месяцев своей жизни, перед тем как представилась возможность «сделать ноги».

Охраны относительно немного, так как территория Лутару подконтрольна и лояльна, поэтому держать вокруг себя большую вооруженную орду ему нет смысла. Поместье охраняет ориентировочно человек сорок, еще пару отделений составляет обычно личная охрана Лутара, с которой он на бронемашинах или вертолетах перемещается по своим делам. Там еще всякая обслуга, но они не вояки. Таким образом, на стороне отряда имеется минимум полуторный численный перевес плюс фактор относительной внезапности – гарнизон, хоть и состоит из обученных солдат, но даже опытные воины со временем теряют тонус от рутинной караульной службы без регулярного участия в боевых операциях. Подобная сытая, спокойная и безопасная жизнь расхолаживает бойца. Так что выходило, численность отряда была вполне оптимальной с точки зрения достаточности бойцов для

успешного штурма и практической возможности обеспечить скрытность перемещения до объекта.

Сам штурм планировался следующим образом. Перед рассветом рота разделяется на две штурмовые группы и скрытно выдвигается на позиции с разных сторон поместья. Доплер показал карандашом как указкой на голографической проекции участка прорыва и пояснил дальше. Поместье расположено в долине и окружено пластобетонными стенами, а вокруг стен несколько десятков метров заминированного периметра. Линия джунглей отстоит от внешней стороны забора довольно далеко, минимум метров 60–70, что является проблемой и исключает скрытное проникновение. Для быстрого преодоления минного поля планируется воспользоваться двумя переносными установками взрывного разминирования «Термит» – по одному для каждого взвода. Принцип действия установки Сплин знал из учебных баз. Буксирная ракета сходит с направляющей и летит поперек заминированной полосы, вытягивая за собой специальный гибкий полый шланг с взрывчатым веществом – детонирующий кабель. Ракета утягивает шланг на заданное расстояние, после чего тормозится специальным канатом, падает, оператор с дистанционного пульта детонирует шланг по проводу, спаренному с тормозным канатом, а тот детонирует или раскидывает мины вдоль своего залегания. Отдельные отрезки взрывного кабеля предполагалось распределить по людям, донести частями, а соединить уже перед запуском.

Ракета «Термита» несет чисто транспортную функцию и не имеет боеголовки, поэтому пробить дыру в пластобетонном заборе, через которую штурмовые группы проникнут внутрь периметра, предстоит гранатометчикам.

От забора до комплекса строений поместья в точках проникновения – около трехсот метров открытого пространства. Дымовые гранаты, выпущенные навесом из подствольников перед детонацией «Термитов», прикроют просачивание групп на территорию и развертывание в атакующие порядки. Поместье имеет два-три этажа, так что дым надо пустить где-то между забором и главным зданием, иначе с верхних этажей и крыши видимость, а значит и возможность прицельного огня, сохранится над плотной частью дымового облака. Желательно было также, чтобы обороняющиеся не смогли выдвинуться за внешний край дымовой завесы в превентивном порядке раньше, чем атакующие преодолеют существенную часть открытого пространства, не подвергаясь прицельному обстрелу. Так что завесу надо ставить метрах в ста от внутренней стороны окружающей резиденцию стены. Дальности стрельбы подствольника для этого вполне хватало. С максимальным темпом следует пробиться к зданию, через окна проникнуть внутрь и начать последовательную зачистку помещений.

На территории поместья есть техника, Доплер ткнул карандашом ангары на голографической схеме. Грузовики, вездеходы, несколько бронемашин. Чтобы помешать оборо-

няющимся задействовать технику, а также вызвать по радио помощь, планировалось задействовать электромагнитную бомбу, точнее ракету, типа «Штиль», которая при подрыве боевой части создает мощный электромагнитный импульс, выводящий из строя электронику. Мощные электромагнитные поля образуют на какой-то момент во всех металлических предметах такие сильные токи, что плавятся токопроводящие дорожки в микрочипах, а чувствительные электронные узлы разрушаются, как это происходит в случае с ударившей вблизи молнией. «Штиль» был также в двух экземплярах – один резервный. Как и «Термиты», переть их предстояло на горбу в полуразобранном виде, правда «Штиль» был компактнее – размером и конфигурацией напоминал переносной зенитный ракетный комплекс.

Для зачистки помещений, помимо стрелкового вооружения, планировалось использовать ручные гранаты, подствольные гранаты со слезоточивым газом и светозвуковые гранаты – «флэшки». Ручные гранаты требуют деликатного применения – противник может успеть укрыться, бросить обратно, граната может скатиться обратно и сама, если, например, на лестнице в здании неудачно вверх кинуть. Желательно, чтобы бросок наверх делался наискосок к цели, чтобы обезопаситься на случай обратного ската или отскока своей же гранаты, но не всегда имеется такая возможность. А травить задержку без броска опасно – в запарке можно переждать. Гранаты с контактным взрывателем также не всегда

удобны – нельзя кинуть рикошетом или подкатом, опасно в плотной растительности – может взорваться, не долетев до цели, при ударе о ветку, например. Гранаты с взрывателями ударного действия предпочтительнее в горах, особенно при броске снизу вверх. Но в рамках предстоящей операции боевых действий в горной местности не предвиделось. Так что, несмотря на известные недостатки, классическая ручная граната с замедлителем и предохранительной скобой все же, по-видимому, является наиболее универсальным оружием в своем классе, будучи пригодной также для постановки минных ловушек.

Светозвуковые гранаты компактнее, легче по массе и безопаснее в случае накладок. На открытом воздухе они почти бесполезны, но в относительно замкнутом пространстве комнат и коридоров, очень уместно кинуть флэшку перед тем как врываться в какую-нибудь дверь самому, чтобы на время оглушить и ослепить врагов, возможно, засветить их ПНВ. Противогазов обычно никто не носит, кому они в джунглях нужны, так что слезоточивый газ, вызывающий сильное жжение, обильное слезотечение и боль при попадании в глаза, сильное раздражение при попадании на слизистые носа и горла (чихание, кашель, жжение) также существенно может понизить боеспособность гарнизона внутри здания и выдавать нахождение солдат противника.

Сам Лутар, как дали понять работодатели, живым не нужен – если начнет говорить про прежние дела, например, про

выборы, про дележку (до того, как он начал слишком жадничать) и так далее, многим испортит жизнь. После успешного захвата и выхода в эфир в поместье следовало оставаться несколько часов до момента эвакуации армейскими вертолетами. Некоторое время они проболтаются на Фурии в расположении какой-нибудь воинской части, оставшимся в живых переведут на счета вторую половину «боевых», оформят демобилизацию – и по домам за казенный счет. Задаток со счетов погибших переведут их близким. Раненых распахают по армейским госпиталям и будут отправлять домой по мере выздоровления с попутным транспортом. Вот, в общем-то, и все.

В принципе, разнообразные зачистки они отрабатывали на тренировочной базе, применение «Штиля» и «Термитов» брали на себя офицеры. Гранатометами предстояло потренироваться пользоваться здесь – там ничего особо хитрого, все по инструкции с картинками, нанесенной на корпусе. Ну, почти... Так что операция представлялась вполне выполнимой. Правда, в случае, если захват поместья провалится или слишком затянется, перспективы отряда на враждебной территории были безрадостными. На этом моменте Доплер заострил внимание особо: выход один – успешное проведение операции. Перед тем, как отправить рядовых отовариваться снаряжением, Доплер произнес:

– В плен попадать не советую – станете рабами, через полгода-год загнетесь от хорошей жизни, выкупать вас некому.

И это еще не самое плохое – они тут органами торгуют, наркотики из мозговой жидкости делают, может и еще чего, так что я вас предупредил.

Обдумывая последнюю напутственную фразу Доплера, Сплин вдруг подумал, что идея нанимателя отправить на дело неместных наспех обученных «чайников» не столь уж и странная, как ему показалось в учебке поначалу. Туземцы, небось, и браться за такое задание не стали бы, а если б их втемную подрядили, то запросто могли бы разбежаться, оценив риски. А им, случайным, малознакомым даже между собой людям, прибывшим в прямом смысле слова с другой планеты, тут деваться некуда – наивысшая мотивация, нечего сказать...

Офицеры начали выдавать камуфляжки, оружие, снаряжение и велели всем экипироваться по полной программе, чтобы каждый знал оптимальное размещение своего барахла и в реальном марше не имел с ним лишних проблем. Сплин в несколько заходов отоварился всем, чем надо, свалив все в кучу на траву, затем принялся распахивать по отсекам, карманам и внешним постромкам своего десантного ранца полученное добро.

– Эй, амбал! Да ты, ты, – на него смотрел Штырь. – Доверяю тебе почетный и ответственный груз – часть пусковой установки от «Термита», – он положил на землю набор арматуры, в которых смутно угадывались направляющая и стойки в разобранном виде.

– А вот еще секция шланга от него. Всего килограмм на пятнадцать довеска. Шланг упакуй в центр ранца, железяки закрепи снаружи. Личное оружие, что можно, по разгрузке распихай, чтобы как можно больше под рукой было, но не висело снаружи, не цеплялось, не брякало и под дождем не квасилось. Ручных гранат до хуя не бери, лучше для подствольника хорошо затарься. Все свои гранаты, особенно газовые и светошумовые, на себя в походе не навешивай – это уже перед штурмом сделаешь, а до того в ранце носи. Но по паре газовых и дымовых всегда близко держи – зверье отвадить или от снайпера прикрыться, если придется.

Штырь чуть позже объяснил, что часто лучше вместо обычных ручных гранат использовать гранаты от подствольника. Если пальцем сдвинуть вниз специальную кнопочку, заподлицо утопленную в желобок на корпусе подствольной гранаты, то это поставит ее на боевой взвод, как при штатном отстреле, при этом через 15 секунд сработает самоликвидатор. После броска взведенная таким образом граната детонирует от удара. Обратный перевод флажка переключателя уже невозможен, как и штатный выстрел. Получается своего рода ручная наступательная граната с контактным взрывателем. Дымовые и газовые подствольные гранаты можно использовать аналогично. Когда-то прежние модели подствольных гранат надо было стукнуть со стороны капсуля о какую-нибудь полужесткую поверхность, вроде каблука ботинка или резинового затыльника приклада, чтобы рез-

кое сотрясение взвело взрыватель, но при этом не воспламенился от капсюля метательный заряд. Однако такой кустарный метод был небезопасен и со временем востребованное на практике «взведение вручную» было реализовано промышленно. Наличие на корпусе желобка переключателя на баллистику вращающейся в полете гранаты существенно не влияет.

– Но все равно возьмите по несколько ручных гранат, они помощнее подствольных будут. При зачистке помещений пригодятся, да и так, мало ли – растяжку поставить или в жопу себе засунуть, если плен засветит, не приведи господи, конечно... – закончил наставляя отделение Штырь. Затем, увидев, как Сплин переводит взгляд с кучи еще неупакованного добавочного груза на уже полный ранец, укоризненно сказал:

– Хреново складывал – должно все войти.

Сплин вздохнул и в третий раз вытряхнул содержимое рюкзака на траву и начал перекладывать по-новому, а Штырь переключился на следующее отделение.

В качестве основного личного оружия раздали штурмовую винтовку «Вепрь», с которой плотно порезвилась ранее на промежуточной базе. Из тяжелого вооружения отряд имел на каждый взвод по два многозарядных РПГ, по два сдвоенных реактивных огнемета с термобарическим боеприпасом и по два ручных пулемета с двухрядными стопатронными дисковыми магазинами. Тем, кто не нес тяже-

лого вооружения или части «Термитов» и «Штилей», были выданы по паре одноразовых гранатометов, или шестизарядные полуавтоматические гранатометы револьверного типа под тот же 43-миллиметровый выстрел, что и к автоматному подствольнику.

К лику амбалов, правда, с большими основаниями был причислен также Фрост, ему доверили сдвоенную трубу реактивного пехотного огнемета – РПО, боеприпасы которого создавали объемный высокотемпературный взрыв со значительным фугасным воздействием. Само оружие было одноразовым, но имело съемный оптический прицел с автоподстройкой по дальности цели. Каждый боеприпас спаренной модели был на треть слабее и имел несколько меньшую дальность, чем полновесный заряд аналогичной однозарядной базовой модели, но, имея возможность сделать два выстрела подряд, один стрелок мог практически натворить больше дел – поразить подряд две цели, или оперативно внести поправку после промаха по одной. Сплину, как и большей половине взвода, выдали подствольный гранатомет и матерчатые кассеты для ношения его боеприпасов с гнездами, закрывающимися клапанами на магнитных «липучках».

Выстрел к подствольнику заряжался вдавливанием в ствол со стороны дульного среза и объединял в одном корпусе гранату и метательный заряд, расположенный в донной части. Подобная схема заметно убыстряла перезарядку. Заявленная максимальная дальность выстрела составля-

ла 400 метров, хотя на прицельную стрельбу можно было всерьез рассчитывать на дистанции до 150 метров, с которой опытный стрелок вполне уверенно мог «положить» гранату в стандартное окно дома. Боевые гранаты к подствольнику были двух типов – фугасные и осколочные. У осколочных сила взрыва была относительно слабая – что-то вроде ручной наступательной гранаты с радиусом уверенного эффективно-го поражения некрупными осколками (из полуготовых поражающих элементов) около 6 метров. Фугасная давала минимум осколков (фрагменты корпуса), но взрыв существенной силы за счет комбинирования бризантного взрывчатого вещества и аэрозолеобразующей огнесмеси. Естественно, малый размер гранаты накладывал свои ограничения на мощность, но, как позже выяснилось на стрельбах, ее вполне хватало, чтобы, например, проделать дыру размером с кулак в боку пустой стальной бочки из-под горючего, используемой в качестве мишени. Да и облако взрыва диаметром метра в три тоже выглядело достаточно солидно. Транспортные кассеты по 10 выстрелов могли закрепляться на ремешках по бокам корпуса стрелка, а могли последовательно соединяться в ленту вроде патронташа для ношения наискосок торса.

Общий вес выкладки был, по прикидкам Сплина, никак не меньше тридцати килограмм, а то и под все сорок, при рекомендуемых для данного климата и характера местности не более двадцати пяти. Основную массу составляли боеприпасы. Носимое добро, помимо автомата, включало: броне-

жилет, сегментированный под нижними ребрами для обеспечения подвижности, со стоячим воротником для защиты шеи и с паховым фаруком, сферу с забралом из пуленепробиваемого стекла, патроны в магазинах и в пачках, пистолет с глушителем и тремя запасными магазинами, гранаты подствольные (осколочные, фугасные, дымовые, со слезоточивым газом), гранаты ручные (осколочно-фугасные, светозвуковые), части «Термита», ремнабор, фонарь, аптечку, репеллент и порошок, чтобы отвадить назойливое зверье и насекомых, плащ-палатку, маскировочный комплект, пакеты и банки продовольствия, полуторалитровую пластиковую бутылку для воды и шестисотграммовую плоскую фляжку-термос для ношения непосредственно при себе, защитные очки с регулируемым светофильтром, а также ПНВ и ИК-визором, респиратор и еще всякие мелочи, которые в автономном режиме дорогого стоят.

Спального мешка как такового не было положено, а функции спальника выполнял пенистый коврик в комплекте с плащ-палаткой. Плащ-палатка в первичном качестве представляла собой пончо с капюшоном, но при соответствующей раскладке могла быть водонепроницаемым тентом, односторонней лежачей палаткой, подвесным гамаком или носилками для раненого, для чего имелись специальные матерчатые петли-рукоятки. Наружный слой был выполнен из водонепроницаемого материала «хамелеон», по типу того, из которого была изготовлена маскировочная пленка, закрыва-

ющая жилые площади лагеря от солнца, осадков и обзора сверху. Способности к цветовой мимикрии относительно дешевого материала ограничивались сменой основного фонового цвета, его насыщенности и яркости в соответствии с уровнем освещенности. Хотя существовали и более дорогостоящие, а соответственно и более продвинутое решения на этот счет с возможностью высокодетального повторения фонового рисунка, имитации раскраски по заданному образцу, преломления света для создания эффекта размытой полупрозрачности и так далее, но они были не столь неприхотливы к условиям эксплуатации и потребляли больше энергии на работу активной поверхности. Внутренний слой подкладки имел встроенный обогрев, а внешний состоял из теплоизолирующего пористого материала.

Очки с плотными наглазниками, внешне напоминающие горнолыжные, также защищали от пыли и мелких осколков, слезоточивого газа. Режимы обзора переключались сдавливанием зубами специального гибкого отвода, что высвобождало руки. ПНВ, работающий по принципу многократного усиления слабого освещения, давал картинку зеленого цвета, так как волны зеленого спектра считаются самыми сильными, и их легче принять и усилить. Тепловизор использовал принцип преобразования инфракрасных волн собственного теплового излучения окружающих объектов в видимое излучение, и выдавал несколько расплывчатое черно-белое изображение, похожее на негатив старинной фотографиче-

ской пленки. Так было аппаратно проще и нагляднее – менее аляписто, чем в цветном режиме, мельтешила мешанина неравномерно нагретых поверхностей. Кроме того, контраст цветовой гаммы при переходе с черно-белого на обзор невооруженным глазом в темноте не слишком разителен и требует меньшее время на адаптацию зрения. Качество картинки в спецрежимах, конечно, существенно уступало специализированным системам наблюдения, но при этом устройство было компактным, довольно надежным и отсутствовали демаскирующие признаки типа свечения в темноте.

Сплин попал во второй взвод к Штырю в подчинение. Деление на подразделения отличалось от уставного – штурмовой взвод был фактически более чем в полтора раза больше штатного пехотного в силу специфики задачи. Настораживало самостоятельно сделанное предположение, что к самой напряженной фазе штурма, после проникновения в здание, взводы как раз и будут иметь штатную численность. Боцман был в составе их взвода на правах сапера и, в качестве опытного вояки, заместителем Штыря. Старшим отделения Сплина назначили Фроста.

После раздачи и укладки, перво-наперво устроили радиальный выход в джунгли, чтобы немного освоиться и для отработки техники передвижения. Видимость в джунглях редко где превышала 50 метров, было похоже на гигантский парник с безумно мутировавшими огурцами, вездесущие плотные плети которых постоянно за что-нибудь цеплялись при

ходьбе.

Основным порядком передвижения был принят так называемый «двойной хвост». Рота должна была двигаться колонной по двое в шахматном порядке друг от друга, правая сторона колонны наблюдает за правой стороной пути передвижения, левая за левой. При столкновении головы колонны с противником, колонна хвостом загибается полукругом и атакует противника с фланга, пока тот занят перестрелкой с головной частью отряда. Если же передовой дозор обнаружил противника, сам при этом оставшись необнаруженным, а ввязываться в бой для подразделения по ряду причин нежелательно, то колонна обходит район сосредоточения противника, развернувшись в обратном направлении. Классический патрульный порядок построения в виде вариаций прямого или обратного клина в условиях плотной растительности был бы менее эффективен применительно к миссии их отряда.

Рекомендуемая дистанция между бойцами в колонне – 5 метров, между отделениями – от 10 до 40, но практически она могла быть и меньше, чтобы не упускать впереди идущего из виду и не потеряться в чаще. Командир располагается в середине колонны. В походе мог выделяться передовой дозор на расстояние от двойной прямой видимости до двухсот метров, по обстоятельствам. Основная задача передового дозора – обнаружить противника раньше, чем тот обнаружит основной отряд. Даже при соблюдении мер скрытности пе-

редвижения большая группа тяжело нагруженных людей создает заметный демаскирующий звуковой фон: тяжелое дыхание, ходьба, шорох одежды, бряцание оружия, снаряжения и так далее. Поэтому на потенциально опасных для столкновения участках нужно, чтобы один или несколько облегченно снаряженных бойцов, знающих маршрут движения, двигались впереди более скрытно, чем остальной отряд. Фланговый и тыловой дозоры могли высылаться в зависимости от обстановки. В среднем в тропическом лесу движущийся замаскированный объект можно обнаружить на расстоянии 15–35 метров, неподвижный – до 18 метров, замаскированного солдата – 1,5 метра. Поэтому наличие дозора не отменяло бдительности всего отряда – противник, находящийся в целенаправленной засаде, часто просто пропускает дозоры, оставляя их второму эшелону, чтобы не спугнуть основную группу, пока та еще не втянулась в зону эффективного поражения.

Несколько часов кряду с небольшими перерывами рота отработывала технику перемещения и различных перестроений по команде рацией, голосом и жестами. На реальном марше предписывалось нарушать радиомолчание лишь в исключительных случаях, а общаться приглушенным голосом и стандартными жестами, при необходимости передавая их по цепочке. Мало ли кто слушает эфир пеленгатором. Хотя сами передачи и кодировались, не к чему лишний раз светить сам факт своих радиопереговоров в зоне чужих инте-

ресов.

Сплин вымок от пота весь, как от воды под дождем, без малого в ботинках не хлюпало. Загрузка бойцов отличалась по содержанию – например, обладатели многоразовых гранатометов и РПО не имели подствольников и ручных гранат, несли меньше патронов к личному оружию. Аналогично – вторые номера гранатометчиков, нагруженные запасными выстрелами в специальных заплечных выюках. Выборочно выдавались разные приспособы и инструменты типа мачете, саперных лопаток или многофункциональных телескопических шестов для изготовления носилок и разного рода каркасов. Тех автоматчиков, кто не нес части «Термитов» дополнительно подгрузили боеприпасами. Масса груза на килограмм веса тела у всех рядовых была примерно одинакова, что контролировалось наметанным глазом раздающего – офицерам совсем не хотелось, чтобы на марше в боевом выходе кто-нибудь спекся, задавленный непомерной для себя ношей. Роуч, гранатометчик, умаявшийся продираться со своей трубой РПГ, во время короткого привала спросил Штыря:

– Командир, а броники точно нам нужны? Они же один хрен автоматную или винтовочную пулю не держат...

– Отчасти ты прав, но при штурме они пригодятся всяко: в здании обычно бывает до хуя вторичных осколков и рикошетов, существенная доля потерь от них. Кроме того, «не держат» под близким к прямому углом. А навороты типа нано-

технологической брони на все тело с автоматическим микроклиматом, внутренней медико-биологической поддержкой, силовыми экзоскелетами и прочими удобствами нашей псевдо-повстанческой банде не положены по статусу – не того класса задача, чтобы столь дорогущую снаряду задействовать. Да я б и сам, честно говоря, на эти модные причиндалы ставку делать поостерегся – природные условия тут довольно напряжные для всяких хитромудрых игрушек с кучей электроники. Короче, терпи и не умничай – у нас вполне достойные образцы из числа проверенных в деле и доступных по бюджету, а все, что ты тащишь – окупится, дай Бог, чтоб мало не оказалось.

К обеду вернулись в лагерь, а после начали отрабатывать бросок к зданию через простреливаемое открытое пространство методом «сближение перебежками». Суть метода заключалась в том, что каждый взвод наступает цепью со своей стороны объекта последовательными перебежками в составе «двоек», то есть один солдат выполняет перебежку, а сосед по цепи прикрывает его. Данный метод эффективен, когда требуется максимальная огневая поддержка, но участок местности не имеет достаточного количества укрытий, а цель атаки при этом расположена фронтально, относительно четко локализована, и отсутствует обстрел противником с флангов.

Первый солдат обеспечивает огневую поддержку второму, который выполняет перебежку длиной 10–12 метров

или продолжительностью около трех – четырех секунд. Второй солдат залегает и открывает подавляющий огонь, пока первый аналогичной перебежкой выдвигается на рубеж несколько впереди второго, в шахматном порядке, и, в свою очередь, залегает, открывает огонь и так далее. Окна штурмуемого здания в целом представляет собой вертикально возвышенные цели, что несколько снижает опасность задеть своих, но, тем не менее, слишком резко менять направление при перебежке не рекомендуется – лучше, не теряя скорости на зигзаги, успеть преодолеть по прямой максимальное расстояние. При этом имеет смысл каждую отдельную перебежку совершать под небольшим углом, последовательно влево и вправо по отношению к общему направлению атаки, чтобы не облегчать врагам прицеливание. В прямолинейно движущийся объект с верхних этажей проще целиться – можно взять некоторое упреждение и дождаться, пока цель сама «вбежит» в перекрестье прицела.

До вечера офицеры заставляли бойцов повзводно бегать и ползать по поляне в атакующих порядках, пока слаженность, скорость и скоординированность не достигли приемлемого уровня. Наконец, уже после наступления конкретной темноты, скомандовали отбой, велев перед сном проверить тело и одежду на предмет клещей и прочих паразитов, которых можно было нацеплять в траве.

На следующий день до обеда пристреляли автоматы, затем были стрельбы из гранатометов. У подствольника был

своеобразный прицел, но им было не слишком удобно пользоваться, разве что для навесной стрельбы, проще было лепить «на глазок». Вот для того, чтобы прочувствовать траекторию выстрела и потратили по несколько гранат. Метнули также по паре ручных гранат. «Реактивных» гранатометчиков и их вторые номера грузили плотнее: заставляли приводить оружие в боевое положение и перезаряжаться на скорость, стрелять по мишеням на дальние дистанции. Остальные смотрели и слушали на всякий случай, чтоб тоже владеть темой, если что. На корпусах гранатометов имелись картинки по правилам применения и технике безопасности.

При выстреле из многозарядного РПГ или РПО, согласно инструкции, позади сопла возникал опасный сектор, образуемый реактивной струей вышибного заряда, что обязывало выдерживать за спиной стрелка некоторое свободное от людей и предметов пространство, размер которого зависит от характера местности и угла наклона стрельбы. Кроме того, при выстреле следует обеспечивать минимально безопасное расстояние около 30 сантиметров между пусковой трубой и поверхностью, чтобы раскрывающиеся в полете хвостовые стабилизаторы не зацепились. Для облегчения стрельбы с упором имелись сошки, которые на одноразовых РПГ отсутствовали. При стрельбе из положения лежа, во избежание поражения реактивной струей стрелка, пусковая труба должна размещаться и удерживается на плече таким образом, чтобы не находится на линии тела, обеспечивая выброс

газов назад в безопасном направлении. Хотя рекомендованная техника безопасности была отчасти перестраховочной, но на практике грубо нарушать инструкцию все же не следовало. Например, практически, для обеспечения минимально достаточной безопасной дистанции от сопла пусковой трубы до препятствия в относительно незамкнутом пространстве могло хватить и метра три-четыре, но ближе, особенно в тесном помещении, у стрелка уже есть реальный риск получения контузии или полета мордой вперед.

Доплер отметил, что вообще-то, на операции, где много приходится топтать своим ходом, предпочитают брать именно телескопические раздвижные тубусы одноразовых РПГ по несколько штук в одни руки, потому, что они существенно легче, компактнее, их можно выбросить после выстрела и не таскать пустую трубу. Кроме того, в тех моделях одноразовых РПГ, что берет отряд, позади вышибного заряда в стволе расположена противомасса – небольшое количество незамерзающей негорючей жидкости в разрушаемом контейнере. В момент выстрела жидкость частично выбрасывается из тубуса назад в виде брызг, частично испаряется, значительно уменьшая выхлоп газов стартового заряда. Для многоразовых РПГ тоже имеется возможность применения подобной технологии сокращения опасной зоны позади стрелка – за счет применения противомассы, состоящей из кусочков легкого пластика, выталкиваемых назад при выстреле. Но противомасса увеличивает вес выстрела почти на треть, поэто-

му, учитывая, что боекомплект предстоит нести на себе, а стрелять в основном придется не из помещений, а наоборот, снаружи по зданию, многоразовые гранатометы, входящие в арсенал отряда, такими характеристиками не обладают. Зато многоразовый РПГ имеет в два с лишним раза большую эффективную дальность (за счет комбинирования стартового вышибного заряда и маршевого реактивного двигателя гранаты), возможность носить к одной единице оружия боекомплект, состоящий из разных типов гранат – против бронетехники, против укреплений, против пехоты. И, хотя сама реактивная граната не имеет головки самонаведения, активный прицел с дальномером и баллистическим вычислителем позволяет автоматически определять упреждение, исходя из скорости движущегося объекта, что позволяет эффективно поражать с существенной дистанции бронетехнику на ходу и даже иметь реальный шанс на попадание по относительно тихоходным низколетящим воздушным целям. А тащить «трубу» без выстрелов обратно на себе, чтобы сдать в оружейку и отчитаться, не придется, так как после выполнения миссии группу эвакуируют воздушным транспортом. Короче, для полноты ассортимента надо иметь под рукой разные варианты.

– Мужайтесь, сынки, вы нужны своей стране, Родина вас не забудет, – обнадежил счастливых обладателей грозного оружия Доплер.

После стрельб закрепляли тактику штурма. Доплер, пока-

зывая на голограмме поместья, размеренно повторял то, что уже объяснял раньше:

– Что бы ни случилось, действуйте по плану: держать темп и обеспечивать общую плотность огня. Не закливайтесь на поражении целей, это на броске не главное. Хотя, конечно, желательно выбить как можно больше охранников еще до проникновения в само здание, но ваша основная задача – не дать противнику вести прицельный огонь, то есть обрабатывайте каждый свой сектор окон беглыми сериями одиночных. Грамотные вояки не высовываются из проемов, а ведут огонь из глубины помещения в более узком секторе. Так что, если не видите силуэта врага, просто цельтесь над нижним краем оконного проема в первую очередь в правый от вас угол. Огнеметчики ведут огонь по значимым целям, например, по пулеметным или снайперским позициям. Гранатометчики – по своему усмотрению. Не забывайте при этом технику безопасности. Пулеметчики с флангов работают короткими очередями. Магазины автоматчиков для штурма должны быть снаряжены трассирующими патронами – обороняющиеся нас все равно видят, раз место открытое, но наши густые трассеры будут давить им на нервы, и снижать остроту зрения в темноте. В очках следует активировать фильтр по яркости, иначе сами ни хрена видеть не будете. Спецрежимами пользоваться умеренно и беречь остроту собственного естественного ночного зрения – глянуть, сориентироваться и снова на обычный, иначе ПНВ, несмот-

ря на электронную защиту, может засветить близкая вспышка, а в инфракрасный, неровен час, что-нибудь проглядите, да и энергозапас элементов питания надо экономить. Главное – пробиться к зданию, а там – последовательная зачистка снизу вверх, вы уже знаете, что делать, к этому я вас и готовил.

После обеда по второму кругу отработывали технику перемещения и взаимодействия. К закату второго дня, когда снаряжение было подготовлено, проверено, перепроверено и уложено, бойцам скомандовали отбой, чтобы дать побольше времени на отдых. Это была последняя возможность нормально выспаться под крышей с удобством. Штырь заключил:

– Для салаг сойдет, Сержант неплохо вас натаскал за полтора месяца. Завтра перед рассветом выступаем. Ждать нельзя: Лутар может уехать по срочным делам, может увеличить гарнизон или к нему кто-нибудь со своими людьми подтянется, короче надо действовать. Жаль, – он оглядел свой взвод, – я бы вас еще погонял... И еще. Вы после жесткой учебки, а у Доплера, как я понимаю, другой и быть не может, раз уж он с вами на дело идти подрядился, возможно, думаете, что стали непомерно кручеными, как поросячий хвост, отрасли медные яйца, и что вам сам черт теперь не брат. Если так, то это рискованное заблуждение. Поверьте человеку, который кое-что повидал, пока вы не пережили свой первый реальный бой – вы еще не родились как солдаты, пока не

ощутили прямую и явную угрозу смерти – недостаточно поняли жизнь. Нам противостоят действительно опасные люди и условия, помните об этом и не расслабляйтесь... Разойтись.

Проснулся Сплин под утро, как ни странно, сам – от холода и сопутствующего дикого желания отлить. В палатке стоял запах новой экипировки, носок и ботинок, раздавалось нестройное сопение. Наличествовал также слабый пердежный дух, в котором смутно угадывались продукты переработки ужина. На улице было гораздо холоднее, стоял густой туман, так что сортир был найден вслепую исключительно по запаху. Было еще темно, Сплин вернулся, залез в спальник.

– Длинный, хули полог не задернул, когда выходил – не в трамвае! – кутаясь, недовольно буркнул Роуч, чья койка находилась возле выхода. – Зассанец, нах...

В ответ Сплин показал ему средний палец:

– Закаляйся... Ты вообще храпишь, как старый пердун, и спать людям не даешь.

Ловя последние минуты покоя в тепле и уюте, он дождался официального подъема, после чего быстро привел себя в порядок и вышел с вещами на полянку ожидать остальных.

Народ возился со снаряжением, наносил маскировочный грим, клацало оружие, стоял нестройный гомон вопросов-ответов. Было еще прохладно, мошкары пока не было, постепенно светлело небо. Вскоре, подгоняемые офицерами, собрались все. В лагере не осталось ничего ценного. Сторо-

жевые лазеры и незначительные остатки неиспользованного снаряжения уложили в специальный тайник под землю. Оказалось, лазеры за минувшую ночь настреляли с десятков разного рода зверушек, пытавшихся проникнуть на территорию лагеря. Опасными казались только два: существо, похожее на пуму с кисточками на ушах, но более вытянутой мордой и нечто типа сухопутного осьминога размером с кабанчика без видимых зубов, но премерзкого вида. В местах попадания лазерных лучей были подпалины. Ультразвуковой барьер их не задержал – то ли голод был сильнее дискомфорта и ощущения опасности, вызываемых излучением, то ли строение органов слуха было недостаточно восприимчивым к нему. Обе туши были уже заметно поглodаны. Слэш, который провел на Фурии полторы недели и участвовал в оборудовании лагеря к приему группы пояснил:

– Опасного зверья конкретно в этих местах уже не так много, как во времена начального освоения, да и воюют тут все со всеми уже больше десятка лет, так что фауна пуганная, на толпу не нападает обычно. Но по одному и ночами осторожнее, голод – не тетка, а сравнительные размеры – не аргумент. Одному вообще даже срать не советую. Я серьезно – один гадит, второй прикрывает его задницу. И с оружием не расставайтесь: в одной руке штаны в другой – пушка и башкой вертите во все стороны, если хотите ее сохранить.

Вскоре прибыла пара вертушек, которая подбросила их до границы, за которой уже следовало двигаться скрытно. На

этот раз летели низко, огибая рельеф, а не поверх, как по пути до лагеря.

Вертолеты выгрузили их и улетели обратно. Каждый офицер обошел своих, велел попрыгать, чтоб ничего не брякало. Рации велели установить на меньшую мощность передачи, чтобы сократить радиус обнаружения пеленгаторами, которые могли наличествовать у наземных патрульных команд или воздушных судов. Поначалу Сплину показалось, что снаряжение не такое уж и тяжелое, а вчера он зря напрягался, представляя, что придется со всем этим переть три дня по пересеченке на жаре. Доплер бросил:

– Первый привал через полтора часа: доводка снаряги и завтрак. Обед будет в ужин. Автоматы – на непрерывный огонь, патрон дослать, но палец на спуске не держать. Строимся в колонну по двое с интервалом в восемь – десять шагов и попиздовали.

Отделение Сплина сначала шло замыкающим, последним шел Штырь, он делал энергичные внушения, если кто-то начинал отставать или не выдерживал должный интервал в колонне. Доплер вел их звериными тропами, руслами ручьев, куда входили и откуда выходили под углом к общему направлению по камням или наоборот, по жидкой бесформенной грязи, чтобы не оставлять в прибрежной полосе долговременных следов. Тропы, проторенные крупными, относительно безопасными животными, выгодны были еще и тем, что следы отряда довольно быстро и надежно уничтожались

естественным путем – затаптывались зверями. Местами, если попутных троп не было, сквозь плотные заросли приходилось прорубаться по очереди. По ровной местности идти было не особенно тяжело, но когда Сплин сделал двести шагов вверх по первому же склону, то почувствовал, что у него реально трясутся колени. Прорубаясь сквозь джунгли в свою очередь, он незаметно ожегся пылью какого-то злобного растения – и теперь на открытых по локоть руках выскочили жгучие волдыри. На кой хер рукава закатал, балбес? На ходу обработав руки антисептиком, Сплин, сопя носом и сплевывая клейкую слюну, затягивающую горло, пер вместе с остальными дальше, стараясь сохранить дыхание.

Взошло солнце. Его лучи не могли пробиться сквозь кроны деревьев, но испарения от растительности так подняли влажность, что ощущение было, будто они в полной амуниции попали в парную. Ветра не было, а если и был, его гасили деревья. Бронежилет имел подкладку с ячеистой структурой, которая одновременно выполняла роль амортизатора при внешних воздействиях и обеспечивала обновляемую воздушную прослойку для вентиляции. Но в данных условиях при существенной физической нагрузке воздухообмен не справлялся с теплоотводом – все были «в мыле», пот с торса по ткани камуфляжки проступал на рукавах ниже плеч, стекал за пояс. Сплин, по примеру многих ослабил боковые крепления броника, чтоб тот болтался только на плечах, но это помогло мало. Сферу Сплин, как и остальные, сразу же

поместил в ранец, положив в нее патронные пачки для использования объема, так как таскать эту кастрюлю на голове в такую жару мог только законченный параноик-мазохист. Вся форма, от панамки до ботинок, пропиталась потом, как мыльной водой, ноги гудели, дыхание сбилось, сердце бухало в горле, его удары раздавались в ушах как там-тамы. От усталости Сплин уже ничего не соображал, его не волновало происходящее, он просто тупо переставлял ноги, глядя на заляпанные грязью ботинки впереди идущего, когда тот спотыкался, машинально спотыкался и Сплин. Местность была пересеченной, наподобие стиральной доски, а спуски были не легче подъемов. При подъеме Сплин старался делать небольшие размеренные шаги и полностью выпрямлять ногу – так было легче коленям. При этом он плотно опирался на всю стопу, чуть развернутую наружу для лучшей устойчивости и чтобы не забить напрочь икроножные мышцы. Но на спусках никакая техника толком не спасала – проклятый рюкзак напрягал своей инерцией при каждом шаге, так что, хотя дышалке и было полегче, зато ногам было тяжелее – закон сохранения массы и энергии, однако. В местах выхода скальных пород выступающие из земли остроугольные камни нещадно выкручивали стопы в анатомически противоположных направлениях.

В какой-то момент, после очередного изнурительного подъема на тактический гребень, Сплин уже начал довольно отчетливо видеть в глазах белых мух, несомненно, виртуаль-

ных. Возможно, именно это состояние называется «небо в алмазах». Удивительно, какой глубокий смысл могут иметь некоторые расхожие выражения, если прочувствовать их на своей шкуре. Тут, к счастью, объявили привал. Все повалились кто где стоял и минуты три блаженно не двигались. Сплин задвигался первым – оказалось, он устроился почти на муравейнике, чем сильно разозлил его обитателей, снующих рядом.

– Длинный, не спи – замерзнешь, – угорая над его суетой, подъебнул Аткинс, отсыхавший рядом.

Привал был продолжительным – около получаса. После поглощения пайка и выпитого в несколько приемов литра с лишком воды, недавно набранной из ручья у подножия и уже чуть согревшейся, по телу разлился первородный покой, все прошлые и предстоящие проблемы как-то отодвинулись. Сплин вспомнил свой первый завтрак на тренировочной базе после пробежки и ухмыльнулся. Стало клонить в сон. Офицеры начали всех тормошить, стимуляторами пользоваться запретили, так как «это еще не трудности».

Время до заката прошло в каком-то полубреду: жара усилилась, съеденные консервы встали в горле пополам с желудочным соком, ноги гудели как отбойные молотки, мозг был полностью занят тем, чтобы заставлять организм сделать очередной шаг. Недостатка в воде не было, они регулярно переходили по камням, бревнам и вброд мелкие ручьи и речушки с вполне питьевой водой, даже не требуя-

щей применения обеззараживающих таблеток, но напиться было невозможно – все моментально выливалось с потом через кожу, дополнительно обессиливая измученный организм, который, ощутив, что дают воду, постоянно требовал новых вливаний. Грызла мошкара, проникая всюду: под куртку, даже за голенища ботинок. Насекомые ползали по лицу, по глазам, садились, взлетали, летали кругами, это сводило с ума. Маскировочный грим, нанесенный на открытые участки кожи, содержал какой-то инсектицид, но это слабо помогало – летучие твари, может, кусали и поменьше, но все равно садились и какое-то время ползали, пока не определялись, что кусать-таки не станут. И так по кругу. Кроме того, инсектицид довольно быстро вымывался потом, хотя сама раскраска и держалась довольно стойко. Во время своей очереди прорубаться сквозь дебри, или, как выразился Боцман, «косить травку», Сплин едва не хватанул за змею, приняв ее за лиану. Сообразив, что стебель растения не может шевелиться, он вовремя отдернул руку.

– Ну, чего замерз? – рявкнул на него Боцман, облик которого в полном боевом снаряжении чем-то напоминал грозного викинга – средневекового скандинавского воина. Он тоже вспотел, но, казалось, совсем не устал, только раздражен, причем не персонально на Сплина, как на человека, а обезличенно, из-за задержки. Так фермер сердится на тупую нерадивую скотину, воспринимая ее органическую тупость как некую неприятную данность, вроде плохой погоды.

– Змея вот, или что-то вроде... – опасливо кивнул Сплин. – Обойти бы...

– Ага, сейчас объезд построим и знак выставим, – процедил Боцман, оттирая Сплина плечом и забирая у него мачете. Левой рукой он сделал обманное движение – змея повернула голову, готовясь напасть. В этот момент движением правой, столь быстрым, что Сплин едва успел его заметить, Боцман сноровисто откосил змее голову. Сплин оторопело смотрел на извивающееся в конвульсиях тело, толщиной с пивную бутылку, из которого разбрызгивался слабеющий фонтанчик крови. Голова змеи улетела в кусты.

– Учись, студент, – назидательно произнес Боцман, вытирая мачете о листву. – Аткинс! Твоя очередь, – он вручил следующему за Сплином бойцу орудие труда. – А ты в хвост отделения, тебе хватит, ни хрена перед собой не видишь уже, бедолага. Растяжку и вовсе бы не заметил, вояка, мать твою... Понабрали тут всяких по объявлению...

Вечером, когда солнце уже было близко к закату, отряд вдруг неожиданно остановился. Идущий на автопилоте Сплин не заметил переданного по цепочке жеста «стой», из-за чего наступил на пятку и одновременно врезался в рюкзак шедшему впереди Фросту – тот раздраженно обернулся.

Сплин виновато развел руками и вопросительно поднял брови – Фрост пожал плечами. Чуть позже по цепочке прокатилось: проводника встретили. Впереди возник, волнообраз-

но распространяясь, какой-то нездоровый ажиотаж. Сплин заинтересованно начал вытягивать шею, стараясь разглядеть сквозь джунгли, обступающие звериную тропу, по которой они двигались, и впереди стоящих бойцов, чего же там такого интересного.

Интересное заключалось в том, что проводником оказалась баба, к тому же молодая, с поджарой фигурой и довольно симпатичная, даже учитывая то, что после полутора месяцев такой развеселой жизни критерии симпатичности сильно расширились. Сплин отметил это чисто справочно, так как половой вопрос его сейчас вообще не интересовал.

Встреча состоялась в запланированной точке маршрута, за два дня пути до резиденции Лутара несколько странным образом: за очередным поворотом впереди идущий увидел, что на дороге в нескольких метрах перед ним спокойно стоит женщина в камуфляжке с короткой автоматической снайперской винтовкой в руках. Палец она держала на спусковом крючке, но ствол был направлен в сторону.

Головным шел Мэллоун из отделения Фроста, невысокий смугловатый метис непонятной национальности и неопределенной расы, которого все звали Малой, с ударением на последнем слог. Как следствие ядерного коктейля в генах, был он малым шустрым, но несколько взбалмошным и залупастым. От неожиданности встречи Малой опешил и впал в легкую тормозню. Они несколько секунд смотрели друг на друга – женщина спокойно и немного насмешливо, Малой с

опаской и подозрением, напряженно соображая отупевшим от долгого марша умом, что делает вооруженная баба в диких джунглях посреди их тропы, хотя по идее они типа тайно выдвигаются на место операции. Он судорожно сжимал в руке мачете, переводя взгляд с лица женщины на ее незнакомой системы оружие с интегрированным глушителем.

Когда Малой медленно переместил руку с мачете к бедру, готовясь его метнуть, женщина с укоризненной гримасой отрицательно покачала головой и негромко сказала:

– Позови-ка лучше старшего, военный. Разговор есть.

– Слушаю тебя внematочно, – выходя из кустов позади нее, и, становясь так, чтобы Малой не маячил на линии огня, сказал Доплер. Он держал автомат нацеленным на гостью.

Женщина чуть повернула на звук голову, одобрительно подняла бровь и, не оборачиваясь, сказала:

– Ты, однако, Доплер. А я – Шелли, ваш гид по нашим экзотическим местам. Вас надо довести до резиденции Лутара, где вы совершите подвиг во имя свободы и демократии, а я чуть позже получу остаток гонорара. Отдохнете или сразу пойдем?

– А волшебное слово? – намекая на желание услышать некий пароль, уже несколько более дружелюбным тоном спросил Доплер. Шелли медленно повернулась:

– Пиджаки из Конторы неисправимы – все в конспирацию играют. Что ж, вот тебе слово: «чем дальше в лес, тем больше дров». Годится?

– Легче, сестренка, традиция, ничего не поделаешь. Добро пожаловать в Клуб, – опустил оружие Сержант.

– Это не клуб, а передвижной балаган. Вас найти было легче, чем стадо крупных копытных. Хорошо, что вас, вроде, специально никто не ищет. И где ж ты набрал этих скаутов? Впрочем, это не моя забота. Ну, так мы идем? До темноты еще есть время.

Доплер открыл было рот для ответа, но вместо этого усмехнулся и махнул отряду трогаться, уступая дорогу Шелли. Шли еще минут сорок, спускаясь в лощину, затем остановились на ночевку. Неподалеку, скрытый зарослями, журчал по камням ручей, напоминая о давно опустошенных фляжках. Офицеры, не давая народу разомлеть, тут же начали давать рядовым разнарядки насчет обустройства ночевки – усталость порождает апатию, апатия – опасную небрежность, а игнорировать необходимые меры безопасности недопустимо. Сплин, уставший за этот бесконечный день до кругов в глазах, с трудом преодолевая желание упасть, где стоял, и притвориться мертвым, «на подхвате» помогал Штырю устанавливать вокруг лагеря стационарные ультразвуковые отпугиватели животных с инфракрасными датчиками движения. Боцман с внешней стороны датчиков окружал периметр ночевки МОНками с прикрепленными пакетиками порошкового слезоточивого газа. Ужинали пайком из саморазогревающихся пакетов уже в полной темноте. При активации разо-

грева между двойными стенками пакета происходила экзотермическая химическая реакция, выделяющееся при этом тепло через внутреннюю стенку типа фольги передавалось содержимому.

– Веток не ломать, траву не топтать, мусор весь вон туда, утром закопаем. И вообще поменьше следите. Гадить тоже в ямку и потом закрыть дерном. Мы пока в относительно безопасной зоне, но все равно, часовые, не вздумайте спать – один час караула вполне можно вытерпеть, – велел Доплер.

Небо было ясно, но кроны деревьев, смыкающиеся над стоянкой, почти не пропускали свет звезд. Ночевать разрешили в спальниках, так как группа была еще далеко от патрулируемых районов, а возможность с относительными удобствами выспаться нельзя было упускать. Каждый кругом обсыпал свою лежку специальным порошком «Откат», отпугивающим существ с развитым обонянием.

Сплин застегивал изнутри свой спальник, когда вместо листы увидел над собой ухмыляющееся лицо Штыря:

– Ты что, молодой, совсем ебу дался? Держи тент открытым, чтоб пыром выскочить, если что. Через три часа твой караул, предрассветная «льготная» вахта, так что высыпайся быстрее, военный.

Сплин думал, что сейчас же уснет, но толком не вышло: гудели после марша ноги и спина, затекала шея – ранец не слишком удобная подушка, земля под ковриком была неровная – какие-то коренья упирались в поясницу и так далее.

Потом в чаше начало орать дурным голосом какое-то животное, с другой стороны бесовским смехом залилось другое. Периодически с разных сторон раздавались предсмертные вопли очередной жертвы местной пищевой цепочки, переходящие в самозабвенное чавканье и довольное урчание победителя. Сплин чувствовал себя как ребенок в темной комнате, боящийся темноты и прячущийся от нее под одеялом. И вот, наконец, когда тело перестало идти, и он начал засыпать, его растолкал Хоу и молча вручил пульт от датчиков движения и радиодетонатор от МОНОк. С трудом удерживая глаза открытыми, Сплин начал шарить в поисках ботинок, которые он снял, чтобы отдохнули ноги.

– А ты все такой же разговорчивый, хоть бы «доброе утро» сказал... – сонно пробубнил он, с усилием пытаясь нахлобучить влажный ботинок на отекающую ногу.

– Вытряси сначала ботинки, а то будет тебе «доброе утро», и не вздумай их больше снимать, курортник хренов, а то взводный увидит – башку открутит и правильно сделает, – ответил Хоу, забираясь в свой спальник. – Захочешь спать – думай, что с тобой сотворит Сержант, если застучает – помогает.

Оказалось, в ботинки налезло каких-то волосатых насекомых с ножками и усиками. Их хватило бы прокормить небольшой курятник, если бы у кур были клювы как у пеликанов. Сплин с ужасом и отвращением вытряхивал их из одного ботинка и с хрустом давил подошвой другого.

Сплин оцепенело сидел на своем посту под деревом, как в кокон, обернувшись в плащ палатку, словно нахохлившийся воробей. Стало светать, похолодало. В несколько минут сгустился туман. Подогрев включать было нельзя, чтобы не светиться в ИК-диапазоне, как рождественская елка. Сплин периодически оглядывал окрестности через очки, по кругу переключая режимы. В глазах, казалось, скрипел песок. Зверье постепенно угомонилось, так или иначе завершив свои ночные дела: кому не повезло – того съели, кто был пошустрее, тот насытился или просто остался жив в зависимости от жизненных приоритетов. Было так тихо, что в ушах звенело, недалекий ручей не воспринимался как шум, его журчание в медленно плывущих густых клубах тумана было обволакивающим и мягким.

Внезапно Сплин каким-то уголком сознания понял, что он слишком хорошо себя чувствует для часового, а значит, он спит. Спит и видит во сне как, типа, в карауле стоит со всей возможной бдительностью. Он попытался стряхнуть этот вязкий морок, но понял, что опять всего лишь видит во сне, как просыпается. Черт, ну и крепко же залип – никак не отпускает... Вообще, решение нелепых проблем, возникающих по ходу сновидений, имеет неприятную особенность – та часть разума, которая громоздит затейливые фантазмагии «спит в картах» у той, которая пытается эти ирреальные коллизии как-то разруливать, что закономерно получается не слишком успешно и часто заканчивается совсем уж

тупиковым сюрреалистическим бредом или зловещим кошмаром. Сплин сконцентрировался на попытке сделать какое-нибудь резкое физическое усилие и порывисто вскочил. В реальности же он только вздрогнул всем телом, дернул башкой и открыл глаза. Выйдя, наконец, из этого ментального противоборства с самим собой победителем, Сплин почувствовал себя едва ли не более уставшим, чем до отбоя. Зевнул так широко, что чуть не вывихнул челюсть и едва не порвал кожу в уголках рта. Он встрепенулся и потряс головой, пытаясь окончательно рассеять сонную одурь и установить рабочий контакт с реальностью. Электронные часы в левом нижнем углу поля зрения очков показывали, что прошло чуть больше десяти минут. Интересно, как там второй часовой, на противоположном краю лагеря, надо бы пихнуть его по рации, как раз контрольное время подходит... Затекла шея, Сплин запрокинул голову назад, разминая позвонки. Что-то привлекло его взгляд в этот момент: неясное темное пятно, примерно метр в поперечнике, в рваных хлопьях тумана среди ветвей прямо над головой. Листва рядом с ним покачивались, хотя ветра не было. Спросонья Сплина посетила дурацкая мысль, что это потерянный какими-то детьми воздушный змей. Он застрял слишком высоко, они не смогли его снять и здесь оставили.

«Какой еще, на хер, змей?» – вдруг разом проснувшись, осознал он, поспешно вытаскивая автомат из-под плащ-палатки. То, что оружие было загодя снято с предохраните-

ля, оказалось весьма кстати. Пятно бесшумно отделилось от ветвей и уже планировало прямо на него, когда он открыл огонь, сплошной длинной очередью опустошая магазин. Перекрывая задавленный глушителем звук стрельбы, раздался захлебывающийся не то свист, не то вой, негромкий, но полный боли и яростной бессильной злобы. Сплин не сошел со своего места, даже позы не изменил, отчасти потому, что затекли конечности, отчасти опасался в движении потерять цель и быть настигнутым неизвестным хищником на земле. Он лишь, зажмурив глаза, по-детски беспомощно отвернул голову чуть в сторону, когда одновременно с последним выстрелом, будто накрыв одеялом, на него свалилось нечто плоское вроде океанского ската, по касательной стукнув сверху по сфере, которую он надел в большей степени в качестве шапки, чтобы сократить теплоотдачу от стриженной головы и меньше мерзнуть. Сплин повернул обратно голову и открыл глаза. В последнем усилии челюсти зверя шкрябнули по забралу сферы, пачкая его слюной и кровью. Зверь пытался достать горло, но Сплина спасло то, что он инстинктивно втянул голову в плечи, и шея оказалась недоступна. Тело хищника какое-то время мелко подрагивало, затем затихло.

– Срань господня, вот гадость какая, – пробормотал Сплин, выбираясь из-под убитого злобного представителя местной фауны.

Бесшерстная морщинистая шкура твари была темно-зеле-

ная в каких-то рыжеватых разводах, а середина тела была вся в сквозных вывороченных ранах с лоскутными краями. Формой тела существо напомнило Сплину пижонский ковер в виде бутафорской шкуры медведя с головой, который он еще в студентах видел в мажорной квартире одного из однокурсников на Земле в ходе грандиозной всенощной пьянки, состав участников которой был знаком ему едва ли на треть. Сплин тогда проснулся на этом ковре утром и первым, что он увидел, была оскаленная пасть, что сразу привело его в чувство.

– Рад, что ты не разбил мое отеческое сердце своей глупой безвременной кончиной, студент, – в своей обычной манере высказался подскочивший Доплер. Он настороженно огляделся вокруг.

– Вроде ничего крупного... – заключил он, снимая очки и вешая автомат на плечо. Затем добавил:

– Зверь поверху пролез, сука. Да... Среди деревьев датчики и МОНки – не гарантия безопасности. Дрых, небось, а?

– Никак нет, – проямлил Сплин, врун из него был никудышный.

– Хороший урок тебе, распиздяй, – вот так и бывает: заснешь на посту живым, а проснешься от того, что тебя убивают.

Некоторые из тех, кто спал недалеко от дерева, под которым дежурил Сплин, слышав возню, встревоженно высунулись из спальников, сжимая в руках оружие. Остальные

ничего не расслышали и продолжали дрыхнуть.

– Ладно, не пойман – не вор, как говорится... Ну что, кто рано встает, тому Бог подает. Давай разбирать периметр, да двинемся дальше, однако...

Сплин с облегчением вздохнул и принялся скатывать свой коврик. «Уж лучше топать вместе со всеми, чем маяться в карауле одному», – посетила его глубокая мысль. Как он понял час спустя после выхода, не слишком глубокая. Кто-то встал еще раньше, и Бог подал ему, а им досталось то же, что и вчера. Второй день марша начался, как и первый – утренняя прохлада быстро истаяла вместе с туманом, вылезло белое солнце, поднялась жара и горячая влажность, которые изнурили даже в состоянии покоя. Розоватое в фиолетовых разводах перьевых облачков небо немного походило, если не по цвету, то по рисунку на тлеющие угли костра, навевая мысли об адском пекле. Так по крайней мере казалось Сплину. Его вообще часто посещали трудно понимаемые другими ассоциации.

Очень быстро он почувствовал себя так же, как в середине прошлого дня: барабанный бой сердца в ушах, ручьи пота, поток соплей, гудящие ноги, ломота в спине и коленях от тяжести снаряжения. Сплин пытался обрадовать себя тем, что хоть ноги не стер: ботинки были хорошие, разношенные еще на тренировочной базе, с всякими там пропитками и, с понтом, отводом влаги, а то вообще хоть ложись и помирай. Чтобы сберечь силы и дожить до привала, он старался двигать-

ся расчетливо и экономно, как похмельный с большой головой. Больше остального изводила неутолимая жажда. Сплин был в курсе, что нужно пить помалу мелкими глотками. Типа прополоскать рот, чтобы смочить слизистую и проглотить. Интересно, тот, кто дает подобные рекомендации, сам-то в состоянии им следовать? У Сплина не хватало на это воли. У него был другой метод: он делал громадный глоток, так, что почти захлебывался, когда глотал. Это давало несколько блаженных секунд иллюзии, что напился. Жизненные приоритеты до предела упростились – он жил от привала до привала, мечтая лишь об очередном отдыхе и утолении жажды.

Шелли какое-то время вела их менее глухими местами с относительно спокойной растительностью, иногда сокращая путь, иногда закладывая «петли», обходя обычные районы активности патрульных команд местных наркобаронов или трудную местность. Открытые места и немногочисленные дороги пересекали не все сразу, а группами за несколько приемов под прикрытием остальных. Со знающим человеком дорога заметно полегчала: рубиться сквозь джунгли больше почти не приходилось – это было хлопотно, долго и на существенный срок оставляло слишком явный знак прохода группы. Наступать велели след в след, но, конечно, это выполнялось лишь по мере сил. Замыкающий, обычно кто-нибудь потолковей и повыносливей, местами подчищал следы веткой или пучком травы, как метлой, кое-где для профилактики посыпал порошковым спецсоставом, отбивающим

обоняние у животных на срок до нескольких часов. Временами надевали на ботинки бахилы, чтобы сделать слишком четкие следы рифленых подошв более смазанными. Постоянно идти в водонепроницаемых бахилах было жарко ногам, да и порвать недолго. Запутыванием следов сильно не увлекались, но необходимый минимум «финтов» все же соблюдался. Время от времени группа из нескольких менее нагруженных бойцов под руководством кого-нибудь из офицеров отставала проверить, не увязался ли кто-нибудь следом, потом нагоняла отряд – пока на этот счет все было спокойно.

Постепенно кроны деревьев опять сомкнулись где-то высоко над их головами, отряд снова вступил в зону вечного сумрака. Несколько раз слышался звук вертолета или поршневого самолета: то ли патрульный облет, то ли местные возили товар к границе. За обнаружение сверху можно было не опасаться: многоярусная растительность надежно скрывала группу. Тут даже инфракрасные визоры были бессильны, по крайней мере, в дневную жару.

Сплину казалось, что они спускаются в какую-то преисподнюю: ни солнца, ни неба не видно, вокруг шепчутся о своем джунгли, оценивая разглядывая незваных пришельцев десятками невидимых голодных глаз. Народ настороженно вертел головами, поводя по сторонам оружием. В каждом отделении в порядке очереди (для экономии элементов питания) по двое вели наблюдение через очки в инфра-

красном диапазоне. Несколько раз пытались напасть некрупные, но агрессивные хищники – их успевали засечь и нащиповать пулями до того, как они кого-нибудь задерут. В основном на марше было относительно спокойно в этом плане, но попадались участки, где зверье проявляло выраженную враждебность и пугающую изобретательность. Некоторых голодных и злых «братьев наших меньших» не отворачивали от намерения атаковать непрошенных гостей ни многочисленность отряда, ни индивидуальные ультразвуковые пугачи широкого диапазона, которыми путники прощупывали окрестные заросли и отгоняли с тропы ползучих гадов. Впрочем, гады-то как раз скорее реагировали на микросотрясения почвы и разного рода вибрацию, чем на слух, по крайней мере, так принято считать. Но отмечались и факты реакции змей на звук (хотя может они и не «слышали» его в обычном смысле, а скорее «ощущали»), так что – кто знает... То и дело фыркали короткие очереди оружия, заряженного малозумными патронами. Организованные крупные стаи пока не попадались, но это отнюдь не гарантировало, что за всю дорогу и не попадутся.

Крестом этого дня было не идти головным с мачете, а быть замыкающим – потенциальной жертвой для хитрого хищника. Когда замыкающим шел Дрейк, скоро должны были объявить привал, все только об этом и думали, несколько утратив бдительность. Внезапно участок почвы, по которому до того протопал весь отряд, поднялся под Дрейком с хлоп-

ком лопнувшей шины и с силой паровой катапульты, подбросив его метра на три вверх. На истошный крик взлетевшего Дрейка «А-а-а, блядь!!!» обернулся весь второй взвод.

Зрелище которое они увидели моментально заставило их забыть об усталости и вспомнить о самозащите: из ямы-засады посреди тропы, по которой они шли, стремительно разворачивался, как пожарный рукав гигантский спрут не вполне понятной из-за колец извивающихся щупалец конфигурации. Сплин отметил некоторое сходство с «осьминогом», которого подстрелил автоматический караульный лазер в базовом лагере. Только этот был гораздо крупнее. Глаз в привычном понимании у существа не было, но оно, поворачивая головой, решительно повернулось к Дрейку, который пытался нашарить в траве выпавшее из рук оружие, не в силах отвести взгляд от разверзнувшейся на него чемоданообразной пасти, утыканной в несколько рядов частоколом кинжальных зубов. Движения Дрейку сковывала внушительный груз поклажи, закрепленный лямками, грудной перемычкой и поясным ремнем, тянущий его спину к земле словно якорь.

Сплин, шедший в числе последних в хвосте колонны, поскольку пару часов назад сам шел замыкающим, выкатился из строя и, присев на колени, засадил в чудище полрожка, больше не успел, так как массивное щупальце, резвое, словно цыганский бич и тяжелое, как оглобля, сбило его и еще несколько человек с ног, отправив кого в нокдаун, кого в нокаут. Пули входили в тушу зверя, вышибая кровавые фон-

танчики, но видимого критического ущерба не причиняли – тварь была живучая. Никто, похоже, и не попытался воспользоваться ультразвуком, отдав предпочтение огнестрельному оружию. Впрочем, вряд ли отпугиватели сработали бы, не тот случай – в непосредственной схватке, когда нападение уже состоялось, и включились соответствующие боевые психофизиологические механизмы, голодный зверь, находящийся в ярости, уже не обращает на дискомфорт, вызываемый излучением прибора, никакого внимания, даже если и восприимчив к его воздействию на стадии агрессивных намерений.

– Лернер, Аткинс! Слева заходите, в башку подствольником... Длинный – будь на месте, пускач от «Термита» не проеби! – скомандовал ближайший из офицеров – Штырь, стараясь перебить короткими очередями щупальце, подтягивающее барахтающегося Дрейка к пасти.

Штырь, наконец, попал в щупальце, скрутившее Дрейка, перерубив его пополам. Но бедняга уже наполовину задохнулся и не в состоянии был воспользоваться шансом на бегство. Завершивших обходное движение Лернера и Аткинса сбило с ног хвостом. Вдруг склизкие комья плоти и осколки черепа фонтаном вылетели сквозь раскрытую чуть ли не на 180 градусов пасть зверя, основательно накрыв окончательно охреневшего от быстрой смены опасных событий Дрейка. Существо секунду еще стояло в полный рост, затем с утробным остывающим рыком, переходящим в булькающий кле-

кот, рухнуло как подрубленное дерево, пастью вперед, с хрустом ломая окружающую тропу растительность.

Позади тела упавшего зверя, приопустив свою винтовку, стояла Шелли. Еще пару секунд посмотрев на результаты своей стрельбы, она отсоединила магазин, добавила туда несколько новых экспансивных патронов вместо истраченных, подсоединила обратно.

– Ебать мой хуй... – ошалело произнес Малой, разглядывая пасть зверя и опасливо трогая глушителем автомата зубы на верхней челюсти. – Такое не каждый день увидишь, блядское отродье... Воняет так, будто уже неделю назад сдохло.

– Что это было, мать его за ногу? – стирая с себя пучком травы ошметки, спросил Дрейк. Кто-то подал ему найденную винтовку, которую тот схватил так крепко, что побелели костяшки пальцев. Шелли ответила:

– Местные зовут его «Демон земли». Он довольно медленно перемещается, поэтому или питается падалью, или устраивает вот такие засады на тропях. Если давно устроился его малореально обнаружить, даже матерое зверье с развитым нюхом попадает к нему на обед. Мы еще легко отделались.

Все собрались вокруг убитой твари, вполголоса делясь впечатлениями.

– Не так уж легко – Аткинс зажмурился, – прозвучал голос Бишопы.

– Как зажмурился? – спросил Доплер.

– Совсем. Мертва – шея сломана. О дерево неудачно при-

ложился, – пояснил Бишоп, осматривая уцелевшего после удара хвоста Лернера.

Тот болезненно морщился – на его боку зацветала гематома. Бишоп покрыл ее восстанавливающим гелем, сноровисто залепил бактерицидным пластырем и сказал:

– Ребра целы, внутренности внутри – радуйся.

Лернер поблагодарил кивком головы и начал надевать броню и снарягу обратно. Если он и радовался, то по нему видно не было. Всеобщее настроение отчасти озвучил Боцман:

– Что это за хрень? Сначала набрали салаг зеленых, теперь они началидохнуть, а мы еще даже до места не добрались, – раздраженно процедил он. И продолжил, обращаясь к Шелли:

– Слышь, подруга, ты же вроде наш проводник, тебе вроде знать про местный зоопарк положено, на крайняк предупредить могла, что здесь такие твари водятся.

Шелли восприняла наезд спокойно. Она чуть наклонила голову и, пристально уставившись на набычившегося Боцмана, ответила, не повышая голос, но так, чтобы слышали все:

– Ты прав, положено. Именно поэтому мы не пошли по местам, где этих тварей гораздо больше или там, где зверушки вроде утреннего ящера нападают группами. Вы явно не цените, что змей почти не видно, что патрули нас до сих пор не обнаружили, что никто из вас не подорвался, что мы в гиблое болото с галлюциногенными спорами не влезли или

в колонию диких пчел. А предупредить... Обо всем не предупредишь: тут еще много чего есть, о чем вы не знаете и хорошо, если не узнаете. Еще вопросы?

Боцман почесал репу и все так же угрюмо, но уже не так агрессивно пробубнил:

– Ну, извини – погорячился.

– Да ничего, обращайся.

Она повернулась к Доплеру:

– Имеет смысл объявить привал, люди уже никакие, да и прибраться надо бы...

Доплер тяжело глянул на Боцмана, не одобрив его сольное выступление, но, поскольку вопрос исчерпался, ничего ему не сказал, всем велел распрягаться и отдыхать. Беднягу Аткинса прикопали саперными лопатками в той же яме-закаде, откуда появился его убийца, приложив ручную гранату на случай, если кому станет интересно, а что это за свежая земля на тропе. Скорее всего, лежать им обоим было недолго: местное зверье найдет, раскопает и дочиста обглодает их тела еще до утра. Высвободившееся снаряжение частично распределили, частично закопали вместе с недолгим владельцем, потому что каждый и так был загружен. Полчаса спустя они уже шли дальше, а Аткинс остался навсегда.

Обедали в молчании, кусок не лез в горло – первая потеря, да еще такая бестолковая, подействовала на всех новобранцев. Сплин заглатывал еду механически, сознавая, что организму нужно топливо, дающее силы. Не то чтобы они

дружили «неразлей-вода» – люди в отряде сохраняли между собой некую дистанцию, но Аткинс был толковым уравновешенным парнем, полтора месяца провели вместе в одной упряжке и вдруг – такая нелепая смерть, даже не в бою... Вот же, блин... Сплин вдруг остро ощутил, как далеко забрался, что жизнь хрупка, как шейные позвонки и держится на крайне нестабильных вещах. Он стал больше ценить членов группы: они зависели друг от друга и поодиночке здесь ничего не стоили, возможно, даже включая опытных офицеров. Это была чужая земля, куда их никто не только не звал, но и в живых был видеть не рад.

Через несколько часов марша усталость и постоянное напряжение притупили неприятный осадок утреннего эпизода. Взамен Сплина начало плющить нечто вроде культурного шока. Он был городским жителем и нахождение внутри живой среды, где все вокруг яростно пыталось выжить если не за счет других, то, по крайней мере, несмотря на них, действовало угнетающе. Мозг неосознанно, но постоянно искал ассоциации увиденных растений и животных с привычными земными аналогами, цвета и формы были чем-то похожи на что-то знакомое, или напротив, совсем ни на что знакомое не походили. Непонятно было чего и от чего ждать в следующий момент. Все это утомляло его психику. Хотя, если подумать, каменные лабиринты больших городов имели с местными джунглями больше общего, чем поначалу казалось.

В этот день на них никто больше не напал, но к вече-

ру начал вяло моросить нудный дождь, при этом прохладнее стало лишь ненамного, и влажность тоже никуда не делась, сконденсировавшись в новое качество – теперь стало душно и зябко одновременно. Солнце скрылось за невнятной серой пеленой мглистой облачности, в воздухе у земли сгустилась туманная взвесь, которая бесконечно самовоспроизводилась и оседала вниз даже не полноценными дождевыми каплями, а какой-то всепроникающей мелкодисперсной водяной пылью.

Надевать водонепроницаемую плащ-палатку при нынешнем ускоренном темпе движения было бы, по мнению Сплина, неоптимально: во-первых, мокро будет теперь уже изнутри, от собственного пота, а это хуже, чем просто от воды, во-вторых, снижалась подвижность – если носить плащ-палатку как накидку, свободно, то вентиляция будет приемлемой, но балахон за все цеплялся бы при движении сквозь дебри. Какое-то время ноги удавалось сохранять в относительной сухости, несмотря на мокрую траву, с помощью водонепроницаемых бахил до колена. Но при переходе вброд Сплин начерпал в них воды. Досада от потери последней частицы комфорта была столь велика, что Сплин с трудом удержался, чтобы истерически не выматериться на весь чертов лес. Дальше трава постоянно добавляла в хлюпающие ботинки новую влагу. Но пока организм согревался движением, холодно не было. Кроме того, бронежилет несколько сокращал

теплоотдачу и прикрывал от дождя. За вещи и боеприпасы в ранце можно было не волноваться – они находились в водонепроницаемом вкладыше.

Ночевали, завернувшись в плащ-палатки, кто как устроился: под деревьями, в импровизированных гамаках на деревьях, на открытой земле по одному или прислонившись спинами друг к другу. Сплин нашел себе относительно сухое место без насекомых и подозрительных растений под здоровенным листом какого-то растения типа гигантского лопуха. В караул этой ночью ему не надо было, так что намерение выспаться несмотря ни на что не оставляло его с самого утра. Проснуться пришлось среди ночи от того, что кто-то льет на него воду: оказалось псевдо-дождь усилился до полноценного, лист растения отяжелел от влаги, прогнулся и около ведра воды скатилось как по желобу прямо на Сплина, попав за воротник. Теперь он вымок еще сильнее. Вода была не такая уж холодная, но земля остыла, организм ослаб, и Сплин почувствовал, что его конкретно знобит. С ума сойти: вокруг джунгли, на улице, типа, лето, а он выбивает зубами такую дробь, что любой войсковой барабанщик позавидует. Он недовольно заворочался, пытаясь избавиться от попавшей внутрь воды.

Капризная все-таки человек скотина, хоть, говорят, и ко всему привыкает – то ему, блядь, жарко, то, на хуй, холодно, то, в пизду, сыро. В попытках обеспечить своим хилым телам комфорт и безопасность человечество изживает со све-

ту все и вся, неосознанно, но жестоко мстя матери-природе за свою слабость, за вечный страх и беспокойство по самым разным поводам, как реальным, так и надуманным, которые по-настоящему никогда и никого не отпускают, даже сильных мира сего.

– Длинный, не суетись, я только вокруг себя лужу согрел, а ты мне всю малину разворошишь, – сонным голосом пробубнил его сосед Фрост.

– Да на кой мне хрен твоя лужа, у меня свое болото теперь есть, мать его так, – вполголоса буркнул в ответ Сплин.

– Не греди костями – могло быть хуже. Пустыня, например. Та еще жопа, скажу я тебе, хотя вроде тепло, светло и мухи не кусают. Слишком тепло... Или высокогорье с мокрым снегом и буранами. У нас как-то, помню, на одной операции ползвода гикнуло с последствиями переохлаждения – больше, чем от боестолкновений убыль была.

– А где это ты так повеселился? – поинтересовался Сплин.

– В пизде на самом дне, – уклончиво свернул неволью затронутую тему Фрост. Без раздражения, а просто не захотел ворошить. Но Сплин не удержался:

– В армии, что ли, служил?

– Типа того. Только вот со временем выяснилось, что я плохо переношу, когда мной командуют всякие шкурные мудаки, да еще походя подставляют на каждом шагу, и карьеру я выбрал не по себе.

– Так ты кадровым был?!

– Был, да сплыл. Знаешь, любопытство – не порок, но большое свинство. Отвали, Длинный, а то завтра мой огнемет потащишь, раз уж у тебя такой избыток активности, что аж спать неохота, – прикрыл разговор Фрост.

Тьма была почти полная: кроны деревьев вверху еще немного различались, а что под носом – вообще не разобирать. Опасаясь наступить в темноте на соседей или влезть в какой-нибудь муравейник, Сплин не стал искать новое место посуше, лишь включил обогрев плащ-палатки. Мокрая одежда действительно немного согревалась, если не шевелиться, можно было до утра и так дотянуть. «Завтра высплюсь» – обнадежил себя он.

Утром, направляясь к ручью умыться лицо, не столько из-за страсти к гигиене, а скорее, чтобы взбодриться, Сплин встретил Шелли. Она шла навстречу от ручья, вытирая лицо платком. Удивительно, но выглядела она вполне опрятно и свежо, будто славно выпалась в тепле и уюте в ночь с пятницы на субботу. Сам Сплин выглядел помято, был мокрый и грязный.

– Доброе утро, – машинально буркнул Сплин, а про себя подумал: «если оно доброе, в чем я лично сомневаюсь».

– Доброе, – они на пару секунд встретились взглядом и разминулись.

У ручья, глядя сквозь прозрачную бегущую воду на разноцветные камешки, Сплин вспомнил, что где-то видел подобный взгляд. Нет, Шелли он естественно никогда до того

не встречал, но выражение ее глаз было определенно знакомым. Чуть покопавшись в памяти, Сплин вспомнил.

Дело было в кабаке, где еще в студенчестве они компанией отмечали не то сдачу чего-то, не то чей-то день рождения. Там возле стойки стоял и методично вмазывал рюмку за рюмкой военный, кажется в звании капитана. На нем была парадная форма, стрелки на брюках были бритвенно остры, ботинки начищены, рядом лежала большая дорожная сумка. Гудеж вокруг был в полном разгаре. Играла попса, модная и тупая, идиотски заливисто хихикали поддатые бабы, а трезвые поглядывали вокруг кто томно-оценивающе, находясь в поиске, кто жеманно-самодовольно, демонстрируя статус. Мужики распускали пальцы веером и гнули грудь колесом, производя впечатление друг на друга и на баб непомерной крутизной личных и финансовых возможностей. Народу было порядочно, но вокруг военного было некое постоянно свободное пространство, небольшое, но заметное, будто его окружало силовое поле.

Сидели душевно, через какое-то время возникла необходимость принести еще выпить-закусить, Сплин собрал с добровольцев деньги, доложил сам и двинулся к барной стойке отовариваться. Оглядывая местный ассортимент воплощений Зеленого Змия, он пытался решить в уме задачу как максимально эффективно вложить имеющиеся средства. В момент, когда он начал излагать бармену свои пожелания, его грубо оттер представитель компании блатного уголовного

столика, где отрывались после трудового бандитского дня представители исполнительного звена местной криминальной группировки. Сплин плечом врезался в капитана, мельком заметив планки наград на кителе и какую-то заковыристую символику на петлицах, а также частично повалив батарею пустых рюмок, стоявшую перед военным. Спортивно-го вида «бычок» с круглыми на выкате глазками произнес через нижнюю губу, обращаясь к бармену:

– Слышь, шершавый, что-то мы официантку нашу дождаться никак не можем, а это непорядок – ты что, не слышал, что клиент всегда прав?

Официантка где-то в подсобке уже четверть часа размазывала косметику по лицу, пустив слезу после того, как бычковая компания допекла ее сальными шутками и недвусмысленными предложениями.

Пока бармен соображал, кого приставить обслуживать дорогих клиентов от крышующей фирмы, «бычок», еще больше выкатив глазки и сильнее оттопырив нижнюю губу, спросил недовольно сопящего Сплина:

– Че?

Сплин отрицательно покачал головой и отодвинулся переждать эту суету от греха подальше. Удовлетворившись внешней оценкой своего статуса «бычок» заметил слева легкий дискомфорт, в поисках которого уперся взглядом в капитана, который также пристально смотрел на него.

– А ты че, служивый, тебе в казарму свою не пора ли?

Военный резко вскинул правую руку, ударив бычка то ли по адамову яблоку, то ли в ямочку чуть пониже и с нажимом сказал, наклонившись поближе к хватающему ртом воздух собеседнику и проникновенно глядя тому в глаза:

– А ну, вали в свой быдлятник, сявка мокрожопая, пока я тебе кадык к ебням не вырвал. И чтоб тихо там: полезете в залупу – в мешках догуливать уедете. Попался бы ты мне в другой стране...

Сплин, находившийся рядом, явственно почувствовал, что капитан не просто не боится, а с трудом сдерживается, чтобы не реализовать свою угрозу. Причем это была не пьяная горячая и пустая дурь, а холодная, как жидкий азот, ненависть опасного человека, который определенно умел лить чужую кровь и столь давно этим занимался, что внутренне переродился. Почувствовал это и «бычок». Отдышавшись, он вернулся к двоим своим подельникам, что-то рассказал, те позыркали в сторону военного, который тем же взглядом сверлил их столик, но разбираться так и не полезли. Может, уже имели печальный опыт – вояка явно не писарем служил, да и черт знает, в каких интересных ведомствах у него друзья-знакомые могли быть. Бабы взвизги и крученный базар стали с той стороны раздаваться пореже и потише.

Военный вернулся к прерванному занятию. Сплин тронул его за плечо:

– Сэр, извините, а что Вы пьете?

– Зачем тебе? – полуобернулся тот.

– Хотел Вас угостить, – кивнув на попритихшую компанию отморозков, предложил ему Сплин.

Военный обернулся, и они встретились глазами. Взгляд капитана напоминал пепелище, так смотрят окна полуразрушенных войной и покинутых жителями домов. В нем было опустошающее знание о себе, о людях и их делах чего-то такого, чего спокойнее не знать. Своя и чужая боль выжгли все иллюзии о справедливости устройства мироздания, осев на дне глаз тлеющим огнем. Вспышка гнева уже остыла, но осталась решимость человека, который не боится умереть, потому что уже не раз бывал в аду при жизни, видел дно человеческой души, предел того, что можно вынести, стоял на самом краю бездны и равнодушно смотрел вниз – плевать, упасть и сгинуть, или остаться и жить. Капитан усмехнулся одной половиной лица и ответил:

– За предложение спасибо, но я заплатил авансом и свое на сегодня выпил. А сейчас мне пора на рейс. Бывай, студент, береги здоровье.

Он подхватил сумку, кивнул бармену и вышел. Бармен проводил его взглядом и вздохнул с облегчением:

– Бля, я уж думал мясня будет... Отпетый человек... – затем он повернулся к Сплину. – Повтори еще раз, парень, чего хотел, я не все расслышал.

Праздник продолжался... Как же давно это было, и как будто с кем-то другим...

– Длинный, окстись, ты что, медитировать тут устроил-

ся? – прервал его воспоминания также подошедший умыть-ся Фрост. – Холодная, падла, аж шкура немеет, – прокомментировал он, плеснув на лицо.

– Цени момент, щас пойдём – согреется твоя шкура, мало не будет, – ответил Сплин, возвращаясь к текущей реальности.

– Ну ты и зануда! – покачал головой Фрост.

– На том стоим, – отходя, пробурчал Сплин.

Начался третий, последний перед штурмом, день марша. Тучи, закрывавшие небо, разошлись так же быстро, как вчера собрались, будто включили свет, опять начало жарить солнце. Затем спустились с холма в долину, где деревья были просто огромны, их переплетенные лианами стволы терялись вверху среди испарений, стоячей воды было по колено, царил влажный полумрак. Сплину казалось, что время остановилось, что он топаёт не третий день, а уже, по меньшей мере, третью неделю неизвестно куда по бесконечному живому тоннелю с повторяющимися в разных комбинациях сюжетами местности. Весь ранее привычный мир, вся чертова цивилизация, собственная прошлая жизнь и много чего еще по мелочи казались призрачным сном, далеким миражом, отвлеченными понятиями, не имеющими значения в данной конкретной реальности. Правда, идти стало полегче, организм втянулся, ходьба отнимала меньше сил, чем вначале, часть консервов была съедена, ранец в который раз пере-

пакован, чтоб удобнее было. Но к мошкаре, влажности и жаре привыкнуть было сложнее, если вообще можно. Предстоящий штурм и сопутствующее смертоубийство маячили все более отчетливо. Хотелось скорее дойти и закончить, наконец, дело, ради которого они сюда явились. Вместе с тем все осознавали, что не каждый переживет бой с сильным врагом, и это нервировало. Настроение было тревожное. На привале Малой отошел отлить, а возвращаясь, вдруг в сердцах высказался, застегивая штаны:

– Хреновы джунгли, ебучая сауна, блядские болота: я весь прокис, конец какой-то плесенью покрылся, короста скоро с мошонки на затылок разрастется, как же мне остохуел весь этот злоебучий зоопарк!

Ему посочувствовали:

– Да, братец, короста – это серьезно, драть теперь пасатижами придется, не иначе...

– Возьми вот у него из ремнабора...

– Вот уж хуюшки! Не дам – поломает, больно уж горячий парень – настоящий мачо, одно слово...

– Что, самому небось позарез нужны? – оскалился Малой, поддерживая нехитрый стеб, позволяющий выпустить пар и снизить психологический напряг ожидания предстоящей битвы.

«Интеллектуальная» беседа получила немедленное развитие. Наконец, когда кто-то припомнил нестареющий хит генитального юмора «нет лучшего влагалища, чем очко това-

рища, хоть и жалко друга, зато входит туго», на них цыкнул
Боцман:

– Эй, там, на галерке, чего расчирикались? Вы же вроде
устали? Раз ржете, выходит, отдохнули, тогда встали и пошли
– не хер языки чесать!

4. Выход в красное

К резиденции Лутара вышли еще засветло. На безопасном расстоянии, не доходя до опушки леса, Шелли нашла укромный овражек, где рядовым велели отдыхать и проверять снаряжение, в то время как Слэш и Штырь, назначив охранение, отправились на рекогносцировку – осмотреть объект, оценить расклад и подобрать исходные позиции.

Сплин вдоволь напился воды, немного отдохнул от марша, но лишь только отупляющая усталость отступила, как его начал штырить мандраж. Чтобы отвлечься, он решил заняться насущным делом: перепаковать. Ранец следовало оставить здесь для повышения мобильности, поэтому надо было максимально затарить разрузочный жилет и подсумки по талии, закрепленные на широком ремне тактического пояса, который дополнительно поддерживался наплечными лямками с широкой перемычкой на загривке, что позволяло повешать на нем довольно существенный груз, не опасаясь в пути потерять штаны или натереть мозоли. Он поплотнее подогнал разгрузник под габариты своего торса в броне, выгрузил из жилета все содержимое бытового назначения, чтобы переложить в ранец. До отказа набил нагрудные вертикальные продолговатые карманы разгрузки рожковыми магазинами подавателями вниз, капсюлями влево, заменив магазины с маломощными дозвуковыми патронами,

уместными при скрытном марше, на магазины с трассирующими, которые достал из ранца. При этом сгруппировал по типам боеприпасов: трассеры – в карманах слева, обычные – справа. Глушитель снимать не стал – пусть по мере сил рассеивает звук и уменьшает дульное пламя. В большой подсумок с несколькими секциями, носимый на пояснице, пристроил еще пару дисковых магазинов и несколько патронных пачек для дозарядки полупустых магазинов. Открепил от лямок ранца и переложил в боковой подсумок слева газовые гранаты для подствольника. Правый боковой подсумок затарил дымовыми подствольными гранатами.

Плоскую фляжку-термос в чехле – на поясницу слева, активную аптечку – в непромокаемый подсумок справа. Перевязочный пакет вытащил из нарукавного кармана и закнул за эластичную ленту на сфере для лучшей доступности. Снарядил по-боевому и повесил на шею через плечи крест-накрест матерчатые ленты с боевыми выстрелами подствольника, ручными гранатами и флэшками, пристегнул их так, чтоб не болтались слишком свободно и не перекрывали доступ к содержимому разгрузочного жилета. Открыл пару патронных пачек и разложил их содержимое россыпью по освободившимся кармашкам разгрузки, где на марше были гранаты. Патронов потребуется много, так как на броске следует обеспечить достойный огневой пресс, иначе успеют так проредить, что добравшимся до стен счастливцам захватывать само здание будет уже не с кем. Пистолет пусть остается,

где был, во внутреннем нагрудном кармане жилета – вдруг с автоматом что стрясется, так хоть какое-то оружие останется, пока новым не удастся разжиться или задержку устранить. Достал из ранца скатку своего сегмента взрывного кабеля для «Термита». Упаковал незадействованное добро в ранец, перевязал его за верхнюю ручку кусочком бинта, чтоб отличить свой, когда вернется. Точнее, если вернется... Нет, уж лучше «когда»... Затем протер рукавом засаленные объективы очков, проверил их в специальных режимах – все работало. Штык-нож в принципе-то можно было установить на ствол автомата, несмотря на подствольник – крепление могло сворачиваться из-под низа набок, но выглядеть это будет неуместно и сделает травмоопасной перезарядку подствольника. На пояс некуда уже, да и на хрен нож, тоже мне – ниндзя. Хотя нож тоже не помешает, ножны на левое плечо, рукояткой вниз... Он поймал себя на том, что комментирует свою суету вслух. Ну, вроде все – готов. Сплин огляделся – народ занимался примерно тем же и думал, наверное, примерно о том же: «минует ли меня чаша сия?»

Разведка вернулась уже в темноте и в целом не выявила отклонений от первоначальных данных и расчетов. Доплер с офицерами принялись обсуждать планы действий с учетом вероятных вариантов развития событий, остальным велели пока отдыхать. Жрать не рекомендовали, да не больно и хотелось. Сплин отошел просрать-проссаться, вернулся, попытался заснуть, но не смог, просто лежал на коврике, по-

ложив под голову свернутую плащ-палатку. Остальные тоже маялись ожиданием. Из отделения Сплина только Фрост не проявлял видимых признаков беспокойства. Может, он и не спал, но его дыхание было глубоким и ровным. Наконец, мудрое руководство определилось, подошел взводный, перевел компас в режим голограммы и, показывая с разных ракурсов виды поместья, полученные в базовом лагере со спутника, довел окончательный план поочередно для каждого отделения. Обычный неформальный стиль Штыря улетучился – он был опасно сосредоточен и говорил лаконично.

Основное здание поместья, то есть собственно президентская резиденция, было капитальным строением с мощными стенами на два-три этажа. Внешне оно напоминало некий гибрид средневекового замка и загородного коттеджа и имело нестандартно изрезанную планировку с бассейном в центре, примыкающими снаружи пристройками, оранжереей, теннисным кортом и все такое. Наблюдение показало, что поместье не пустовало, так как на открытой взлетной площадке стояли два вертолета – маленький и транспортный, охрана была усиленной, те, кто не патрулировал, бегали рысью, кухня к ужину проявляла повышенную активность и так далее.

Так что разведданные, которые им послали накануне выхода, похоже, не врал: Лутар был здесь, хотя снаружи, понятное дело, не светился. Шелли подтвердила, что узнала вертолет Лутара и кое-кого из головорезов его охраны. Вооружен гарнизон был неоднозначно. У личных гвардейцев

Лутара – импортные пушки получше, чем у их группы, с лафетной системой поглощения отдачи, обеспечивающей высокую скорострельность короткими очередями без потери кучности. У остальных – старый добрый «Вепрь» разных моделей, а также огнестрельное оружие местного производства попроще. На крыше, на балконах и во дворе – пулеметные гнезда, по периметру, с внутренней стороны стены – четыре сторожевых вышки. В ангарчиках и под тентами стояла техника (вездеходы, бронетранспортеры), их надлежало на всякий случай по возможности сохранить, особенно желательно было сохранить вертолеты. Численность гарнизона плюс президентская охрана, если судить по количеству активных часовых, умноженному на среднее количество смен, была не выше изначально предполагаемой. Что, учитывая фактор внезапности и неплохое техническое оснащение, для нападающих было не так уж плохо. А в ограниченных пространствах здания численный перевес не столь важен, если действовать достаточно толково, слаженно и напористо.

В первую очередь после выдвижения взводов на исходные позиции запускается «Штиль», чтобы мощным электромагнитным импульсом вывести из строя средства связи, мониторы разных датчиков охранной системы наблюдения, которыми наверняка напичкан периметр, и вообще надежно нарушить работу всей электроники противника в радиусе двухсот метров. Механизм воздействия импульса таков, что даже выключенная из сети, неактивная аппаратура, оказав-

шаяся в зоне поражения, также будет с большой долей вероятности выведена из строя. Экранированное электронное оборудование все равно, так или иначе, связано с уязвимыми внешними сетями, соответственно и его повреждение не исключено. Биологическое воздействие электромагнитного оружия строго регулировалось международными соглашениями, которые запрещали критически опасный для здоровья людей уровень мощности излучения. Хотя, надо полагать, отдельные образцы, выходящие за законные рамки, все же существовали, но на широком рынке оружия они, тем не менее, не циркулировали. Так что воздействие «Штиля» на гарнизон резиденции, возможно, вызовет кратковременную дезориентацию и тошноту.

Гранатометчики сносят ближние пулеметные вышки. Далее запускаются «Термиты», затем каждый взвод со своей стороны покрывает участок за оградой по линии проникновения дымовыми гранатами навесом из подствольников, так, чтобы гарнизон поместья не смог прицельно выбивать атакующих на броске к основному зданию. Когда дымовая завеса будет достаточной, детонируются кабели «Термитов», которые проделают проходы в минном поле. Выстрелы из РПГ должны обеспечить проломы в пластобетонной стене ограды. С максимальной скоростью атакующие проникают на территорию поместья, а затем и в само здание, где начинают зачистку. На открытых простреливаемых подступах, как и планировалось, двигаться перебежками, попарно приккры-

вая друг друга. Шелли и Бишоп в штурме не участвуют, так как в задачу Шелли сама война не входила, а Бишоп был слишком ценен в своем качестве, как квалифицированный медик, то есть спаситель для раненых.

Продвигаться решено было двумя эшелонами с соблюдением интервала не менее пятидесяти метров, чтобы слишком широко не растягивать цепь и не подставлять фланги под огонь из окон смежных граней здания и пристроек, но в то же время обеспечить взаимную поддержку и максимально эффективное покрытие вражеских позиций на этажах и крыше подавляющим огнем. Резиденция имела разлапистую конфигурацию, так что атакуемый фронт был примерно одинаковый с любой стороны. Сплин попал в первую атаковую волну под командой Боцмана, которой полагалось работать по первым двум этажам и подступам. Штырь намеревался идти в арьергарде, со второй волной, которая была поменьше первой – семнадцать человек. Ее основной заботой являлись третий этаж и крыша. Огнемётчики выдвигаются в составе второй волны, гранатомётчики распределены по обеим.

Кто-то спросил взводного:

– А с гражданскими что? Ну, там обслуга, кухня, техники-механики всякие...

– Валите всех, у кого в руках оружие или чье поведение покажется вам угрожающим. Нет тут гражданских. Они что, не знают, на какого упыря работают? – ответил Штырь.

Сплин не стал спрашивать, а на кого ж еще местным тут работать? Жить-то как-то все равно надо, а доходной и чистой работы тут явно не густо. А может гарнизонные сами сдадутся, и все без особого напряжения и жертв завершится? Ага, как же – а может, мы развернемся и уйдем, откуда пришли? Однако, вряд ли – у нас своя работа, у них – своя, каждая сторона будет до упора биться, потому что деваться обeim некуда, а значит, и выбора нет.

– С ПНВ и тепловизорами у них как? – поинтересовался Фрост.

– По делу вопрос. При разведке у караульных заметили и то, и другое. У гвардейцев личной охраны наверняка есть... Но приборы должны похериться от импульса, а общая обеспеченность ими наверняка не поголовная – у дежурной смены, ну, может запасных еще несколько, – оптимистично предположил взводный.

Еще раз повторили зоны ответственности и сектора обстрела. Офицеры проверили каждый у своих снаряжение. Некоторые блоки «Термита» загодя собрали из отдельных деталей в более крупные узлы, чтобы сократить время монтажа всей установки на исходной позиции. До выхода оставалось около двух часов, сборы закончились, но никто, по-видимому, не спал. Сплин по кругу повторял про себя инструктаж, вспоминал куда что положил из снаряжения, представлял расположение объектов в поместье по увиденным голограммам, прокручивал различные тактические приемы боя

в здании, отработанные на площадках тренировочного центра. Как только он переставал грузить мозг делом, немедленно начинался мандраж. Хотелось нести всякую хрень безразлично какому собеседнику и глупо острить в духе черного юмора.

Пропустили мимо вражеский патруль, обходящий периметр, тихонько вышли к кромке леса, рассредоточились и залегли, несколько не доходя до исходной позиции перед минным полем, окружающим стену, настолько, чтобы не быть заметными для камер наблюдения, установленных на ее верху. Минированной полосе с внешней стороны предшествовала спираль колючей проволоки – от зверья, чтобы по минам не топталось. Прокусывать проход в колючке решено было после воздействия «Штиля» – там могли быть датчики разрыва или давления – не к чему раньше времени уточнять врагам точку прорыва.

Вокруг, с окружающих долину холмов, медленно плыли полупрозрачные клочья тумана, бесконечно сменяя друг друга. В предрассветный час было тихо и безветренно. Впрочем, ветра за прошедшие дни и днем-то особо не наблюдалось. Время атаки было выбрано так, чтобы вражеские силы были максимально сконцентрированы в главном здании, а не слонялись по всей территории, а также разного рода подсобным и хозяйственным строениям. Подгадать постарались к середине караульной смены, чтобы прошлый караул уже успел заснуть, а новый – притомиться. Тьма не была пол-

ной, небо уже чуть светлело, короткая летняя ночь отступала. Под руководством Боцмана быстро снарядили и установили «Термит», пусковая установка которого по технике безопасности находилась на некотором расстоянии от позиции взвода и управлялась по тонкому проводу с дистанционного пульта.

Штырь, отложив свой пулемет, соединял секции резервной пусковой трубы со «Штилем», переводя установку из походного положения в боевое – на случай, если почему-то не сработает в первом взводе. Если подведет «Термит» – скверно, но проходы в минированной полосе можно пропахать и гранатометами, хоть это и менее оптимально, а вот если не вывести из строя вражескую электронику, то штурм уж точно станет бесперспективным. Тут в наушниках раздался голос Доплера:

– Мы готовы. Как у вас?

– Оба прибора готовы.

– Тогда начинаем по графику. Как понял?

– Понял хорошо. Конец связи.

Бойцы временно выключили рации, спецрежимы очков и прицелов, прочие «тонкие» электронные приборы – штурмовые команды находились за пределами радиуса деструктивного уровня воздействия электромагнитного импульса, но зона серьезных помех, слабеющих по мере удаления от эпицентра, в разы превышала площадь уверенного поражения. Через полминуты, в условленное время, негромкий хлоп-

пок и короткое зарево яркой вспышки над зданием поместья обозначили детонацию «Штиля». Датчики системы наблюдения на стене, вероятно, не вышли из строя насовсем, но наверняка накрылось оборудование в помещениях дежурных наблюдателей. Гранатометчики одновременно накрыли две ближние вышки, которые заранее держали в прицеле, ожидая команды. Почти одновременно грохнули взрывы на стороне Доплера. Обладатели разовых гранатометов и огнеметов поставили их на боевой взвод, чтобы не терять время на возню под обстрелом.

Штырь с помощью дистанционного пульта по проводу запустил «Термит». Буксирная ракета с быстрым шипением истекающих газов выгорающего топлива рванулась в сторону стены, разматывая за собой взрывной кабель – тот лег ровно, перекрыв расстояние от внешней колючки до подножия стены.

– Боц, лезь корректировать наш дым! – скомандовал Штырь, а сам под углом упер приклад автомата Малого в землю и изготавливился к навесной стрельбе из подствольника дымовыми гранатами.

– Как обзор, стена сильно мешает? – спросил он Боцмана, устроившегося на заранее выбранной при разведке позиции на дереве. Боцман не полез высоко, чтобы не быть обнаруженным каким-нибудь дежурным снайпером, а наблюдение вел через внешний объектив, расположенный на конце гибкой трубки световода и подключаемый к специальному разь-

ему очков. У офицеров были более функциональные модели очков с такой возможностью, позволяющие, кроме того, использовать их как бинокль с дальномером, осуществляющий увеличение, кратностью до четырех. Боцман изогнул оптоволоконный кабель и пристроил объектив наподобие перископа.

– Конечно, мешает, она для того и построена, но кое-что все-таки видно: подступы к зданию, ангары, казарму с той стороны немного... Приступай! – отозвался с дерева он.

Взводный сделал первый пристрелочный выстрел.

– Можно еще подальше вглубь и левее метров на тридцать – это будет центр завесы, – скорректировал с дерева первый выстрел Боцман.

Штырь внес поправку – Боцман одобрил результат, затем указал каждому, как выставить прицел подствольника, чтобы дымовые гранаты ложились стенкой примерно в шахматном порядке. Сплин вместе с другими назначенными для этого «подствольщиками» начал всаживать гранаты в темное небо, как в копеечку, между стволов деревьев.

– Нормально ложатся. Пора, однако, «Термит» рвать. Местные засуетились, – подал голос Боцман. Гарнизон открыл по окружающим джунглям неприцельную стрельбу.

– Боц, спускайся, я займусь «Термитом», остальные – продолжайте «дымить». Еще раз: Роуч, как отработает кабель «Термита» – лупи вдоль него в забор на уровне пояса, Бедуин – ты добавишь, если понадобится расширить дыру от

первой гранаты, – велел взводный.

Доплер по радиации запросил, готов ли их «Термит». Получив утвердительный ответ, дал команду на детонацию. Штырь с пульта сдетонировал шланг, который полыхнул стеной пламени и комьев вздыбленного грунта. Вдоль него каскадно детонировали потревоженные мины, местами по нескольку сразу. Не зря они по частям тащили на горбу эту елду в такую даль – окупилось. Выстрелил со своей позиции кумулятивно-фугасной гранатой Роуч, его второй номер тут же зарядил гранатомет снова. Еще не успела толком рассеяться пыль, как в тепловизор стало видно, что проделанная в ограде дыра вполне достаточна, чтобы пролезть человеку – Бедуину дали отбой. Боцман кусачками из штык-ножа и ножен прокусил спиральную колючку периметра и растащил края в стороны, освобождая проход. Штырь приказал первой волне выдвигаться, второй пока ожидать.

Боцман, пригибаясь и внимательно глядя под ноги, на случай, если в борозде окажется неразорвавшаяся мина, первым побежал к пролому в стене. Несколько неразорвавшихся и не отброшенных мин он отметил светящимися маркерами. Возле стены махнул, чтоб двигался первый эшелон. Все были в полной экипировке, включая сферы и респираторные маски, но без ранца и дополнительного «общего» груза все равно должно было бы быть легче. Должно, но не было. На ватных, плохо слушающихся ногах Сплин ломанулся с остальными – адреналин подстегивает лишь тех, кто шарит в теме,

а неуверенных в себе – отравляет, заставляет бестолково суетиться, гонит прямо на убой. Сплин напрягал растекающуюся волю, пытаюсь сосредоточиться, однако чувствовал себя, как последняя жертва, пронзительно осознавая, что слаб и не готов к тому, что вот-вот начнется. Хорошо, что никто не видит за забралом сферы и поляризованными очками его жалкое выражение лица. Их отделение шло первым. Подтянулась вторая волна. Замыкал весь строй взводный, подгоняя. У пролома приостановились отдышаться. Штырь скороговоркой напутствовал по радиации, выборочно повторяя узловыe моменты инструктажа, в попытке впечатать их в одурманенные стрессом мозги необстрелянных солдат:

– Делайте то, что прикажут так, как учили. Не суетитесь и не тормозите. Не забывайте прикрывать друг друга. Вплоть до непосредственного сближения со зданием каждому работать только свои сектора, если прямо не прикажут другое. Если выбьют ближайшего соседа слева – берите на себя его сектор, не ожидая приказа, или быстро перераспределяйтесь с новыми соседями. Если в здании будут перебои со связью – действуйте по плану с учетом обстановки, окажетесь одни – прибивайтесь к ближайшей мобильной группе...

– Штырь, Боц, хули вы там клопа давите? Входите за периметр, нас тут уже всюю долбят! – прозвучал в наушниках раздраженный голос Доплера.

– Бля, да мы уже! – отозвался Боцман. – Лернер, Роуч, Длинный, Малой – вперед, занять позицию и прикрывать вы-

ход остальных!

Трескотня выстрелов и взрывы реактивных гранат с той стороны комплекса строений поместья густели посекудно. Сплин, пригибаясь, поспешно протиснулся в пролом за Роучем. Шумно дыша, огляделся, занял позицию справа от лаза в паре с Малым, спиной к стене, лицом к зданию. Стабильная в безветрии пелена черного дыма, кажущаяся с сотни метров неопределенно темной, пока скрывала атакующих. Из невидимого за завесой здания постреливали, пули впивались в стену позади, в землю вокруг. Пока что рассеивание вражеского огня было большим, а его плотность низкой, так как расстояние было существенным, и еще не весь гарнизон занял свои позиции. Да и патроны, небось, сильно-то палить пока не спешили – вдруг это хитрожопый маневр какой или провокация. Но все равно сидеть и ждать было невыносимо. Сплин начал всаживать короткие очереди в сторону врага и сразу почувствовал заметное облегчение. Томимый тем же ощущением бездействия под огнем, изготовился к стрельбе Малой.

– Отставить пальбу, мудаки! Беречь боезапас, вы же ни хера не видите целей! – цыкнул на них протиснувшийся в пролом Боцман. – Длинный, хуепутало, а ну магазин заменил сейчас же!

Сплин спохватился, что так и не поменял установленный еще на марше магазин со слабыми дозвуковыми патронами на подходящие текущей задаче трассирующие. Он чертых-

нулся, произвел замену, про себя отметив, что его бестолковые трассеры могли бы засветить направление прорыва, а впрочем, гарнизон и так по любому уже понял, что начался штурм и с каких направлений.

Проникла на территорию вся первая волна, бойцы рассредоточились вдоль стены двухрядной цепью в шахматном порядке, изготовившись к броску. Боец занял позицию на левом фланге, напомнил держать дистанцию с соседом не менее восьми шагов и скоординировал всем «вперед» до границы дыма с той стороны. Бряцая снаряжением, бегом двинулись вглубь территории. Дымовая завеса препятствовала противнику эффективно использовать инфракрасные визоры то ли из-за аэрозольных свойств дыма, то ли из-за того, что дым некоторое время еще оставался нагретым выше температуры окружающего воздуха и образовывал посторонний тепловой фон, то ли электромагнитный импульс повредил вражеские приборы наблюдения, а может и еще из-за чего-нибудь. Сплин точно не знал технических подробностей, да и не думал сейчас об этом, главное, что вражеский огонь пока был неприцельный. Надымили с запасом, по более широкому фронту, чем реально занимали атакующие порядки. Сосредоточенное сопение нарушил разрыв гранаты где-то левее Сплина и чей-то болезненный вскрик, переходящий в досадливый мат. В их сторону стреляли из подствольника и попали, еще пару бойцов ближе к правому флангу задело пулями по конечностям. Чем ближе к зданию,

тем плотнее огонь оттуда, отчасти еще и поэтому дымовую завесу не сместили дальше вглубь, хоть и имелся еще некоторый запас дальности подствольника – метров за 150 уже надо самим видеть цели и вести организованный подавляющий огонь, иначе многих просто повыкосят не глядя.

– Всем держать интервал и продолжать движение! Раненым остановить кровотечение, вмазаться обезболивающим и впрягаться снова со второй волной. Если кто не может ходить – ожидайте помощи на месте, – велел Бецман.

Они почти добежали до внешней границы дымовой завесы, как оттуда навстречу материализовались силуэты вооруженных людей. Местные были не дураки – не стали пассивно ждать по щелям, а выслали разведку оценить направление прорыва и силы нападающих. Тут же обе стороны открыли друг по другу огонь. В секунды все было кончено. Местных было мало – около отделения, они все полегли под превосходящим огнем, едва начав стрелять сами. Поблизости никого из бойцов даже не задело.

Сплин поменял магазин на полный. Его близкий к нулю боевой дух несколько поднялся благодаря маленькой, но решительной победе. Только это была не победа – когда достигли внутренней границы дымовой завесы, гарнизон, поднятый «в ружье» и к тому моменту уже полностью рассредоточившийся по позициям, встретил их по полной программе.

Первый серьезный огневой контакт был воистину ужасен.

Осветительные ракеты моментально залили все белым, чуть розоватым светом и все нападающие оказались как на ладони даже для тех солдат противника, у которых не было спецсредств для обзора в темноте. Из-за парапета плоской крыши залпом открыли огонь вражеские гранатометчики, взрывы раздирали хрупкие человеческие тела в скорлупках бронежилетов, контузили и дырявили осколками находящихся рядом, деморализовывали всех остальных. Окна трехэтажного поместья там и сям ощерились вспышками выстрелов, с широкого опоясывающего балкона второго этажа хлестанул станковый пулемет, из окон полетели подствольные гранаты. Первая волна залегла, едва успев преодолеть 25–30 метров за пределами дымовой завесы. «Ебанный свет, в Бога душу мать, на хер – их же не меньше, чем нас, а может и побольше,» – оценив количество огневых точек, тоскливо подумал Сплин, лихорадочно высаживая патрон за патроном в здание, толком не разбираясь по какой конкретно цели. Автомат казался нелепой легкомысленной игрушкой, ни на что серьезное не годной против такого интенсивного встречного огня. Первому атакующему эшелону до главного здания оставалось немногим более полутора сотен метров – формально это небольшая дистанция, но ее преодоление сейчас, под плотным обстрелом, казалось просто невыполнимым. В какой-то момент с начала контакта возникло ослабление огневой пресса из-за почти одновременной перезарядки оружия автоматчиками противника, но этот благоприятный для

рывка момент так и не был использован для продвижения.

Не потеряли самообладание всего несколько человек с предшествующим боевым опытом. Фрост из второй волны, едва вышедшей за пределы дымовой завесы, без команды произвел выстрел из реактивного огнемета, угодивший в верхний край парашюта. Кумулятивный заряд носовой части боеприпаса пробил парашют, взбухший затем огненный купол около семи метров в поперечнике вобрал в себя несколько фигурок гранатометчиков на крыше, еще нескольких ближайших солдат были сметены ударной волной, уцелевшие поспешили укрыться. Где-то на левом фланге, словно швейная машинка, молотил пулемет Бюцмана, Штырь сыпал в эфире какими-то распоряжениями, но Сплин не осознавал смысла приказов, хотя и слышал в наушнике все вполне отчетливо. Рядом, чуть правее Малого, рванула реактивная граната – в бронежилет и сферу ткнулись осколки и комочки грунта, на этот раз не нанеся вреда, заложило уши. «А без звука не так страшно», – подумал Сплин, в прострации нажимая на спуск автомата. Что-то темное возникло на забрале сферы, мешая обзору. Когда Сплин понял, что это вырванный взрывом из тела измочаленный ошметок плоти, его, казалось, уже и так запредельный страх чуть не парализовал тело полностью. «Это снаружи, значит не мое...» – пронеслось в голове пару секунд спустя, он торопливо обтер забрало рукавом и огляделся. Правый сосед Малого конвульсивно дергался на земле, обильно теряя кровь из многочисленных

осколочных ранений, немилосердно изодравших все тело – не жилец уже явно, сам Малой вроде не пострадал. Кончились патроны в бестолково растроченном магазине, зато вернулись звуки. Машинально перезарядился.

Пули ковыряли дерн совсем рядом, отчего земля мелко вздрагивала, воздух вокруг шелестел смертоносным металлом, с короткими отрывистыми шлепками попадающим в бойцов. Грохот стрельбы отдельных единиц стрелкового оружия уже слился в сплошной пульсирующий рев, перекрываемый более мощными хлопками разрывов гранат. Орали благим матом раненые, некоторые пока еще вполне целые тоже что-то орал, просто чтобы не молчать. Атака захлебнулась, взвод залег, нестройно паля в сторону врага, который был теперь не сюжетом новостей из неведомой тьмы-таракани, а во всей реальности находился впереди и делал все, чтобы лишить их жизни. Вся воинская наука, полученная на ускоренных курсах, почти полностью вылетела из головы Сплина под напором свежих впечатлений. Он пребывал в каком-то полуступоре, воспринимая происходящее как бы от третьего лица и толком не осознавая, в основном на уровне эмоций, главной из которых был захлестывающий страх. Тело, вроде бы тренированное, сейчас было вялым и влажно холодным, как студень, движения были неуверенными и плохо скоординированными – любую концентрацию сознания мощно забивал страх, тугим жгутом мечущийся в сознании, отравляя организм. Это был даже не страх, а просто

какой-то животный панический ужас – наверное, то же чувствует скотина перед забоем, попадая в смрадно-вонючий окровавленный последний загон, где ее равнодушно взрежут и отправят на разделку дальше по конвейеру.

Смерть, казалось, была вопросом нескольких ближайших секунд. Вот-вот он почувствует, как в тело, сокрушая все на своем пути, входит кусок металла, принося с собой мириады оттенков боли, и жизнь вытечет красной лужицей в выгоревшую траву, смешиваясь с пылью. Странно, но, осознав это, Сплин вдруг почувствовал себя легче, как после принятия трудного решения и прохождения точки невозврата. Когда ужас достиг наивысшей точки, он лопнул, словно болезненный нарыв, душа наполнилась отрешенным спокойствием. В мозгу словно сработал некий переключатель, эмоциональная часть сознания забилась куда-то в угол, как параноик в обитой войлоком камере, а руководство телом взяла на себя личность, сформированная на тренировках, значительная часть действий которой диктовалась заученными реакциями на известные события. Возможно, помогла обработка гипнопроектором Мерлина, а возможно, это произошло само собой как следствие осознания и принятия неизбежности – поздняк метаться. Надо было ставить себе маленькие тактические задачи и выполнять их: мозг и тело должны быть заняты делом, тогда дрейфить будет некогда. Не все же пули именно в него летят. Вон еще сколько целей вокруг ко-

пошится. Вдруг стало понятно, что на тренировочной базе их учили не столько воевать, этому, кроме реальной войны никто по-настоящему не научит, сколько адекватно действовать, преодолевая страх боли. Сплин вспомнил, что у него вообще-то есть закрепленный сектор обстрела и неплохо бы пользоваться прицелом, чтобы его эффективно окучивать.

ПНВ очков на ярком свете от осветительных ракет был бесполезен – сразу автоматически вырубался, а вот ИК-режим в условиях относительной прохлады неплохо светил вражеские позиции по теплу человеческих тел, нагретых стволов оружия и дульных вспышек. Через просветленную оптику коллиматорного прицела вполне можно было различить контуры строений и оконных проемов даже невооруженным глазом. Трассеры при попадании в стену еще какое-то время светились рубиновыми точками, подобно огоньку тлеющей сигареты.

– Прекратить суету! Действовать по плану – разобрать цели и работать по ним! Я что, на хуй, один два этажа держать должен?? Роуч, твою мать, у тебя какая задача?! Быстро выламывай точку с балкона! – деловито распорядился Боцман, методично ведя огонь частыми короткими очередями из своего пулемета. Пулеметчики стреляли обычными, не трассерами, вдобавок на стволы были накручены нестандартные, более эффективные пламегасители. Кроме того, на пулеметах были установлены сошки и коллиматорные прицелы с полуторократным увеличением. Сплина укололо по-

дозревание, что рядовые автоматчики лишь расходная массовка для отвлечения внимания от тяжелого вооружения. Впрочем, может это и обосновано: толковый пулеметчик – сокрушительная сила, но только если за ним инициатива, когда он выбирает цели, а не когда персонально по нему в первую очередь палит целая орава с нескольких точек, рассредоточенных по широкому фронту.

Привстав на колени, Роуч прицелился и выпустил из своего РПГ гранату, которая пошла, словно хвостатая комета. Взрыв поглотил пулеметную точку на балконе второго этажа, разметав мешки с песком, как игрушечные, окрестное пространство заволочло клубами строительной пыли. Сплин последовательно обстреливал свой сектор оконных проемов, заметив по отсутствию трассеров, что некоторые сектора не обрабатываются никем, кроме, может быть, пулеметчиков, так как ответственные за них бойцы убиты или ранены. Затягивать перестрелку было явно не в интересах нападающих – надо было наступать, не считаясь с потерями, иначе потери станут тотальными. Следовало также немедленно увеличить интервал между эшелонами. А для этого следовало встать, что, казалось, не в состоянии заставить сделать никакая сила. Тяжкий озноб ужаса хоть и отступил, но не настолько, чтобы подняться навстречу пулям.

– Вторая волна – пока работать на месте! Первая – вперед перебежками! Подъем, уебки, а не то все здесь поляжем!! МАРШ ВПЕРЕД, БЛЯДИ, Я КОМУ СКАЗАЛ!!! – погонял

Штырь прижатых огнем солдат и для лучшей доходчивости произнес заклиятие девятого уровня, состоящее почти целиком из мата высшей пробы. Сплин тут же позабыл сам текст, хотя позже и пытался вспомнить эту мощную воодушевляющую импровизацию, но так и не смог, потому что принял ее не разумом, но сердцем, как мудрость пастыря. Взводный не сказал ничего такого, что каждый рядовой не знал бы сам, но энергичное внушение помогло и придало решимости – правильный мат воспринимался какой-то древней низкоуровневой структурой мозга непосредственно, минуя рассудок с его запутанной и медленной системой интерпретации действительности.

– Длинный, пошел первый! – полуобернувшись, крикнул спереди-справа его напарник Малой. Повышать голос было вовсе необязательно – по радиии все и так было бы нормально слышно, но в окружающем оглушительном шуме стрельбы и разрывов без привычки невольно подмывало орать в попытке быть услышанным.

«Мать его все до основания, да я и вторым-то быть не хочу!» – подумал Сплин, но сделал над собой усилие, выгнав из сознания эмоции, и вместе с соседями вскочил. Иногда храбрость – это когда страх опасности вытесняется страхом трусости, пренебрежение одним страхом ради избежания другого, более губительного в сложившихся обстоятельствах. Сознание в этот момент разрывалось между обреченной уверенностью, что он делает последние шаги в жизни,

а в следующий миг упадет, задыхаясь от боли, с кучей лишних дырок, и отчаянной надеждой, что именно с ним этого не случится. Слева, подхватив свой РПГ за рукоять для переноски, поднялся было для смены позиции Роуч, но тут же откинулся назад, выронив гранатомет, и с хрипом скорчился на земле. Сплин заметил это боковым зрением и, не оглядываясь, пробежал положенные секунды, залег снова, опустошая по окнам очередной магазин, чтобы прикрыть перебежку Малого. Лернер, бывший второй номер Роуча, был теперь полностью занят гранатометом и Сплин взял на себя его сектор.

Трассеры атакующего взвода, уцелевшие бойцы которого теперь вели огонь более осознанно и скоординировано, плотно прочерчивали пространство, подобно туче стрел, выпускаемых лучниками древнего войска по порядкам неприятеля, прежде чем сойтись лицом к лицу и схлестнуться непосредственно. Как говорится, процесс пошел. Сплин краем сознания отметил своеобразную феерическую красоту этого завораживающего и грозного зрелища. Вообще-то, трассирующие пули пехотой используются редко, разве что для целеуказания, так как являются «палкой о двух концах», один из которых помогает «нащупать» цель, а другой указывает на самого стрелка. Однако в данном конкретном случае за демаскировку можно было не волноваться, так как обеспечить скрытность подхода при имеющемся раскладе было нереально. Снижению восприятия собственного зрения от контра-

ста яркостей препятствовали фильтры очков. А вот психологическое воздействие на обороняющихся, по-видимому, было существенным – одно дело, когда просто слышна стрельба и заметны последствия близких попаданий, а другое – видимый смертоносный рой в лицо. Чтобы выглянуть, выстрелить, прицелиться и выстрелить требуется несколько секунд. Если каждые несколько секунд позицию прочесывает пригоршня трассеров, то это явно не способствует точности стрельбы и желанию высовываться. Но враг-то все же был в относительном укрытии, в отличие от них – Сплин остро ощущал свою уязвимость и испытывал потребность задействовать по врагу что-нибудь посерьезней пулю. Выстрелил из подствольника – попал между окнами первого и второго этажа, оставив на стене паленое пятно, так как в запарке неверно учел деривацию гранаты. Содрал пальцами «липучку» клапана, достал из гнезда ленты осколочную гранату, утопил ее в ствол подствольника до щелчка, собираясь стрелять снова, но его оборвал раздраженный окрик Фроста:

– Длинный, не выебывайся – занимайся своим делом. И прекрати бесцельно матюгаться вслух – держи себя в руках и не засоряй эфир.

Не матюгаться было трудно – это все равно, что пытаться подавлять рефлекторные лицевые гримасы при значительном физическом усилии, что заметно снижало производительность. Малой добежал и залег впереди справа, открыл огонь. Сплин быстро поменял магазин и рванул вперед сам.

Не обязательно было совершать перебежки и залегать синхронно с соседями – если не нарушать общую структуру цепи, не слишком вырываться вперед и не отставать, то разномоментность передвижений бойцов даже к лучшему – обороняющемуся сложнее выбирать цели и отслеживать результативность своего огня, поскольку атакующие вразнобой постоянно то падают, то поднимаются. Из окна третьего этажа длинными стеганул молчавший до этого пулемет, выкашивая в атакующих цепях прорехи. Пулемет был установлен на штативе и наводился оператором, находящимся в укрытии, с помощью несложной системы манипуляторов по оптическому приспособлению типа перископа или еще как-то, по крайней мере, тепловой контур стрелка не просматривался в инфракрасном режиме.

– Блядь, огнеметчики, да заткните вы его! Хули телитесь?! – меняя диск своего пулемета, затребовал Бецман.

Сзади оглушительно грохнуло, чуть слева над головой Сплина пронесся последний заряд спаренного реактивного огнемета Фроста. Попасть из РПО по неподвижной цели на такой дистанции было не трудно – оперенная капсула боеприпаса влетела в окно. Эффект детонации горючей аэрозоли внутри помещения был похож на видеозапись торнадо, показывающую как вихревая воронка наезжает на здание – коротко полыхнуло яркое пламя, затем обломки в облаках строительной пыли вынесло сразу из нескольких смежных окон этажа, словно внутри взорвалась крупная утечка

бытового газа. Заметного снаружи обрушения несущих элементов здания не произошло, но стрельба прекратилась даже из смежных помещений – возможно, взрывная волна и перепад давления посметали простенки. Лернер работал из РПГ Роуча по второму этажу. Штырь скомандовал продвигаться второй волне, так как интервал был уже достаточным. Плотность огня обороняющихся заметно снизилась, потеряла свою пугающую неотвратимость. С той стороны комплекса строений поместья взлетела на воздух казарма, кувыркнулись в клубах пламени и дыма доски – Доплер не терял темпа.

Из-за парапета крыши высунулся было вражеский гранатометчик – и тут же завалился назад, поймав пулеметную очередь – Штырь туго знал свое дело и моментально перевел огонь на более опасную цель. Вражина все же успел произвести пуск, но прицел у него сбился, и граната рванула недолетом. Штырь скомандовал нескольким автоматчикам второй волны для профилактики дать залп навесом из подствольников по плоской крыше.

Вышли на дистанцию для уверенной стрельбы одноразовыми гранатометами, на которых были простые механические прицельные приспособления рамочного типа. Гранатометчики под прикрытием автоматчиков изготовились и дали залп, после которого огонь гарнизона уже конкретно ослаб. «Ага! Погнали наши городских!» – приободрился Сплин. До стен здания оставалось уже чуть более пятидесяти метров,

когда со стороны ангаров выринула восьмиколесная бронемашина с крупнокалиберным пулеметом или скорострельной пушкой, хер ее знает. Вертолетная площадка и ангары с техникой были на периферии эффективного радиуса «Штиля», поэтому их электронная начинка могла пострадать лишь частично или же вовсе не пострадать и вновь обрести работоспособность после прохождения помех – переносной «Штиль» все-таки не крылатая ракета по мощности.

По рядам атакующих прошла тяжелая очередь, выбивая массивными разрывными пулями здоровенные фонтаны земли. Торс Расти, начавшего было перебежку справа от Малого, вдруг в долю секунды превратился в оранжевое облако огня и разлетелся на лохмотья и кровавую пыль. Все опять залегли. «Ну вот и хана, а ведь почти дошли уже,» – обреченно подумал Сплин, глядя на изрыгающую смерть башню бронемашины и вжимаясь в землю, в тщетной попытке стать плоским и невидимым, всей душой желая чудесным образом испариться отсюда и возникнуть в другом месте, что угодно, лишь бы не чувствовать этого беспомощного и унижительного ожидания близкой гибели. С правого фланга второй волны выстрелили разовым РПГ – попали в башню, но сработала навесная динамическая защита, встречным взрывом рассеявшая кумулятивную струю, и граната не нанесла бронемашине заметного вреда. К тому же угол столкновения с целью оказался слишком острым для эффективного воздействия, или боевая часть боеприпаса была неоптимально-

го для поражения бронетехники типа. Возможно, наводчика слегка контузило, и он оказался временно дезориентирован. Но вот бронемашина начала разворачивать башню, наводясь на участок, где находился неудачливый стрелок.

– Блядь, Бедуин, нехуй отлеживаться, заряжай тандемным и бей в корпус! – потребовал Штырь. – Да быстрее, на хуй, задроты недоделанные! – Клинч, второй номер, слишком долго возился с заряданием. Его нервозность была вполне обоснована – расчет гранатомета в момент подготовки к пуску и сразу после него был приоритетной целью для противника, а вспышка и бело-сизое облачко вышибного заряда, а также поднятая пыль дополнительно демаскировали позицию.

Сплин задумал было откатиться с линии огня бронемашины, но остался на месте, понимая, что все равно не успеет и вот-вот отправится за бедолагой Расти, от которого остались одни конечности и голова, да и те неизвестно куда отлетели. Наконец Бедуин, проявив немалое самообладание, вполне толково засадил «плюху» в бок бронемашины – мощная надкалиберная граната, по форме напоминающая оперенный гарпун, угодила пониже ребра бортового ската брони, в промежуток между парами колес. Малый заряд носовой части гранаты спровоцировал преждевременный подрыв элемента динамической защиты, после чего сдетонировал уже основной кумулятивный заряд, прожигая направленным взрывом плавящуюся броню, от которой внутрь летели брыз-

ги осколков, и нагнетая внутри огромное для слабых человеческих тел избыточное давление с одновременным резким повышением температуры. Стрелка выбросило через башенный люк, он шлепнулся наземь рядом и не шевелился, затем вдруг резко дернулся – кто-то из атакующих всадил в него контрольную очередь. Прокатившись по инерции несколько метров, бронемашина встала. Боцман короткими очередями отсекал врагов, пытающихся подобраться к ангарам и технике. Последовала новая команда взводного:

– Держать темп, соблюдать порядок! Первая волна, задняя линия – газовыми по окнам и в один прием к зданию! Передняя линия – прикрывать их до подхода к стене и дергать следом!

Высадив из подствольника в оконные проемы первого этажа в своем секторе пару газовых гранат, Сплин на миг расслабил тело, затем порывистым рывком поднялся и, обливаясь потом и глотая слюны, изо всех сил одолевал последнюю перед стеной длинную перебежку, ведя подавляющий огонь на ходу – дистанция была уже небольшая. Над его головой пролетали пущенные прикрытие по верхним этажам газовые гранаты, некоторые в окна не попадали, дымя у фундамента. Жаль, так хотелось ненадолго снять маску и глотнуть свежего воздуха. Часть проемов была забаррикадирована изнутри, некоторые из них гранатометчики предварительно расчистили для проникновения. Добежав, наконец, до здания, Сплин привалился спиной к его стене, испещрен-

ной выщерблинами от пуль, опасно вертя головой во все стороны.

Трассеры почти у всех закончились, да и в любом случае для боя внутри разумнее было поставить обычные патроны, что Сплин и сделал, благословив новый магазин постукиванием ребром о сферу перед установкой. Случается, патроны слеживаются или пружина устает и подача заедает. Так бывает редко, но, как известно, береженого Бог бережет. Вспомнив, что в маске был небольшой кислородный баллон, он крутанул вентиль и несколько раз жадно вдохнул. Заметно прояснилось в мозгах. Марихуана и иже с ней – попса, кислород – вот крутейшая дурь во веки веков. Взвод заметно поредел. По всему пути их броска там и сям копошились раненые – кто-то вопил, корчась на месте, обезумев от боли, кто-то молча угасал в состоянии травматического шока, некоторые пытались оказать себе или ближнему первую помощь – остановить кровотечение, вколоть обезболивающее, наложить активную аптечку, другие пытались ползти и отстреливаться. Их добивали из окон, многих по несколько раз.

– Раненым не шуметь и не двигаться – вы провоцируете по себе огонь. Кто-нибудь, пустите от себя дым. Как войдем внутрь – местным будет уже не до вас, кто в силах – поддержите нас снаружи. Закончим – окажем помощь, – по рации передал Штырь.

Кто-то из раненых, сохранивших самообладание, послушал мудрого совета и активировал дымовуху – черная пеле-

на клубами накрыла участок. Подтягивалась вторая волна. Внутри подбитой бронемашины разгорелся пожар – начали рваться боеприпасы.

– Мы зачистили ангары с техникой, входим в северное крыло, что у вас? – прозвучал в наушниках голос Доплера.

– Входим в южное, какие у вас потери?

– Человек двенадцать вне игры, у а вас?

– А у нас пятнадцать – танкетка от вас просочилась. Вертолеты целы?

– Транспортный вроде цел. Маленький по запарке разьебали. Давайте, братцы, еще нажмем, полдела уже сделано.

– Даем. Конец связи, – закончил Штырь.

Сверху упала ручная граната. Долгую секунду все оцепенело смотрели на ее округлые рифленые бока среди газонных цветочков, пока Хоу не забросил ее в ближайшее окно, по счастью не забаррикадированное. Внутри грохнул взрыв, за ним сразу второй – сработал оставленный хозяевами сюрприз. В клубах пыли со звоном вылетели наружу остатки стекол. Сплин поднял оружие вверх и чуть отодвинулся назад, чтобы пальнуть по «благодетелю», бросившему гранату, но тот свинтил. Зато откуда-то с верхних этажей с угла дали автоматную очередь, которая взрыла грунт довольно близко. Сплин шустро втянулся обратно в «мертвое пространство», поближе к стене.

– Съебались, суки, хули там теперь... – досадливо прокомментировал он. И машинально отметил, как изменились

оценки: вначале всей этой истории ему было как-то не по себе убивать совершенно незнакомых, пусть и считающихся не слишком хорошими людей. Но смерть товарищей и угроза быть убитым самому быстро делают даже вынужденную войну вполне личным делом и мотивация сражаться обеспечивается крепкая, никакой заочной пропаганде такое не под силу. Бой все быстро расставил по местам: какая теперь, к херам, разница, кто прав, а кто нет, кто хороший, а кто плохой, значение имел только вопрос выживания. Есть они – рота, взвод, и есть все остальное – враждебная многоликая среда, которая хочет их смерти. Говорят, правда всегда побеждает – выходит, кто победил, тот и прав. Сила не в правде, сила сама по себе, а побеждает не обязательно тот, кто на самом деле прав, а тот, кто считает, что имеет право, у кого больше этой самой силы и злости, что часто одно и то же. Солдаты бились каждый за себя и вместе друг за друга, всему прочему сейчас в их сознании просто не было места.

– Бля-буду, ты герой, Монах, твой Шао-Линь должен бы тобой гордиться, – выразил всеобщее мнение Дрейк.

Хоу не ответил. Он, пользуясь передышкой, левой рукой дозаряжал полупустой магазин в вертикальном кармане жилета из открытой пачки в подсумке. Патронов на броске пожгли уйму.

– Что, студент, очко-то на минус небось, не обоссался еще? – весело поинтересовался Бецман.

– Да пока нет вроде... Сам удивляюсь, забыл, наверное, –

ответил Сплин. – А что, помогает?

– Так, хватит яйца высиживать – Длинный, полезай в окно! Фрост, подсади! Внутри – двигаемся последовательно и занимаем весь этаж. В кучи не сбивайтесь, от своих далеко не отрываться, а то сгинете или наши же по запарке замочат, – сыпал указаниями Штырь.

В комнате, куда, кряхтя, влез Сплин, и куда полминуты назад бросил гранату Хоу, не было видно ни живых врагов, ни их тел – видать отступили вглубь немаленького здания. Хрустели под ногами стекла, обломки мебели и офисной техники, плавали частицы пыли и облачка слезоточивого газа, сквозь них была видна открытая вовнутрь покосившаяся входная дверь. Залезли Дрейк, Хоу, Боцман. Сплин было двинулся к двери, но Боцман оттер его:

– Успеешь еще, студент – не лезь вперед батьки...

Боцман присел на четвереньки, чтобы быть ниже ожидаемого противником уровня, быстро выглянул в коридор, и, едва успел отпрянуть обратно, как косяк на уровне его головы выкрошила очередь. Глухо прокатилась по полу граната, взрывом вынесло дверь противоположного кабинета. Коридор для острастки время от времени простреливался из-за баррикады короткими очередями.

– Баррикада по пути к лестнице на второй этаж, – прокомментировал он. – Так, я бросаю флэшку, после взрыва выкачиваемся втроем – я, Длинный и Монах в коридор, беглый огонь, затем мы – по щелям перезаряжаться, а Дрейк хера-

чит в баррикаду из РПГ, пока они не очухались. Понятно?

Боцман сдернул с ленты Хоу флэшку, стравил пару секунд и, не высовываясь сам, метнул ее рикошетом от стены в сторону лестницы. Сплин вырубил свой ПНВ, на всякий случай крепко зажмурил глаза и приоткрыл рот, чтобы не повредились барабанные перепонки, хотя, теоретически, сфера должна была решать эту задачу. Флэшка два раза цокнула, ударяясь о поверхности, затем издала лопающийся оглушительный хлопок – коридор, видимый в дверной проем, на миг залился ярчайшим белым светом. Боцман кувыркнулся в коридор и, наполовину укрывшись в противоположном кабинете, открыл непрерывный подавляющий огонь из пулемета.

Следом, в падении на выгоревший, обсыпанный штукатуркой красный ковер коридора, произвел выстрел из подствольника Сплин. Впереди были какие-то несгораемые шкафы, столы, какая-то кухонная металлическая мебель, еще не пойми что. Он вlepил гранатой в стену за верхним краем баррикады, чтобы поразить осколками или хотя бы оглушить находящихся в укрытии стрелков. Долетев до пола и шмякнувшись на грудь, Сплин выпустил длинную очередь. Из проема двери подключился Хоу, переложив оружие в левую руку. Из-за баррикады и находящихся за ней дверей велся встречный огонь, пули крошили штукатурку и рикошетили от пола, пару раз чиркнуло по сфере. Били не слишком прицельно, большинство противников высовывало лишь ру-

ку с оружием, опасаясь подставляться, а возможно они были в какой-то степени ослеплены флэшкой или оглушены гранатой. Сплин расстрелял весь магазин, лихорадочно полез за новым, позабыв про план – мозги в состоянии боевого стресса работали с пробуксовками, иногда непоследовательно и не всегда адекватно. В этот момент его за загривок втащил к себе в кабинет Боцман, который не вполне одобрил действия подчиненного:

– Фугасной надо было стрелять, уебище лесное, хули ты осколочной зарядил, ей тут только гладить, как ладошкой по пизде – они же в броне все, не хуже нас!

Дрейк вступил в коридор на освободившееся место, пользуясь секундами, пока враги не пришли в себя и меняли магазины. Он разрядил свой одноразовый РПГ по баррикаде, отбросил пустую трубу и быстро ретировался назад в помещение. От баррикады осталась лишь груда некрупных обломков, которые разметало вдоль коридора, некоторые лениво горели. По горячим следам зачистили ближайšie несколько дверей, уничтожив несколько очумевших и вялых солдат гарнизона, оставшихся в живых после взрыва. Никаких моральных угрызений по ходу дела не было – пережитое на броске избиение требовало воздаяния.

– Боц, продвигайтесь к лестнице, а мы – к вестибюлю. На второй этаж никому не лезть – всей шарой вместе с Доплером покатым, – велел Штырь.

– Уговорил, не полезем, – отозвался Боцман, жестами ру-

ки подзывая людей и показывая кому куда двигаться.

Бойцы группами по двое-трое начали последовательную зачистку помещений по коридору. Почти все двери открывались вовнутрь и были деревянными. Некоторые и вовсе были открыты – отчасти, наверное, для лучшего рассеивания реактивной струи при выстрелах РПГ из небольших помещений с окнами наружу, там на полу валялись использованные тубусы.

На тренировочном курсе разные сценарии штурма здания отрабатывались многократно, каждый побывал в шкуре и защитника, и нападающего, что теперь помогало выстраивать верную тактику и отчасти предугадывать тактику противника, а также его возможные ошибки. Один боец распахивал дверь, при необходимости предварительно выворачивая замок или косяк на уровне замка очередью или специальным картечным зарядом револьверного гранатомета, двое бросали внутрь гранаты или флэшки. После взрыва двое, один за другим быстро врываются внутрь, с отходом каждый в свою сторону от дверного проема, поливая длинными веером по углам, шкафам, диванам и прочим потенциальным позициям противника в своем секторе. Один солдат оставался снаружи «на подхвате». Затем контрольный осмотр и дальше по коридору – в следующую дверь. Кое-где дверные замки вскрывали, стреляя по ним из подствольника под углом и с безопасного удаления фугасной гранатой, в боевую часть которой входило бризантное взрывчатое вещество. По-

помещения покрупнее зачищали силами нескольких мобильных групп, так, чтобы обеспечить эффективное подавление сопротивления и при этом не мешать друг другу. В любом случае кто-то оставался снаружи и стерег ближние подступы, прикрывая действия групп проникновения.

Местами устанавливали ловушки на основе ручных гранат, если сохранялась угроза повторного просачивания противника на зачищенные участки, но не настолько существенная, чтобы оставлять там своих приглядывать и ослаблять тем самым атакующие ряды. Офицеры координировали действия, иногда сверялись с трехмерной голографической схемой здания, местами использовали для разведки внешние объективы своих очков на гибкой оптоволоконной трубке.

В пеналообразном помещении кухни тройка Фроста, где были также Малой и Сплин, наткнулась на баб с детьми подросткового возраста. Они вели себя на удивление спокойно, не орали и не хныкали. «Наверное, они в ступоре,» – решил Сплин, припомнив как сам залип в начале штурма, узрев лик Костлявой вблизи. Слезоточивого газа там не было, так как помещение являлось внутренним, не имеющим окон, но видимость была относительно неплохая – горели тусклым поддрагивающим светом потолочные лампы от аварийного генератора, да и дверь была открыта, поэтому Фрост сразу их заметил и стрелять для профилактики не стал. Увидев гражданских, он что-то начал было успокаивающе говорить насчет того, что тихо, мол, сидите, скоро все закончится.

Сплин с облегчением опустил оружие и начал разворачиваться, чтобы покинуть помещение. В этот момент группа погорельцев молча расступилась, открыв сектор обстрела пацану с автоматом. Автомат задержался в руках стрелка. Фрост, стоящий ближе, принял пригоршню пуль в корпус и упал на спину, издавая горлом булькающие звуки. Сплина спасло то, что он начал поворачиваться – пуля пришлась под углом к передним пластинам броника и расколола находившийся на ее пути магазин в кармане жилета, но все равно ее кинетическая энергия была так велика, что его словно ударила в грудь стенобитная машина, отбросив назад и в сторону. Стоящий в дверях Малой на автопилоте дал очередь в полмагазина, размолотив голову не в меру ретивого подростка в аморфную, рыхлую, словно лопнувший переспелый арбуз, массу, а заодно зацепил там под горячую руку еще кого-то. Ноги у стрелка подкосились, и он сложился на пол, выпуская автомат из расслабившейся руки. Одна девочка подняла вой, остальные «гражданские» молча и слаженно кинулись врассыпную, в несколько секунд испарившись из виду.

Сплин, морщась от тупой ломящей боли в груди, подполз к Фросту, снял с его головы сферу, стащил маску и очки, начал расстегивать броник, чтобы пристроить активную аптечку, но перепачкался в крови, руки соскальзывали. Фрост силится что-то сказать, но лишь выкашливал изо рта кровавые пузыри, глаза его широко открыты, в них были боль и ужас от неспособности говорить и толком дышать. Слабею-

щей рукой он хватался за Сплина, мешая оказанию помощи и оставляя пальцами кровавые опечатки. Сплин, наконец, сбросил продырявленную переднюю защиту броника, под которой оказалась желеобразная масса из лохмотьев грудной клетки и камуфляжки. Внутренне содрогаясь, он взрезал ткань майки и куртки ножом, наложил и активировал аптечку. Та принялась за дело, приглушенно жужжа пучком гибких щупалец-манипуляторов, словно диковинный механический паук, что-то впрыскивала, пережимала сосуды, ввела в трахею шланг для искусственного дыхания... Но Фрост уже не реагировал – ранения, нанесенные деформировавшимися после прохождения сквозь бронежилет пулями, были слишком обширны. Местами пули переломали ребра, обломки которых пропороли легкие. Еще несколько раз безуспешно попытавшись вдохнуть, Фрост конвульсивно нагнулся и обмяк. Глаза на посеревшем лице остались открытыми. Они уже не были зеркалом души, покинувшей мертвое теперь тело, поэтому больше не выражали ничего. Гримаза муки на лице уступила место покою с легкой примесью удивления.

– Эх, старый, ну что ж ты... – закрывая Фросту глаза, произнес, тяжело вздыхая в бессильной горечи Сплин. – Как же это так вышло?

Малой все также сидел у входа на одном колене, глядя на убитого им убийцу Фроста, лежащую в расширяющейся луже крови женщину и сидящую над ней девочку. Та уже

не плакала, а просто сидела на пятках, раскачиваясь взад-вперед, и тихонько подвывала, глядя перед собой, белки ее широко раскрытых глаз выделялись в полумраке.

Подскочил через другую дверь Боцман, агрессивно поводя стволом оружия:

– Че за нахуй тут у вас?

Оглядев с порога натюрморт, он сразу все понял:

– Вот, блядь! Где-то пушку раздобыл, мститель недоделанный... – он поднял вражеский автомат и скинул его в шахту грузового лифта, чтобы тот не искушал местных на подвиги, потом перевел взгляд на Сплина. – У тебя что с рукой?

– А? – рассеянно переспросил тот, глянув на намокающий от крови левый рукав выше локтя. Только сейчас он почувствовал там жжение – задело с внешней стороны по касательной, возможно рикошетом от броника или осколками пластикового магазина.

– Хуй на! Соберись быстро!

Боцман снял аптечку с остывающего Фроста, включил на ней самоочистку, затем наклеил Сплину на рваную борозду раны.

– Кость цела, иначе б орал, как резаный, а не клювом тут щелкал. Побереги свою пока и боекомплект его разделите... Малой, да приди же ты в себя, наконец! Заруби себе на будущее, кто всерьез поднял боевое оружие, тот сам подписался на все сопутствующие риски и отвечает в полный рост без

всяких скидок на пол, возраст и что угодно еще. Так что все ты правильно сделал, только поздновато.

Девочка оставалась сидеть в прежней позе, глядя в пространство. Боцман подошел, надавил ей куда-то на шею, вроде на сонную артерию, та отрубилась.

– Пусть в отключке побудет пару часов, для ее же пользы. Ну, хватит рефлексировать, двигаться надо, – сказал он и добавил на канале взвода. – Монах! Фрост убит, ты теперь командир отделения. И не вздумайте дальше гуманизм разводить, говорили же на инструктаже...

Он вытолкал обоих в дверь и, еще раз оглядевшись, вышел сам.

Дальше церемонились значительно меньше: если местные, находящиеся на очередном зачищаемом участке, не давали прямо понять, что сдаются, то сначала открывали огонь, а уж потом смотрели куда попали. Пока что иногда сдавались в плен только гражданские, воюки гарнизона бились насмерть. Бойцы стреляли на кашель от слезоточивого газа, пыли и дыма, на движение в попытках укрыться от гранат, на звук и вспышки выстрелов. Активно пускали слезоточивый газ, бросали для профилактики гранаты и флешки, усеивая ими потенциально опасное пространство за дверями, поворотами коридоров или иными укрытиями перед тем, как врываться туда самим. Иногда в ход шли похожие по форме на гранаты предметы – просто проверить, а вдруг кто дернется и выдаст свою позицию. Напряжение физических

и психических сил было предельным. Ситуация ближнего боя в здании менялась столь стремительно и непредсказуемо, что даже имея быструю реакцию и соответствующие навыки, можно было совершенно неожиданно угодить под задачу с неучтенного направления – случайный отбор косил обе стороны. Бывало, кому-то везло, и в горячке в него промахивались с нескольких метров, а кто-то, наоборот, ловил пулю или осколок, едва лишь высунувшись не в тот момент. Близкие попадания вражеских выстрелов, истерзанные пулями и осколками тела чужих и своих, всеподавляющий шум разрывов гранат и картины разрушений в помещениях уже не оказывали шокирующего воздействия на психику. Сплин двигался и действовал на автопилоте, глубоко не вдумываясь в происходящее, оценивая реальность лишь с тактической точки зрения. Время от времени на задворках сознания проскакивало удивление, что он все еще жив.

Убиваемые враги не воспринимались как живые люди, скорее как что-то неодушевленно-опасное и требующее нейтрализации. Эмоциональная чувствительность была также притуплена усталостью: он основательно вымотался, еще на броске от стены до здания – мандраж ожидания и адреналиновое буйство спалили сил едва ли не больше, чем предшествующие три дня перехода. Вся камуфляжка пропиталась склизким потом, особенно под бреником, подшлемник тоже был весь мокрый, мембраны наглазников очков не справлялись, на чистых участках он выливал из них соленую води-

цу, как из ветхой плавательной маски в детстве. Горло пересохло, фляжку где-то пробило осколками, вода вытекла. Да что фляжка, тут минимум полведра надо. Тогда, на тренировочном выходе в базовом лагере, Штырь как в воду глядел насчет осколков и рикошетов – их было немало, броники и сферы почти всем кому больше, кому меньше, но пригодились.

До широкой «парадной» лестницы, стильным полукружьем ведущей на второй этаж, добрались довольно быстро и без существенных, по сравнению с броском к зданию, потерь – сопротивление врага было ожесточенным, но очаговым, плохо организованным. С противоположной стороны подтянулись Доплер и Слэш со своими. Периодически сверху кидали ручные гранаты. Взвод затихарился по обе стороны от лестницы, за пределами поражаемой осколками зоны, или укрывшись в ближайших помещениях. Бойцы ожидали, пока в головах командиров созреет мудрый план, который позволит им не полечь гарантированно под перекрестным огнем спереди из холла и с нависающих перил второго этажа.

Две мелкие торцевые пожарные лестницы были плотно забаррикадированы, да еще и заминированы местными. Боцман и Слэш, со своей стороны, также заминировали эти проходы гранатами и флэшками, чтобы обезопаситься от неожиданного нападения оттуда. Так что для дальнейшего продвижения вариант реально оставался один. Умаялись все, но отдыхать особо было некогда, надо было действовать: против-

ник мог перегруппироваться и контратаковать, через окна или еще как-нибудь зайти в тыл – на зачищенных площадях оставили вести наблюдение совсем немного бойцов, в основном это были относительно легко раненые, которые приглядывали за серьезно ранеными. Часть бойцов отряда, раненых во время броска не слишком тяжело, также пробрались в основное здание и прилегающие подсобные постройки, когда уже начался бой внутри, и гарнизон отвлекся от внешних подступов. Теперь они, по мере сил, помогали «держаться» захваченные участки резиденции, докладывали в эфире наблюдаемую обстановку. Кстати, раненым тоже нужно было оказать помощь и чем скорее, тем больше их выживет.

Доплер подцепил в разъем очков гибкий проводок светодиода и осторожно высунул согнутый конец с объективом за угол. Посмотрел, убрал, покачал головой, задумался. Потом прокомментировал, обращаясь в большей степени к офицерам.

– Их больше, чем мы ожидали. Гарнизонные и еще эти хрены-телохранители... Возможно, они меня «срисовали», но не стали палить и светиться, они ждут нас. Там мешки с песком, станковый пулемет – с крыши перетащили, ящики какие-то навалены, мебель в несколько накатов, пара сборных баррикад из стальных листов с амбразурами... Первый этаж был, по сути, оставлен, они все там, на втором. Какие мысли, Боц?

– Ты у нас бугор, тебе и карты в руки, – откосил Боцман.

– Я знал, что ты так скажешь, – усмехнулся Доплер.

– Может через технический лифт? Я в кухне вроде видел. Может и еще где есть, – неуверенно предложил Сплин, у которого эпизод в кухне не шел из головы.

– Слишком очевидно, его, думаю, или пасут, или заминировали: одна граната и всем пиздец, – возразил Штырь.

– Погоди, в этом что-то есть, – задумчиво произнес Слэш, – дайте подумать... Я подумал, слушайте...

План был простой: отвлечь врагов на лестнице, а под шумок проломить взрывом насквозь потолок в каком-нибудь из зачищенных участков первого этажа. Нагородить мебели, пролезть на второй этаж через дыру и ударить с двух сторон. Сводная маневренная группа отделилась на реализацию проекта. Боцман вызвал на своем компасе голографическую схему здания и выбрал на ней периферийный участок коридора, с наименьшей вероятностью находящийся под контролем или наблюдением вражеских сил, засевших на втором этаже. В указанном месте посадили Хоу, тот разобрал часть подвесного потолка, обнажив стык в плитах. Затем с окрестных помещений натащили мебели, чтоб по быстрому лестницу построить.

– Боц, скажете, когда будете готовы, мы оставшийся газ пустим и гранатами ебнем, а вы под это дело свою возню начинайте, – напутствовал по рации Доплер.

Боцман взял у Лернера РПГ с последним выстрелом, прикинул безопасное расстояние и положение «трубы», встал на

колени, примерился, затем отложил РПГ, снова вызвал схему и обрисовал ближайшие перспективы:

– Наверху – Зуб, Монах, вы со своими людьми вперед к лестнице. Задача – добраться до точки, из которой можно ебануть из РПО в холл, чтобы дать возможность основной группе проскочить лестницу. Как выйдете на позицию пуска – дайте знать Слэшу чтоб он своих на всякий случай чуть отвел, а то ударной волной может достать. Зуб, целиться тебе надо куда-нибудь в дальнюю стену, чтобы взрыватель наверняка успел взвестись, и чтоб вас самих не достало. Ривера, ты пока в резерве – останешься у дыры прикрывать их тыл.

– А этажи-то не сложатся к хренам нам всем на головы? – с сомнением спросил Монах.

– От одного уменьшенного заряда спаренной модели не должны – здание капитальное, Фрост же стрелял – устояло. У Зуба как раз один заряд и остался – вот и пристроим его с пользой для дела, зря тащил что ли? В холле довольно просторно, взрыву и волне есть куда разойтись – пересечение коридоров, окна, к третьему этажу. Вы только к устью вашего коридора близко не суйтесь, как повернете вот здесь, – Боцман указал на схеме колени коридора, – надо продвинуться еще немного, чтоб выхлопом из «трубы» не контузило, и сразу же стрелять. Все ясно?

Затем он поднял РПГ, шуганул бойцов из угрожаемой области и доложил Доплеру:

– Босс, ну мы готовы, начинайте шуметь, пока они тоже

до какой-нибудь гадости не додумались.

– Огонь! – скомандовал Доплер.

В конце коридора вспыхнула автоматная пальба и разрывы гранат. Улучив момент, Боцман выстрелил под острым углом, противобункерная граната ударила в потолок, взрывная волна хлестанула по ушам, с ближних участков стен отлетела штукатурка, вдоль коридора рванулось облако пыли. Боцман отбросил РПГ, подбежал поближе к цели, пытаясь в клубах поднявшейся пыли разглядеть потолок. Затем энергично позвал:

– Сойдет, пролезть можно – тащите сюда хлам для лестницы, быстро!

Под рваной дырой округлой формы нагородили из заготовленной мебели корявую пирамиду, по которой один за одним начали проникать на второй этаж, помогая друг другу. Отделения Зуба и Хоу вдоль стен в шахматном порядке двинулись к лестнице, Боцман и люди Риверы остались прикрывать. Всем вместе ломиться по коридору все равно не имело смысла: эффективно вести огонь могли только первые несколько человек, а остальные создавали бы уязвимую толпу. Дальше следовало распределять силы по обстановке.

Сплин бежал по коридору в сторону поворота к лестнице, справа чуть позади сопел Хоу, в нескольких метрах впереди следовали двое бойцов Зуба, позади, в ядре группы, двигались Малой и Зуб с РПО, затем Бедуин с РПГ и Клинич, его второй номер, замыкали Дрейк и Лернер. Бежали не гало-

пом, но довольно резво – шум пальбы заглушал звуки перемещения. Вдруг, не доходя до поворота к холлу второго этажа, из дверей в трех десятках метров перед ними выступили солдаты, по одному с каждой стороны и еще по одному остались в дверных проемах. На них были похожие, а может и такие же сферы, респираторные маски и бронежилеты, возможно, поэтому впереди идущие в первый момент приняли их силуэты за своих в полумраке коридора. Доли секунды промедления стоили им жизни – это были не люди Доплера, а гвардейцы Лутара, которые, обнаружив перед собой противника, очень быстро и грамотно рассредоточились поперек для усиления плотности огня и в четыре ствола вдарили из автоматов, поразив передовую двойку. Сплин едва уловил какое-то движение впереди, и тут же передний боец будто наткнулся на невидимую преграду и осел. В падении его развернуло, рука конвульсивно нажала спуск, очередь ушла в дверь чуть впереди и справа. Сплин упал за его тело, как за бруствер, прижался к ближней стене, и, в несколько секунд расстреляв почти весь магазин, на пару с Хоу выкосил двоих противников. Тело мертвого бойца содрогалось, принимая пули, предназначенные Сплину. Уцелевшие двое гвардейцев, один, кажется, раненый скрылись в правом дверном проеме.

В следующий момент оттуда вылетели две осколочных гранаты и одна светозвуковая. Весело подпрыгивая друг за другом они подкатились парням под ноги. Все ринулись

прочь – Монах, Зуб и остальные куда-то назад, Хоу в ближайший к нему дверной проем назад влево, а Сплин направо. В запарке он забыл, что дверь может быть заблокирована, и просто вломился плечом в коричневое лакированное дерево. Заперто, блядь! Сплин вторично ломанулся в дверь с энергией, которой без малого хватило бы, чтобы пройти сквозь бетонную стену. На входе вполне могла быть какая-нибудь взрывоопасная подлянка, но он об этом сейчас не думал, спасаясь от непосредственной угрозы. С хрустом и звуками разлетающейся фурнитуры дверь распахнулась, и Сплин ввалился внутрь, через долю секунды один за другим раздались взрывы. Сплин успел уйти от осколков и сместился чуть вглубь помещения, что спустя несколько секунд сохранило ему жизнь – в пол по линии дверного проема ударила граната РПГ, пропахав рваную борозду до плит межэтажного перекрытия. Капитальная стена выдержала, но отраженная взрывная волна шваркнула Сплина о стенной шкаф, словно мухобойка муху, перехватило дыхание, как от удара под ложечку, пропали звуки, сверху посыпались какие-то бумаги, клубилась пыль, покачивалась на одном нижнем шарнире изрешеченная в щепки входная дверь.

Сплин, морщась от боли в ребрах и в области диафрагмы, попытался усилием воли преодолеть последствия воздействия взрывной волны – удержать «плывущее» сознание и вернуть ему контроль над телом, которое, словно во время сна, не желало выполнять указания мозга. Наконец, крихтя, поднял-

ся, подобрал вылетевший из рук автомат. В глазах, словно бензиновые пятна на воде, плыли разноцветные круги, мешающие обзору. ПНВ был засвечен флэшкой, Сплин переключил очки на обычный. В ушах стоял равномерный гул, другие звуки практически отсутствовали. Немного кровило из носа, из ушей кровь не шла, просто барабанные перепонки, видимо, временно выгнулись не в ту сторону. Опираясь о стену, он, запрокинув голову набок, попрыгал на одной ноге, как бы выливая воду. Без эффекта. Радужные разводы в глазах помалу проходили.

Огляделся. Помещение было довольно просторным и, по видимому, отчасти представляло собой что-то вроде галереи, чтобы предметы искусства радовали глаз в обыденное время. На стенах висели картины, частично покосившиеся или сорванные. Стеллажи с какими-то вазами и еще не пойми какими хреновинами были местами повалены, по всему полу были рассредоточены вперемешку осколки, бумаги, разбитая оргтехника, перевернутые столы и кресла. На стене, напротив дальнего от коридорной двери окна, красовалось паленое пятно с выщерблинами – след попадания реактивной гранаты, у дальнего торца помещения валялось тело солдата-охранника, у которого одной ноги не было по колено, а другая держалась на лоскутах и загнулась под неестественным углом к телу. Жертвы близких мощных разрывов противопехотных реактивных гранат были сильно потрепаны, порой частично обуглены, в той или иной степени фраг-

ментированы. Подобные деформированные тела выглядели гораздо более жутко, чем убитые пулями стрелкового оружия или одиночными некрупными осколками. На полу, напротив другого окна – чья-то кровь, осколки выбитых стекол, рядом устлали пол стреляные гильзы от какого-то автоматического оружия под классический патрон. Ближнее окно было наполовину забаррикадировано массивным стеллажом, который был поставлен на торец и подперт кожаным диваном.

Сплин вернулся с места своего приземления назад, поближе к входной двери, чтобы не проморгать возможное продвижение врага и не быть походя убитым так же, как те застигнутые врасплох гарнизонные солдаты за баррикадой на первом этаже. Прежде чем высовываться, решил воспользоваться паузой и дозарядить из пачек несколько магазинов, так как полных осталось всего ничего. Закончив, он запоздало вспомнил, что магазин в автомате тоже почти пуст, задумал поменять его на вдвое более вместительный дисковый, так как предстояла интенсивная стычка, и опустевший в критический момент магазин мог стоить жизни – самое время заначку в дело пустить. В общем случае следовало снимать пустой и ставить полный одной рукой и за один прием, но с «ракушкой» диска, хранящейся в заднем подсумке, это было неудобно. Сплин снял почти пустой рожок и затолкал его обратно в карман разгрузки подавателем вверх, чтоб не спутать – неизвестно, сколько еще продлится бой, может снаря-

дить пригодится, да и дополнительная пассивная защита не помешает, полез было за диском...

Вдруг, ощутив чужое присутствие, он поднял глаза и увидел, что в проеме неприметной двери в смежную комнату стоит гвардеец с ручным пулеметом, чей ствол наведен ему в лицо. Внезапно из ушей будто выдернули пробки – последовала короткая несильная боль, и слух восстановился с середины фразы:

– ... а теперь обоссался? Жидко дрищите против нашего, малахольные, – чуть искаженным маской противогаза низким с хрипотцой голосом язвительно вещал гвардеец, делая два шага вперед и смещаясь чуть в сторону, не выпуская при этом Сплина из прицела. По тому, как уверенно тот двигался, как небрежно-легко держал пулемет, Сплин с тоской понял – этот не промажет. Застыв на месте, он некстати вспомнил свой первый спарринг с покойным Фростом – детский сад.

– Длинный, ты меня слышишь? Ты еще жив? Оставайся там, пока еще народ не подтянется, – услышал он в наушнике голос Хоу.

Да, он еще жив, но, к несчастью, похоже ненадолго. Его непутевая жизнь фактически закончилась, как старый фильм перед самыми титрами – финал известен, зрители встают и уходят, хотя свет еще не зажгли. «Патрон в стволе? Пизду смешить против пулемета... Выскочить в коридор? Блядь, не успею ни хуя... Пистоль – не успею... Обидно – за-

валят как скотину на бойне,» – полуобреченно пронеслось в голове. На броник надежды не было – пулеметная пуля прошьет его, как нехуй делать, сфера – возможно, спасет, но, скорее всего не поможет – не выдержат шейные позвонки.

Тут в дверях возник еще один гвардеец, зашел, встал с другой стороны двери. Появился третий, с перевязанной кистью руки. Вот теперь точно завалят, надо было пытаться, пока был один противник. Сплин предположил, почему все еще жив – возможно, гвардейцы пока не хотят обнаруживать стрельбой своего присутствия. Целью вражеской мобильной группы могла быть контратака или обходной маневр, аналогичный их собственной задаче, а лаз в перекрытии можно пробить не РПГ, а пластиковой взрывчаткой с сильной бризантностью. Для людей Доплера на первом этаже их появление будет сюрпризом. Или для маневренной группы здесь, на втором... «Жил грешно и умер смешно», – вспомнилась чья-то эпитафия.

– Ну че, сученок, до хуя на нашей войне денег заработал, а? – вопрос был, конечно, риторический. – Ствол брось, пидор, и отойди к углу! – детина повелительно мотнул подбородком в сторону дальнего от входной двери угла.

Сплин не стал объяснять, что вообще-то, он ни хуя пока не заработал, на чужих кровях бабки рубить не рвался, а когда понял, куда встрял – уже поздно метаться было. Ясное дело, гвардеец не собирался брать его в плен, просто застал врасплох с разряженным оружием, и теперь хотел немного

покуражиться.

Подствольник Сплина был заряжен. Но граната взводится на расстоянии нескольких метров от среза ствола, а самоликвидация срабатывает секунд через 15 – на стрельбище перед выходом говорилось. Хватит ли здесь расстояния? Вполне возможно, хватит – у фугасной гранаты дистанция взведения взрывателя меньше, чем у осколочной. А если нет? Отлетит назад под ноги – глупее не придумаешь... «Да и ебись оно все конем, за пидора ответишь, гондон!» – злорадно подумал Сплин. Он сделал вид, что подчиняется и двумя руками медленно и покорно отбрасывает оружие в сторону, но в последний момент, вместо того, чтобы выпустить автомат из рук, мизинцем из всех сил втопил тугой спусковой крючок подствольника. С металлическим хлопком, напоминающим звук выскакивающей из бутылки пробки, фугасная граната вылетела из ствола, ударилась в пол, первый гвардеец сразу после выстрела метнулся обратно к двери, но не успел – граната отрикошетила, ударилась в стену прямо перед его торсом и раскрылась тугим комом оранжевого пламени. Подрыв гремучей взвеси моментально создал местное избыточное давление снаружи облака взрыва, одновременно выжигая кислород внутри него. Что-то сдетонировало в разгрузочном жилете гвардейца, то ли пластиковая взрывчатка, то ли ручная граната с контактным взрывателем, резко отбросив его труп к коридорной стене. Звуча Сплин не услышал, но ощутил всем телом – завибрировали кости, будто вблизи

вдарили по низким басам динамики мощной акустической системы. В следующую долю секунды горячая стена воздуха сжатой ограниченном пространством ударной волны жестко толкнула его, оторвала от пола, впечатала спиной в торцевую стену. В глазах вспыхнули багровые колеса, огромные и всеохватные, как ядерный взрыв, истязая разум невыносимым ощущением провала в водоворот бездны с запредельной скоростью. Сплин почувствовал, как душа в безмолвном вопле выдирается из тела, не собираясь дальше выносить происходящее, но могучий инстинкт самосохранения противится этому. «Господи, сил нет терпеть, уж скорей бы туда или обратно», – коротким импульсом боли взмолилось измученное сознание Сплина, перед тем как его покинуть, рассыпавшись на куски, словно треснутое зеркало...

5. Падение

Сплин понял, что еще жив, потому, что у мертвых ничего болеть уже не должно, а у него все болело. При этом он ничего не видел и не мог пошевелиться. Грудь давило, словно тесным обручем, дышалось тяжело. В ужасе он решил, что накрылся позвоночник или смята грудная клетка. Звуки боя отсутствовали. Вдруг он слышал шаги и голос Хоу:

– Вот здесь Длинный подорвался, перед тем, как вы подошли.

Звуки шагов внутрь, возня, голос Риверы:

– Что-то не видно ни хуя, может, взрывом по частям раскидало?.. А, вот чей-то торс без ног... Нет, это местный... Вон еще двое, гвардейцы... Они, однако, к вам шли, почему Длинный сразу не стрелял?

– Теперь не узнаем уже, пошли дальше, может найдем еще кого...

Шаги захрустели на выход. Сплин попытался крикнуть, что он здесь, но перестарался – горло дерябнуло, голос сорвался и получился не крик, а какой-то сиплый шепот, как из могилы. Тогда он изо всех сил заворочался, преодолевая немочь, являющуюся последствием контузии. Шаги вернулись на звук возни, Сплин услышал над собой шум разгребаемого хлама. Оказалось, что не видел он потому, что его засыпало подвесным потолком и строительным мусором, а

также привалило стеллажом, который раньше окно закрывал. Сплина откопали, стащили сферу, очки и маску респиратора, осмотрели, помогли подняться. Сознание, наконец, локализовалось в теле достаточно прочно, чтобы обрести над ним приемлемый контроль – по крайней мере, стоять на ногах он мог.

– Как себя чувствуешь? – поинтересовался Ривера, отряхивая со Сплина строительную пыль, которой тот был густо покрыт с ног до головы. Сплин гримасой боли остановил его:

– Не надо, я потом лучше сам, а то ты меня доломаешь... Болит все, ребра, башка особенно и тошнит, как с адского похмелья... – сдавленно промямлил он. – Меня контузило, я временно оглох, возился с перезарядкой и не слышал, как этот нарисовался, – Сплин кивнул на тело гвардейца в противоположном углу с запекшейся темной массой вместо лица и неестественно вывернутыми полуободранными конечностями.

– Ясно. Повезло тебе, гранатометчик, легко отделался, контузия, ушибы да осколками почикало малость. Гвардейцев-то вон как похерачило, – с некоторым удивлением переводя взгляд с практически целого Сплина на трупы двоих гвардейцев (третий, который был с забинтованной кистью, тогда все-таки успел свалить) заметил Ривера.

– Угу. Вот такой я везунчик, бля, – ответил Сплин, рассматривая изодранную мелкими осколками разгрузку на груди и прокручивая в памяти взрыв, а вслух спросил о на-

сущном, так как речь и работа мысли давались с ощутимым усилием, следовательно, к гипотетическим рассуждениям не располагали:

– Мужики, что тут было-то хоть? Я много пропустил? Как наши дела?

– Как сажа бела... Бой закончился, мы победили. Остатки гарнизона сдались. Только вот Лутара здесь не оказалось, – ответил Хоу.

– Хуясе! – возмутился Сплин и, сморщившись от раскатов звуков своего же голоса внутри черепа, схватился руками за виски. – Хотя лично мне этот Лутар и весь этот сраный гадюшник – до пизды дверца. А что с нашей эвакуацией?

– Пока не ясно. Доплер и Боцман с передатчиком снаружи ждут спутник, чтобы с армейскими в Портленде связаться. Ты сам идти сможешь?

– Да вроде могу... А куда?

– Вниз к бассейну, там Бишоп с ранеными возится, покажись ему, когда он с тяжелыми разберется.

Ривера и Хоу пошли дальше искать раненых, а Сплин поковылял на первый этаж лечиться. Сделав несколько шагов, он почувствовал боль в левом бедре с внешней стороны. Штанина заскорузла от смешанной с пылью крови, но рана, похоже, была некрупная, немного ныло и постреливало при сгибании и нагрузке правое колено – ушиб, однако, или потянул, когда сдуло взрывной волной. Левое предплечье несколькими параллельными порезами неглубоко по-

секло какими-то не то мелкими осколками, не то каменной крошкой. Прошел еще немного – поплыли круги в глазах. Оперся на стену, отдохнул, вернулся, нашел свой автомат, осмотрел его – тот вроде не был поврежден. Снова двинулся к лестнице, изредка опираясь на автомат, как на костыль, наблюдая повсюду картины разрушений.

В просторном холле второго этажа с колоннами было просто месиво. Вокруг повсюду валялись искромсанные, закопченные тела в потеках запекшейся крови, новая кровь набегала в лужи самотеком из открытых ран, стены и колонны были там и сям покрыты подпалинами, изрыты пулями и осколками, в воздухе стоял душный смрад гари и смерти, хоть топор вешай. Чем-то похожим пахнет на рынке в мясном отделе с парной свежатиной, кажется это окисляющееся железо, входящее в состав крови, а может, и нет. Ко всему прочему примешивались еще запахи содержимого пищеварительной системы погибших, которые уже физически не контролировали свои тела. Сплин привык воспринимать человеческую жизнь как нечто исключительное, а сейчас видел прямо противоположное – людей превращенных в грязные вонючие груды быстро загнивающего на жаре мяса в тряпочных мешках из драной одежды, своего рода мусорную свалку. Конечно, доводилось видеть чужую смерть вблизи и раньше – похороны, разные там аварии краем глаза. Но не так массово и явно, всегда сохранялся психологический барьер между собой живым и теми неживыми, какая-то детская уве-

ренность типа «я не при делах, со мной такого случиться не может». Теперь этого барьера не стало, Сплин почувствовал себя, словно посетитель зверинца, где внезапно открылись двери клеток с хищниками и они теперь ходят рядом, оценивающе присматриваясь. Подобным же куском мертвой плоти в оболочке из бледной, посеревшей кожи, вроде животного сбитого транспортом и раскатанного по дороге, вполне мог стать и он, теперь он это знал – это касается всех без исключения. Мертвые сраму не имут – это удел тех живых, кто еще не привык. Проблевавшись, Сплин добрался до внутреннего двора с бассейном. Открывшаяся картина привела его к мысли, что ему еще очень повезло и его проблемы с самочувствием – вовсе не проблемы по сравнению с тем, что бывает.

Весь периметр бассейна был завален ранеными различной степени тяжести. Они сидели или лежали под тентом и на солнце, в шезлонгах, на полу, терзаемые каждый своей личной неповторимой гаммой мук – пулевые и осколочные ранения, травматические ампутации конечностей, контузионные поражения, ожоги. Раненые орали, стонали, бредили, истекали кровью, умирали или уже умерли. Вокруг свежего мяса, рвотных масс и прочего дерьма густо роились жирные мухи. Бойцы, продолжали подтаскивать новых раненых. Среди них были свои и гражданские, немного гарнизонных солдат, гвардейцев не было видно. Атмосфера боли и страданий ощущалась почти физически. Погибшие лежали по-

одаль рядами у стены – отрядные отдельно, местные отдельно, мертвых толком еще не собрали – в первую очередь искали живых раненых.

Офицеры при поддержке бойцов обрабатывали нетяжелые раны, Бишоп, стоя за притащенным откуда-то массивным столом, возился с более серьезными. В данный момент он был занят тем, что пытался вытащить через входное отверстие зажимом кусок металла из бока Дрейка, которого держали Лернер и Малой. Дрейк лежал на другом боку, метался и ревел сквозь зубы, заливая кровью из раны разрезанную камуфляжку под собой. Обходя раненых, наступая в лужи крови, Сплин подошел к столу. Его заметил Малой:

– Ебать мой лысый череп! Сам Длинный! Ты выглядишь так, как я себя чувствую. А мы уж думали тебе пиздец...

– Я тоже так думал...

– Добро пожаловать в наш дерьмовый мир обратно, – невесело поприветствовал его Лернер, кивая на окрестный вид.

– Спасибо на добром слове. Вам помочь или не мешать? – ответил Сплин.

– Блядь, вот ты дергаешься, а я ни хуя нормально ухватиться не могу! – раздраженно цыкнул на бледного от боли и кровопотери Дрейка Бишоп. – Прямо как маленький, моя что ли кровь вытекает? Длинный, поддержи рентгеноскоп! Вот сюда... Да не к себе, а ко мне монитором...

– Не выходит ни хуя, надо с той стороны тянуть, – после

очередной неудачной попытке решительно прокомментировал он. – Так, Малой, переверни его на пузо, Длинный, держи прибор, а ты, Ленни, щас вот этими скобами края разведешь.

– Какие края? – оторопело спросил Лернер, принимая хромированные крючки, которые Бишоп достал из переносного дезинфицирующего аппарата.

– Вот эти, – сказал Бишоп, нанося и углубляя разрез, – Сильнее разводи... Так держи... Терпи, скоро уже... Щас-щас, все уже... Еще чуть-чуть... Ну вот, поздравляю, – наконец он показал деформированную автоматную пулю на кончике зажима Дрейку, затем активировал на ране его аптечку. Та зашевелила щупами диагностеров и манипуляторов, залила раны восстанавливающим гелем, установила на их края фиксирующие клипсы-стяжки.

– Несите его в тень под балкон, – велел Бишоп. – Ну, а с тобой что, болезный мой?

Сплин коротко рассказал. Бишоп проверил Сплину реакцию зрачков на свет, спросил, сколько пальцев, помог снять броник, проверил ручным рентгеноскопом места, где болит, позвоночник, надавил, согнул-разогнул там и сям.

– Так, у тебя контузия, легкий сотряс, слепое осколочное ранение в мякоти левого бедра, небольшое крученное растяжение правого колена, здесь спереди и вот тут сзади – небольшие трещины на ребрах, смещений нет. Позвоночник цел. Гематомы, ссадины, подпалины – это болезненно, но ме-

лочи жизни. Щас я тебя исцелю, стягивай портки, чтоб не разрезать штанины, и залазь на стол, – заключил он. Сплин улегся на спину на столе, Бишоп плеснул перекисью водорода – короста сошла грязной буровой пеной, затем осмотрел рану на бедре через ручной рентгеноскоп, обколол кругом обезболивающей блокадой.

– А больно не будет? – с внезапной детской робостью спросил Сплин, оторвав от стола затылок и наблюдая за манипуляциями Бишопа. Свои раны – это гораздо ближе, чем все чужие вместе взятые.

– Всегда бывает больно, – меланхолично успокоил его Бишоп и оптимистично добавил:

– Да ты не бойсь, все страшное уже случилось, дальше будет только все лучше и лучше, вплоть до полного выздоровления...

Затем, покопавшись в ране, он сноровисто вытащил зажимом осколок:

– Аккуратненький тебе осколочек достался и раневой канал ровненький, а то намотало бы щас полбедрца. Нужен на память?

– Спасибо, нет – выбрось его к хренам, – выдавил Сплин, боль тупо, но чувствительно ворочалась в ране.

– Ну, как хочешь, – Бишоп залил раневой канал восстанавливающим гелем, отводящим гной из раны, залепил бактерицидным пластырем. Затем обколол травмированное колено другой ноги регенерирующим составом, мудреное на-

звание которого Сплин тут же забыл, обработал касательное на руке выше локтя, после чего выдал заключительные рекомендации:

– Контузия со временем пройдет, остальное кого-нибудь из солдат попроси обработать или сам. На глубокие порезы, вот как эти, – он показал на предплечье левой руки, – обязательно стяжки поставь, а то кровить будет, и заразу подцепишь, как с куста. Броник лучше одень обратно – какая-никакая фиксация, ребра и ушибы поменьше болеть будут. Ну, все, свободен – у меня очередь, – он заметил Хоу и Риверу, которые тащили на двери от шкафа, как на носилках, закрепленное бинтами тело раненого бойца, видимо, у того был поврежден позвоночник.

– Сожалею парни, но, однако этот уже помер, – наметанным глазом глянув на раненого и для верности пощупав пульс, с сожалением сказал Бишоп.

– Да? А когда нашли, еще живой был, – вяло удивился усталый Хоу. – Со спиной что-то у него... Было... Ну, тогда это все. Остальные там уже холодные. Вот еще пару аптекчек целых нашли...

– У меня лишняя тоже есть, – вспомнил Сплин, – Это Фроста, – он достал и протянул Бишопу прибор.

– Док! Свободен? Давай к нам! – позвал Слэш. – Тут спец нужен. Обломки кости и кровища хлещет как с кабана... Блядь, не могу скобку подвести и все, избебался уже, передал кое-как...

Бишоп сгрел свой инструмент, активные аптечки и направился к Слэшу, который пытался пережать бойцу поврежденный кровеносный сосуд в ране на бедре. Сплин нашел глазами Малого и Лернера, которые сидели на ковриках, привалившись к стене, в тенечке под тентом рядом с Дрейком и, не взирая на окружающий срач, наворачивали штык-ножами консервы. Он двинулся к ним, чтобы обработаться и разузнать насчет расклада с эвакуацией. По дороге его внезапно резко замутило, в глазах сгустился белый туман, тело вдруг стало бесплотным и перестало слушаться головы. Не чуя под собой ног, Сплин упал на колени, его стошнило. Желудок был уже пуст, рвотные спазмы лишь наполнили ротовую полость противной желчью. От боли в колене, ярко пронзившей мозг, он пришел в себя.

– Слышь, военный, иди-ка в сторонку блюй, тут и без тебя вони хватает, – как сквозь вату донесся до него голос ближнего раненого.

– Извини, что-то накатило, – прохрипел Сплин и с усилием сплюнул противную слизь. – Роуч? Тебя же вроде убило...

– Почти, – посеревшими губами усмехнулся раненый. – Я намудник от броника подвернул, мешал он мне. Это меня и спасло, наверное, двойной слой на пузе получился. Блядь, как бревном в живот охуячило, я аж обоссался. Сама-то пуля смялась и неглубоко в тело вошла, зато контузионная травма – ахерная.

– Да, могу представить, меня под углом задело, так тре-

щина ребра и гематома с блюдце.

– У тебя обезболивающего нет? – попросил Роуч. – Болит, сука, сил нет, а свое все проебал уже. Ты ж ходячий, найдешь еще себе, а?

– Меняю на что-нибудь противорвотное, мне своего, однако, маловато будет, – сориентировался Сплин.

– Договорились... Держи... Угу... Спасибо... Блядь, пить хочу, а нельзя, а то, Бишоп сказал, перитонит возможен. Обещал внутривенно прокапать, как развяжется. А что там с эвакуацией?

– А я хуй знает! Сам только недавно оклемался, – ответил Сплин, не без усилий поднимаясь.

Он подошел к парням из своего отделения:

– Хлеб да соль! А где наш старшой?

– Едим да свой! Монах вертолет охраняет, мы – снарягу, – с набитым ртом ответил Малой, а Лернер кивнул на кучу своего и трофейного снаряжения и оружия неподалеку:

– Вот, насобирали там и сям, какой-то из тех мешков твой, принесли из нычки у опушки, откуда начинали. Расслабься, не ищи приказаний себе на шею, возьми там сухпай, похавай, может полегчает.

Сплин отрицательно помотал головой, мысль о еде вызывала приступы тошноты. Он выудил из кучи снаряги чью-то бесхозную теперь фляжку, спросил, где добыть воды.

– Длинный, не в падлу, набери и мне тоже, – попросил Дрейк, протягивая свою, приподнявшись с коврика.

Сплин пошел, куда указали, нашел колонку с артезианской водой, запил лекарство от тошноты, затем в несколько приемов до краев напился, наполнил фляжки, умылся. Вода стояла в горле, Сплин чувствовал, что если чуть сильнее наклониться, то она польется изо рта, как из носика переполненного чайника, а жажда все не уходила. Бедняга Роуч. Он отдохнул, обратно пошел кругами, посмотреть как обстановка в славных рядах. Бишоп закончил со своими и теперь возился с ранеными из местных гражданских, Штырь и Слэш тоже. Боцман на широкой открытой веранде второго этажа настраивал передатчик. Доплера и Шелли не было видно. Сплин вернулся, протянул Дрейку его фляжку:

– На... А местные не догадались колонку отравить? – несколько несвоевременно спохватился он.

– Едва ли, – ответил Малой. – Во-первых, почти все целые местные заперты в подвале, во-вторых, Доплер пообещал их раненым медицинскую помощь, а в-третьих, доходчиво в его стиле объяснил, что если кто палить или пакостить будет, стучать за ограду побежит или еще что в таком роде, то он всех поголовно без разбора на правых и виноватых тут же перестреляет и в этом бассейне плавать запустит.

В бассейн уже понабежало всякого и вода там была теперь далеко не прозрачная.

– А где наш полководец сам? – спросил после некоторого молчания Сплин.

– Сержант местных выборочно допрашивает. Шелли сле-

дит, чтобы они ему горбатого не лепили, как приедем, – ответил Лернер.

Сплин обработался и ждал пока торкнет лекарство, а Лернер рассказал про мясню в холле второго этажа. У местных тоже были респираторы, но далеко не у всех. В основном у гвардейцев, которые вообще были под завязку укомплектованы. Они и организовали эффективное сопротивление. Задумка с обходным маневром в целом удалась, так как отряд гвардейцев, на который они напоролась в коридоре, похоже, ничего не успел передать основным силам – наверное, их рации повредились «Штилем». После стычки, в которой Сплин вышел из игры, остаткам мобильной группы удалось без особых проблем добраться до холла, куда Зуб и разрядил свой РПО, после чего на уцелевших ошеломленных врагов навалились уже с двух сторон, согласно плану. Едва захватили холл – сами подверглись контратаке второго эшелона вражеской обороны, в какой-то степени симметричной собственной тактике, со стороны противоположного своей маневренной группе коридора второго этажа и с центральной лестницы на третий.

Это стало самым кровопролитным эпизодом боя внутри здания – штурмующие стремились развить наступление вглубь внутренних коридоров и закрепиться на узловых участках, а гарнизонные пытались не дать врагам преодолеть ключевой рубеж обороны и нанести максимальные потери. Тяжелого реактивного оружия не применялось, так как ди-

станция между своими и чужими была слишком короткая. В густой гари от выстрелов была свалка, никто не отдавал приказов, каждый стремился достать кого-нибудь, пока сам был еще в состоянии стрелять. Передние, у кого заканчивались магазины, пропускали вперед задних, чтобы обеспечить непрерывность огневого натиска без задержки продвижения. Раненые и убитые падали под ноги следом идущим, а те по ним бежали дальше, чтобы упасть на следующем шаге. Из подствольников лепили по стенам, колоннам, по потолку, чтобы накрыть недостижимое пространство за укрытиями. Противник обнаруживал себя, стреляя в ближнего, а оставшиеся убивали его самого. Погиб от близкого разрыва ручной гранаты Бедуин, а Дрейк получил в бок пулю, энергия которой, возможно, предварительно ослабла от рикошета или прохождения сквозь препятствие, но оказалось достаточной, чтобы пробить бронежилет и существенно углубиться в тело. По упавшему Дрейку протопали несколько бойцов, затем он отполз на периферию побоища и укрылся за колонной, почувствовал, что слабеет и запросто может загнуться от кровопотери. Тогда он, расстегнул бронежилет, не снимая его, и кое-как наложил активную аптечку, которая вколола местное обезболивающее и запечатала рану, остановив кровотечение. До окончания штурма Дрейк, вместе с несколькими ранеными, находящимися в сознании, оставался на месте – удерживать отбитый у врага участок.

Позже, когда этаж был захвачен, обнаружили, что у осно-

ваний колонн установлены МОНки, которые могли превратить половину штурмовой группы Слэша в плохо опознаваемые сгустки измочаленного фарша, если бы ответственные за подрыв вражеские солдаты не спеклись вместе с подрывными машинками в пламени огнемета Зуба. Дальше в глубине второго этажа еще встречалось очаговое сопротивление, а на третьем уцелевшие местные уже почти не воевали и организованно сдались, как только поняли, что оставшихся сил атакующих вполне хватит, чтобы завершить захват поместья, и дальнейшее сопротивление бессмысленно.

– До сих пор внутри колотит, не понял, как жив остался. Меня ведь «кастрюля» спасла, – он показал глубокую вмятину со сколотой краской на своей сфере. – Прикрывал Зуба, тут прилетело из холла, хорошо хоть под углом попало – пуля рикошетом ушла. Но башку мотнуло назад жестко – до сих пор шея болит и в ушах звон, а того черта наши пришили, пока я в ауте был, – закончил Лернер.

Малой, прихлебывая маленькими глотками из фляжки, усталым монотонным голосом рассказывал, как он чуть не подорвался на ловушке при зачистке второго этажа, уже после основного побоища в холле и его ближайших окрестностях. Насыщенность площадей вражескими силами была уже не столь плотная, так как обе стороны к тому моменту уже изрядно проредили друг друга, но Хоу все же на всякий случай предварительно бросил внутрь комнаты гранату. Бывало, слышав зачистку неподалеку, из соседних помеще-

ний выходили сдаваться гражданские или солдаты гарнизона, что предотвращало жертвы с обеих сторон. Внутри грохнул взрыв, ворвались – никого. Помещение являлось чем-то вроде комнаты для размещения гостей. Тут вдруг кресло в дальнем углу поднимается в воздух, как реактивное. И тишина... Оказалось, внутри помещения была установлена ручная граната без чеки, на зажатой скобе, взрыв не сдетонировал ее, а только сдвинул, поэтому, к моменту, когда Малой и Лернер вошли внутрь, как раз отработал замедлитель. Повезло, что вражеская граната после взрыва гранаты Хоу под массивное кресло закатилась – мягкая мебель поглотила или ослабила осколки и взрывную волну – временно оглушило обоих, но целы остались. А рванула бы на открытом полу посреди комнаты... Да, век живи – век учишься, дураком помрешь. Причем не исключено, что именно из-за своей же дурачности, что вдвойне обидно...

Тем временем подошли Доплер и Шелли. С эвакуацией дело обстояло мутно. Допросы оставшихся в живых охранников и обслуги в плане ответа на вопрос, почему Лутара в поместье не обнаружилось, ничего содержательного не дали и сводились к следующему. Да, собирался приехать на деловые переговоры с каким-то хреном, прилетела охрана, готовились к встрече. Потом вдруг радировал, что задерживается – срочные дела государственной важности. Потом вы напали. Местный передатчик был выведен из строя «Штилем». Но утверждать, что запроса о помощи не было, нельзя. Те,

кто пытался свинтить на маленьком вертолете, вряд ли чего передали, но бронемашины, например, тоже снабжены рациями достаточной мощности.

Шелли решительно затребовала от Доплера назвать пароль к анонимному банковскому счету со своим гонораром, так как она свою часть работы выполнила и теперь решительно намеревалась откланяться.

– Я бы рад, но пока не могу, твои знания могут нам еще пригодиться, – вежливо, но твердо отказал тот. Шелли молча сыграла желваками на скулах и недовольно поджала губы.

Спутник вошел в благоприятную для приема зону, Доплер по защищенному каналу связался с армейскими, которые должны были обеспечить транспорт для эвакуации, обрисовал ситуацию. Те сказали, что транспорт пока задействован, а другой дать не могут, так как все неофициально и возможные потери им не спишут. Велели ждать. Как это задействован? И сколько ждать? До суток. Или сами доберайтесь. Обещали принять отряд в расположение бригады, если тот сам доберется хотя бы до границы с Портлендом. Доплер обложил бригадных трехэтажным матом, сказал, что четверть группы убито, а половина из тех, что остались ранено, их надо в нормальный госпиталь, что максимум через несколько часов сюда придут головорезы Лутара или его подельников и что у вас там, вообще, за бардак? Ему ответили, а что мы можем сделать, над нами тоже свое начальство, а у этих разведчиков семь пятниц на неделе, улетели, мы ду-

мали к вам. Да, бардак, все на ушах стоят, вторжение готовится, а тут оказывается у вас облом. Дали частоту для запроса пропуска, чтобы ПВО не сбило, если воздухом, и обещали приграничные блокпосты предупредить, если по земле. На этом с бригадными распрощались, так как ловить было больше нечего.

– Пиздят они до хуя! – заявил Боцман. – Подставили нас, суки конторские.

– Да, поимели нас по-царски: что-то там у них не срослось, как хотелось, и на нас попросту болт забили, – высказался Штырь.

– Извини, сестренка, но, похоже, наше сотрудничество затягивается, – обращаясь к поскучевшей Шелли, произнес Доплер.

– Да иди-ка ты на хуй, братец, – глухо ответила ответила та, потемнев лицом.

– А я и так на хую, только ноги свесил, – усмехнулся Доплер. – Ну не дуйся, как мышшь на крупу, похлопочу для тебя премию. Теперь до бригады, однако, вместе двинем. Тебе же все равно в Портленд на обналичку надо.

– Но не с вами же! – возразила Шелли, понемногу успокаиваясь.

– Правильно, не жги попусту нервные клетки, – ободрил ее Доплер.

Народ, кто рядом был, возмущенно загалдел про несправедливость жизни и нетрадиционную половую ориентацию

организаторов акции от Корпорации и Министерства Обороны с армейской разведкой вместе. Маловероятно было, что наниматель банально пожамотился на выплату вознаграждения наемникам: в сравнении с ценой вопроса бюджет операции – гроши.

– Да это все ясен хуй! – решительно прервал обоснованные, но неконструктивные сетования Штырь. – Надо определяться, что дальше делать. Я думаю, самим валить в бригаду надо, а то припрутся какие-нибудь гондоны и нас вынесут, как мы местных вынесли. Или осаду устроят, хули мы тут высидим – наши пидоры раз кинули и еще могут кинуть, где «до суток», там и неделя, дым в пизде эти обещания, по моему.

Доплер пока помалкивал, мудро давая людям возможность высказаться и выпустить пар, а также, чем черт не шутит, выдать дельную мысль, чтобы при случае оформить ее приказом. Подчиненным труднее потом осуждать последствия решений, принятых с их же подачи.

– Вертак в целом на ходу, хотя местами прострелен, но только половину людей потянет, – подал голос Слэш. – Можно неходячих раненых первыми отправить в бригаду, потом там дозаправиться и обратно за остальными.

– Не, сидеть тут и пиздюлей дожидаться – я в рот ебал такие именины. Надо на оставшиеся танкетки прыгать и дергать к границе, а там уж на полпути пусть вертак забирает, как считаешь, старшой? – спросил Штырь.

– Что убывать надо, это точно. Но по низу ехать – это судьбу лишний раз дрочить: возможны минированные участки, засады, дорог-то тут не особо много. Лучше уж здесь дожидаться, пока Слэш вернется. Но ты прав, рабочий транспорт надо на всякий случай отпидорить, может пригодится. Вот и займись этим, – ответил Доплер.

Последовало короткое обсуждение деталей, потом посыпались распоряжения, кому чего делать. Штырь и Боцман принялись ковыряться в ангарах с техникой, напрягая оставшихся в живых местных водителей и спецов. Они тестировали работоспособность подсистем, при необходимости собирали один рабочий узел из нескольких не вполне рабочих и так далее. Зуб с остатками своего отделения были на подхвате и следили, чтобы ушлые местные чего не удумали. Маленький вертолет представлял собой догорающий металлом. Слэш обследовал уцелевший транспортный. Это была двухвинтовая модель, с поперечным расположением несущих винтов на высоко посаженных плоскостях и двухкилевым хвостовым оперением. Его вместимость была поменьше, а скорость и маневренность побольше, чем у машин, доставлявших отряд до базового лагеря. Хоу сидел в тени на травке, привалившись к стойке шасси спиной, поджав ноги и положив свой автомат на колени. Сплин какое-то время отдохнул, ему в целом полегчало, но в неподвижном состоянии голова кружилась сильнее. Он напросился, чтоб полезное дело дали – его приставили принимать в вертолет раненых.

Не требовалось медицинского образования, чтобы предположить, что кое-кому из них светит ампутация. Впрочем, потратив вознаграждение на услуги морфогенетика, быть может, и удастся восстановить расщепленные кости или даже целые потерянные конечности, раскучуроченные суставы, рваные связки и тому подобные последствия воздействия пуль, осколков и взрывов. Из тяжелых в основном были пострадавшие ближе к концу боя, те же, кому не повезло раньше, большей частью погибли там, где их ранило, не дождавшись помощи, от травматического шока или кровопотери. Считается, что проекция жизненно важных органов составляет около 15 процентов от поверхности тела. Так-то оно, может и так, да, однако, не совсем. Например, если полноценная автоматная пуля со скоростью более двух звуковых попадет в кость, то, вполне возможно, будет нехороший дробленый перелом с некрозом окружающих тканей вследствие контузионной травмы. Типа как держаться за железный прут, когда по нему рядом кувалдой охреначат, только гораздо сильнее. Со всеми вытекающими из такого ранения ощущениями и перспективами. Некоторым бронежилеты сослужили плохую службу – пуля из серьезного оружия под прямым углом пробивала пластины и рикошетилa по телу между стенками. Там были амортизирующие мембраны для предотвращения такого эффекта, но это не всегда срабатывало. Хотя грешить на выбранную модель бронежилета было бы, пожалуй, необоснованно – тяжелая броня более

высокого класса защиты тоже ведь, с учетом запреградного действия, не все пули держит, да к тому же делает бойца слишком уж неповоротливым для переходов и беготни. Сплину подавали раненых, он их принимал и вместе с Бишопом размещал в салоне. Бишоп нашел немного медикаментов в поместье в дополнение к собственным запасам и теперь пускал их в дело, приспособив грузовые леера вдоль потолка фюзеляжа под держатели для капельниц с плазмой.

У Сплина, чего греха таить, мелькала мысль втереться в первую партию на эвакуацию – формально он был ранен, но, посмотревшись на людей, чья мера страданий была на порядок выше его собственной, так ничего и не сказал Бишопу. Наконец, загрузились – Сплин и Бишоп вылезли. Бишоп глянул на Сплина и едва заметно подмигнул – понял все, шельма. Не взял бы и правильно сделал, хотя место еще было. Возьмешь одного – остальные своими царапинами трясти начнут. Остающаяся часть отряда должна иметь минимально достаточную численность, чтобы что-то представлять собой как боевая единица.

– Давай-ка, однако, с ними, док, – велел Бишопу Доплер. – Часа два минимум лететь с такой загрузкой, да еще там хрен знает, как примут, проследишь, чтоб в отстой наших не задвинули.

Бишоп кивнул и залез обратно, подхватив свои ранец и личное оружие – облегченный укороченный вариант автомата.

– Ты не забыл, кого там спросить и что сказать? – спросил Доплер Слэша, сидящего в кабине. – Оповестительные коды для ПВО?

– Да все я помню, босс, я ж с бригадными самогон пил, когда снаряжение получал, тебя еще здесь не было, – усмехнулся Слэш.

– Ну, с Богом, ждем тебя обратно, как родного. Трогай, – он дважды хлопнул ладонью по обшивке кабины, словно потрепал боевого коня по шее, и отошел.

Слэш кивнул, и, щелкая в кабине тумблерами, запустил двигатели, которые подняли оглушительный рев и наполнили воздух выхлопами горючего. Бишоп махнул им из открытой бортовой двери. Вертолет оторвался от земли, набрал высоту и, задрвав хвост, словно собака, бегущая по следу, двинулся к границе. «Он улетел... Но он обещал вернуться...» – вспомнил Сплин фразу из детской сказки, направляясь от посадочной площадки к навесу у бассейна собирать свое снаряжение. Раненые отдали какую-то часть, еще плюс то, что у мертвых насобирали, да кое-какие трофеи – снова был полный носимый комплект.

Часовые на крыше лениво наблюдали за периметром, местных особо никто не охранял, деваться из-за стены и мин вокруг им все равно было некуда, а выезд из поместья был один. Недавно минул полдень. Солнце жарило во всю. Народ размяк и в основном спал, бездельничал или приводил свое снаряжение в порядок. Сплин извлек из полости приклада

принадлежности для ухода за оружием, перебрал и почистил свой автомат – на всякий случай. Вдруг в наушниках раздался голос Риверы с крыши:

– К нам что-то летит, но не Слэш, а с другой стороны.

– Немедленно всем с глаз долой, чтоб никто не отсвечивал! Местных, что снаружи, тоже загоните и следите за ними, – скомандовал Доплер.

К моменту, когда летательный аппарат приблизился достаточно близко, чтобы оттуда можно было разглядеть обстановку, все, так или иначе, скрылись из виду. Это была небольшая изящная авиетка на реактивной тяге с переменным вектором. Авиетка перешла на вертикальную тягу, медленно облетая вокруг.

– Ебнуть по ним, что ли? Заложат ведь... – предложил по рации Штырь, который укрылся в бронемашине.

– Пока из ангара выкатишь – могут успеть съебаться. Промажешь – тогда точно засветимся. Попадешь – неизвестно, кто они и что вызовет их исчезновение, – угомонил его Доплер. – А так, может, решат, что все закончилось и нету уже никого.

– Все равно проверять подтянется кто-нибудь. Наверняка контрольные выходы на связь предусмотрены, а уже времени до хуя прошло, – усомнился Бецман.

– Так то проверять, а то конкретно пизды давать. Сидите уже, не навоевались что ли? И хорош пиздоболить, вдруг у них сканер есть, – отрезал Доплер.

Авиетка завершила облет по кругу и улетела обратно. Народ повывлазил на улицу, так как сидеть в здании рядом с все более жестко пахнувшими телами погибших не было никакого удовольствия. Сплин накинул на одно плечо заметно полегчавший без компонентов «Термита» ранец и по примеру многих двинулся дожидаться вертушки в ангар, где стояла техника – там было относительно прохладно. Был хороший шанс немного поспать, но как только он принимал горизонтальное положение и закрывал глаза, мир вокруг начал вращаться ускоряющимися темпами, словно внутри воронки, нагоняя тошноту. Поэтому Сплин просто привалил ранец к гофрированной стене ангара в тенечке и полулежа кемарил, рассеянно наблюдая за происходящим вокруг из-под прикрытых век. В ушах все еще слегка звенело, Бишоп сказал, к вечеру пройдет. Или к утру... Не сказал только, к какому...

Доплер подозвал Штыря и спросил его:

– Ну что там с техникой, мастер?

– Одна маленькая гусеничная бронемашинка, одна восьмиколесная побольше, такая же, какую Бедуин, царство ему небесное, спалил при штурме, и два колесных вездехода. Еще пара машин проебались, когда «Штиль» сработал. Мы оттуда сняли кое-что на запчасти, горючее слили и боекомплекты раздербанили.

– Хорошо. Слушай, вели-ка своим туземцам, пусть оттащат от ангара своих убитых в ряд к остальным, а то они уже

пропастиной смердеть начинают, а нам тут еще несколько часов загорать. Да и пусть местные лучше при деле будут.

– Шелли, ты случайно не в курсе, чья это могла быть авиетка, и чего они тут искали? – поинтересовался Доплер у проходящей поблизости девушки.

– Ну, а ты-то сам как думаешь? – ехидно ответила та. – Откуда я могу знать! Возможно, это тот тип, с которым у Лутара должна быть встреча.

– У тебя явно испортилось настроение. Точно говорят, что деньги портят людей, – вздохнул Доплер.

– Людей портят не сами деньги, а... – хотела отпарировать Шелли, но вдруг замолчала, уперев взгляд в одного из мужиков в спецовке техника, которых Штырь мобилизовал на непопулярные работы. Мужик был среднего роста и комплекции, небрит и с пластырем на скуле. Он засуетился, попытался скрыться за чужими спинами.

– Ты... – гневно выдохнула она. – Ах ты, гнида... – Шелли вскинула винтовку и точно убила бы этого типа, но Доплер успел выкрутить у нее оружие и сгрэб в охапку, не давая пошевелиться. Шелли молча и яростно рванулась, но Сержант был сильнее.

– Ты чего, сестренка? Он тебе что, алименты должен? – удивленно поинтересовался Штырь, опуская свое оружие.

– Отпусти. Отпусти, я говорю! – потребовала она от Доплера, – Вы же сегодня порешили кучу народу, так одним будет больше, чего тебе до этого?

– Это было в бою. Кто он? Отвечай, а то кислород пере-
крою, – задал вопрос Доплер.

Шелли помолчала, затем уже более спокойно ответила:

– Это Пако, подручный Лутара. Они вместе начинали. Пять лет назад, когда в Либертии начался беспредел, Пако с головорезами пришел в наш дом среди ночи и объявил, что раз мой отец был шишкой при «антинародном правительстве», то его собственность подлежит конфискации. Отца увезли в застенки, а меня с матерью они... – она сглотнула, – ...отправили в фильтрационный лагерь... Остальное еще менее забавно и вас не касается.

– Ну что, мой ряженный друг, разговор у меня к тебе есть, – нехорошим голосом вкрадчиво произнес Доплер, отпуская Шелли. – Боцман, идем с нами – будешь ассистировать, – позвал он, увлекая Пако в комнату, где раньше допрашивал пленных солдат гарнизона. – А ты, сестренка, не ходи – у тебя предвзятое отношение к задержанному.

В результате допроса выяснилось, что Пако, когда понял, что бой кончится не в их пользу, хотел смыться на вертолете, но пилоту эта мысль пришла еще раньше и, как показала жизнь, зря – бойцы Слэша расстреляли вертолет на площадке, когда тот начал взлетать. Тогда Пако добыл невзрачную робу и под чужой личиной благополучно сдался в плен на третьем этаже, вместе с немногими уцелевшими охранниками. Свои его по нескольким естественным причинам не вы-

дали. Под пластырем на скуле у этого проходимца ничего не было, налепил для маскировки. Шелли он узнал не сразу, а когда узнал, притерся ухаживать за ранеными, поэтому на допрос его не дергали.

Хуже всего было то, что при обыске у Пако нашли рабочую индивидуальную рацию, которую тот снял с чьего-то недееспособного тела после боя, под видом поиска раненых. Пако божился, что не общался с авиеткой, когда та кружила над помещьем. То есть он не отрицал, что намеревался послать весточку, но, утверждал, что не смог вовремя настроить связь на нужные для успешного приема-передачи параметры по причине слабых познаний в инженерно-технических вопросах, разбираться в которых не входит обычно в его уровень компетенции. В авиетке были представители заказчиков на коммерческий теракт на территории сопредельной провинции, которые как раз в это время должны были прибыть на встречу для обсуждения этого и ряда других деловых вопросов. В общем, надо было сделать грязное дело против одних, которые не в курсе расклада, чтобы сделать стоворчивее других, которые полагают, что грамотные, при этом выгоды получают третьи, которые вроде как совершенно непричастны, а наоборот, даже, типа, хотят помочь. Бить Пако почти не пришлось. Он рассказал все это не потому, что испугался, а просто не видел особого смысла скрывать. В конце он предложил сделку – сохранение ценной жизни своей высокопоставленной персоны за возможность беспре-

пятственного проезда отряда Доплера к границе с Портлендом. Доплер ответил, что ехать им никуда не нужно, так как их заберет вертолет. Пако ухмыльнулся и предположил, что обстоятельства могут сложиться по-всякому, а его предложение – верный способ выпутаться. Дальше его прессовать не стали, потому что подловить этого прощелыгу на чем-то было сложно, так как проверить уязвимые аспекты его рассказней сейчас не представлялось возможным, а врать он мог складно, поскольку был профессионалом. Короче, перспективы были неоднозначные. Местных повторно обыскали и всех заперли в подвале от греха подальше. Пако, как потенциального лидера, заперли отдельно, он не возражал.

– Слышь, босс, а с чего ты вообще уверен, что Слэш вернется? – недоверчиво спросил Боцман Доплера после некоторого периода ожидания.

– Вернется, он мне должен, – ответил тот.

– Настолько должен? – уточнил Штырь.

– Да, настолько, – подтвердил Доплер, и, видя, что не все разделяют его уверенность, добавил:

– Видели его глаза? Это, как вы поняли, не его родные. А свои родные, как и значительную часть здоровья, он потерял на Шеоле. А я три ночи тащил его через враждебную территорию, после того как мы двое остались в живых из нашей разведгруппы, а до того мы вместе без малого полгода валялись в одной грязи и чуть не сдохли не один раз. Это чего-нибудь да стоит.

– Ну хорошо, а если он захочет, но не сможет. По крайней мере вовремя, а? – не унимался Штырь.

– Давай из бронемашины попробуй с ним связаться, может достанет, – предложил Сержант. – На хуй эту ебучую секретность, раз пошла такая пьянка.

– Очень вряд ли, – уверенно заявила Шелли. – Грозовой фронт идет с той стороны и создает сильные помехи. К ночи будет дождь. Серьезный, а не то, что было по дороге сюда. Хотя попробуйте: попытка – не пытка.

Штырь попробовал установить связь с вертолетом Слэша на заранее оговоренной частоте.

– Хуй-то там, одна статика, – почесывая репу, разочарованно произнес он, высовываясь из люка. – Послушаю эфир, вдруг чего интересного услышу, – он снова скрылся внутри бронемашин, и какое-то время сканировал эфир в широком диапазоне частот:

– Надо убираться отсюда прямо сейчас, пока есть шанс, иначе обложат, – безапелляционным тоном сказала Шелли. – Слэшу может помешать вернуться гроза.

– Это я уже и сам понял. Твои предложения, – отозвался Доплер.

– Давай карту... До сюда дорога одна. Если проскочим вот эту развилку, то дальше люди Лутара, по идее, только с воздуха нас достать смогут, потому что дальше направо места для засады неудобные, а современных боевых реактивных авиасредств у Лутара нет, поэтому они в любом случае будут

уязвимы. До самой границы по этой дороге мы, конечно, не дотянем – ближе к Портленду уже идут посты и участки, начиненные минами с дистанционным подрывом. Поэтому на полпути лучше свернуть на старую недостроенную грунтовку вот сюда, она все еще более-менее проходима, но нечасто используется, потому что ведет в тупик – тот регион, ради освоения которого она строилась, теперь почти заброшен. Поэтому на твоей карте этой дороги и нет. Зато напороться на засаду каких-нибудь разбойников там менее вероятно. Проедем в сторону границы, сколько получится, а потом технику следует бросить и до границы через джунгли пешком около двадцати километров. В принципе, там полуничейная земля, армейские могут нас прямо оттуда вертушкой забрать – это довольно безопасно, но лучше, если раньше заберут. Кроме того, у нас есть ценный кадр из числа приближенных Лутара, чтобы поторговаться, если его отряды нас все-таки прижучат.

– А почему у Лутара нет реактивных средств, неужто средств не хватает? – полюбопытствовал Боцман.

Шелли объяснила:

– Бабла-то дурного может и хватает... Но на этой планете технику такого класса не производят – у нас же сырьевая специализация, а поставки извне идут только в войска планетарного правительства и легко контролируются – это ж не стрелковое оружие, которое достать не проблема. Кроме того, нет нужного уровня инфраструктуры для обслуживания.

С тех пор, как Лутар со своими поделщиками тут рулит, все народное хозяйство на хрен поразвалилось, феодальные порядки. Лутар так, по большому счету, и не поднялся выше уровня главаря слабоуправляемого феодального княжества. Каждый барон на своей территории царь, Бог и воинский начальник. У многих на Лутара зуб по тем или иным причинам. Не каждый жопу рвать будет, чтобы помочь ему, но его людей на свою территорию они по договоренности пустят, чтобы он обидчиков сам ловил. А ловить он вас будет точно, это вопрос престижа, он не может проявить слабость и выпустить тех, кто напал на его территории на его же поместье и превратил его в руины. Короче, тут все неоднозначно, просто поверьте на слово, у нас нет времени на политинформацию, вы что, оперативных данных по региону операции не читали или мою осведомленность проверяете?

Они обсудили возможные точки засад и варианты развития событий. Затем Доплер подошел к бронемашине и спросил Штыря в открытый люк:

– Нашел чего?

– Нашел, да хули толку – кодировано все, ключи неизвестны. Можно, правда, туземцев потрясти на этот счет – вдруг кто из знающих уцелел...

– Можно. Но некогда. Хватит нищего за хер тянуть, уебываем, – подытожил Доплер. – Блядь, ведь как сердце чуяло, что технику стоит сберечь, а то накрыли бы ангары вторым «Штилем» – щас бы хуй сосали... Пако с местным водилой –

в головной вездеход, рацию нашу ему дать. Для пущей массовки прихвати еще несколько гарнизонных вояк, чем старше званием, тем лучше. И список имен мне, так сподручней торговаться будет. Всем им повесить «клопов» на шею. Лишнее трофейное и наше оружие по возможности испортить и сбросить в выгребную яму.

Доплер под честное слово договорился с местными, чтоб в качестве ответного жеста за медицинскую помощь по-людски похоронили убитых бойцов отряда, хотя бы в братской могиле. Даже если бы была возможность доставить тела на базу, все равно никто не повезет через космос трупы хоронить на родину, это дорого. Живых-то в грош не ставят. Оставили местным в подвале воды, на замок двери повесили взрывчатку с таймером на два часа. Отлетит замок – пусть гуляют на все шесть направлений, отряд уже далеко будет, а рабочих радиопередатчиков достаточной мощности в поместье не осталось. В целом отношение выживших местных к «освободителям» было молчаливо-неприятным, но вели они себя спокойно.

Всего на ходу людей из отряда осталось тридцать четыре человека, некоторые были легко ранены. Начали распределяться по машинам. На маленькой бронемашине без десантного отсека водителем попал Лернер, который имел опыт вождения гражданской техники с аналогичной ходовой частью. Вопрос о добровольцах на место стрелка завис без ответа. Спину еще с утра было немного неловко, что он провалял-

ся без сознания самый ответственный эпизод боя, хотя умом он и понимал, что хорошо успел поучаствовать, и какие-то комплексы тут совершенно безосновательны.

– Ну я, пожалуй, мог бы... – в последний момент предложил он, когда Доплер уже открыл рот чтобы назначать принудительно.

– Ай да молодца! – похвалил Штырь, – Теперь-то мы как у Христа за пазухой будем. Ты хоть обращаться с этой елдой умеешь?

– Да там уметь не хер, – ответил Доплер, – Попробуй пулемет немного вон по тем пустым бочкам, только до хуя патронов не жги. И перезарядку ленты отработай, чтоб не тормозить потом.

Когда остальные отошли дальше, Лернер спросил:

– Длинный, ты дурак или как? Я-то в анкете еще при наборе похвалился корочками, не знал что придется, а ты чего в залупу залез? Знаешь, что с экипажем будет, если это ведро болтов на мину наедет или ракету поймает? У нас ведь даже динамической защиты нет, не то, что у Штыря. Я проверил – там в коробках пусто, небось разворовали да продали или на взрывчатку пустили.

Сплин догадывался. Тех, кто на броне сбросит на землю, а стрелок и водитель имеют отличные шансы зажариться в собственном соку или быть размазанными по стенкам изнутри. Начиная запоздало сожалеть о своем неразумном выборе, Сплин насупил, шмыгнув носом и ответил:

– Дурак дураку рознь. Меня в дороге укачивает, боюсь с брони свалиться. Мины, если что, будет собирать драндулет Пако. Кстати, из-за него и стрелять-то по нам не станут. А ты чего, типа, не рад компании?

– Да рад я, рад, – залыбился Лернер. – Только тебе контузией, боюсь, последние мозги отшибло. Ну, давай лезь в башню что ли, стрелок, бя... Поедем – люк свой прикрой, но не запирай.

Через полчаса маленькая колонна тронулась на выезд, оцетинившись стволами во все стороны. С собой прихватили трофеи: ПЗРК, РПО, разовые РПГ. Все трофейные образцы после перевода из походного положения в боевое могли также переводиться и обратно в походное, поэтому ротный велел взвести половину носимого ракетного оружия загодя – на случай внезапного нападения. Гусеничная бронемашинка Сплина шла второй за открытым колесным вездеходом Пако. Третьим двигался большой вездеход с клиновидной мордой, тент на нем также был снят, борта кузова обложены мешками с землей, на дверях кабины закреплены бесхозные бронежилеты, на лобовом стекле – кусок маскировочной сетки от солнечных бликов и чтобы затруднить врагу прицеливание по находящимся внутри. Водитель был из числа пленных, его контролировал Моррис из взвода Слэша, находящийся рядом в кабине. Доплер и остальными бойцы ехали на броне большой бронемашинки, которая замыкала колонну. Наводчиком на ней был Штырь, который весьма неохот-

но принял эту «горячую» должность, согласившись, что хотя бы один опытный стрелок на тяжелом вооружении должен наличествовать. Машина была, в общем, серьезная, имела неплохую систему управления огнем и движением, позволяющую при необходимости совмещать функции водителя и наводчика одним человеком, элементы активной защиты. Так что в случае боестолкновения шансов уцелеть у ее экипажа было намного больше, чем у остальных единиц техники. Тем более что водителем был Мурфин, который управлял похожей моделью, когда служил срочную службу в армии в свое время. Кстати, как показал осмотр остова вражеской бронемшины, которую на броске подбил Бедуин, она как раз и управлялась одним человеком. Это объясняло некоторую неуверенную заторможенность – видать, солдат был недостаточно квалифицирован в качестве оператора, иначе последствия для штурмующих были бы более губительны.

Рация, которую дали Пако, должна быть постоянно включена, так чтобы Доплер мог слышать все, что говорится в вездеходе и руководить переговорами, если потребуется. На шеях Пако и его людей, которых также взяли как заложников на случай столкновения с отрядами Лутара, в области сонной артерии были «клопы» – маленькие, размером с виноградину, мины-липучки, которые дистанционно подрывались по радиосигналу в случае неповиновения или при попытке их снять без предварительного отключения радиосигналом. Во время штурма «клопы» обеспечивали лояльность

сдавшихся в плен солдат гарнизона, для надежной охраны которых у отряда не хватало людей на зачищенных участках.

Перед выездом Сплин опробовал башенный пулемет. Стрельба из него оказалась делом нетрудным, все как в учебных базах, которые он читал в тренировочном центре. Теперь он заинтересованно вертел башней по сторонам в своем секторе ответственности, переключал режимы прицела, обозревая окрестности. Лернер вел гусеничную машину ровно, но на поворотах Сплин с непривычки поначалу стучался. На броне глотали пыль Хоу, Малой и Боцман, больше за башней народу не помещалось – бронемашина предназначалась для поддержки десанта, в том числе доставкой сбросом на парашюте, так что имела минимальные габариты, массу и спартанское оснащение, к тому же частично по разным причинам демонтированное ранее аборигенами. Газовали для такой дороги прилично – в среднем километров шестьдесят в час, по ровным прямым участкам – побыстрее, по колдобинам и поворотам – потише. Дистанцию держали около пятидесяти метров, чтобы сильно не растягиваться, но и не влезать в пылевой хвост впереди идущей машины, дабы при случае иметь свободу маневра. При этом ехать желательно было по одной колее – это несколько снижало возможность подрыва на не управляемых минах нажимного действия или с контактными электродетонатором.

Справа по ходу движения сразу за дорогой тянулась болотистая низина метров на двести, за ней джунгли. Слева на

несколько сотен метров теснились друг на друга разнокалиберные заросшие лишайниками скальные нагромождения, которые переходили в сопки, покрытые джунглями. Сплин старательно вертел башней туда и сюда, переключал прицел в инфракрасный – ничего подозрительного вроде не было видно. Из многозарядного РПГ с активным прицелом вполне могли долбануть метров с пятисот. Хотя реально в движении, скорее всего, все же поменьше. Правда, можно еще врезать в несколько стволов с распределением по упреждению. Дорога была извилистой и далеко не просматривалась. Влепить могли откуда угодно, с любой сопки, из-за любого валуна, что изрядно нервировало. Ощущение, что в него кто-то целится, выскивая куда бы половчее приложить, не покидало Сплина, холодные мурашки бегали у него по загривку. Состояние было, что называется «на подъебе».

Не доезжая десятка километров до развилки, внезапно вынырнув из-за деревьев, над колонной пристроился вертолет, на консолях которого были смонтированы пулеметы схемы Гатлинга с вращающимся блоком стволов.

– Без команды не стрелять! – скомандовал Доплер.

Вертолет тархтел лопастями слева и справа, его вели башенными пулеметами и трофейными ПЗРК. В прицел Сплин разглядел в вертолете только троих: пилота, стрелка на страховочных ремнях в проеме двери и пассажира, видимо он и был главным.

– С вертолета вызывают на частоте охраны, – уведомил

Пако.

– Я пообщаюсь, а ты молчи, пока не скажу говорить, – ответил ему Доплер.

Разговор могла слышать по своим индивидуальным рациям вся группа, так как Доплер придерживался мнения, что «каждый солдат должен знать свой маневр». Кроме того, это был вопрос доверия, который в условиях мутных перспектив и возможного торга за право уйти живым, стоял не последним. Доплер с рации своей бронемашины на указанной частоте обрисовал положение Пако, перечислил имена и звания остальных заложников и изложил свои требования. Переговорщик с вертолета сказал, это вне его компетенции, надо связаться с Лутаром.

– Не парь мне мозги, ты уже связался и все доложил, я отпущу ваших, когда буду вне досягаемости.

– Гарантии? – спросил человек с вертолета.

– Гарантий нет, но мне Пако и его шестерки не нужны, мы – люди сторонние.

– Ладно, проезжайте.

– Вот и договорились, – одобрил Доплер.

Вертолет отвалил обратно и пропал за сопками, его шум стих. Проехали еще минут десять, нагромождения камней слева отступили дальше, из дымки испарений прямо по курсу нарисовался брошенный поселок, строения которого были потрепаны былыми боями и погодой. Болото слева осталось, приняв несколько более ухоженный вид, возможно,

здесь были какие-то сельскохозяйственные посадки, теперь запущенные. Некогда вырубленные джунгли теперь снова постепенно подступали все ближе к дороге. Желанная развилка была сразу за поселком. Там джунгли были выкошены вдоль дороги по обе стороны на пару километров и еще не успели взять свое обратно, при прежней «антинародной власти» это также были сельскохозяйственные угодья под какую-то влаголюбивую культуру. Места для засады плохие – далеко видно и укрыться негде. Избавление от неприятностей замаячило вполне отчетливо.

Колонна втянулась в поселок. От насыпи, спускающейся в болото, дорогу отделяла одна улица шириной в два дома, основная часть поселка располагалась слева. Обветшалые строения в пятнах облупившейся штукатурки с пустыми окнами, пережаты-поле поперек дороги и атмосфера запустения навевали уныние, сходное с чувством, которое возникает на старом неухоженном кладбище. Солнце закрылось мрачными темно-синими тучами, стало сумеречно – стягивался предсказанный Шелли дождь. Пако и его люди в своем открытом вездеходе боязливо вертели головами. Впереди показалась развилка: влево – вглубь Либертии, вправо – к границе с Портлендом.

Внезапно вездеход Пако словно осветился изнутри, как сера на только что зажженной спичке, а затем расцвел клубящимся пламенем с черной шапкой дыма, в уши Сплину

ударил близкий грохот, ослабленный тонкой противопульной броней. Машина резко встала, так что резиновый обод прицепа больно впился Сплину в лицо. «Пако на мину наехал,» – в первый момент подумал он, оторопело глядя сквозь триплекс на чадающие останки вездехода и его корчащихся в огне пассажиров, не в силах принять факт, что столь близкая свобода упорхнула прямо из под носа, резко сменившись на прямую угрозу гибели. Но это была не мина, головной вездеход сожгли реактивной гранатой откуда-то спереди и справа. Похоже, никто с самого начала не собирался выпускать ни Пако, который, к несчастью для себя, переоценил свою значимость для Лутара, ни отряд Доплера, бдительность которых усыпил переговорщик с вертолета. Сам вертолет, скорее всего, чуть ранее доставил десант, который сейчас и окучивал их колонну. Лернер принялся в ломаном ритме ездить взад-вперед вдоль дороги, используя свободный интервал в колонне, чтобы затруднить вражеским гранатометчикам прицеливание.

– ЗАСАДА!!! Длинный, дым давай!! Ленни, не стой на месте, но вперед пока не лезь! – прозвучал в наушниках голос Боцмана, который вместе с парнями скатился с брони в дорожную пыль. В эфире посыпались команды офицеров покинуть технику и рассредоточиться. Впрочем, все, кто был в большом вездеходе или ехал на броне, и сами все поняли – не к чему представлять собой компактную групповую цель, локализованную в удобном для обстрела противником сек-

торе, если есть возможность занять ближние подступы, где можно укрыться. Хотя можно, наверное, было объехать головной вездеход и попытаться прорваться, но свободное место между зданиями было довольно узкое, и со стороны противника вполне логично было бы там установить минную ловушку или расположить пару гранатометчиков, чтобы закупорить проход. В сложившейся ситуации оптимальным вариантом представлялось объехать район нападения проулками, но предварительно все же придется повоевать здесь, чтобы выяснить расположение и силы противника, а также по возможности нанести ему максимальный урон. Надолго задерживаться было бы губительно, но и сразу переть напролом было бы безрассудством.

Сплин, вращая башней, отстрелил из закрепленных на ней кассет вкруговую несколько дымовых гранат, чтобы аэрозольная завеса затруднила неясному пока врагу расстрел колонны. Раздался дробный металлический стук, как от градин по жести, Сплин не сразу понял, что это пули долбят по броне их танкетки. Отрядные бойцы, кроме водителей бронемашин и наводчиков, под прикрытием дымовой завесы спешно покинули технику и, рассыпавшись вокруг за первыми попавшимися укрытиями, заняли круговую оборону. Дым сдувало ветром – предвестником непогоды, но свое дело он сделал. Долбили, казалось, со всех сторон, но больше со стороны основной части поселка. Огневую точку, откуда стреляли в Пако, расположенную в доме на улице справа, вы-

згли из РПО – двухэтажный коттедж схлопнулся, как карточная пирамидка, второй этаж и крыша провалилась внутрь остова из стен первого этажа. Гранатометчики отряда крыли по ближним домам, поддерживая рассредоточение своих бойцов по позициям среди придорожных строений, взрывы подняли клубы строительной пыли.

По их танкетке, в свою очередь, шмальнули из реактивного огнемета – на левой обочине вздулся и лопнул огненный пузырь размером со средний грузовик. Не попали, видать, недорассеявшиеся остатки аэрозольной завесы помешали врагу нормально прицелиться. Кто-то из своих ответил в ту сторону пуском из ПЗРК – не по назначению ценный боеприпас извели, но шрапнели все равно какие цели дырявить. Лернер чертыхнулся, решительно охладев к маневрам на дороге, велел Сплину отвернуть пулемет назад, затем развернулся влево под прямым углом и сквозь пылевое облако от разрыва бросил машину напролом в стену ближайшего одноэтажного строения, по-видимому, служившего в свое время чем-то вроде подсобки. Обочина, к счастью, оказалась не заминированной или возможный «сюрприз» самоликвидировался, будучи потревоженным взрывом. Стены строения были не каменные, а из термопластовых плит нашитых на каркас, поэтому танкетка, скатившись с дорожной насыпи и подмяв чахлую изгородь, вломилась внутрь, зарывшись в развалинах по самую башню. Штырь еще раньше Лернера оперативно срулил с дороги куда-то в проулок, оттуда слы-

шался тяжелый ухающий звук стрельбы его башенного пулемета, перекрывающий трескотню ручного стрелкового оружия. Как следовало из радиообмена, в самом начале его замыкающую машину приложили из РПГ, но спасла динамическая защита. Вражеские гранатометчики пытались стрелять тандемом – один сбивает защиту, второй пробивает голюю броню, но Штырь, доверившись электронике, автоматически повернул башню на источник лазерного облучения от прицела вражеского гранатомета и уничтожил двойку гранатометчиков на ходу, пока водитель маневрировал, так что второго выстрела уже не последовало.

Сваливая с крыши обломки, Сплин развернул башню в сторону, откуда стегали по броне пули, переключил в инфракрасный и начал нашаривать цель, подавляя огромное желание рассадить весь боекомплект куда придется, и с чувством выполненного долга свалить из привлекательной мишени на хрен куда подальше. Солнце скрылось за тучами, жара ослабла, поэтому толк от ИК-режима был.

– Длинный, давай ебани там уже куда-нибудь, пока нас самих не испарили на хуй! – тормошил снизу Лернер, который из-за того, что завалило его триплекс, вообще ничего со своего места не видел, а только слышал перестрелку и разрывы вокруг.

– Да ни хуя не вижу, откуда бьют! – силясь отыскать в развалинах поселковых строений достойную цель, перед тем как навлечь на себя ответный огонь, посетовал в ответ

Сплин.

Вдруг он увидел в инфракрасный прицел, как прямо на него летит управляемый ракетный снаряд, прочерчивая за собой остывающий тепловой след выгорающего реактивного топлива. Сплин оцепенело смотрел на то, как приближается его погибель. Вспомнилось выкинутое из люка избыточным давлением раскаленных газов тело вражеского наводчика при штурме и немилосердно потрепанные разрывами тела. Сейчас будет больно...

– Пиздец нам, Ленни, – одними губами обреченно прошептал Сплин.

Раздался оглушительный грохот, ракета попала в остаток стены перед танкеткой, отчего сдетонировала несколько раньше и дальше от корпуса, чем надо, иначе бы им обоим пришел конец. Поднявшаяся от взрыва пыль на время перекрыла обзор. Сплин понял, что еще жив, сбросил оцепенение, навелся по замеченной тепловой траектории на огневую точку во дворе дома на соседней улице и тщательно прошелся по ней длинной очередью. Он повращал башней и увидел в инфракрасный прицел яркое пятно вспышки выстрела на холодном фоне из стоящего на отшибе элеватора – пуск из РПГ. Позади на дороге взорвался покинутый вездеход.

Лернер с водительского места дернул Сплина за штанину:

– Длинный, твою мать, огня давай! Хули ты опять вошкаешься, видишь что-нибудь?

– Вижу цель, – нажимая гашетку пулемета, отрешенно от-

ветил Сплин.

Крупнокалиберный башенный пулемет – это вам не штурмовая винтовка. Выстрелы слились в один могучий рокот, тяжелые пули вылетали из ствола одна за другой, как из мешка, стремительно уносились к цели, прошивали стенки элеватора из гофрированного железа, порой навывлет с той стороны, сокрушая все внутри. В душе поднялось темное чувство злобной мстительной радости, наверное, то же ощущали ангелы господни, в качестве кары обрушивающие горящую серу на погрязшие во грехе города. «И совершу над вами великое мщение наказаниями яростными...» – пронеслась в голове. – «Ломать – не строить, бля...» Отработав элеватор, который превратился просто в дуршлаг, где вряд ли кто-то мог уцелеть, Сплин отстрелял остаток боекомплекта по целям, которые ему давали по рации бойцы маневренной группы, предпринявшей под руководством Боцмана фланговую атаку на засадные позиции противника, после того как более-менее прояснился тактический расклад ситуации, и в эфире схлынул хаос первых минут боя.

– Давай выруливай отсюда, меняем позицию, пока не пристреляли, – сказал он Лернеру, заряжая вторую коробку.

– Не учи отца ебать, сынку, – ответил тот, дергая рычаги, двигатель ревел, корпус сотрясался, но движения не было. – Вот, падла, застряли! Шестерню, наверное, чем-то заклинило, придется вылезать смотреть...

– Ты у нас водитель или кто? Тебе и карты в руки – пиздуй

разбирайся, я до хуя занят, – ответил Сплин, увлеченно поливая видимые цели и потенциальные укрытия противника.

Лернер скинул мешающий броник, схватил свою винтовку, протиснулся мимо ботинок Сплина и, кряхтя, вылез через люк в днище, под которым, к счастью, имелось достаточное свободное пространство.

– Все, блядь, отъездились – правую гусеницу сорвало и шестерня пиздой накрылась: зубья поплавились и ось погнуло! – расстроено сообщил он снаружи результаты действия кумулятивной струи недавнего взрыва ракеты.

«Что делать-то теперь?» – туповато подумал Сплин, утратив перспективу. Охотничий азарт внезапно пропал, снова накатила тревога.

– Длинный, достреливай ленту и сваливайте к опушке через болото, отходим на хуй, Штырь прикроет, – скомандовал по рации Доплер.

Да, на дорогах теперь было делать определенно нечего, тем более что на ходу осталась всего одна единица транспорта. Пока Сплин расстреливал свой боекомплект по всем позициям, где были или потенциально могли быть враги, Штырь из большой бронемшины для профилактики немного поработал башенным пулеметом по джунглям справа, пока до опушки добиралась основная группа. Затем он снова перевалил через дорожную насыпь и занял позицию, чтобы держать сторону поселка, склоны сопок и подступы к перекрестку. Водителя Штырь отпустил с остальными и управ-

лялся один.

Те, кто сидел в засаде, натолкнувшись на агрессивный отпор и понеся потери от тяжелых пулеметов из-за того, что не удалось сжечь бронемашину сразу же, отступили к лесистым сопкам и теперь вяло постреливали со склонов. Впрочем, вполне вероятно, что от полного уничтожения колонну спасли не столько эффективные ответные меры, сколько то, что засада была организована на ходу в порядке импровизации, а потеряв гранатометчиков или истратив не слишком большой носимый боезапас гранатометов, противник утратил и силу огневого натиска вместе с преимуществом внезапности, что, учитывая существенно меньшую собственную численность, и заставило его отступить. Хотя плотность огня заметно ослабла, но вылезать через верх Сплин все же не рискнул. Он отстрелил последние дымовые гранаты с башни в направлении между собой и противником, выбросил Лернеру через водительский люк его и свое снаряжение, а сам, с трудом протискиваясь и обдираясь о каменное крошево, выбрался через люк в днище. Впереди черным дымил вездеход Пако, три тела осталось на дороге возле вяло догорающего второго вездехода. У ближнего трупа было видно, что прострелена голова – возможно, поработал снайпер. В кабине с прошитым несколькими пулями лобовым стеклом запекался от жара горящего кузова уткнувшийся лицом в приборную панель водитель из местных, убитый первыми выстрелами. Тот боец, что находился в пути рядом, вроде уцелел – его те-

ла в кабине не было. Остальные отошли к джунглям справа. На дороге коптели горящие лужи разлитого топлива, смрадно воняло горелой резиной и паленым мясом.

– Ленни, Длинный, быстро чешите к опушке – сюда по нашу душу идет колонна, бойцов на дороге не трожьте, все мертвы, Бецман их заминировал, – радировал Штырь, переводя огонь с джунглей на спускающуюся по серпантину из-за сопки слева колонну техники. – Я щас отстреляюсь на пошок и догоню вас.

Сплин, торопливо напяливая броник, оглядел приближающуюся колонну – девять разнокалиберных машин, облепленных солдатами. Много, в несколько раз больше чем их. Вот почему враги отступили – ждали подкрепления. Засада свое дело сделала – потрепала колонну и задержала ее до подхода основных сил. Однозначно надо рвать когти во всю прыть. Лернер, с усилием переставляя ноги по колено в воде, уже двигался впереди. Сплин, надевая ранец, приостановился в кюветике у насыпи и спросил его:

– Ленни, ты сферу свою забыл или бросил?

Лернер полуобернулся:

– Да оставь ее на хуй! Ну бегом давай, мудило ты грешный, пока...

Остаток фразы потонул в густой серии разрывов, пересекавших наискось проулок, откуда молотил пулемет Штыря, дорогу, улицу и часть болота: по ним вlepили из автоматического гранатомета, установленного на какой-то из машин ко-

лонны. Гранаты подпрыгивали при ударе о землю, подбрасываемые специальным зарядом малой мощности, затем взрывались в воздухе, насыщая пространство вокруг шрапнелью. Лицо Сплина овеяло горячим дуновением, вода с плавающей травой и плесенью вспенилась фонтанчиками от падающих осколков. Прелые миазмы болота смешались с кислым запахом взрывчатки. Сплин вжался в грязь кювета, носом в траву, ощущая как вода со стенок пропитывает снаружи форму, и сожалея, что занимает слишком много места и не может закопаться с головой. Но страх попасть под обстрел был слабее боязни отстать от своих, поэтому он поднял голову, опустил забрало сферы и, выскочив из кювета, побежал догонять Лернера. Тот, морщась от боли, с беспомощным выражением лица зажимал руками рану на правой ноге выше колена, сквозь пальцы текла кровь. Сплин бросил в воду один на другой оба ранца, усадил на них Лернера, чтобы тот был над водой, склонился, осмотрел ногу. Кость была не задета (энергия осколков малокалиберных гранат быстро слабела с увеличением расстояния), артерия вроде бы тоже, но несколько зазубренных кусков металла вошли спереди в мягкие ткани бедра, раны были болезненны и обильно кровоточили.

– Щас по-быстрому заткнем, позже нормально обработаем, – нервно сказал Сплин, по хребту гулял неприятный холодок от ощущения, что кто-то в него целится.

Он разорвал зубами перевязочный пакет Лернера, тороп-

ливо наложил брикет салфеток прямо поверх изодранной штанины и наспех перемотал их широким пластырем. Не помогло, салфетки тут же обильно вымокли красным.

– Кровит, с-с-сука – ослабну быстро... – просипел Лернер.

Сплин выругался, содрал первую корявую перевязку, наложил новую антисептическую салфетку, затем тщательно внатяг перемотал самофиксирующимся бинтом защитного цвета, чтоб не попадала грязь, вмазал в ляжку шприц-тюбик обезболивающего. С такой ногой Лернер не мог идти сам, по крайней мере прямо сейчас. Вот-вот люди Лутара поймут, что тяжелые пулеметы им уже не угрожают, подойдут поближе, и тогда пересечь двести метров открытого пространства уже точно не удастся. Желание бросить все и спастись самому вспыхнуло так остро, что Сплина это проявление собственного малодушия, продиктованное инстинктом самосохранения, взбесило, мигом прочистив мозги. Он скрипнул зубами, напялил на Лернера свой ранец, себе на шею одел обе винтовки, и, подхватив раненого себе за спину, ломанулся к опушке. Сзади прокатилась еще одна серия разрывов, пулемета Штыря уже не было слышно. Опять разболелось колено, рана на бедре начала кровить от нагрузки.

– Да горло-то мне не пережимай, наездник хренов, ниже держись! И так еле иду, – задыхаясь, прошипел он Лернеру, подбрасывая его на спине, как рюкзак и поудобнее ухватываясь тому за ноги, стараясь не задевать раны.

До линии джунглей оставалось пара десятков метров, Во-

круг уже были кочки с пышными шапками травы и разлапистый кустарник, воды было чуть выше щиколотки, болотце постепенно сходило на нет, уступая место твердому грунту и большим деревьям.

– Парни, не маячьте, примите правее, за кустарник, – услышал Сплин по радиации голос Штыря, который последним отходил следом за ними.

Сплин устал, дышал тяжело и смотрел главным образом себе под ноги. Обе винтовки мотались на шее влево-вправо как маятники при каждом шаге. «Неправильно раненого взял, надо было через плечо поперек перекинуть, придерживать одной рукой, а в другой держать свое оружие. Ладно, недалеко осталось, так донесу» – подумал Сплин. Вдруг какая-то сила сбила его с ног, и он упал вперед лицом в болотную воду, а на него упал Лернер. Барахтаясь, Сплин выбрался из-под своего заплечного пассажира, стоя на четвереньках, поднял запачканное до непрозрачности забрало сферы, выплюнул воду, посмотрел вперед и сказал:

– Ленни, прости браток, я, наверное, за кочку запнулся, потерпи еще малость, вон уже наши за теми деревьями... Слышь, Ленни, шевелись! – он повернулся и толкнул Лернера в плечо.

Тот перевернулся на спину, откинув руку в сторону с какой-то необычной мягкой расслабленностью. Он теперь мог терпеть вечно, потому что был мертв. Его лицо находилось над поверхностью, глаза стеклянно смотрели в небо, из уг-

ла рта вытекал тоненький ручеек крови, окрашивая воду. Не было нужды проверять пульс – у живого, даже без сознания, мускулатура все-таки сохраняет какой-то тонус, что не позволяет находиться в такой изломанной позе. Сплин все же перевернул Лернера на живот, отметив, каким неестественно аморфным стало его потяжелевшее тело. В ранце точно между лопаток обнаружилась дырка с опаленными краями. Пуля пробила ранец, спинные пластины броника, позвоночник, затем, по-видимому, потеряв скорость и деформировавшись, застряла где-то в груди, намотав на себя, что подвернулось по дороге. Это было надежно.

– Блядь, да что же это, а? Как же так, на хуй?! – опустошенно спросил Сплин неведомо кого и отрешенно уселся в воде рядом, рискуя отправиться следом, если это был снайпер, но ему в тот момент было насрать. Все вдруг разом навалилось на него – он ощутил какую-то обессиливающую душевную дезориентацию, привычную систему жизненных представлений смяло и вскружило, словно пыль на ветру. Никаких четких координат, оказывается, не существует – все определяется контекстом, все зыбко, неопределенно-ненадежно, безлично-равнодушно, беспричинно-жестоко и механически-опасно. Не за что зацепиться, не на что опереться. Все приобретения временны, а все потери – навсегда. Люди горят и ломаются как спички, здоровье и жизнь отнимаются походя, а смерть, наоборот, в цене – за нее щедрее платят. Неисповедимы пути господни – хотите рассмешить Бо-

га, расскажите ему о своих планах. При этом кто-то всегда должен расплачиваться как крайний, причем часто не за себя и гораздо дороже, чем по любым меркам был должен. Фрост погиб, несмотря на свой опыт, он ушел из армии и порвал с войной, но та сама нашла его. Старина Лернер выжил во время жуткой мясни при штурме только для того, чтобы теперь поймать шальную пулю и остаться гнить в этом ебучем болоте. Ничего личного, только физика, бесстрастная и неумолимая физика мира.

Есть мнение, что без вины виноватых не бывает и человек заслуживает того, что с ним стало. Отчасти так – фактически, любая душа по ходу жизни неизбежно цепляет грехи, как своими действиями, так и бездействием, часто вынужденными и от самого человека не вполне зависящими. Невинных нет, но есть те, кому воздалось неадекватно. Легко рассуждать на сытое пузо, находясь в безопасности. Для моральных оценок места тем меньше, чем жестче обстоятельства и неприятней выбор. Судьба щедра на пиздюли больше, чем на пряники, косит правых и виноватых, не тонет только дерьмо. И тот, кто всерьез считает себя хозяином своей судьбы – просто ограниченный долбоеб, возомнивший, что раз его до сих пор не накрыла медным тазом статистика, то это исключительно его личная заслуга. Тут Сплин услышал плеск воды и вскинул оружие, из-за куста показался Штырь, в одной руке пулемет, в другой – ранец Лернера, за спиной – секции ПЗРК.

– Свои, не стреляй, – запыхавшимся голосом произнес он. – Бля, только съебаться успел, как из гранатомета мою машину спалили. Ранец хули бросили? Вставай, быстро берем Ленни под руки, эти пидоры уже на околице, – тут он подошел ближе, глянул на Лернера и все понял. Бросил ненужный теперь мертвому ранец, наклонился, закрыл Лернеру глаза. Затем вытащил из его разгрузки пару магазинов, переложил себе – патроны подходили к пулемету, после чего повернулся к Сплину:

– Давай, солдат, поднимайся уже, он отмаялся, а мы еще живы.

Сплин кивнул, торопливо перекидал наиболее ценное из своего простреленного ранца, не снимая его с мертвого, в ранец Лернера, который принес Штырь, надел на себя и побежал вслед за командиром догонять отряд. Ступор прошел, им овладел фатализм, как тогда на тренировочной базе, когда он был на грани срыва. Они добрались до своих и группа рысью двинулась в отрыв. Шелли повела их вглубь джунглей, подальше от дороги. Через какое-то время опять потянулось болото, уже серьезное, топкое, надо было идти друг за другом, вслед за Шелли, которая или знала тропу, или как-то определяла, где проходимо. Слышалось сбитое захлебывающееся дыхание бегущих рядом, плеск воды, чавканье грязи, бряцанье снаряжения.

– Да будет ли конец этой зеленой пиздятине? – недовольно вопрошал Малой, вылезая обратно на тропу, после того как

сделал неосторожный шаг в сторону и провалился по грудь.

Внезапно воздух прорезал нарастающий воющий свист, который закончился разламывающимся треском разрыва где-то в стороне среди деревьев. Звук повторился, разрыв лег ближе, еще и еще, отдельные минометные выстрелы слились в сплошной сверлящий душу и парализующий волю концерт. Сплину казалось, что все блядское мироздание летит именно на его бестолковую голову, словно неумолимый перст судьбы, указующий, что пришел и его черед, и вот-вот уязвимую плоть его тела неизбежно раздавит, вскроет, разметает в клочья по всей округе. Мины уже ложились в болото, которое пересекала группа, пытаясь оторваться и скрывая направление отхода. Разрывы вздымали гейзеры грязной воды, оставляя за собой клубящийся пар.

– А ну бегом!!! Надо успеть проскочить болото, иначе всем пиздец, – погонял оцепеневших бойцов Доплер.

Преодолевая приступы всеподавляющего ужаса, который метался в черепе, как бильярдный шар, Сплин бежал изо всех сил, внутренне замирая от ожидания. Одновременно хотелось залечь в спасительную, защищающую от осколков грязную жижу, едва выставив нос, и ломиться куда глаза глядят, лишь бы подальше от зоны обстрела. Спокойствия, которое в критический момент неожиданно посетило его при штурме, не было и в помине, так как он уже успел снова почувствовать себя живым, ощутить надежду на спасение, а теперь что? Стремиться к цели из последних сил и потерпеть

неудачу в непосредственной близости от нее – это моральный нокаут, который в данных обстоятельствах легко мог закончиться физической гибелью. Куда они бегут? И долго ли еще пробегают? Всем насрать на них, никто и не вспомнит, отрапортуют да и спишут, все же неофициально, для ушлого начальства, небось, не в первый раз – срочники-то мрут как мухи, никто не в ответе, а контрактники тем более.

То тут, то там бойцы падали изломанными куклами в болотную жижу, остальные бежали дальше. Сплин обреченно бежал со всеми, слыша вопли раненых, некоторые из которых тонули, другие стрелялись. Несколько минут назад Сплин считал, что вопрос самоуважения выше безопасности своей шкуры. На душе было паскудно, но перед мощью инстинкта самосохранения остальные эмоции просто меркли. Он не мог помочь раненым, он себе-то толком не мог помочь, все напрасно, отчаяние загнанного зверя затопило сознание. Вдруг среди треска помех в наушнике на экстренном канале частоты отряда пробился знакомый голос:

– ...эт...ок...ием... Мужики, кто-нибудь, вы еще живы? «Банзай», это «Джокер», прием... – в эфире был Слэш, который вошел в зону действия их маломощных тактических раций. Наверное, Доплеру все-таки удалось с ним связаться по дороге с помощью рации бронемашины или они договорились о возможных вариантах загодя.

– «Джокер», слышу тебя нормально, – с нескрываемым облегчением ответил Доплер и дал Слэшу координаты. – Бо-

лото под обстрелом, мы чуть вглубь продвинемся.

– А я уже заебался круги нарезать, горючка кончается, ду- мал, опоздал уже, съели вас. Держитесь, я рядом, ищу место для посадки, – обрадовано ответил тот.

Пересекли болото, зона минометного обстрела осталась позади, затем обстрел и вовсе стих, минометчики боялись зацепить свой отряд преследователей.

– Слэш, ну где ты там, нашел, где сесть? – спросил по ра- ции Доплер.

– Нашел, – он назвал квадрат и добавил, – Поторопитесь, там наперерез вам из джунглей еще отряд подтягивается, они меня на подлете обстреляли.

Ну вот, оказывается, их навстречу очередной засаде заго- няли, то-то было бы обидно. Сплин живо оценил, как при- бавляется сил, когда есть к чему стремиться и от чего бе- жать. Легкие горели, воздуха не хватало, но он нашел в се- бе какие-то немислимые доселе резервы и прибавил ско- рость навстречу гулу двигателей. Деревья расступились, от- крыв небольшую полянку, где их ждал вертолет, все тот же, трофейный. Воздушные потоки от винтов трепыхали расти- тельность вокруг. Так вот, оказывается, как выглядит истин- ное счастье. Уже не чуя под собой ног, лишь усилием воли удерживая ускользящее сознание, Сплин, наконец, бросил свое неподъемно тяжелое тело в открытую бортовую дверь грузового отсека мордой в грязные рифленые подошвы чу- жих ботинок. Чьи-то руки втащили его за ранец, дальше он

подтянулся за ножки от складных сидений сам, затем отполз в сторону кабины, освобождая проход. Набились под завязку, Доплер впрыгнул последним и дал отмашку:

– Все, кто дотянул – тут. Ходу!

– Держитесь, – ответил Слэш, по кривой траектории набирая высоту и на всякий случай начал отстрел комбинированных противоракетных ловушек из специальных контейнеров, закрепленных по бортам фюзеляжа.

Из-за деревьев открыл огонь отряд преследования. Сплин отчетливо понял, что чувствует шпротина, когда в банку вонзается консервный нож. С жестяным протыкающим звуком пули дырявили небронированную обшивку. Кого-то у хвоста задело, матерясь, раненый завозился с аптечкой. Слэш на всякий случай несколько раз змейкой сменил курс на случай обстрела из гранатометов. Казалось, они оторвались от преследователей, но тут предупредительно заверещала радарная сигнализация – им вдогон пустили зенитную ракету. Слэш стал закладывать противоракетный маневр, хотя скорости было явно недостаточно. На Сплина кто-то завалился, потеряв равновесие, заболели треснутые ребра. Дискретное пиканье радарной тревоги становилось все более пронзительным и непрерывным – ракета приближалась.

– Отче наш, иже еси на небеси, не дай нам сгинуть в этом блядском захолустье, ну что тебе стоит, мать твою, ты же крутой чувак и, типа, любишь каждого засранца, – бормотал несуразную молитву Малой, уцепившийся рядом за грузо-

вую крепежно-амортизационную сеть. Текст мог бы вызвать неоднозначную реакцию у адресата, если бы тот вникал в столь мелкие для своего уровня дела. Вообще-то Сплин в Бога не особенно верил, но сейчас его вера была почти абсолютна, и про себя он тоже молил судьбу дать ему второй шанс, чтобы на этот раз зажить мудро и правильно.

– Малой, не засоряй эфир, без тебя тошно, – оборвал его Боцман, который в открытую дверь поливал джунгли длинными очередями из своего пулемета.

Система распознавания ложных целей ошиблась в их пользу – ракета повелась на ловушку или оказалась дезориентирована бортовой системой постановки помех, и прошла мимо, взорвавшись в стороне от сработавшего механизма самоликвидации – машину тряхнуло. Повезло. Сплин глубоко вздохнул с таким облегчением, что ему показалось, а может и не показалось, что в ожидании взрыва он не дышал.

– Аминь, брат, – шепотом произнес Сплин.

Слэш сделал выводы и сбросил высоту, ведя машину чуть ли не касаясь брюхом фюзеляжа крон деревьев. Ловушек было мало – их отстрел был прерван.

– На базе тебя как приняли? – спросил Слэша Доплер, перебираясь в кабину на место второго пилота.

– Показал предписание, что ты мне дал, раненых пристроили в бригадный госпиталь. Бишопу я велел с ними остаться, чтоб под присмотром нашего человека были. Он вообще-то собирался вернуться, да я его отговорил, решил, чего

туда-сюда мотаться, место занимать? Ну, заправился и обратно. Что там за блудняк с нашими разведанными и эвакуацией вышел, я так и не выяснил – надо было в штаб переть, а они бы все равно отпизделись, да и хули теперь толку... Доберемся, захочешь – сам пообщаешься, – ответил Слэш.

– А что долго-то так?

– Пока доказывал, что не верблюд, пока заправку проби-вал – то да се... Потом грозу кругом облетать пришлось...

Сплин блаженно сидел на теплом металлическом полу, уперевшись спиной в обратную сторону бронеспинки пилотского кресла, а ботинками в ранец Хоу, вдыхая коктейль из запахов грязных тел и авиационного горючего и радуясь, что, похоже, выйдет из этого вояжа живым и практически целым. Гарь в перенапряженных мышцах постепенно рассеялась, дыхание пришло в норму. Но все редко бывает так хорошо, как хотелось бы, зато часто оказывается хуже, чем казалось. Опять дерябнул по нервам зуммер радарной системы.

– Нас преследуют по воздуху. Один объект, – напряженным голосом констатировал Слэш. – Судя по характеристикам – двухмоторный поршневой самолет.

– А уйти никак? – спросил Боцман, уже зная ответ.

– Никак – у нас скорость под триста, у него – под семьсот, я вроде у Штыря и еще у кого-то зенитные ракеты видел, расчехляйте – сейчас пригодятся.

Выяснилось, что трофейных переносных зенитных ракет-

ных комплекса в наличии только два.

– Как два, их же пять было? – сурово спросил Доплер, обернувшись в салон.

– Босс, остальные проебались, осталось два, кто ж знало, – с сожалением ответил Штырь.

Одну «трубу» высадили прямой наводкой по огневой точке противника в перестрелке у дороги. Во время забега к вертолету были несколько другие приоритеты, зенитные комплексы, весившие больше десятка кило, как и часть снаряжения перегруженным бойцам пришлось бросить, чтобы не отстать, остались только те, что тащили более выносливые и опытные, которые знали, что оружия много не бывает. Слэш начал набирать высоту, чтобы иметь возможность для маневра. Самолет-преследователь приблизился и начал заход на цель. Видимо, уверенный в своем преимуществе, летчик не стал тратить недешевые самонаводящиеся ракеты класса «воздух-воздух», а рассчитывал надежно поразить медлительный транспортный вертолет из скорострельной пушки с расстояния, которое для их ручных пулеметов было слишком большим, а для автоматов – тем более. Не дожидаясь, пока сам будет захвачен системой наведения противника, Слэш снова начал отстрел ловушек и развернул машину бортом, предоставив дело Штырю и Боцману. Те спешно соединили секции пусковых установок и активировали системы наведения на парный выстрел, чтобы ракеты не конфликтовали друг с другом при захвате и сопровождении цели.

– Съебали на хуй! – прилаживая трубу пусковой установки на плечо, и устраиваясь так, чтобы выхлоп от выстрела максимально ушел за борт, шуганул пассажиров Бодман, дабы те не попали под реактивную струю при старте ракеты. Тесно было, как в консервной банке, но место по линии открытых бортовых дверей шустро освободили. Несколько секунд прицеливания, затем обе ракеты, оглушив пассажиров грохотом вышибных зарядов и оставив внутри кислое облако продуктов их сгорания, одна за другой ушли к цели.

Пилот самолета, зафиксировав залп ПЗРК в свой адрес, начал сыпать ловушками и, прервав начатый заход, круто заложил вираж, уходя от ракет. Ракеты легли на догонный курс, уверенно сокращая расстояние до относительно тихоходной цели и игнорируя ловушки, так как были запущены и навелись раньше. Казалось, что у самолета нет никаких шансов – удрать от зенитной ракеты непросто даже реактивному истребителю. Но пилот вместо того, чтобы благо разумно катапультироваться, начал отстреливать в заднюю полусферу небольшие неуправляемые противоракеты, которые, отлетев от самолета на некоторое расстояние, направленным взрывом выбрасывали в головной сектор густой веер картечи, подобно противопехотным минам направленного действия. Это был рискованный маневр, требующий определенного мастерства и точности исполнения – самолет-то был небольшой, соответственно и запас противоракет также невелик и надо было его в нужный момент использовать. Зе-

нитные ракеты вслед за целью влетели в шлейф из поражающих элементов, как в метеорный поток – суммарная скорость их встречного столкновения составляла несколько звуковых. Первая ракета получила фатальные повреждения довольно далеко от самолета – сигара ее корпуса, хаотично кувыряясь, полетела вниз и разломилась в полете. Второй удалось по пологой спирали приблизиться к цели довольно близко, но и она тоже, по-видимому, нахvatалась картечин, электронные мозги головки самонаведения переклинило, из-за чего преждевременно сработал неконтактный взрыватель или механизм самоликвидации. Самолет, хоть и получил, возможно, некоторую дозу шрапнели, все же падать явно не собирался, деловито разворачиваясь для повторного захода – настырный сукин сын, не иначе как премиальные ему нехилые посулили, раз так старается...

– Мимо! – раздосадованно прокомментировал Штырь, наблюдая в оптику прицела пусковой установки за результатами. – Блядь, вторая на пиздий волос промахнулась! А на консолях у него – полный набор, щас развернется и вставит нам – только в путь.

– У меня осталось не так много ловушек и еще неизвестно, поможет ли генератор помех и что у него там за система наведения. Второй раз вряд ли повезет, принимаю любые идеи, – скороговоркой выпалил Слэш, поглядывая на радар.

– Да ясен хуй, не поможет – я у него углядел «воздух-воздух» среднего радиуса, не чета нашим переносным пукал-

кам, – мрачно подтвердил Штырь.

Доплер несколько секунд подумал и предложил:

– У меня «Штиль» остался.

– А мы сами-то как? – спросил Боцман. – Нас же наверняка достанут помехи, хоть и ослабленные, но свалиться можем запросто – вразнос движки пойдут или управление взбрыкнет и все, тут много ли надо-то...

– А мы сядем на авторотации, для этого, насколько я знаю, нужна только механика. Слэш, не забыл еще как?

– Ебанулся?! Какая в пизду ротация, у нас полный трюм народу, я сто лет уже так не приземлялся, под нами сплошные деревья высотой метров по тридцать самое малое! – не проявил энтузиазма Слэш.

– А по частям паленым мясом сыпаться лучше?! Да даже если бы было куда сесть штатно, мы не можем отпустить чужой самолет – он даст ищейкам наши координаты, как только выйдет из зоны помех. Пройдет гроза, они доставят сюда целую орду и нас затравят как нехуй делать. Все, хорош пиздеть, я иду запускаю «Штиль», ты готовься к посадке, остальные – молитесь всем богам, каких знаете, – Доплер вылез в салон, бесцеремонно наступая на чужие конечности, напомнил всем вырубить рации и начал готовить пусковую установку.

Они находились на высоте около полукилометра, атакующий самолет – примерно на двух. Сбросить высоту, чтобы обойтись без авторотации, уже не было времени – зуммер

радара оповестил всех, что ракеты противника пошли, оставались секунды. Пилот самолета не стал более жлобиться и искушать судьбу, а высадил с безопасного для себя расстояния пару солидных ракет. Слэш развернулся бортом, стабилизировал машину, выпустил шасси для пушей амортизации и сбросил специальной рукояткой наружную дверь пилотского отсека для визуального контроля за высотой.

– Ну, полетела родимая, – почти нежно произнес Доплер, после чего нажал кнопку пускателя.

Кто был поближе к двери или иллюминаторам во все глаза наблюдали за результатами. Сержант направлял полет своей ракеты, глядя в радарный прицел, где среди прочего отображались расстояния до нее, а также вражеского самолета и ракет запущенных им. Доплер повторным нажатием гашетки принудительно сдетонировал «Штиль» дистанционно в момент, когда тот находился примерно между самолетом и пущенными им ракетами, ближе к самолету, чтобы по возможности воздействовать импульсом на все цели. Отбросив пусковую трубу, он, на пару с Боцманом, сноровисто закрыл двери на обоих бортах фюзеляжа, чтобы при аварийном приземлении никто через них раньше времени не выпал.

Рев двигателей вертолета внезапно стих, отстрел ловушек прекратился, остался лишь свист лопастей несущих винтов, и тут же после короткого ощущения невесомости пол неумолимо ушел вниз. Слышен был нарастающий шелест воздуха, обтекающего фюзеляж. Скорость падения увеличива-

лась, вертолет сыпался как утюг, причем стал заваливаться на бок. «В чем же авторотация, мы же просто падаем?» – среди торжества первородной паники посетил голову Сплина насущный вопрос, вызванный полным незнанием теории аэродинамики, или какая там наука этим занимается. Он мертво вцепился в амортизационную сеть, сжавшись в ожидании удара, который неминуемо должен был выбить из него дух вон, предварительно переломав все что можно в молодом цветущем организме.

Взорвались где-то сверху одна за другой ракеты противника – поскольку двигатели вертолета больше не работали, наводится им было больше не на что. А может быть помогли последние ловушки, или электроника ракет была частично ослеплена перефирийными остатками импульса нацеленного на самолет «Штиля». Шарики шрапнели на излете щелкнули по крыше и плоскостям.

Скорость падения и крен все увеличивались, пассажиры, держась кто за что, напряженно ожидали жестких объятий земли-матушки. Воображение Сплина осчастливило его картинкой, что он в самом ближайшем будущем лежит, в хлам переломанный, в искореженном вертолете, не в силах пошевелиться, по лицу ползают насекомые, а какая-нибудь премерзкого вида тварь начнет глодать его, не дожидаясь, пока он до конца помрет. Сплин не знал, какое положение тела принять, чтобы максимально себя обезопасить и просто застыл в какой-то нелепой позе зародыша. Вдруг, за считан-

ные метры до верхушек деревьев резкое уменьшение пилотом шага винта дало нужный эффект. Так как несущие лопасти накопили кинетическую энергию при раскрутке за счет восходящего потока воздуха, они замедлялись не сразу, а создавали подъемную силу, превратившись в псевдо-крыло и работая как парашют. Вследствие этого вертолет значительно уменьшил скорость падения.

Ударившись о деревья, пышные кроны которых сплелись в сплошной непроглядный ковер и также несколько погасили инерцию, вертолет завалился на борт и потерял плоскости с двигателями. Все пассажиры вперемешку попадали друг на друга, как горошины в погрешке. Уменьшив свою площадь и лишившись цепляющихся винтов, сигара фюзеляжа со стоном и скрежетом мнущейся обшивки под треск ломающихся ветвей стала проваливаться дальше, соскользнула вбок и вперед сквозь многоярусную буйную растительность, затем, наконец, замерла в трех метрах над землей, завалившись на борт под углом в тридцать градусов, клюнув несколько вниз, так как застряла носом в развилке одного могучего дерева, а хвостовым оперением – в ветвях и толстенных желтых лианах другого.

Несколько секунд все лежали, там куда прибило, соображая, живы ли они и на месте ли органы. Затем с кряхтением начали ворочаться с целью пробраться к выходу. Обе бортовые двери смяло и заклинило.

– Лезьте через мою, – предложил Слэш, отстегивая ремни

и подыскивая внизу место поровнее, куда спрыгнуть.

– Блядь, у меня аж яйца к диафрагме подтянуло, а душа в пятки ушла, когда падать начали, – ни к кому конкретно не обращаясь, высказал свои недавние яркие ощущения Сплин.

– Во-во у меня такая же херня, – поддержал его Ривера, собирая по углам свое снаряжение.

– Длинный, как ты считаешь, всем обязательно знать эти подробности? – протискиваясь из хвостовой части к кабине, язвительно поинтересовалась Шелли.

– Да я так, поделился наболевшим, не любо – не слушай, – пожал плечами Сплин.

– А клево я вас эвакуировал, а? – стоя на земле и разглядывая изжеванный фюзеляж, спросил Слэш. И добавил:

– Явно не задался сегодня день, прямо с утра – халявы не будет. Хотя попытка была хорошая...

– Да уж, ребятки, с вами не соскучишься, – выпрыгивая из пилотской двери на землю, согласилась Шелли.

– Ну вот, а ты еще с нами ехать не хотела, – жизнерадостно припомнил Штырь. – Сама подумай: ты видела смерть своего давнего врага, с ветерком прокатилась в приятной интеллигентной компании – грех жаловаться.

Шума моторов самолета-преследователя не было слышно. Может электромагнитный импульс «Штиля» и не вывел из строя его электронику насовсем, все-таки расстояние было приличное, но прервал ее работу на достаточное время, чтобы потерять управление и свалиться. Угроза вражеской авиа-

ции миновала, некому было утешить их с воздуха боеприпасами объемного взрыва и прочими смертоносными средствами, но ответ Шелли вернул Сплина от эйфории к текущей реальности:

– Я и сейчас жалею, что связалась – мы примерно в сотне километрах от границы, ну, или чуть меньше, вокруг охраняемые плантации наркотиков и патрули баронов, которые и в добрые-то времена попеременно воюют друг с другом, а сейчас и подавно все на ушах стоят. Нас всего взвод и боеприпасы, если что, нам никто на вертушках доставлять не будет, в отличие от них.

– Да уж, ебеньть... С корабля на бля... – себе под нос пробубнил Боцман, ковыряясь в своем ранце, затем поднял голову:

– Вот те раз... Спутниковый передатчик накрылся – осколками пробило... Блок питания и коммуникационный модуль... Вот и вот... И маяку тоже хана, – он потерянно разглядывал поврежденный прибор, затем повернулся к Слэш:

– Слышь, глянь бортовую рацию, может после грозы...

– Не выйдет, Боц, я уже проверил – разбита. Не в этой жизни, – покачал головой Слэш. – Да и без толку – нас запеленгуют и найдут раньше, чем на базе почешутся. Что-то говорит мне, что наших такой расклад устроил бы.

Боцман почесал репу, затем повернулся к Доплеру:

– Ну и хули нам теперь делать, старшой?

6. Бег в никуда

Все притихли, ожидая ответа. Джунгли, потревоженные падением вертолета, вновь наполнились обычными звуками. Доплер несколько секунд сосредоточенно смотрел в пространство, затем его взгляд сфокусировался:

– Лутар и его кодла ждут, что мы кратчайшим путем ломанемся прямо к границе. Кроме того, нельзя исключить, что пилоту самолета удалось дать наши координаты перед атакой, несмотря на помехи из-за грозового фронта. В любом случае, они знают, куда мы стремимся, и нас ждет сеть засад – к гадалке не ходи, – он помолчал. Это была сама проблема, а вопрос был, что делать. Еще немного подумав, Доплер продолжил:

– Есть несколько вариантов – все не идеальные, но одно точно – отсюда надо уходить прямо сейчас, быстро и в сторону, куда не ждут. Это дольше, но так безопаснее. Шелли, мы можем где-нибудь не слишком далеко добыть воздушный транспорт?

– Вообще-то, транспорт есть в нескольких местах, и все недалеко. Для быстрого захвата силой нас маловато. Просто по радиии выйти открытым текстом на коммерческую частоту или выползти из джунглей к посадочной площадке и нанять за разумные деньги вряд ли получится – никто не станет так вызывающе демонстрировать нелояльность Лутару,

разве что за кругленькую сумму, перекрывающую риск. Да и нам спалиться можно запросто – скажут, что согласны, а сами Лутару продадут. Кстати, и рации-то нормальной нет, – неопределенно ответила та, исподлобья глядя на Доплера – как-никак тот ее хотя и вынужденно, но от души подрядил сверхурочно.

Доплер нахмурился. Затем задал Шелли другой вопрос:

– А что скажешь, если я найму тебя провести нас по тихо-му через границу с Моравией? – это была провинция, сопредельная по отношению и к Портленду, и к Либертии. Административная граница патрулировалась, но пересечь ее при соответствующих навыках было не слишком сложно. Шелли удивленно вскинула брови от такой наглости, но, помедлив, вполне спокойно ответила:

– Добрый крюк, однако – дней пять, не меньше, рысью топать. А ты что, сегодня с обеда – Мистер Наличие?

– В некотором роде. У меня есть несколько неограниченных алмазов. Пако, покойничек, отсыпал из своего сейфа, чтобы я не дал тебе до него добраться, пока не состоится обмен.

– Несколько, значит... Ну надо же, хоть после смерти от этого гада кому-то польза будет. Ну... Это обсуждаемо, – ответила Шелли. – Живая денежка на кармане не помешает для мотивации.

Сплин предположил, что, вполне может быть, недра благословенной Либертии содержат не только руду, а еще и кое-чего поинтересней... И не только как сырье для промышлен-

ного использования...

– До чего же приятно иметь дело с конкретно мыслящим специалистом, – довольно ощерился Доплер. – Вот и давай отойдем обсудим, чего как и сколько, – он взял Шелли под локоток, другой рукой доставая карту. – Нам бы вот на этот уголочек выйти...

Обернулся и сказал, обращаясь к офицерам:

– Перекомплектуйте отделения, да готовьтесь трогаться.

Прокатился гром, небо потемнело от темно-фиолетовых туч окончательно. Джунгли притихли. Народ суетился, переукладывал амуницию, проверял оружие, снаряжал магазины. Из тяжелого вооружения остались два однозарядных РПО у Риверы и Зуба и примерно половина разовых РПГ, остальное потратили в предыдущей стычке, отбиваясь от засады на дороге. Народу теперь было двадцать шесть человек – штатный пехотный взвод. Всеми отделениями командовали офицеры, которые назначили себе заместителей из числа рядовых, толково проявивших себя в деле. Штырь возглавлял отделение Сплина, его заместителем был назначен Хоу. К ним еще добавили четверых или наоборот, их к ним – в порядке объединения героических остатков двух отделений в славные ряды влились Чибис, Раймо, Барни и Джейсон. Сплин знал пополнение поверхностно, близко не контактировали ни в учебке, ни здесь.

Чибиса подранило при взлете: одна пуля по касательной задела шею, оставив неглубокую борозду, а вторая прошила

фюзеляж, ранец (броника не было – вместе со сферой бросил перед переходом через болото, потонуть в них боялся) и, потеряв энергию, застряла под кожей под лопаткой. Шею ему помогли обработать еще в вертолете, а спину несподручно было. Хоу, вытаскивая несколько подплющенный со стороны наконечника кусок металла пассатижами, степенно заметил:

– Чуть правее – и позвоночник, отлетался бы на хрен. Повезло тебе, пернатый, – и подколот:

– Жгут на шею тебе потуже не наложить?

Чиби́с был вредноватым задиристым типом, его манера общаться частенько отдавала необоснованным снобизмом. К тому же он не обладал способностью вовремя закончить разговор и имел заметную склонность к мозгоебству. Впрочем, каких-либо подлых шкурных действий, попыток на чужом горбу в рай въехать, подставить другого отвечать за свой косяк или иных проявлений гнилости натуры, опасной для окружающих, за ним не водилось. Поэтому все отрядные давно перестали обращать на его поведенческие особенности внимание (в каждой голове свои тараканы, в конце-концов) – чаще старались не провоцировать фонтан красноречия, но иногда и намеренно «драконили» в порядке стеба. Резко и с коротким выгибанием шеи Чиби́с уставился на Хоу своими широкими глазницами (отчасти за этот комплекс совиных ужимок он и получил свое погоняло), начал было выступать, но ассистировавший Малой плеснул на рану из

фляжки с коньяком, позаимствованным из бара поместья, для пущей дезинфекции. Чибис на полуслове издал сдавленный звук типа «ы-ы-ы», а Малой быстро огляделся, глотнул сам, довольно крикнул и наставительно произнес:

– Чтоб ты знал, после того, как Роуч сошел с дистанции, штатный зануда в нашем отделении – Длинный и он вполне справляется.

Сплин был занят тем, что, оттянув пояс штанов, копался у себя в промежности, так как обнаружил, что нацеплял в болоте что-то типа пиявок на самые интересные и труднодоступные места. Он хотел было в качестве ответного комплимента назвать Малого «рахит жизнерадостный», но не счел нужным отвлекаться от насущного дела и только хмыкнул. Подошел с офицерского совета Штырь:

– Надо трогаться, мы в низине, чтоб не затопило ливнем, заберемся повыше, траверсом пойдем. Режим передвижения – все как по пути к поместью, только быстрее надо, – он глянул на Сплина. – Ты как, Гранатометчик, идти сможешь? Впрочем, куда ты денешься. Пиявок своих прижги щепкой какой-нибудь – сами отпадут. Радуйтесь, при вас только личное оружие и снаряжение, не то что по дороге сюда. Для бешеной собаки сотня верст – не крюк, верно, Малой? И не вздумай дальше коньяк лакать – если не задохнешься на марше сам, то я задушю.

Броники и сферы разрешили не брать – предстоял долгий скрытный марш. Больше половины солдат так и сделали.

Сплин, исходя из принципа «запас жопу не ебет», ничего не бросил: оружие и снаряжение здесь – это то необходимое, что сохраняет его здоровье и жизнь в окружающем враждебном мире, без них он был бы всего лишь короткоживущим сгустком органической массы. Лишнего ничего не было с самого начала – все может потребоваться с большой вероятностью, а выбросить всегда успеется. Сферу опять набил патронными пачками и затолкал в ранец, расположив на уровне лопаток, там, куда ударила пуля Лернеру. Броник дважды спас ему жизнь при штурме и Сплин решил, что не стоит идти наперекор карме. Черт, вот так и становятся суеверными мракобесами... Он замотал срез ствола автомата от дождя полоской пластыря защитного цвета и дополнительно подкрасил для пушей неприметности карандашом для нанесения маскировочного грима.

– В колонну по одному стройсь! – некоторое время спустя скомандовал Доплер.

Сплин надел ранец, поправил лямки, накинул на плечо автомат прикладом вверх и занял место в интервале колонны.

Через полчаса вылезли из низины на склон, закапал дождь. Потом вдруг в несколько секунд свинцово-фиолетово небеса разверзлись и вода, немного рассеиваемая кронами деревьев, хлынула на землю не по отдельным каплям, а подобно водопаду, сплошным потоком, ощутимо давящим

к земле. Сплин представить не мог, что дождь может быть таким сильным. Поверхность стала скользкой – даже относительно некрутые склоны приходилось одолевать, двигаясь наискосок или зигзагами. Взвод следовал в целом параллельно границе с Портлендом в сторону Моравии, но периодические смены направления с целью запутать возможных преследователей или избежать труднопроходимых участков полностью дезориентировали Сплина, и не его одного. Через пару часов ему и вовсе стало все по барабану – в череде подъемов на очередную складку местности и спусков перед подъемом на следующую, регулярно спотыкаясь и поскользываясь на раскисшей почве, он тупо ковылял в строю, превозмогая начинающуюся ворочаться боль в колене и ребрах, а также тотальную усталость. Гром раскалывал небо почти непрерывно, сполохи молний расцветчивали тучи причудливыми дугами, заливая все вокруг ярким синеватым светом, словно отсветы от гигантской электросварки. Шквалистый ветер с воем и стонущим скрипом раскачивал деревья. Временами слышался треск падающих ветвей и сломанных стволов.

Все это было бы в какой-то мере красиво, если бы не было так мокро и противно. Сплин малость оглох от грома, так как они были на существенном возвышении, ближе к уровню облачности. Какое-то время спустя, дождь потерял интенсивность, грозовой фронт, рокоча, сместился в сторону, периодически мигая розоватым заревом молний

на низко висящих тучах. Объявили короткий привал. Сплин стащил ранец и уселся на него, привалившись спиной к дереву. Острое чувство облегчения от прекращения изнуряющих усилий быстро сменилось ощущением знобящего холода. Он глотнул спирта-семидесятки. Горящий напалм ожег горло, перехватил дыхание, прокатился по пищеводу, рванулся обратно, но, в конце концов, разлился теплом по пустому желудку. Это немного согрело, притупив мерзкое ощущение от пребывания в насквозь промокшей и склизкой камуфляжке, но колотун не прекращался, как при гриппе. Когда велели строиться, Сплин почти обрадовался. А зря.

К вечеру он основательно дошел до ручки. Ломило все тело, особенно ноги и плечи. В горле было сухо, как с похмелья, в голове – гул, в глазах – пелена, кровь ломилась в башку так, что пульс отчетливо ощущался внутри шеи и отдавался звоном в ушах – избыточное кровяное давление распирало череп чуть ли не до мозговой рвоты. В травмированном колене обосновался еж с ржавыми шипами длиной в метр – по ровной поверхности еще ничего, но стоило дать повышенную нагрузку при подъеме или спуске, как сгибание-разгибание коленного сустава причиняло ноющую боль. Треснутые ребра тупо резало. Осколочное на ляжке немного подтекало, но болело пока терпимо, так как гель, которым был залит раневой канал, имел анестезирующие свойства. Несколько раз двигались по мелким ручьям с каменистым дном, чтобы скрыть следы. Бахилы не одевал, так как уже промочил

ноги ранее. Постоянно мокрая обувь натерла ступни сверху на суставах пальцев и местами на подошве, так, что каждый шаг тем или иным образом задевал по крайней мере одну мозоль. Сплин считал, что шкура на ступнях за время долгой беготни достаточно задубела, и уж мозоли-то ему точно не грозят. Но он ошибся, кажется, один из законов Мерфи гласит, что все, что может испортиться – портится, что не может – портится тоже. Постепенно мокрые разношенные ботинки раздались в размерах, ступни при ходьбе по пересеченке ездили внутри туда-сюда, так что ничего удивительного. Постоянный тупой болевой фон, разлитый по нервной системе, регулярно нарушался более яркими вспышками. И это только первый день. А еще неделя. Это, если все пойдет гладко. Где, интересно, Доплер собирается раздобыть воздушное судно? В Моравии их тоже никто не ждет. К тамошним официальным властям обращаться опасно – того гляди продадут Лутару. А ну-ка в жопу все, думать не было сил, Сержанту виднее. Он вспомнил безмятежное лицо убитого Лернера, возможно, его постигла не столь плохая участь – почти мгновенное избавление от всех страданий. Остальные чувствовали себя не лучше, что немного грело душу.

Стемнело. Плотная завеса туч отнюдь не улучшала видимость. Приказ располагаться на ночлег дошел до затуманенного сознания Сплина не сразу. Вдруг все стали распрягаться и в изнеможении валиться на землю. Он туповато оглядел местность. Небольшой участок с менее густой раститель-

ностью, чем везде, рядом ручей. Раскисшая почва, покрытая слоем прелой листвы, бесконечный дождь с неба, мокрая трава вроде папоротника, костер разводить нельзя, чтобы себя не обнаружить. Ночлег вроде как предполагает покой, комфорт, расслабление. Как бы не так. Просто смена одних неприятных ощущений на другие. После заката стало прохладнее, а влажность осталась высокой, словно в старом погребе. Едва организм прекратил усилия, тело быстро остыло и, хоть пар изо рта и не шел, Сплин почувствовал почти осенний холод. В этом была некоторая польза – тошнота после контузии, мучавшая его на дневной жаре, поутихла. Холод также несколько снижал болевые ощущения от наружных повреждений.

Офицеры окружили периметр противопехотными минами направленного действия с радиоуправляемым детонатором. Доплер встал на караул первым. Это вряд ли было проявлением альтруизма – скорее обоснованное опасение, что любой рядовой без хотя бы кратковременного отдыха непременно заснет на посту. Сплин задумал обработать рану на бедре, многочисленные царапины, ссадины, мозоли и тому подобные повреждения, делающие жизнь сплошным праздником. Он расстегнул карабины на ботинках, достал перевязочный комплект, собрался включить фонарик, соображая, где устроиться и с чего начать. Тут же получил подзатыльник от Штыря:

– Ты, щегол, охуел с устатку? Хочешь сюда зверье и голо-

ворезов со всей округи привлечь? Ночник в очках используй, мудень, а про фонарь здесь вообще забудь. И ботинки впредь переобувай только по очереди, не на пляже, однако, — он отошел уведомить Малого, что ответственная доля караулить сон сотоварищей после Доплера досталась ему.

Следовало обработать антисептиком и начисто перевязать все кожные повреждения на ночь, иначе завтра будет хуже — во влажном, насыщенном миазмами постоянно разлагающейся биомассы климате, да еще при наличии падких на чужую кровь насекомых, риск получить нагноение или чего похлеще был устрашающе велик. Простая царапина у не адаптировавшегося человека может гнить неделями. Сплин надел очки, включил встроенный в них ПНВ, нашел подходящие ветви на дереве, стряхнул с них воду, развесил плащ-палатку, залез под импровизированный навес, под ноги кинул броник. Набравшись духу, словно перед прыжком в прорубь, с усилием разулся и разделся. Торопясь успеть, пока окончательно не околел, наспех обработался и перевязался в условиях явно недостаточной видимости. Это оказалось, сложнее, чем казалось. Стоило неловко повернуться, как мышцы ног и брюшной пресс то тут, то там скручивали болезненными узлами лютые судороги — следствие относительного покоя после длительного перенапряжения. Пальцы от холода коченели — теряли чувствительность и плохо повиновались, как не родные. Все было мокрое, пластырь плохо клеился.

— Б-б-бляд-д-д-ский р-род... — выдавил сквозь лязгающие

от холода зубы Сплин, выжал одежду, напялил обратно на себя. Сменки, за исключением запасных носков, не было предусмотрено – только оружие и самое необходимое для выживания, да и это-то тяжело было таскать. Надел промокшие ботинки, облачился в броник, нацепил разгрузку и замотался в плащ-палатку. Включил электрообогрев, вшитый в ее подкладку, высавив таймер на час для экономии энергозапаса. Заглотил несколько пилюль и цветных цилиндрических капсул для профилактики заразы широкого спектра – от раневой инфекции и простуды до «популярных» местных тропических болезней. Далеко не факт, что поможет, но противовоспалительное тут на сон грядущий для самоуспокоения полезно – всяческая накопленная ранее хворь зачастую имеет свойство усугубляться за время сна и в полный рост проявляться к пробуждению. Предварительная иммунизация – это, конечно, сильная штука, но лучше уж перебдеть, чем недобдеть – не дай Бог развезет к утру, тогда и без того нелегкая житуха усложнится до невыносимости. В завершение комплекса лечебно – согревающих мероприятий, чисто для дезинфекции – два больших глотка спирта – «алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах». С лекарствами, наверное, не стоило бы мешать, ну да ладно, сочтем, что это, типа, спиртовая настойка. Сплин перевел дух и оглядел лагерь: народ, в общем, уже расположился на ночлег по двое-трое. Положено было на стоянках находиться порознь, чтобы не накрыло одной очередью или грана-

той, но желание быть с кем-то рядом в сложившихся обстоятельствах было сильнее тактических наставлений. Он искал глазами своих. Предполагалось, что Хоу – хитрый азиат, лучше знает, где место найти, чтоб всяких тварей напозло поменьше, водой среди ночи не залило и всякое такое.

– Длинный, ну ты где там шароебишься, руби вон тот здоровый лопух и давай сюда, – прошептал Малой, который помогал Монаху обустроить лежбище.

Боцман раздраженно зашипел, как пламя газорезки:

– Я хуюю в этом зоопарке – еще один долбоеб комфорта захотел! Последнее китайское предупреждение: ничего не рубить, не ломать и лишнего не топтать! И куда попало не срать. Увижу – пизды вломлю! Вы что думаете, раз темно и дождик, то молодчики Лутара по хатам сидят и чай с банками попивают? Это нам надо щемиться и силы беречь, а они тут у себя дома и могут хоть круглые сутки посменно частым гребнем работать.

Полноценно раскладывать спальники запретили, так как отряд находился на враждебной территории и надо быть в готовности, поэтому просто натащили ворох палых веток какого-то хвойного растения, чтоб не ночевать в мокрой холодной каше. Сплин притулился в общую лежку и завалился спать, обняв автомат и подложив под голову ранец. Как только знобящий влажный холод отпустил, уступив усилиям термоподкладки, он довольно быстро, учитывая условия, отрубился, так как был измучен предшествующим недосы-

пом и обилием новых впечатлений, правда, каким-то угарным, беспокойным сном. Снились мутные, бессвязные и бессмысленные обрывки, как куски хаотично смонтированной пленки плохого качества. Сменяли друг друга невыполнимые задачи, бегства не пойми от чего, непонятно куда с ватными неподъемными ногами. Под утро привиделось, что он проснулся, обоссавшись на ржавой койке в убогой палате всеми забытого сумасшедшего дома, где медперсонал был еще безумнее пациентов. Попытки доказать, что он не псих, ни к чему не приводили – доктор в грязном халате с пятнами неопределенного происхождения сочувственно кивал, улыбался гнилыми желтыми зубами, что-то записывал, но было ясно, что не верит ни единому слову. Чем больше оправдываешься, тем больше кажешься виноватым, речь становится сбивчивой, заискивающей, истеричной. И вот ты уже не Хитрый Псих, который пытается закосить под нормального, чтобы соскочить на волю. Ты уже Настоящий Псих, которого вывели на чистую воду, а значит останешься гнить здесь на веки вечные. Двое дюжих санитаров с бульдожьими лицами берут тебя под белые ручки и заматывают в смирительную рубашку, а псевдо-доктор набирает какую-то седативную гадость в здоровый стеклянный шприц...

Сплин широко распахнул глаза и несколько секунд мучительно соотносил себя и реальность. Насчет «обоссался» это ему показалось, потому что одежда была мокрая еще с вече-

ра. Роль смирительной рубашки выполнил кокон из плащ-палатки, куда он так усиленно замотался во сне в бессознательных попытках согреться. А «санитарами» были Малой и Хоу, которые трясли его за плечи:

– Да проснись же ты, манда нестроевая! – злобным горячим шепотом обращался к Сплину Малой, сверкая белками глаз в начинающей рассеиваться темноте.

– Отвали на хрен, не моя очередь сегодня! – пробубнил Сплин через просоленную панамку, которой ему зачем-то закрывали рот, полагая, что Малой пытается подрядить его постоять до рассвета караульным.

– Ты пытался орать во сне, – объяснил Хоу. – Не сильно громко, но достаточно.

– А... Ну, типа, извиняюсь, херня какая-то пригрезилась, – виновато ответил Сплин.

– Блядь, я недавно сменился, только заснул, а тут ты мычать под ухо начал, я уж подумал, что какая-то зверюга Мо-наха жрет...

Малой успокоился после того как Сплин дал ему хлебнуть спиртика из своей фляжки, что подействовало умиротворяюще. Известно было, что Малой очень трепетно относился к халяве, придавая ей почти культовое значение – урвать чуток халявы означало, что удалось на некоем мистическом уровне временно наебать судьбу, которая обычно только и делает, что пытается отнять последнее и вообще честного бродягу со свету белого сжить. Сам Сплин уже не пытал-

ся заснуть, просто лежал с открытыми глазами, дожидаясь подъема. Дождь перестал, похолодало, изо рта шел пар. Рваные хлопья тумана плыли в воздухе, сквозь них проглядывались кроны деревьев. Светало быстро. Через полчаса, когда рассвело настолько, чтобы можно было разбирать дорогу под ногами без средств спецвидения, велели собираться в дальнейший путь. Штырь довел до своих подчиненных текущий расклад.

Что буря была, это к лучшему, следы все смыло, скрыть направление движения отряда удалось хорошо – если кто надумает проследить их от места падения вертолета, то вряд ли достигнет успеха, даже обладая профессиональными следопытами, специальными приборами или поисковыми животными. План прежний – ломаной траекторией двигаться к речной дельте, где пересекаются три границы: Моравии, Портленда и Либертии. Что там? Все не просто так, но рядовым знать ни к чему, вдруг кто попадет к противнику, его как следует расспросят и он как на духу запалит весь отряд. Рядовым, по-хорошему, и этого-то не следовало бы знать, но полное неведение перспектив крайне отрицательно сказывается на моральном состоянии, что отнимает последние силы. Дорожная сеть вдоль предстоящего пути следования развита слабо, что фактически ограничивает возможности по оперативной переброске подразделений оцепления только вертолетами, действующий парк которых у Лутара ограничен.

Позавтракали сухим пайком. К Сплину вернулся аппе-

тит, он по-волчьи жадно лопал чуть задобренную сушеными специями гречневую кашу с недорастопленными комочками жира во всю пасть, так что аж слюнные железы заломило. Индивидуальных рационов питания при умеренном потреблении должно было хватить еще дней на пять – на жаре расход продовольствия сравнительно невелик. Потом еще на плитках питательных концентратов можно какое-то время худо-бедно протянуть. Дальше уже охотой и собирательством придется промышлять. Змей, например, можно чуть ли не сходя с места надыбать сколько влезет. Моррис, француз из взвода Слэша прежнего состава, уже в который раз по случаю вдохновенно изложил очередной изысканный кулинарный рецепт. На это раз насчет того, как можно толково запечь змею (до этого был рецепт про черепаху, а до этого про лягушек) и о вкусовых оттенках ее нежного мяса, которое не хуже курицы и так далее. В очередной раз его настойчиво попросили прекратить травить людям душу, тот горестно поцокал языком и замолчал. Моррис знал толк в кухне и умел готовить блюда самого широкого диапазона – от яичницы до всяких особенных национальных. Он мог даже про стакан воды так рассказать, что вызывал у слушателей слюноотделение. Моррис страдал от невозможности применить свое искусство на практике: к еде здесь, во многом по объективным причинам, относились сугубо утилитарно – примитивная хавка наскоро, а не вдумчивая степенная трапеза как должно бы быть. Посредственные вкусовые качества сухая

регулярно провоцировали его на гастрономические фантазии.

Хотя подножная кормежка все же создает неудобства – растительная пища в чистом виде недостаточно калорийна, а мясо надо готовить, жертвуя маскировкой, и съесть в течение ближайших часов – в местном климате оно без специальной обработки быстро испортится. Да еще зверье на запах жареного чего доброго соберется, даже если и не решится напасть, то следопытов может навести. Ну, скорее всего до этого не дойдет, и ситуация так или иначе разрешится раньше. Короче, нечего сейчас над этим голову греть – будет день, и будет пища.

Доплер обсуждал с Шелли сегодняшний маршрут и давал разрядки офицерам. Теперь предстояло тщательно соблюдать режим маскировки. Сплин немного разогрел над пламенем зажигалки камуфляжный карандаш и, глядясь в маленькое зеркальце, обновил почти стершийся рисунок на открытых участках кожи. Он старался не только по цвету слиться со средой, но и устранить демаскирующую визуальную симметрию лица, нанося косые неровные полосы, а выступающие детали своей физиономии прокрашивал более темными тонами.

Бойцы также натягивали поверх одежды маскировочную сетку, на которую навязали веточек и травинок, так, что стали походить на леших. Сеточная накидка с капюшоном была полезным и многофункциональным элементом экипиров-

ки: например, надетая под одежду, она создавала воздушную прослойку, лучше сохраняя тепло даже в мокрой одежде и препятствуя прокусам кровососущих насекомых, если верхняя одежда была легкая. Такой кустарный вариант «объемного камуфляжа» способствовал размыванию силуэта в глазах наблюдателя, но был, конечно, намного менее эффективен, чем профессиональные костюмы Гилли, используемые, например, снайперами. Однако, отряд состоял из пехотинцев, изначально укомплектованных под другую задачу, поэтому и экипировка подбиралась соответствующего уровня.

Аккуратно, насколько возможно, ликвидировали следы ночевки. Опытного профессионала вряд ли не обманет, но кто специально не ищет – не заметит. Весь мусор – упаковки, обертки, грязные повязки, уложили под слой дерна, предварительно пересыпав специальным порошком, используемым против поисковых животных, чтоб зверье не разрыло. Отряд двинулся в путь колонной по одному. Штырь оставил Боцмана за себя, а сам, по приказу Доплера, двинулся впереди отряда дозорным. По возможности надо было ступать след в след. Сектор приоритетного наблюдения на марше был определен через одного: первый пасет левую, второй правую сторону.

Вообще-то, положено было еще выпускать фланговые охранения, а не только головной дозор, но в условиях плотной растительности оставалось бы три линии следов вместо одной, да и людей, которые могли быть эффективны в

качестве дозорных, в отряде было немного – офицеры, да несколько выживших рядовых с предшествующим опытом, ведь команда комплектовалась для штурма комплекса строений, а не для профессиональных прятков на чужой сложной местности. Кроме того, протяженность колонны изрядно поредевшего отряда была уже относительно небольшой. Шелли, хоть и имела индивидуальную рацию, чтобы быть в эфире отряда, но больше уже не ходила впереди, а держалась в центре, в поле зрения Доплера – то ли ротный берег ее как ценного кадра, знающего местность, то ли опасался оставлять ее без присмотра в условиях, провоцирующих искушение слинять.

Марш второго дня прошел без происшествий, но физически оказался тяжелее вчерашнего – Сплин уже с ностальгией вспоминал вчерашний дождь и прохладу. Бесконечной чередой сменялись холмы, овраги, русла быстротечных ручьев, колючий царапающийся подлесок, высокая трава с режущими плоскими стеблями и стелющаяся травка, опутывающая ботинки подобно охотничьим силкам. Поверхностей, на которых оставались бы долговременные следы, хоженных троп, особенно вдоль русел, и вообще легких, а поэтому предсказуемых для потенциальных преследователей путей, старались избегать. Пришлось сделать крюк и обойти по дуге местность, где пришлось бы следовать без возможности маневра вдоль довольно узкого желоба зажатого складками местности с крутыми каменистыми склонами. Временами

шли болотистыми низинами, неглубокими, чуть выше колена, местами по пояс. Вонь от прокисшей застойной массы, поросшей травой и покрытой клейкой тиной, стояла такая, что сперва в пору было надевать респиратор, а потом ничего, приняхались – зато маловероятно, что сюда враги сунутся. Оставалось надеяться, что курс иммунизации, проведенный перед отправкой на место, окажется достаточно эффективным.

Приходилось внимательно смотреть под ноги, там и сям шелестели в зарослях или сновали в воде змеи или еще какие-то разнокалиберные гады, контактировать с которыми было бы крайне нежелательно. Ультразвуковые излучатели действовали далеко не на каждого встречного и поперечного. Отряд менял направление, закладывал «колена» и «петли». Несколько раз на местности с относительно разреженной растительностью, где меньше возможность натолкнуться на потенциальных преследователей, выполнялись «восьмерки» с выходом из петли под неожиданным углом в месте, где есть несколько вариантов последующего движения, в числе которых и прежнее направление. Замыкающий посыпал поверхность в поворотных точках и местах пересечений «Откатом». Периодически, особенно перед тем, как пересечь открытое пространство, все останавливались и замирали, напряженно вслушиваясь и всматриваясь в поисках признаков человеческой активности: движения, неестественно правильных форм, составляющих контуры оружия, бряцания

снаряжения, подозрительно громких криков потревоженных птиц и животных или, наоборот, их необычного отсутствия. Но все было спокойно. В небе над деревьями время от времени слышался звук моторов летательных аппаратов, но ни один не задерживался и не принимался кружить над головами.

Неизвестно, что происходило во внешнем мире, что стало с Лутаром, насколько активно их ищут и какими силами, как их примут в расположении бригады, если они доберутся до своих, которые, судя по тому, как кинули с эвакуацией, не такие уж и «свои». Глядя на исполинские вековые деревья, обвитые лианами, чьи пышные кроны создавали у земли полумрак даже при ярком дневном солнце и пропускали лишь колодцы света, невольно приходили мысли о человеческой мелкости и уязвимости.

Сплин вдруг остро почувствовал затуманенным усталостью сознанием какую-то волчью неприкаянность, осознал что выпал из привычного в прошлой жизни круга вещей и событий, покинул свою нишу в социальной системе и теперь ничто не препятствует его гибели и никого у него нет, кроме ребят из взвода, которые сейчас, задыхаясь, как и он сам, месят непросохшие после ночного дождя склоны холмов. Причем нельзя было, наверное, назвать их «друзьями» или тем более «братьями». Сплин даже не знал толком, кем были и чем занимались большинство из них в прошлой жизни,

до того, как попали сюда, а расспрашивать было как-то не принято. Со многими на гражданке он не стал бы и общаться лишней раз по своей воле, как, впрочем, и они с ним, но здесь все искусственные условности не имели значения. Здесь имело значение только одно: на месте ли у тебя яйца.

Неопределенность будущего не усиливала энтузиазма и усугубляла усталость. Знать маршрут, контрольные точки, места привалов или просто топтать в колонне не пойми куда и сколько – это две большие разницы. Казалось, каждая клеточка тела вопила от боли и перенапряжения. Если идти в ровном ритме, то ощущения притуплялись и не так истязали нервы, так как уже было известно, какой именно болью сопровождается то или иное движение. Но стоило споткнуться или приложить лишние усилия, например, перебираясь через валежник, и вся усыпленная монотонностью Машина Боли тотчас же просыпалась и яростно напоминала о себе, с упоением терзая тело импульсами разных оттенков. Жара, влажность и насекомые были также неумолимы. Легкие, несмотря на захлебывающееся сиплое дыхание с присвистом, казалось, работали вхолостую, плотный влажный воздух, насыщенный прелыми ароматами джунглей, плохо утолял кислородный голод, как теплая кипяченая вода плохо утоляет жажду. Драная и изгвозданная в чем ни попадя, от грязи до крови камуфляжка пропиталась потом и не хрустела от соли и грязи только потому, что не успевала толком просыхать. Зудела и саднила давно немытая, исцарапанная и

искусанная гнусом кожа, квасились и отекали ноги в грязной и мокрой обуви. Масляно-черные жирные слизи типа пиявок прицельно пикировали за шиворот с ветвей, увешанных плетями разнообразной бахромы и сопливой паутиной.

Терпеть не было сил, но некуда было от всего этого деться, и не обращать внимания было тоже невозможно. «Что ж ты никак не уймешься, сука такая?» – мысленно увещевал свою боль Сплин. – «Ведь сдохну – кого тогда глотать будешь, дура безмозглая?» Обезболивающего оставалось не так много, кроме того, частое его применение снижало полезный эффект по степени интенсивности и времени действия. Еще были стимуляторы, но этих Сплин вообще побаивался: он не был уверен, что ему понравится отходняк от них. Он делал очередной вымученный шаг и лелеял мысль о том, что вот еще столько-то шагов и скушаю таблеточку, и полегчает, то-то будет славно. А можно еще броник со сферой выкинуть. Точка эта переносилась все дальше и дальше, пока, наткнувшись, наконец, на слабенький источник с пригодной для питья водой, не встали на дневной привал.

Оказалось, что отмена ходьбы не отменяет ломоты во всем теле. Даже, наоборот, смена активности на покой и освобождение мозга от управления движением позволили нервной системе всецело сосредоточиться на телесных муках, чтобы во всей полноте красок донести их до владельца. Воздух звенел, гудел и вибрировал от кубометров роящихся вокруг насекомых, отравлявших все удовольствие от отдыха.

Сплин достал пластиковую баночку с капсулами обезболивающего и посмотрел на нее голодным взглядом алкоголика, который смотрит на бутылку, уверяя себя, что на этот раз сможет обойтись без ее содержимого, но все же подсознательно точно знает, что искушение утонуть в безответственном блаженстве забвения как всегда возьмет свое.

Без ходьбы колено начинало деревенеть и переставало нормально сгибаться. Вчера такого не было, а с утра даже показалось, что проблема отпала. Вовсе нет, она перешла в новое качество, боль из ноющей превратилась в сверлящую. Теперь появилась угроза не выдержать темпа движения, а если накроется сустав – то вообще пиздец. Сплину стало не по себе – еще не хватало стать обузой. Он представил, что ощущал бы сам, случись это с кем-нибудь другим. Нет, не сочувствие. Раздражение, вот что. Каждый и так был на пределе. Может и зажмурят по-тихому, чтоб сам не мучился и отряд не запалил. Может и правы будут... Сплин внезапно понял, что все человеческие страхи – пустая чушь, кроме одного. Беспомощность. Вот чего действительно всерьез следует опасаться. Хуже нет ничего.

– Что, весь злобучий мир против Длинной худосочной задницы? – правильно истолковал его настроение расположившийся неподалеку Боцман, который был занят обновлением растительности своей маскировочной сетки взамен отвалившейся при движении сквозь джунгли. По его косматой бороде, ползая друг по другу, сновали разнообразные мош-

ки-кровососы. Если не слишком приглядываться, то казалось, что это сама борода шевелится.

– Да, вроде того... – понуро согласился Сплин. Боцман вполне мог бы свернуть ему при необходимости шею. И технически и морально.

– Крепись, студент, рок-н-ролл мертв, а ты еще нет, – обнадежил его Боцман, переворачивая в поисках лысых участков свой балахон.

Боцман пер пулемет с кучей дисков и МОНки в специальном продолговатом мешке, зацепленном за ранец сзади. Он был загружен куда больше и в бою от него было куда больше проку, поэтому он имел право на ехидство и не преминул этим воспользоваться, чтобы капельку поднять себе настроение.

– Ты на хрена броник тащишь, военный, раз мощей уже нет? Смерти что ли так сильно боишься? – спросил Боцман. – Не бойсь – дело житейское. Смерть ведь не все возьмет – только свое... Тут главное вовремя откинуться, чтобы не прожить дольше, чем надо и не огрести лишнего понапрасну...

– Не, это он так на рывок настраивается: как сбросит броник – поскачет, как на хую галопом, впереди планеты всей, не угонимся, – встрял Малой.

– Да я в норме, все пучком, – ответил Сплин с показной уверенностью, хотя сам не чувствовал и десятой ее доли.

– Не слушай этих извергов, Длинный – они на самом де-

ле жуть какие добрые, просто умело это скрывают, – укоризненно покачал головой Хоу, обстригивая маленькую щепочку, величиной чуть больше спички. – Однако ты и впрямь совсем уж дошел, служивый... Где сильнее болит? Колено, как я понимаю? Закатывай штанину.

– Монах, а ты уверен, что... – начал было ломаться Сплин, хотя сам готов был поверить кому угодно, кто пообещает избавление, хоть цыганке с рынка.

– Уверен, уверен. У нас в Южном Шао-Лине это плевое дело, – подмигнул Хоу, ощупывая грязноватыми пальцами с исцарапанными костяшками и ободранными ногтями ногу выше колена, выискивая по каким-то ему одному ведомым признакам нужную точку.

Наконец он сосредоточенно и плавно воткнул заостренную щепочку над коленом.

– Это не чудесное исцеление, а своего рода блокировка, просто основной болевой импульс какое-то время не будет достигать мозга, – прокомментировал он. – Посиди шас так до конца привала, потом вытащи. До вечера дотянешь, завтра с утра колесико накатишь, смажешь-забинтуешь и снова до обеда, а там и дембель скоро. Ну как, полегчало?

Интенсивность боли буквально на глазах снизилась в разы. С этим уже вполне можно было жить. Сам факт заботы ближнего тоже прибавил веры в человечество.

– Воистину, славься Южный Шао-Линь! Спасибо, – искренне поблагодарил Сплин. – Да тебе впору частную прак-

тику открыть.

– Дед мой практику вел, иголки-мазилки и все такое. Я учился, а вечерами подрабатывал у него на подхвате и, соответственно, малость нахватался. А как-то раз долбаные бритые расисты громили наш китайский квартал и дали деду по башке.

– Насмерть? – проявил интерес к биографии таинственного уроженца Востока Малой.

– Нет, оглушили и забрали кассу. Но другие, из банды, что шла в хвосте колонны, кинули в окно самодельную зажигалку, и дед задохнулся в дыму, так как был без сознания. А я был на учебе в другом конце города, вернулся и застал пожарных, да труповозку.

– Сочувствую, однако, – сказал Сплин.

– Пустое, – махнул рукой Хоу. – Я неплохо разобрался с их районным главарем и даже малость подзаработал на этом.

– Как это?

– Подстерег, когда тот возвращался из кабака домой, удавил куском провода, закинул в багажник его же тачки. Он, правда, обделался изо всех дыр, пока дрыгался. Тело продал на органы нелегальным трансплантаторам, а его крутую тачку на разбор к дельцам от автомобильной мафии.

– Да в тебе зазря пропадает коммерческая жилка! Не думал в брокеры после армии податься? – поинтересовался Боцман.

– Меня кто-то сдал этим бритоголовым, а может и видео-

камера какая записала. Короче, они меня тоже подкараулили и чуть не убили, кое-как съебался, – усмехнулся одной половиной лица Хоу, показывая на скулу, где горизонтальной полоской виднелся шрам.

– И в итоге ты оказался здесь, – закончил за него Бецман, поднимаясь и надевая маскировочную сетку обратно. – Что ж, добро пожаловать в Клуб.

Отдохнули еще какое-то время. Кто-то наворачивал суп-пай, Сплин же голод не беспокоил совершенно, он хлебнул водицы впрок, стараясь не слишком накачиваться, чтоб совсем не сомлеть. Жажда, конечно, не прошла, но притупилась. Пополнили фляжки. Недолгий, в общем-то, привал стал уже тяготить, так как пик накопленной усталости прошел, а влажная духота и полчища насекомых не делали дальнейшего бездействие приятным времяпровождением, уж лучше идти. Поступила команда трогаться, предстояло интересно и чрезвычайно увлекательно доковылять до вечера. Долго ли, коротко ли, а вечер таки наступил. Обычный рассеянный полумрак джунглей стремительно сменился на почти непроглядную невооруженным взглядом плотную темноту.

– Хорошо намотали сегодня для такой поверхности – без малого тридцать километров, если по прямой, – глянув на люминесцентное покрытие влагостойкой карты сказал Раймо, парень из пополнения.

– Ты что, еще и понимаешь, где мы? – удивился Сплин.

– Конечно. Ну, правда, приблизительно. Я спрашивал

Шелли, она мне показала, откуда мы утром вышли, – удивился навигационному невежеству товарища по оружию тот, сворачивая карту так, чтобы текущий квадрат был снаружи.

– Я горжусь, что вхожу в отделение, где служат такие монстры, – он заметил легкое недоумение собеседника и добавил. – Ну, в хорошем смысле слова.

– Да я старателем был... Некоторое время... Не совсем официально. Там и освоил ориентирование, – пряча карту в карман жилета, объяснил он.

Сплин не стал уточнять, что и где он искал, будучи старателем, почему «некоторое время» и что стало по прошествии этого времени. Раймо, в свою очередь, не стал вдаваться в подробности. Он был не дурак, но с чувством юмора у него было неважно, как-то все буквально воспринимал. Можно было над ним стебаться, а он даже не обижался, так как не понимал иронии, так что было даже не интересно. Его сначала прозвали «Горячий финский парень», но это было слишком длинно и в конечном счете погоняло стало лаконичнее – «Финский». Что он тоже принял как должное, так как действительно имел скандинавские корни. Этим он всех просто добил, и подкалывать его почти перестали.

На этот раз на ночлег расположились осмотрительнее: перед остановкой сделали петлю, так, чтобы караульный, засевший поодаль расположения, мог наблюдать след группы. Одновременный караул был усилен до четырех человек: один внутри периметра МОЮк с радиодетонатором и пультом от

датчиков движения, а трое скрытно располагались треугольником снаружи, за пределами радиуса поражения осколками, составляющего на открытой местности где-то пятьдесят метров. Выносные крайние посты должны были через каждые четверть часа по очереди докладываться центральному. Отряд распределился внутри периметра мелкими группами по двое-трое. Каждая группка толстой ниткой из ремнабора, используемой также при постановке растяжек, была связана с соседней, чтобы, если кто что заметит или услышит, молча без шорохов и суеты разбудить соседей, дернув крайнего за запястье или лодыжку. Последовал ряд дельных предложений известного толка кому за что следует привязать, чтобы лучше сработало.

Оружие было заряжено патронами для бесшумной стрельбы, имеющими уменьшенную навеску метательного вещества, что обеспечивало дозвуковую скорость пули. При этом несколько менялась ее баллистика и терялась эффективная дальность, но в густой «зеленке» она по-любому практически не превышала ста метров. В случаях, если не угрожала немедленная непосредственная опасность, открывать огонь первыми могли только офицеры, часовым было велено в случае чего доложить центральному, он разбудит ближайшего офицера, а тот решит что делать. Прием пищи, всю возню с перевязками, снаряжением, сокрытием мусора и прочих следов жизнедеятельности, следовало завершить до отбоя, а на рассвете сразу после подъема двинуть в путь «от-

сюда и до обеда».

Сплину припаяли стоять предрассветную вахту в вершину треугольника: следить за остывающим следом. Ему удалось приемлемо выспаться, так как момент, когда его разбудил на смену центральный караульщик, удачно совпал с цикличностью сна, и он уже успел глубоко заснуть и «вынырнуть» к поверхностной фазе. Сплин попросил, и центральной щедро полил его репеллентом, малочувствительным для атрофированного человеческого обоняния, но делающим его непривлекательным для зверья с развитым нюхом, по составу – тот же «Откат», только в виде аэрозоли. Сменив предшественника и устроившись на его укромной позиции за лежащим на земле стволом крупного дерева, он замotalся в плащ-палатку, застегнул доверху горловину воротника, надел и затянул капюшон, выставив наружу только нос и глаза, чтобы выдох ртом уходил под одежду и согревал. Потом оглядел свой сектор наблюдения через очки в инфракрасном диапазоне, затем в режиме ночного видения. Ничего существенного – ИК-режим выявил несколько некрупных объектов: птицы на ветвях, грызуны и змеи на земле. Если что, можно будет попробовать шугануть индивидуальным ультразвуковым пугачом, который он для удобства зафиксировал на стволе оружия, воспользовавшись универсальным креплением для фонаря или штыка.

Звуки джунглей стали со временем понятнее. Ужасные на слух вопли, которые доставали его в первую ночь мар-

ша, принадлежали, как оказалось, большой, но глупой и безобидной птице. Он не знал, понятное дело, всего окружающего зверья, но примерно различал звуки по степени реальной опасности. Хищники тоже никуда не делись, но фокус был в том, чтобы не оставаться надолго на их территории, не раздражать их, тогда они не проявляли к прохожим персональной агрессивности, предпочитая знакомую и предсказуемую добычу. В основном, конечно.

Сплин стал думать о вещах, которые ему не подчинялись, но были небезинтересны, просто чтобы себя занять. Его, например, удивляло, зачем офицеры с ними таскаются: что они, что Шелли могли бы по-тихому свинтить и, используя богатый жизненный опыт, добраться без обременительной толпы «чайников» куда угодно – хоть в Моравию, хоть в Портленд. Что им мешало так поступить? Деньги? Вряд ли в их случае оплата офицеров зависит от количества выживших рядовых. Профессиональная этика? Может быть. Одно дело провалить задание по не зависящим от исполнителя причинам, сделав все, что реально в силах, а другое – сбежать и всех кинуть. Наемники – каста отверженных, а когда у человека ничего нет, то все, что у него остается – это репутация. Не все, конечно, придерживаются таких принципов.

Однако Сплин решил не гневить беса и выбросил подобную крамолу из головы. И вообще, напрягать мозг по поводу внешних обстоятельств вредно для нервов – много беспокойства, а толку нет. Он подумал о положительных сто-

ронах службы. При грамотном отношении беспокоиться и думать правильному солдату вообще не о чем. За рядового командир думает. А за него другой командир постарше званием. Правда и тут тоже могут быть накладки, если кто-то в цепочке окажется дураком или сволочью. Да, жизнь – сложная штука, распрызви ее мать... Доложился центровому, что все пучком и на время впал в полусонное оцепенение, стеклянно глядя перед собой. Вокруг, словно сонное бормотание некоего сказочного существа или перешептывание лесных духов, негромко переливался гомон джунглей, сплетенный из трелей птиц, стрекотанья насекомых и прочих невнятных шорохов и звуков.

Через какое-то время Сплин снова принялся вслушиваться и неспешно оглядывать свой сектор, не забывая задираТЬ башку для осмотра высоких ветвей, так как хорошо запомнил ночную атаку прыгуна. Предутренняя мгла не была такой густой, как вчера после дождя, но дымка все равно делала очертания неясными и таинственными. Долго пялиться в одно место было нельзя, а то непременно начнет казаться, что среди листвы есть что-то зловещее. Лучше полагаться на слух и периферийное зрение, медленно и непрестально переводя взгляд, и глядя не на, а сквозь деревья. При этом не следует искать что-то конкретное, иначе услужливое воображение тут же состряпает, что нужно из мешанины неясных контуров. «Да кто, на хрен, будет шарообиться в этой дремучей чащобе по такой тьме египетской?» – провернув го-

лову до отказа вправо и переключая зубами селектор очков на обычный режим в целях экономии элементов питания и сохранения остроты собственного ночного зрения, подумал он. Возвращая голову в нормальное состояние, позволяющее смотреть прямо перед собой, он вдруг обратил внимание на какой-то контур на тропе среди стелящихся туманных ключев, которого вроде бы не было раньше. Он снова включил ИК, ночник – ничего. Может объектив очков грязный? Да нет, однако, иначе бы этот неясный силуэт ездил вместе с поворотом головы, а он неподвижен.

Тут призрак пошевелился, выставив у верхней трети горизонтальную продолговатую выпуклость, словно обвешанную волокнистой бахромой ветку. Ствол оружия. В маскировочном кожухе. Сплин холодеющим хребтом осознал то, что пока отказывался понимать и принимать разум: пиздец подкрался незаметно – за ними идут. Человек был с ног до головы закутан в профессиональный маскировочный комплект «объемного камуфляжа», который делал его невидимым в ИК-режиме и сливался с цветом фона по яркости в режиме ПНВ. Ходячий куст стоял и бесконечно медленно с нечеловеческой выдержкой оглядывался. Затем он бесшумно двинулся вперед вдоль недавнего следа их отряда. Плавно, как бы по частям, так что движение всего размытого элементами маскировочного балахона силуэта было суммой малоинтенсивных шевелений, которые вполне могли бы быть приняты за естественное покачивание растений.

Сплин лихорадочно пытался заставить свои полусонные мозги соображать. Следопыт его не заметил, а должен был, ведь наверняка у него есть ИК-очки, для которых на ближних дистанциях слабый туман и подлесок не являются преградой, хотя частично и мешают. Похоже, пористая «пенка» теплоизолирующего подклада плащ-палатки поглотила выступающий из-за укрытия тепловой контур его тела, а открытая часть лица оказалась недостаточно заметна в инфракрасном диапазоне из-за маскировочного грима, ослабляющего тепловое излучение, или же была принята за мелкую безобидную зверушку. Он с предельной осторожностью медленно укрылся за ствол дерева так, чтобы при этом не потерять возможность продолжать наблюдение – не заметили до сих пор, значит, скорее всего, и не заметят, главное самому не потерять гостя из виду, не создавать шума и не мельтешить.

За следопытом показалось еще двое вооруженных типов с интервалом примерно в пять-шесть метров. Больше пока никого не было. Это мог быть отдельный поисковый отряд, целью которого было найти их и вызвать подмогу. Это также мог быть передовой дозор более крупного отряда. Возможно, что это какие-нибудь контрабандисты, хотя особого груза они с собой не несли и чересчур уж толково зашифровались, так что вряд ли. Надо было радировать своим, но Сплин боялся заговорить, так как в предутренней тишине его могли услышать гости. Сплин сидел не шелохнувшись, мыслен-

но внушая троице, что здесь никого нет и быть не может. Он чувствовал кислый проквашенный запах своего давно не мытого тела, который, казалось, можно учуять и за километр. Он дышал ртом, чтобы не сопеть, и выдыхал под горловину плащ-палатки, чтобы не было пара, но ничего не мог поделать с оглушительным стуком часто бьющегося сердца. От волнения кровь прилила к лицу, мысли распadaлись, не оформившись, сосредоточиться было трудно. Как только ситуация более-менее стабилизируется и начинает маячить выход, жернова судьбы делают очередной оборот и все опять становится хуже.

Сплин обдумал мысль о том, чтобы положить этих лучших одной густой очередью, одного магазина должно хватить, преследователи были под углом, и относительное расстояние между ними с точки обзора Сплина было меньше, чем абсолютная дистанция. Может, дальнобойную рацию добыть удастся. Но у этого варианта была масса недостатков в плане неясных последствий, даже если и получится. Например, ищейки не выйдут в нужное время на связь и по тому, в каком квадрате был последний сеанс, и куда они собирались идти дальше, сделают вполне определенные выводы. Он дождался, пока гости чуть удалятся и, опустив подбородок, чтобы голос дополнительно приглушала плащ-палатка, вызвал центрального, от души надеясь, чтобы тот не дрых.

– Зуб, это Длинный – тревога, бля!

– Конкретнее, – сразу же деловито отозвался тот.

– Мимо меня по нашему следу только что прошли трое вооруженных типов. Больше пока не видно. Двигаются грамотно. Меня вроде не заметили.

– Розыскные животные или поисковые устройства есть?

– Нет, только люди. Я засек троих, – уточнил Сплин и вдруг подумал, что может быть еще идет пара по сторонам, и фланкер вполне может оказаться у него за спиной. Сплин, с трудом сохраняя самообладание, осторожно оглядел сектор с другой стороны – никого.

– Жди указаний, – коротко ответил Зуб и прервал связь, чтобы доложить командиру.

Подавляя желание тут же ломануться в расположение отряда, он долгих два десятка секунд ожидал, слушая как, казалось на всю округу, бухает сердце.

– По-тихому вали обратно. Не торопись и смотри куда наступаешь. Мы сматываемся и уходим в отрыв, пока гости огибают петлю.

Старательно переставляя ноги, и плавно перенося центр тяжести тела, словно шел по тонкому льду, Сплин двинулся в расположения отряда, стараясь быть невесомым, как перышко, следовать тем же путем, что пришел сюда, и замирая, ощутив подошвой ботинка какую-нибудь неровность, в страхе, что она оглушительно хрустнет и он засветит и себя, и всех остальных. Но боги раздолбайства были милостивы, и он чисто добрался до места как раз к моменту, когда Бецман заканчивал собирать МОНки, а Штырь ставить ловушки –

растяжку на точке входа на место ночевки и гранату на зажатой скобе под дерн, где укрыли мусор. Хоу указал Сплину на место в колонне, и через полминуты отряд ускоренным маршем двинул перпендикулярно траектории преследователей, периодически меняя направление. Было еще темно, поэтому двигались, используя режимы спецвидения очков.

Погоня прибавила всем мотивации, усталость отступила перед лицом опасности, Сплин почти забыл все свои болячки. Вчерашний переход без преследователей за спиной уже воспринимался как утраченное благо спокойствия. Быстрый шаг временами сменялся на бег, если позволяла поверхность и густота растительности. Штырь отстал осмотреться и поставить еще несколько ловушек на базе ручных гранат с укороченным замедлителем. Догнав отряд после контрольного наблюдения, он подтвердил, что следопытов только трое и идут они именно по их следу, иногда теряют его, но снова находят, причем периодически выходят в эфир. Грохота взрывов от поставленных гостинцев не последовало, хотя вполне возможно их и обнаружили, но сам факт минирования обычно изрядно остужает прыть преследователей. Особенно если ставить ловушки с толком – где-то попроще, на виду, для «заманухи», а чуть дальше похитрее – основную «рабочую». Отряд разделился на две группы, которые какое-то время двигались порознь, затем вновь соединились в назначенной точке. Рассвело, поднималась жара. Сделали пятиминутный привал – восстановить дыхание.

– Но как же они нас нашли? – отдышавшись настолько, чтобы иметь возможность говорить, высказал всеобщий вопрос Чибис.

Боцман глотнул воды из фляжки, вытер губы, размазав по лицу грязь, смахнул с бороды роящийся в ней гнус, и несколько раздраженно ответил:

– Это для тебя, пижон городской, все здесь одинаковое зеленое дерьмо. А грамотный человек, да к тому же местный, ориентируется в этой долбанной чащобе, не хуже, чем ты в своем загаженном метро. Следы в грунте, угловатые кусочки засохшей грязи из рифленой подошвы, перевернутые мокрым кверху камни, примятая растительность, нарушенная структура росы на траве, ломаные ветки, кора, содранная ботинками с валежника, брошенные отходы, да и черт знает что еще... Взвод оставляет целый тоннель, по крайней мере, на некоторое время. Его в упор не увидишь ты, и не всегда замечу, например, я, но всяко заметит профессиональный следопыт, – он помедлил, и, заметив, что слушает не только Чибис, продолжил:

– Например, с вертолета или с грузовиков, если дороги рядом, ссаживают квадратно-гнездовым небольшие поисковые команды – до пяти человек, и те прочесывает наиболее вероятные варианты маршрутов, пока не пересекутся со следом. Можно «пасти» окрестности вероятных «водопоев» или броды, размещать засады на узких проходах в складах местности, можно выборочно проверять участки с хорошей

сохранностью следов, которые, скорее всего, вынужден будет пересечь тот, кто следует определенным курсом. Да много приемов есть, что-нибудь да сработает. Это ведь только кажется, что джунглям конца-края нет, и здесь целая армия бесследно может раствориться, а на самом деле, если прикинуть «живые» направления и отбросить заведомо бессмысленные, то найти группу людей, имея нужные ресурсы и мотивацию – вполне выполнимая задача. И вот тут-то вся наша пиздопляска и маскировка разом идут на хуй, потому что, как только они плотно сядут нам на хвост и раскусят общее направление, так вызовут подмогу и нас так или иначе обложат и затравят, – Боцман говорил не столько, чтобы поднять чужой образовательный уровень, сколько уже просто размышлял вслух о том, что беспокоило его самого.

Джейсон невнятно выругался себе под нос.

– И что делать-то? – спросил Барни, полненький невысокий малый, отличавшийся по жизни непомерной изворотливостью, причем порой даже в ущерб себе.

– Рвать когти быстрее, чем нас догоняют. Избегать шаблонов и повторов, не совершать ожидаемых действий, если возможно, хотя иногда и нелогичные выверты могут стать сильным ходом, – ответил Штырь, восходящим жестом ладони показывая, что привал окончен, и пора трогаться. – Боц, ты это крутовато краски сгустил – давай-ка уже прекращай мне тут людей страшать, не так уж и бестолково мы идем – можно сказать, творчески импровизируем. Не сцы, Толстый,

ничего не кончено, пока все не кончено, – морщась и поправляя лямки ранца на стертых плечах, подмигнул он вко-нец загрустившему Барни.

– А чтоб не расслаблялись, ибо нехуй, – ощерился Боцман.

Энтузиазм Сплина к полудню упал ниже некуда. Предельный темп в режиме чередования через четверть часа бега и быстрого шага вымотал всех. По мере того, как его покидали силы, в душе нарастало упертое ожесточение, замешанное на усталости, боли, горечи и надвигающейся безысходности. Жить все еще хотелось, но как-то уже больше по привычке. Он так вымотался, что перестал бояться, эмоциональная часть сознания вместо страха постепенно заполнялась тлеющей злобой на свое бессилие, на эту долбанную страну, где человек человеку волк, на эти безразлично жестокие джунгли, которые, казалось, заживо переваривают его. На ярости и ненависти можно уйти далеко, дальше, чем на любых других чувствах, потому что любые другие не настолько первобытны и тесно связаны с животным человеческим естеством, не настолько чисты, искренни и не так близки со смертью, держась с ней на равных, не заискивая и не пресмыкаясь. Но рано или поздно наступает момент полного опустошения, когда человек во всей полноте осознает бренность и тщетность всего сущего, и, если отпущено достаточно времени, случается, что приходят покой и просветление. Такого не бывает в случае внезапной угрозы на ровном месте –

слишком быстрый переход от сытости. Нет, лишения должны быть постепенны, но неумолимы и не должны оставлять сомнений, тогда это пройдет надлежащую выдержку и созреет, подарив краткий миг свободы, чтобы затем бесповоротно отнять все. Сплин страшился этой грани, так как чувствовал, что близок к пределу, за которым наступает оупляющее равнодушие ко всему. Какое-то время он, словно в трансе, повторял про себя по кругу наподобие мантры полубессмысленную матерную импровизацию, изредка меняя конструкции и изобретая новаторские, доселе неслыханные словоформы – это немного занимало ум, отвлекая от сползания в депрессивную апатию, и задавало движению некий ритм.

Сознание Сплина подернулось рябью, как горячий воздух над степью, он уже неадекватно чувствовал свое тело, словно оно было неким сторонним механизмом вроде шагающего экскаватора, а он просто сидел в кабине. Изображение в глазах двигалось с какой-то нездоровой задержкой по отношению к перемещениям взгляда, словно в видеоискателе дешевого цифрового фотоаппарата, резкость также фокусировалась с замедлением. Он мысленно говорил на какие-то левые темы сам с собой, с давними друзьями, которых сто лет не видел, с мертвыми, которых видел совсем недавно. Пытался сказать им что-то, о чем зря в свое время зря промолчал, за что-то извинялся, с кем-то спорил, кого-то материл. Жизнь – не спираль, жизнь – петля. Весь мир – иллюзия, реальна

только боль, которая тоже иллюзия, но от нее невозможно отделаться, оставаясь при этом живым. Можно усилием воли лишь отогнать ее на пару секунд, но она, словно жалящее насекомое, неизбежно вернется снова и неумолимо примется за свое. Ставки растут, пока игрок в состоянии держаться на ногах. Второго дыхания не будет – будет последний вздох.

Потом все эти надуманные абстракции постепенно сошли на нет, затылок начал пробраться знакомый колкий морозец, свидетельствующий о недостаточном притоке кислорода к мозгу, и каждый следующий шаг Сплин ожидал потери сознания. Он подумал о кислородном баллончике респираторной маски. Но маска лежала в ранце, чтобы ее добыть, надо было снять ранец, отстать, потеряв место в колонне, достать-подышать, надеть ранец снова и догнать остальных – довольно затратный комплекс мероприятий для того, кто едва волочит ноги. Придется терпеть до привала, остальные ведь как-то идут, шел и он, судорожно хватая ртом воздух, как вытасенная из воды рыба, стараясь двигаться как можно однообразнее и экономнее, потеряв ощущение времени и реальности. Стадное чувство – могучая сила, был бы один – может и загнулся бы, да слег уж давно, а при честном народе запахло своей слабости потакать, вот и прешь на одной воле, фактически без сил уже. На тренировочной базе тоже бывало тяжело, но там все же трудности подавались некими порциями, структурированными динамичными эпизодами с более-менее понятным смыслом и обозримой протя-

женностью. Там не было этой жары и влажности, постоянной угрожающей неопределенности, а призрак смерти не маячил поблизости, словно терпеливый стервятник, методично ожидающий, пока изнуренная жертва ослабеет достаточно, чтобы от нее можно было спокойно отщипнуть кусочек-другой. Смерть не все возьмет, тонко подмечено. Возможно, потому что порой она просто оказывается последняя в очереди. После жажды, боли, страха, усталости и целого сонмища прочих демонов, которые, взяв каждый свое, способны опустошить человека дотла, оставив смерти лишь прибрать то немногое, что еще осталось от очередной твари божьей. Сплин с тревогой ощущал, что уже не просто устал, его организм не успевал восстанавливаться, работая на износ.

При подъеме на склон отрубился, закатив глаза, Барни, свалившись, будто его выключили – укатали Сивку крутые горки. Бедняге вкололи в ляжку тубик «бодряка» прямо сквозь штаны, разобрали его ручные гранаты, чтобы немного облегчить груз – в ходу иголка тяжела. Сплин взял и себе одну, Барни ведь был из его отделения. «На кой черт взял – сам же еле иду? А, похер – пригодится...»

– Блядь, щас все, на хуй, начнут плыть, вон и Длинный уже доходит, Джейсон как дырявая помпа сипит на всю округу – привал нужен, – запросил Доплера Штырь.

– Да вижу я все... Привал пятнадцать минут, заодно надо курс прикинуть, – отозвался из центра колонны Доплер, доставая универсальный компас с GPS, чтобы сориентиро-

ваться и внести поправки в направление.

– Ебучие глаза! А у нас, братцы, оказывается, курс есть, – невесело съязвил Валет, убедившись, что его не слышат офицеры. – Очень мне хотца знать, куда мы на хрен премся и за каким хреном. – Он вдруг болезненно скривился и порывисто вскинул ладонь, чтобы прихлопнуть очередного жирного комара на шее, риторически посетовав:

– Господи боже, ну на хрена ж было создавать столько этих тварей, если всему этому невьёбенному лесу хватило бы за глаза даже тех, что одного меня жрут?

– Война – хуйня, главное маневры, – себе под нос исчерпывающе ответил на первый вопрос Джейсон, жадно скручивая пробку с фляжки. Ручейки пота оставляли на его чумазом лице извилистые светлые дорожки.

Вообще-то зубоскалить причины не было – кратчайшие пути по «легкой» местности предсказуемы и вернее ведут в западню, но Сплин хорошо понимал Валета – каждый раз, когда меняли направление, возникало раздражение от того, что последние силы расходуются, а путь все удлиняется и конца-края ему не предвидится. В голове настырно скреблась мысль, что неплохо бы послать эти маневры подальше, топтать напрямик к границе, и будь, что будет. Сплина посетило мимолетное ощущение, что, несмотря на все маскировочные выверты, отряд встал на какую-то роковую колею и движется по ней вниз по наклонной. «Дорога в ад – вот как это называется», – поддакнул внутренний голос. – «Че-

ловек пока жив, но подсознательно догадывается, что уже обречен, и это чувство крепнет, хотя внешне все еще далеко не безнадежно». «А ну-ка не пизди!» – мысленно оборвал Сплин внутренний голос, который редко когда блистал глубокой интуицией, зато часто портил настроение неясными предчувствиями.

Преследователи – тоже люди и страдают от дискомфортных условий не меньше. Дальше гнать не имело смысла – если удалось оторваться, то удалось, если нет, то разрыв все равно сохранялся. А если и предстоит бой, то надо иметь на этот случай хоть какие-то силы. Сейчас они двигались перпендикулярно прежнему направлению, чтобы убедить погоню в намерении побыстрее пересечь границу.

Судя по карте, если следовать текущему курсу, а затем повернуть в сторону, то вскоре должен был начаться горный участок, в среднем на два-три километра над уровнем моря, у подножия покрытый лесом, а выше – затейливыми скальными нагромождениями. При грамотно проложенном маршруте, там, с одной стороны, легче было бы оторваться от преследователей, используя складки рельефа и неблагоприятную для следопытства поверхность, а с другой – наблюдать и контролировать подступы, находясь уровнем выше противника. Надежно сбросив преследователей с хвоста, можно опять сделать «ход конем» и снова войти в джунгли уже прежним курсом. Погода в тех горах большую часть времени стояла хреновая: туман, осадки, что дополнитель-

но усложняло следопытство и преследование. Шелли знала несколько вариантов прохода, относительно безопасного с точки зрения сложности маршрута и возможности быть обнаруженными. Кроме того, а может и в первую очередь, там было какое-то аномальное магнитное поле, безвредное для людей, по крайней мере непродолжительное время, но приводящее к нестабильной работе электроники и радиосвязи, что, в частности, препятствовало действиям авиации на малой высоте, где можно было эффективно задействовать имеющиеся приборы наблюдения и бортовое оружие.

– И какого же хрена я не высадил эту хуерагу в деле, ведь столько поводов было, все на крайняк выстрел берег... Щас бы порхал, как балерина по сцене, – имея в виду свой РПО, служивший десятикилограммовым довеском, высказался себе под нос Ривера.

– Зато мы с тобой, типа, главный калибр, – позитивно отметил Зуб. И добавил:

– Одноразовый... – он экономно пригубил фляжку, с видимым волевым усилием оторвался от горлышка, прополоскал последним глотком рот и сплюнул, сверкнув золотым передним зубом на верхней челюсти, за который и получил свое прозвище. Зубу перед выездом колонны снова всучили РПО, теперь уже однозарядный трофейный, но более мощный, который весил примерно столько же, что и спаренный. Он тогда начал было ворчать: я, мол, уже свой штатный отстрелял, давайте-ка, пусть кто-нибудь другой теперь для раз-

нообразия побудет огнемечиком. Но взводный ему ответил, что он просто создан для этого оружия, как никто другой в отряде – вон как в холл второго этажа душевно приложил при штурме, да и тащить-то на самом деле не надо, мы ж, типа, поедем, а не пойдем. Вот так, «прославишься» на чем-нибудь – потом с этого хрен соскочишь...

Барни дали вдохнуть кислорода из баллончика респираторной маски, он слабо застонал и разлепил веки, полуосознанно ворочая глазами яблоками, казалось, в независимых направлениях. Штырь отнял маску и ободрил пришедшего в себя страдальца:

– Толстый, ты что, хотел помереть и соскочить, а нас тут гнить бросить? Просыпайся, солнце мое... На руках тебя носить некому, каждый должен тащить свое дерьмо сам. – Барни сел, осоловело глядя перед собой, его взгляд постепенно обретал осмысленность – «бодряк» делал свое дело.

– Сдыхаю, блядь! – не свойственным ему низким голосом с какими-то жестяными инфернальными интонациями оценил свое самочувствие Барни.

– А кому сейчас легко? – посочувствовал Малой. – Кончай шлангом прикидываться – на тебе ж пахать можно...

За задержку отряда Барни никто ничего не предъявил – он фактически сделал всем одолжение, что отрубился вместо них, дав возможность отдохнуть остальным. Доплер определился с курсом, довел его до офицеров, а те довели до бойцов ближайшие контрольные точки. Опять начали запрягаться в

снарягу, плечи и загривок отозвались на надетый без малого тридцатикилограммовый ранец привычной ломотой, которая постепенно, где-то через час-полтора движения, станет невыносимой. Боцман ушел в головной дозор. Темп держали довольно резвый, но уже без перебежек. Чуть позже еще раз разделились, прошли часа три порознь, выписывая крученые маневры, затем снова сошлись.

Дело клонилось к вечеру, хотя было еще светло. Ночевать должны были уже в горах, в какой-нибудь укромной щели или пещерке. До туда осталось несколько перегонов, да там еще немного, чтобы затеряться. «Это я переживу» – про себя решил Сплин. Сама горная система отнюдь не являлась гостеприимным безопасным местом, где будет легче, чем в джунглях – везде свои трудности, но в долгом походе порой необходимо ставить себе некие надуманные промежуточные цели, иначе монотонные выматывающие усилия под корень похерят всякую позитивную мотивацию, что в свою очередь дополнительно обессиливает организм. Сплин вбил себе в голову, что стоит добраться до горного массива, как преследователи от них так или иначе отвяжутся, а просто идти маршем по сколь угодно сложной местности без непосредственной угрозы жизни уже не казалось ему существенной проблемой. Инъекция Бишопа, ускоряющая регенерацию тканей, делала свое дело: ранение на бедре и травмированное колено, не то чтобы прям уж заживали – постоянная нагрузка этому не способствовала, но, по крайней мере, хуже не

становилось. Сплин и думать не хотел, что бы с ним стало, если бы не чудеса современной фармакологии. Кроме того, он выбросил фонарик, несколько оставшихся от штурма флэшек (пару отдал Боцману на сигнальные растяжки), прицел от многозарядового РПГ, который прихватил в качестве подзорной трубы и дальномера, часть предметов гигиены, еще кое-что по мелочи, не относящееся напрямую к выживанию.

Все это Сплин выбросил в мутную желтую воду, смахивающую на гороховый суп, когда переходили вброд по пояс речушку, пойма которой была изрядно заболочена. «Первопроходцами» тогда двигались Вэйл и Палмер, им и пришлось проверять брод, пока остальные настороженно ожидали, затаившись вдоль берега. Шелли сказала, что обычно здесь всего лишь ручей, но уровень воды после позавчерашнего ливня был все еще высокий. Вэйл опасливо мерил палкой глубину и плотность дна, а Палмер, находясь рядом, на всякий случай веером щедро сыпал лениво текущую воду отпугивающим порошком из баночки с «Откатом» как из перечницы – в прибрежных зарослях были замечены какие-то юркие рептилии с вытянутыми зубастыми мордами. Те вроде бы не собирались нападать, ни поодиночке, ни стаей, и размера были некрупного, но черт их знает, да и мало ли кто еще может подтянуться на суету переправы. Сплин воспользовался паузой и приготовил избыточное имущество, список которого он уже долго перебирал мысленно, на выброс при переправе – в этой пиздятине на него не наткнется никакой

следопыт. Водонепроницаемые бахилы оставил – в горах повыше будет мокрый снег, а промочить там ноги – это не просто дискомфорт, а угроза обморожения или пневмонии какой-нибудь. Черт, все жалко, толком-то и скинуть нечего.

Хотел выкинуть и пистолет, но передумал и оставил, бросив лишь одну запасную обойму из трех. «Застрелиться и одного патрона в стволе хватит» – капнул на мозги внутренний голос. «Пшел-ка ты сам знаешь куда» – ответил ему Сплин и назло, из вредности оставил две обоймы. Он также отдал Штырю две ручные гранаты из четырех для постановки растяжек. Некоторое сокращение ноши слегка облегчило жизнь. Избавляться от чего-то еще ради сиюминутного облегчения было бы недальновидно – если у врагов оно будет, то они получат лишнее преимущество.

В который раз вылезли из гнилухи на более твердую почву, пошли быстрее. Перебираясь через очередное нагромождение валежника, Сплин поехал на мокром и скользком от грибков наклонном бревне и свалился, чуть не напоровшись лицом на сухие и гладкие, как пики, сучья поваленного ствола дерева впереди, некогда могучего, а теперь доедаемого древесными насекомыми.

– Ебитская сила! Еще по своей дурасти убиться не хватало, – вполголоса выругался он, пытаясь найти опору, чтобы подняться, и напоминая себе, что надо быть внимательнее.

Конечности проваливались сквозь сеть более мелкого валежника, как в сугроб, Сплин барахтался, как черепашка,

которую перевернули на спину. Чибис полуобернулся, показывая рукой себе за воротник:

– Слышь, не в падлу, посмотри, мне кажись тварь какая-то волосатоногая за шиворот залезла и ползает там, сука, не могу сам достать...

– Угу... Только помоги встать, плющит нещадно, – ответил Сплин.

Чибис развернулся, чуть наклонился над бревном, протянул руку. В этот миг вокруг его головы с каким-то деревянным щелчком вскипело, словно нимб, облачко багрового пара, а одна глазница плеснула наружу месивом тканей и черепных жидкостей, превратившись в рваный провал, причем другая половина лица осталась чистой. Это было так неожиданно и дико, что Сплину в первую долю секунды пришла дурацкая мысль, будто беднягу укусил этот самый неведомый паук, оказавшийся непомерно ядовитым. Тело Чибиса еще продолжало заваливаться из-за бревна на сторону Сплина, а тишина раскололась треском очередей и грохотом гранатных разрывов.

– Засада!!! Укрыться, разобраться по секторам и вести подавляющий огонь!!! Над землей цельтесь! – отрывистыми инструкциями рявкнул в наушнике голос Доплера.

Отряд залег за ближайшие местные укрытия – корни и стволы деревьев, валежник, пеньки, неровности грунта, паля во все стороны, толком не видя противников. Те же, напротив, вели планомерный отстрел на выбор. Пули щелка-

ли по деревьям, срезали ветки и ковыряли грунт вокруг. Сплин коротко выглянул из-за бревна, в одну секунду ставшего его лучшим другом и единственным спасением, чтобы оценить, откуда бьют. Он заметил характерный контур дульного пламени вражеского пулемета в нескольких десятках метров левее. Впереди лежал раненый Джейсон, который несколько секунд ранее шел в колонне перед Чибисом, а теперь в шоке рассматривал свой развороченный живот и пытался удержать расползающуюся требуху внутренностей, все еще не веря, что это случилось именно с ним. Действие развивалось столь стремительно, что несколько секунд психика Сплина еще по инерции находилась в состоянии относительного равновесия, несмотря на наблюдаемые события. Едва он успел занырнуть обратно, как щедрая очередь начала крошить верхнюю кромку бревна, несколько пуль попали в лежащего поперек Чибиса, тот вздрагивал от гидродинамических ударов как живой, хотя точно был убит первой же пулей в голову. Вот тут-то волна паники опустошающе прокатилась по душе Сплина, словно приступ тошноты от внезапной невесомости, разлагая волю, вызывая слабость мускулатуры, снижение координации движений и мыслительных способностей. Одно дело, когда бой кипит вокруг, как некое обезличенное стихийное бедствие, а другое – адресный обстрел и персональная угроза гибели, что выделяется даже на фоне смертельно опасного окружения. Сплин понимал, что если поддаться накотившему страху, то он затопит

сознание целиком, напрочь вытеснив разум, и человек превратится в скулящий от ужаса трясущийся студень, неспособный постоять за себя, а потому обреченный на позорную смерть. Следовало немедленно сосредоточиться, спланировать и предпринять какие-нибудь осмысленные действия.

Чибис, несмотря на щуплое сложение, при жизни был весьма вынослив и тащил полуавтоматический 43-миллиметровый гранатомет с шестизарядным магазином револьверного типа. За него он, очевидно, и поплатился, в глазах нападавших став опасным противником и важной целью. Сплин прикинул, что из автомата дадут пальнуть несколько раз, а потом подловят и подстрелят или обойдут и все равно подстрелят. Короче, нужен был новый масштаб, иначе хана. Он подтянул тело Чибиса поближе, стащил с него гранатомет, затем отполз чуть назад, отклонился на спину и, оставаясь под прикрытием бревна, высадил поверх него весь барабан осколочных гранат по деревьям над местом, где засек дульное пламя пулемета. Разлет осколков в значительной мере ослабила или поглотила растительность, но задумка в целом сработала: пулемет замолчал, и интенсивность стрельбы из пораженного сектора поутихла.

Сплин расстрелял в сторону врага магазин с дозвуковыми патронами, примерно ориентируясь по звуку и вспышкам, поставил обычные, соображая, что делать дальше. Судя по направлениям, с которых велся обстрел колонны, это была старая добрая засада прямым углом, так что отряд оказался

в коробчатой зоне поражения спереди и слева по ходу движения. Назад по старому курсу отступать было опасно, так как там вполне могла подпираться группа преследования. Уходить в сторону – тоже идея не фонтан: многих успеют перещелкать, кроме того, может, имеется и группа охранения, которая только и дожидается, что отряд ломанется прямо к ним на стволы или в минную ловушку. Порой, когда выходы из критической ситуации немногочисленны и очевидны, это, вполне возможно, не выходы, а расчетливо приготовленные входы, ведущие не к избавлению, а в окончательную западню. Критический приступ начального страха схлынул по интенсивности до «рабочего» уровня обостренного ощущения опасности, но ситуация была по-прежнему тупиковая, снова возникло некое фаталистическое чувство, что он уже сорвался в пропасть, но еще не достиг невидимого пока дна.

– Длинный, не тормози – меняй укрытие! – предупредил по рации Хоу.

Сплин стащил с Чибиса матерчатую ленту с выстрелами к грану, приглядел подходящее дерево с большими корнями, которые вполне могли послужить бруствером, кинул в сторону противника предпоследнюю ручную гранату, и, не дожидаясь ее разрыва, ломанулся к новому укрытию, чувствуя, что движется непозволительно медленно. Бросать старался за спину врагам, не столько серьезно рассчитывая многих уложить, сколько затем, чтобы те отвлеклись и искали себе новые укрытия, пока он меняет позицию. Тактически

небезосновательная задумка, но, возможно его гранату просто никто из врагов, увлеченных пальбой, не заметил – удар в спину, словно доской, бросил Сплина на землю. Закатившись куда хотел, он прислушался к своим ощущениям и пришел к выводу, что пуля вошла в ранец и попала в сферу, лежащую внутри него в качестве кастрюли с патронными пачками, потому что спинные пластины вряд ли бы выдержали. Выходит, что воистину запас жопу не ебет, по крайней мере, иногда... О боли, причиняемой при движениях прежними травмами, уже и не вспоминалось – ставки вновь взлетели до небес, усталость как рукой снялась вбросом адреналина и обострившимся ощущением опасности.

– А-а-а, су-у-ки! – иступленно орал Джейсон, в которого локомотивом ударила лютая боль, поначалу не ощущаемая из-за шока. Он уже понял, что настал конец и не просил о помощи, но смерть почему-то все не приходила.

Надо бы морфия бедолаге вколоть, чтобы хоть отошел спокойно, да прямо сейчас никак не получится. В следующий момент заряд гранатомета разнес предыдущее укрытие в горящие, словно фейерверк щепки и добил раненого в живот Джейсона, отбросив его опаленное тело в сторону, как сломанную куклу.

– Угандошу выблядков... – сквозь зубы процедил Сплин. Сопоставив звук выстрела гранатомета и вероятную траекторию едва мелькнувшей гранаты, что разворотила бурелом, в первые секунды спасший ему жизнь, Сплин нашарил

взглядом белесое облачко от вышибного заряда, выделяющееся на фоне более темной растительности. В быстром темпе слева направо высадил одиночными полтора десятка патронов в ту сторону, целясь у земли. Сам факт стрельбы отчасти успокаивал и придавал возне смысл: это уже не одностороннее избиение, а бой равных. Остальные бойцы также сориентировались и отстреливались теперь более осознанно. Он снова выглянул чуть в сторонке, и, подловив шевеление в зарослях, истратил остаток магазина, прочесав серией выстрелов окрестное пространство – вроде в кого-то даже попал. Тропа в джунглях – это все-таки не дорога серпантинном в горах, уязвимая сверху и зажатая с боков естественными преградами, так что, пережив начало нападения, был шанс убраться с линии обстрела и сравняться в условиях с нападающими. Главное верно определить направление отхода или прорыва, чтобы не угодить под кинжальный огонь снова. Сплин перезарядил свой автомат и гранатомет Чибиса, вставив в барабан через одну с осколочными три сохранившихся со штурма газовых гранаты. Огляделся, не обходят ли их с другой стороны. Услышал позади себя возню в зарослях и приготовился стрелять по источнику шума, нервно выжидая секунды, пока направление цели не определится более четко, чтобы не обнаружиться промахом и не навлечь на себя прицельную очередь с близкой дистанции. Сплин уже начал выбирать свободный ход спуска автомата, когда его остановил знакомый голос:

– Длинный, не стреляй, это я, – из кустарника-подлеска вывалился запыхавшийся Барни, упал, перекатился, шустро переполз до укрытия по соседству. Тут же вокруг его позиции заплясало крошево, взбитое попадающими пулями. Сплин облегченно выругался, выглянул и открыл огонь, примерно ориентируясь на звук и вспышки выстрелов. В подобной перестрелке редко когда удается толком разглядеть врага, обычно лишь неясные силуэты, косвенные признаки, призрачные контуры движения, по которым немедленно открывается прочесывающий огонь, чтобы успеть нанести удар первым.

– Прорываемся в лоб по старому курсу, так будет вернее, что в новое говно не вляпаемся. Дым давайте, у кого остался, – скомандовал по рации Доплер.

Хоу пальнул из своего разового РПГ, отбросил трубу, махнул, чтобы Сплин с Барни двигались к ним, а Малой открыл огонь из автомата, прикрывая их перебежку. Сплин взвел и бросил последние две дымовухи одну слева, другую справа от себя на предполагаемое расстояние до рубежа противника. Сзади бросил одну Барни, впереди – по одной Малой и Хоу. Сплин намотал ремни оружия на кисти, чтобы не выронить в случае падения, взял гранатомет Чибиса в левую руку, а свой автомат – в правую, и, прижимая приклады локтями к бокам, рванул вперед за остальными, перебегая от укрытия к укрытию. Бесплотная дымовая завеса черного цвета, словно копоть от горячей резины, создавала иллюзию защи-

ценности, но разум понимал всю уязвимость положения, напряженно ожидая рвущего плоть удара. Они по очереди прикрывали друг друга, ведя подавляющий огонь сквозь прорехи в дыму или просто вслепую сквозь дым, целясь над самой землей из стрелкового оружия и повыше – из гранатометов.

Впереди, в голове колонны вспыхнула густая перестрелка и серия разрывов.

– Ускорьте темп, есть проход, – велел Штырь.

Сплин и Барни бежали рядом, поливая огнем каждый свой сектор. Отдача револьверного гранатомета больно толкала Сплина в основание левой ладони, но он не обращал на это внимание: главное, ребра не ломает – бронежилет не даст. В радиусе нескольких метров от эпицентра объемного взрыва боеприпаса РПО из-под ботинок поднимались облачка светло-серого пепла, ветви деревьев были без листьев, словно обглоданные. В ближних окрестностях валялось несколько тел солдат противника в обугленных лохмотьях одежды, пораженных ударной волной или перепадом давления, от которых лопались кровеносные сосуды, разрушались ткани, отбивались или выворачивались внутренние органы. По пути попадались и тела бойцов отряда, задерживаться около них было некогда, да и бессмысленно. Наконец, вражеская стрельба стала затихать позади. Догнали Хоу, Малого и Раймо. На ходу обменялись мнениями. Поговорить было в радость – это привилегия уцелевших, которой грех

не воспользоваться.

– Барни, ты еще жив? – отдышавшись, спросил Раймо.

– Ох, и не спрашивай... Пока вроде «да»... – ответил Барни, все еще не вполне веря, что удалось проскочить смертоносный коридор.

– Да такого хитрожопого, как этот толстопузый хмырь, палкой не убьешь, – ощерился Малой.

Вообще-то Барни не был таким уж толстопузым, он просто был малость поупитаннее остальных, а после учебки это стало еще менее заметно. Так же, как и Сплин был не таким уж длинным, просто немного повыше остальных. Но уж как прозвище прилипнет, так это надолго, проще имя в паспорте поменять, чем стряхнуть народом данное погоняло.

– А Джей и Чибис? Еще кого-нибудь видели? – снова спросил Раймо, который был ближе к голове колонны во время нападения.

Сплин отрицательно мотнул головой:

– При мне оба убиты в самом начале. Мы с Жердям последние выходили, за нами никого нет.

– Блядь, нас все меньше, – мрачно констатировал Малой, и похвалил Сплина:

– А пиздато ты там по деревьям выступил – типа «Гранатометчик снова наносит удар».

– Ага. «Ответный удар» – так круче звучит, – в тон ему ответил Сплин.

– Монах, догоняйте бегом по старому курсу, у нас ране-

ные, – позвал из головы колонны Штырь.

Сплин и Барни после лихорадочных метаний прорыва довольно приблизительно представляли себе свое нынешнее относительное положение, а также курс до ближайшей контрольной точки маршрута, которая по умолчанию являлась местом сбора в случае внезапного вынужденного рассредоточения. Но Хоу и Раймо ориентировались лучше, и в точку сбора все вышли быстро без лишних блужданий. Раненых, переживших прорыв, было трое: Вэйл фактически неходячий, его тащили вдвоем на носилках из плащ-палатки с использованием телескопического шеста. Палмер мог какое-то время передвигаться с посторонней помощью, Валету перевязывали руку в области кисти. От отряда осталось восемнадцать человек. Большинство убитых приняло смерть в первые секунды боя, пока враг имел преимущество внезапности.

Ривера из своего РПО расчистил проход, но был смертельно ранен в грудь, едва изготавившись к стрельбе. Выстрел он сделал уже из последних сил и упал замертво. Боцман, шедший в головном дозоре, пропал. То ли дал тягу, воспользовавшись моментом, то ли проморгал засаду и погиб первым. Жаль, борзый был тип, но боец ценный – с пулеметом управлялся виртуозно. Остальные офицеры уцелели. Шелли тоже выжила, оставаясь в укрытии поблизости к Доплеру в ядре колонны. У нее был ошалелый вид и несколько остекленелый взгляд с признаками легкой кататонии, но самооб-

ладание она не потеряла, хотя была на грани. Черт, да все были на грани. С ранеными скорость существенно замедлилась, но это было отчасти компенсировано стимуляторами, которые всем поголовно пришлось употребить, чтобы хоть как-то поддерживать достойный темп. Стимулятор рассасывался во рту – через слизистую ротовой полости он быстрее поступал в кровь. На вкус – нечто вяжущее, вроде чифирия.

Противник, находившийся в засаде, похоже, счел себя недостаточно многочисленным для немедленного агрессивного преследования и какое-то время перегруппировывался. Надо было прорываться в горы, там другой расклад – кто выше, тот и король. Лес понемногу редел, грунт стал более каменистым. Вырвавшись из засады, сменили направление, чтобы не влезть в потенциально возможный следующий эшелон засады. Повернули прямо к ближайшему отрогу горной системы – надо было торопиться и проскочить до того, как их обложат наглухо. Торкнул стимулятор – обострились чувства и рефлексy, возросла выносливость. Мучительные ранее усилия давались легко, ощущалась легкая эйфория, сходная с алкогольной, Сплин чувствовал, что смотрит про себя кино, где он безмерно крут и неуязвим.

Сверху возник хлопающий гул вертолетного мотора. Военно-транспортная машина классической компоновки с мотором на крыше и стабилизирующим хвостовым винтом сделала атакующий заход и обрушилась на остатки взвода огонь бортовых пулеметов и личного оружия десантников через

открытые двери и иллюминаторы. Сплин, припав на колени посреди пулеметных очередей, сопровождая траекторию движения противника, открыл беглый огонь одиночными – так меньше заносило ствол. Восхитительно: они промахиваются, а он попадает. Да иначе и быть не может, ведь он же неуязвим. Быстрая череда фонтанчиков земли перечеркнула бойца, ведущего огонь по вертолету с открытой позиции впереди. Моррис опрокинулся навзничь с развороченной грудной клеткой – очередь пулемета схемы Гатлинга прошла скорлупу бронежилета как фанеру. Черт, со своими поварскими навыками он мог бы легко устроиться где угодно, хоть в армии, хоть на гражданке, и какая только нелегкая его в отряд занесла – теперь вот...

Сплин укрылся на полкорпуса за стволом ближайшего крупного дерева, поставил дисковый магазин с бронебойно-зажигательными и сменил режим стрельбы, к черту одиночные – это не вставляет, выбрал момент, когда вертолет развернется на второй заход и покажется в видимом среди крон участке неба, после чего открыл непрерывный огонь. Рядом вздрагивала от близких попаданий земля, крошилось щепками дерево, он ничего этого не замечал, впившись взглядом в невидимое за светофильтром шлема лицо бортового стрелка вертолета, чей пулемет обратил к нему продолговатый оранжевый язык густого дульного пламени, пытаясь слизнуть очередную жертву в своей механической жадности. Приблизившийся вертолет грохотал, как адская колесница,

Сплин рычал от восторга, высаживая магазин сплошной очередью, ощущая со стрелком какое-то противоестественное единение: они доверили друг другу самое дорогое – свою смерть. Человек, которому нечего терять – свободен. Свободный – непобедим, хотя и смертен. Раньше принятию этой мысли мешали усталость и боль, но теперь они отступили, а душа, наоборот, обрела волю – «идя долиной смертной тени, не убоюсь зла, ибо похуй мне все ныне!» Сплин чувствовал себя словно на гребне огромной волны, зная, что вот-вот неизбежно сверзится в бурлящую темную бездну, но сейчас, в этот самый миг, он был на вершине мира, мать его так до основания.

Трассы пуль с термоупроченным сердечником продолжали возноситься в небо, чтобы сделать из команды загонщиков и их транспортного средства чертову перечницу. Зажигательное наполнение пуль при попадании их в корпус вертолета порождало короткие вспышки. Убитый бортовой стрелок, нелепо всплеснув руками, ввалился назад, крутанулся и остановился шестиствольный блок его пулемета. Диск автомата опустел за семь секунд. Вертолет вдруг начал вращаться в плоскости несущего винта, попытался было набрать высоту, но вскоре окончательно потерял управляемость и по нисходящей спирали рухнул где-то неподалеку впереди по курсу. Зря они так низко опустились, желая сократить себе работу, предварительно проредив преследуемых из бортового оружия. Сплин едва не заорал, как неандерталец, завалив-

ший мамонта, что сбил-таки сукина сына, но его критическое восприятие реальности не настолько ослабло, чтобы не понимать, что кроме него палил весь взвод.

Второй вертолет пролетел над ними, не задерживаясь, в сторону места засады. По-видимому, забрать своих раненых, доставить подкрепление и боеприпасы. Сесть там было негде, так что спускаться будут по тросам, а раненых поднимать лебедкой. Это займет какое-то время. Взвод продолжил движение, и, вскоре достигнув места крушения, окружил сбитый вертолет. Немного пахло горелым двигателем, из которого струился дымок, но внешние признаки пожара отсутствовали. Хвостовая балка надломилась, лопасти несущего винта погнулись, мотор частично провалился внутрь издырявленного фюзеляжа и раздавил в лепешку тех, кто был ближе к деформированной кабине с расколотым плексигласом. На стенках кабины изнутри красовались потеки крови, пилоты были убиты или переломались при ударе о землю. Среди тех, кто сидел ближе к хвосту кто-то шевелился.

– Замри, падла, не то пришью на хуй! – рявкнул на всякий случай Доплер, с оружием на изготовку заглядывая внутрь.

Угрозы были излишни, выжившие после перестрелки и жесткой посадки были дезориентированы или даже в шоке. Доплер выбрал самого целого на вид, из тех, у кого прощупывался пульс, выволок его наружу, приказал двоим бойцам обыскать вертолет, остальным рассредоточиться вокруг и наблюдать за подступами, а счастливцу вколол «бодряка»,

чтобы привести в чувство и душевно пообщаться.

– Дерьмо попало в вентилятор, – морщась, заключил Клинч, переворачивая переломанных и передавленных солдат в пассажирском отсеке, в поисках ценных трофеев.

Он выборочно передавал наружу боеприпасы и снаряжение. Бортовые пулеметы были слишком тяжелы и громоздки, чтобы тащить их с собой. Те, у кого был на исходе боекомплект, перекладывали магазины из трофейных разгрузок себе – часть десантников в вертолете была вооружена «Вепрем».

– Оба-на, рацию нашел, вроде целая, – сообщил Клинч, стягивая находку с солдата, у которого голова моталась с ненормальной степенью подвижности на шее. – А радист готов, шея сломана.

Слэш трепетно принял рацию и начал проверять ее работоспособность.

– Джек-пот, парни! Мы снова при связи, – возбужденно заключил он. И уже с меньшим азартом добавил:

– Было бы только с кем связываться...

Пришел в себя пленный, который, судя по прикиду, был проводником или следопытом. У него был то ли перелом костей таза, то ли компрессионное повреждение поясничного отдела позвоночника. Доплер вытащил нож и, подтянув «языка» за воротник поближе, немедленно задал ему прямой вопрос:

– Хочешь остаться в живых таким, как сейчас или без

пальцев и других ценных органов?

Пленный в ужасе попытался отстраниться, слабо сопротивляясь. Он был не слабым головорезом, иначе не имел бы этой работы, но его взяли в оборот в уязвимый момент. Доплер угрожающе навис над ним и продолжил в том же духе:

– Еще раз: мне нет резона тебя мочить – раненый ты будешь отвлекать своих от того, чтоб те замочили меня. Но, если не найдешь, чем меня обрадовать – не взыщи. Думай быстрее, мы торопимся.

Допрашиваемый обреченно кивнул, выражая готовность к сотрудничеству. Это в кино плененные герои плюют врагам в лицо и выкрикивают патриотические слоганы под пытками. В жизни же, как правило, людям далеко не все равно, что с ними станет, и мотивом расколоться до самой задницы может служить даже более легкий способ умереть. А тут обещают жизнь, да еще обоснованно и так хочется этому поверить. Пленный под чутким руководством собеседника поведал, что сейчас неполный взвод в засаде, но вот-вот ожидается подкрепление на вертолетах. Засада была организована силами небольшого мобильного отряда и имела своей целью задержать их до подхода основных сил. Первоначальный план предусматривал также минную ловушку, но отряд Доплера неожиданно сменил направление и новую засаду пришлось организовывать наспех менее основательно. Пленный показал на карте известные ему районы действия поисковых команд. Горный массив среди них не значился.

– Босс, тут какой-то прибор типа ноутбука, – сказал Мурфин, который вместе с Клинчем обыскивал вертолет, и продемонстрировал некий портативный терминал с жидкокристаллическим откидным мониторчиком.

Доплер принял находку, оглядел, переглянулся со Слэшем и уперся взглядом в пленного.

– Я не знаю, что это, у связиста было, – ответил тот.

Доплер тыльной стороной ладони отвесил пленному за-трещину, отчего у того опасно мотнулась голова:

– Врешь, под тобой подобрали. Так как вы нас нашли?

– Ты серьезно оставишь меня в живых?

Доплер сдержанно кивнул.

– Если вы включаете свой прибор спутниковой навигации для уточнения своих координат, то координаты места, откуда пошел запрос спутнику, поступают на это устройство. Ваш наниматель сдал вас Лутару. Они договорились между собой. А Лутару вы нужны, чтобы не потерять лицо перед своими. Вот так-то.

– Шкуры ебаные, – констатировал Слэш и сплюнул, а Доплер глубоко вздохнул и несколько обескураженно произнес:

– О как... А я-то думал, что это пульт управления каким-нибудь беспилотником или что-то типа того...

– Все правильно – это пульт и есть, только вместо координат беспилотника сюда дублировались ответы твоей системе навигации, – успокоил Слэш.

Доплер покачал головой, на всякий случай вытащил бата-

рейку из своего GPS и поднялся, намереваясь уходить.

– Эй, – позвал его пленный. Доплер обернулся.

– Затащите меня в вертолет обратно, а то мои все поймут и могут сгоряча грохнуть меня за стукачество. Я не скажу, что вам проболтался.

Это была хорошая сделка. Другие выжившие были по-прежнему в глубокой несознанке и не слышали допроса.

– Идет, но тогда еще рабочие частоты и кодировки давай до кучи, – затребовал Доплер.

Выслушав набор основных и резервных радиочастот, а также параметры скремблирования, он велел положить пленного на место и для пущего правдоподобия заминировать вертолет ручной гранатой, подложенной под чье-нибудь тело.

– Скажешь, что пришел в себя в последний момент и заметил подянку, – бросил Доплер пленному и дал отмашку трогаться.

Не успели пройти часа, как позади раздалась серия разрывов. Сплин решил было, что это по каким-то причинам взорвалась ловушка в сбитом вертолете, но звук был непохожий на гранату и потом, почему несколько?

– МОНки, – определил многоопытный Слэш, – Кто там с кем, интересно, воюет?

– Может, это все-таки наша подмога была на втором вертолете, а пленный соврал? Надо бы с ними связаться или сигнал дать, – предположил Барни. Когда обстоятельства пет-

лей затягиваются на шее, человеку свойственно принимать желаемое за действительное и хвататься за соломинку.

– Дурак что ли, блядь, «сигнал дать»? Смени-ка меня лучше, чем ебалом попусту клацать, – обломил его Вудс, по прозвищу Вуду, который тащил вместе со Сплином раненого Вэйла. Это его, Вудса, гаитянскую шевелюру в свое время намотал на кулак Доплер, объясняя, почему группе новобранцев столь необходима новая стрижка. Когда Вудс передавал свой конец шеста с коконом носилок, Барни, бывший ниже его ростом, излишне резко опустил шест себе на плечо – раненый застонал сквозь зубы.

– Что, братан, хуево? – участливо спросил Вудс.

Ответ был очевиден. В таких случаях полагается для ободрения говорить какую-нибудь хрень типа «все будет хорошо» или «вот отправишься в госпиталь, на медсестер в коротких халатиках там пялится будешь, может и даст кто». Но Вудс, находящийся в состоянии готовальни от совместного воздействия предельной усталости и стимулятора, машинально брякнул не то, что следовало, а то, что думал:

– Не ссы, старый, не добьем и не бросим. Один хуй – пиздец всем, так и нехуй лишний грех на душу брать, – осознав, что несет не то, он осекся.

– Слышь, Колдун, ты щас у меня допиздишься, – пригрозил Штырь.

Солнце постепенно садилось, окрашивая все в багряные оттенки. Природа не отставала от людей и добавляла в пей-

заж красненького. Скоро темнота несколько увеличит шансы затеряться, можно какое-то время с включенными ПНВ идти, дотянуть бы. Господи, какой же длинный выдался день.

– Слэш, а попытайся-ка сюда пожарников вызвать, – вдруг тормознул группу Доплер. – Жопой чую, не успеть нам до гор. Да и раненые...

На молчаливый вопрос людей, каких еще, на хрен, пожарников, Доплер объяснил:

– Теперь уже нет смысла щемиться. Слушайте...

Пока Слэш налаживал связь, а Штырь ставил растяжки, Доплер рассказал, что, оказывается, конечной целью маршрута было, само собой, не пересечение границы с Моравией как таковой, а находившийся неподалеку аэродром, где базировались гидросамолеты и вертолеты пожарной авиации. В продолжительную жаркую погоду леса частенько горели, доставалось и сельскохозяйственным полям, и наркотическим посадкам. Так что отчасти официально, отчасти на договорных началах, пожарная авиация работала по специальности на все три провинции, в точке схождения границ которых она располагалась. Когда для пожаров был не сезон, летчики разбрызгивали над полями удобрения и средства от разных вредителей. Так что техника у них круглый год была на ходу.

Причем, поскольку боевые действия в Моравии не велись, аэродром сколько-нибудь регулярными военными силами не охранялся. Доплер планировал добраться, осмотреться, нанять или захватить, это уж как пойдет, подходящее воздуш-

ное судно и на нем добраться до расположения бригады в Портленде. Учитывая, что сейчас платежных средств на руках было куда больше, чем шансов их потратить, разумнее было договориться по радио с тамошним боссом, которому приработки на левом извозе, наверняка, не в диковинку. Типа, контрольный облет подведомственных территорий на предмет выявления очагов возгорания, если какое начальство или проверочная комиссия из тех, что не в доле, заинтересуются расходом топлива.

Частоты экстренных служб были известны и не кодировались, по крайней мере, при вызове. Слэш установил связь и передал наушник с микрофоном Доплеру. Пожарные сразу куда подальше не послали, что обнадеживало, перевели на кодированную частоту обсудить условия. Человек на том конце ломался, так как чувствовал по контексту, что возможность «сыграть в ящик» была куда выше, чем при обычных халтурках.

– Командир, ну чего ты мнешься, как девочка? Я предлагаю тебе хрену прорву денег, причем камешками, а не макулатурой, контрабандисты такого не предложат. Тебе даже не придется светиться, высадишь нас поблизости от какого-нибудь блок-поста или базы, дальше мы сами, а ты свободен и богат, – словно опытный торговец подержанными машинами терпеливо, но не теряя достоинства, увещевал его Доплер.

В конце концов пришлось чуток накинуть и договори-

лись. Доплер принял координаты точки эвакуации, частоту и время контрольного выхода на связь, после чего отряд продолжил марш.

– Полундра, ложись! – вдруг раздался в наушнике тревожный голос Мурфина из головы колонны, который углядел что-то подозрительное впереди. Сплин и Барни торопливо опустили пончо с раненым, ощутило приложив Вэйла о землю, и закатились за ближайšie укрытия.

Поздно, их тоже заметили. Опять вспыхнула перестрелка, заухали гранатометы. «Матерь божья, опять, да когда ж это кончится?» Дело неотвратимо двигалось к финалу. Их зажимали все плотнее. Ввязываться в затяжной бой было нельзя. Вот-вот следом подопрет засадная команда и тогда конец, до вертолета не дойдет никто. Но ломиться сквозь плотный огонь также было бесперспективно – растительность здесь была уже более разреженная. Доплер медлил, прикидывая по огневой активности противника верное направление прорыва. Появились новые раненые, о чем было доложено в эфире.

– Движение слева! – Вудс изменил направление стрельбы. Среди деревьев мелькали силуэты нового отряда противника.

Внезапно в тылу у атаковавшей с фланга группы раздались длинные пулеметные очереди и хлопки разрывов подствольных гранат. С фронта, ввиду такого дела, усилили активность – солдаты противника под не жалеющим патронов

прикрытием, перебежками передвигались все ближе, явно намереваясь закидать остатки взвода ручными гранатами, а может и захватить живых пленных на потеху Лутару.

– Зуб, как зайдут за бревно – хуячь из РПО по центру, – велел по рации Доплер. – Мур и Жердяй – прикроете Зуба. У кого разовые РПГ – взвести и наметить цели, но без команды не стрелять. Автоматчикам вести огонь двойками последовательно, чтоб в каждом долбанном секторе обстрела не было ни хуя заминок и пауз, не давайте им спокойно целиться. Отобьем атаку – будем прорываться.

Упорство и негибаемость ротного при таком явно гнилом раскладе поразили Сплина, несмотря на взвинченное состояние души.

В небе справа послышался звук вертолетных роторов. Неужели пожарник так быстро заявился? Поди, под огнем побоится садиться, да и негде тут особо. Нет, это точно не пожарник – сзади и слева тоже застрекотали вертолетные моторы. Это чужое подкрепление. Сейчас они, ободренные численным преимуществом, навалятся со всех сторон, поливая пространство перед собой длинными очередями и не давая поднять головы обороняющимся. Вжимаясь в землю, Сплин перезарядился и отложил ручную гранату, взятую тогда у Барни, для самоподрыва на случай плена – вот и нашлось для нее дело, как в воду глядел. Он посмотрел на Вудса, своего ближайшего соседа. Тот залег в ложбинке между земляными бугорками и сосредоточенно наблюдал свой сек-

тор сквозь коллиматорный прицел автомата, время от времени расчетливо постреливая короткими сериями одиночных. Тут его позицию начинали плотно прочесывать выстрелы, Вудс схоронился за укрытием, чтобы быть ниже линии горизонта, и, меняя магазин, повернул лицо к Сплину – глаз за широкими очками в пол-лица было не разобрать:

– Вот же пристрелялись, паскуды! Валяй, твой выход, я пока побуду на подхвате, потом опять меняемся. И так до победного конца...

– Ну что, бля, понеслась душа в рай... – пробормотал Сплин, деловито пристроил оружие поудобнее и несуетливо открыл огонь из автомата одиночными по перебежавшим от укрытия к укрытию врагам. Те двигались слаженно, неумолимо сокращая расстояние для решающего броска. С точностью у них тоже все было нормально – недостаток прицельности из-за неустойчивых положений стрельбы компенсировался численным перевесом стволов. Пули долбили в опасной близости, что весьма нервировало и после пары десятков собственных выстрелов заставило сократить свою активность до минимума, снова предоставив дело Вудсу, который тут же начал отрабатывать замеченные вражеские позиции. Гранатомет Чибиса Сплин намеревался оставить для ясных ближних целей, чтобы напоследок с толком отстреляться.

Он понимал, что эта атака последняя, ее не отбить, врагов слишком много, да все это понимали. Их время заканчивалось, вытекая как сухой песок меж пальцев. Ощущалась до-

сада проигрыша: столько усилий пропало даром – долго же пришлось побегать, чтобы вот так закончить. С другой стороны, за последнее время он столько узнал нового о себе и о мире, достиг, можно сказать, просветления в понимании того, откуда у жизни ноги растут, его приласкала Свобода. Не так уж мало, многие вообще всю жизнь проводят, как незнательные растения. А что соскочить скорее всего не выйдет, он в глубине души почувствовал, еще когда увидел разлетающуюся голову Чибиса. Вся остальная возня была лишь агонией. Доплер, их командир, вроде бы не совершал грубых ошибок и все делал как надо, но это не спасло отряд от гибели – выходит, не судьба. На каком-то из перекрестков дороги жизни они, каждый в свое время и по-своему, сами не зная того, сделали неверный выбор, свернув не туда, потом еще и еще, пока других вариантов не осталось и в итоге все оказались здесь, чтобы дорога равнодушно поглотила их, как и бесчисленное множество страдающих заблудших душ до них. Новый прах ляжет в ее основание, как щебень, не первый и не последний, растворившись среди праха безвестно сгинувших солдат всех бессмысленных войн во все времена. Добро пожаловать в Клуб. Интересно, что за пулемет там слева, они что, между собой дерутся за право на скальпы?

7. Подъем с глубины

Внезапно огонь противника стал слабеть и быстро сходиться на нет. Фигурки солдат начали ретироваться обратно, туда, где слышались вертолетные моторы. Сплин глазам и ушам своим не мог поверить. Но вот снялось с места прикрытие и, постреливая для пущей остротки, тоже попятилось назад.

– Слышь, Длинный, это что еще за нахуй? Они что, типа, отступают? – в недоумении повернул голову Вуду.

– Типа того. Испугались, что ты на них порчу напустишь, – ответил Сплин, наблюдая планомерный, но спешный и неестественный отход противника.

Может, своих отводят, чтобы напалим какой-нибудь скинуть? Да ну, фигня, штурмовой авиацией никто, кроме сил планетарного правительства не располагает, уж Лутар-то точно. Хотя, ни хрена не точно, на переоборудованную гражданскую поршневую лайбу тоже можно всякого понавешать. Передумали брать трофеи, из РПО вжарить хотят? Ситуацию прояснил Слэш, который принялся прослушивать трофейной рацией частоты противника:

– Их только что срочно отозвало командование. Всех. Что-то случилось, что требуются все имеющиеся силы. Пока не покидать укрытий и быть наготове, может туфта.

Через несколько минут шум вертолетов начал удаляться и затих совсем. Сплин стащил очки под подбородок, смах-

нул из глазниц пот тыльными сторонами ладоней. Его вдруг начала колотить крупная нервная дрожь. Он отпустил оружие и с силой обнял себя за плечи, но был бессилён подавить этот озноб, порожденный холодным дыханием близко прошедшей смерти.

– Колдун, слышь, коньяк есть? Таращит меня что-то, – наконец спросил он Вудса.

– Я тебе что, Санта-Клаус? А свой слабо? – повернулся тот, переводя взгляд с джунглей на Сплина.

– У меня только спирт из рациона, а он невкусный, – Сплин в который раз пожалел, что пропустил, а точнее проигнорировал из-за хренового самочувствия, выборочную приватизацию алкогольных запасов в поместье Лутара после штурма. – Да кончай щемиться, тут жизнь висит на нитке, а ты думаешь о прибытке, – Вудс усмехнулся и перебросил фляжку:

– Это ром, осторожнее, крепкое пойло.

Сплин хлебнул теплого рома, почувствовав аромат, но почти не ощутив крепости. С благодарным кивком вернул фляжку, отходянок помалу отпустил. Сплин легонько похлопал «крайнюю» гранату в карманчике жилета – не в этот раз, родимая, пока еще не пришло твоё время... Чуть позже из-за деревьев слева раздался знакомый голос:

– Эй, это свои, я щас встану – не стреляйте! – фигура поднялась, держа руки на виду.

Боцман. Он подошел ближе, сбросил пулемет, повернул-

ся кругом, задрав камуфляжку, чтобы показать, что он не засланный зомби, обколотый психотропными препаратами и обвешанный взрывчаткой с установкой на самоподрыв по условию.

– Я чист. Они улетели, – он махнул рукой, показывая направление. – Эй, вы что молчите, как не родные?

– Боц, где тебя носило? Ты что ли там фестивалил? – спросил, наконец, Доплер.

– Бля, это пиздец в цирке, как я встрял. На меня в густой чащобе навалились двое, когда я был в дозоре, чуть не задушили, – он показал забинтованной от кисти до плеча рукой на шею с синяками. – Кое-как отбился, рацию где-то проебал в драке. Решил, покуда возможно, не шуметь – вернуться и доложить, а по дороге назад осмотреться. Тут началась стрельба. Хотел зайти этим чертям во фланг, но они первыми меня засекли и накрыли залпом из подствольников, почти попали, руку осколками посекло, я потерял сознание. Очухался, вмазался-перевязался и пошел нашим прежним курсом, тут еще отряд с вертолета ссадили, поставил им МОНки. Слышали? Потом они меня заметили, погнали и выгнали на вас в тыл группе, что окучивала вас с фланга. Ну, думаю, отбегался, так хоть гульну напоследок. Половину БК извел, душевно дал этим блядям просрать, хотя не вышло бы одолеть их, конечно – больно матерые вояки, да и шибко до хуя их было. Реально пиздец мне уже светил с минуты на минуту... А потом они вдруг разом отступили к

вертолетам и улетели восвояси. Вот такая херня, пацаны... – Боцман был несколько смущен, так как первым не заметил засаду, и колонну застали врасплох.

– Боц, расслабься, к тебе нет претензий, что засаду не просек – один хрен мы и так уже залезли в мешок, нас свои слили, – ответил Доплер.

– Как свои? – поднял брови Боцман.

– Когда мой GPS посылал запрос, его ловил не только ближайший спутник планетарной администрации, а еще и какой-нибудь корпоративный спутник «Магмы». Зона покрытия у «Магмы» не сплошная, так что выходило один раз на несколько. Вот в этом случае и происходил слив наших координат на навигационные приборы ищейкам Лутара. Так они нас и нашли, – объяснил Доплер.

– Ну заебись – вот суки! – желчно процедил Боцман, затем грязно выругался и сплюнул. – А я ведь еще в поместье почуял, что нечисто дело... Ну, и какой у нас нынче план, босс?

– Вертолет заказали у пожарников, тут недалеко осталось, на час-полтора пути рысью. То, что тебе удалось выскочить из вторичной засады, возможно, спровоцировало преждевременное нападение на нас – они ведь не знали, что рация твоя проебалась. А твои МОНки задержали атаку с тыла. Короче, нормально ты сработал, добро пожаловать на борт, молодец, что выжил.

– А я-то как рад... – закладывая пулемет за шею, как ко-

ромысло, хмыкнул Бецман. – Однако, пиздец, нах – как в лучших сказках повезло нам, что тому дурачку. А может еще точку эвакуации перенести поближе? Чего топать лишнего, ноги-то не казенные...

– Не лайся при даме. И погоди радоваться, пока до базы не доберемся. Точку летун назначил, там место открытое, стромается он. Да и несолидно переносить – решит еще, что у нас серьезный геморрой и проще не связываться. Ну что, бойцы, вздрогнули, что ли...

Штырь закончил оказание первой помощи Хэллорану, получившему пулю в грудь, и кивнул двоим бойцам, ожидающим с пончо на шесте, чтобы те укладывали раненого. Малой схлопотал осколок в плечо. Это оказался фрагмент корпуса реактивной гранаты, а не полновесная порция шрапнельной начинки, поэтому из-за плохих баллистических свойств острый, но относительно легкий лепесток металла только уперся в кость, не сломав ее. В первый момент воспринялось как удар-тычок чем-то вроде отлетевшей щепки или комочка грунта, боль почувствовалась не сразу. Сплин и Барни вытащили осколок пассатижами, обработали рану антисептиком, заклепили бактерицидным пластырем. Малой, морщась, осторожно пошевелил рукой – пожаловался, что мышцу жжет и кость мозжит, но сустав вроде не нарушен. Ноги целы, чтобы идти, лямка ранца ложится выше раны, ближе к шее – короче, жизнь продолжается.

Мурфин, шедший на марше впереди, вначале стычки по-

пал под перекрестный огонь, так что головы было не поднять – казалось, даже не прострелит, а просто отстрижет начисто что ни высунешь. Пока переползал назад в поисках менее угрожаемой позиции, кусок шрапнели от подствольной гранаты на излете эффективного радиуса угодил ему в икру правой ноги. Наложил аптечку, начал отстреливаться. Активная аптечка почистила рану, смогла извлечь осколок, остановила кровотечение. Теперь аптечку сняли и перевязали рану самофиксирующимся бинтом, в какой-то мере подпускающим к ране воздух, чтоб рана не кисла, но более-менее не пропускающим снаружи воду и грязь, чтобы не было заражения. Мурфин заглотил горсть обезболивающих и противовоспалительных таблеток, чтобы без крайней нужды не тратить инъекции, попробовал пройтись. Рвущая боль мешала ходить и заставляла хромать, но Мур геройски заявил, что пройдет столько, сколько будет нужно – он был рад, что вообще остался жив. Слэш скептически посмотрел на Мурфина, но ободряюще кивнул – что ж, пусть идет сам, пока может. Разобрали по более здоровым ходам часть его груза, оставив лишь минимальную личную поклажу. На всякий случай соорудили ему костыль из телескопического шеста и снятого с автомата приклада. Как ни странно, путевой крупной палки нужной конфигурации в лесу, когда срочно надо не всегда сыщешь – то трухлявая гниль, то хрупкий сушняк, то наоборот, слишком гибкая зелень.

Еще кого-то с дальнего края позиции зацепило, Сплин

толком со своего места не разобрал, что у них там, да как – отряд по-прежнему сохранял рассредоточенное расположение на местности, опасаясь повторной атаки. Боцман и еще несколько бойцов наблюдали за подступами. В конце концов, всем раненым была оказана посильная медицинская помощь и назначены сопровождающие, а их груз был частично перераспределен, частично брошен, точнее, прикопан под дерн или валежник – все же не следовало явно показывать возможным преследователям, что силы на исходе. Отряд начал привычно выстраиваться в походный порядок...

Из восемнадцати выживших, считая Шелли и воскресшего Боцмана, семеро имели серьезные ранения, из них трое неходячих (Палмер тоже заплохел и не мог выдерживать нужный темп), не считая разного рода контузий, осколочных царапин или касательных и поверхностных ранений, которые почти у всех имелись. Почти каждый или помогал двигаться раненому, или сам был ранен. Броники и сферы все, кто еще не бросил это добро раньше, повыкидывали, чтобы было легче идти. Оставались еще один выстрел РПО Зуба и четыре разовых РПГ – на одну стычку может и хватит, но любое нападение вражеского подразделения сопоставимой численности будет в любом случае последним, отряд окончательно потерял мобильность. Если вертолета не будет, то неходячие, обколотые пока еще действующими морфинами, без квалифицированной медпомощи на одних активных аптечках не протянут и пары суток. А нынешние ходячие по-

сле окончания действия стимулятора если и не слягут с перспективами осложнений, то уж точно без продолжительного отдыха резвый темп движения по сложной местности поддерживать будут не в состоянии. Скорость продвижения, конечно, нельзя было назвать рысью, но под действием выживающего остатка сил стимулятора статическое напряжение не было так изнурительно, просто не получалось быстрее и все. Заросли продолжали редеть, интенсивность растительности напоминала уже скорее умеренный бор или прибрежную зону тропического островка, а не густой салат-ассорти.

Наконец, в просветы между деревьями замаячили горные цепи с обманчиво близкими вершинами, имевшие название Каменный Герб, данное за внешний вид главного пика, действительно напоминавшего некий трехглавый обелиск. Когда-то давным-давно в их черте упал метеорит, чем, вероятно, и объяснялось аномальное магнитное поле. Точка эвакуации находилась в безопасной, «нормальной» зоне, где джунгли сходили на нет, и горам предшествовала полоса галечного пляжа с редкими деревьями, островками травы и замшелыми черными валунами. Солнце зависло прямо над главным хребтом, бросая на изрезанные склоны обелиска предзакатные отсветы.

– Тихая погода стоит, такое там не часто бывает, – глядя из-под ладони на панораму заходящего солнца, негромко сказала Шелли, чтобы как-то отвлечься от мучительной

неопределенности.

В действительности всем было не до красот природы. Всех в напряжении держал насущный вопрос, кинет пилот или нет? Пора бы ему уже объявиться. Нетерпение нарастало с каждой минутой ожидания, изъедая душу сомнениями и невеселыми перспективами в случае облома.

Наконец, пришел ожидаемый контрольный вызов от пилота, Слэш подтвердил условия и скорректировал координаты. Заслышав стрекот мотора, на всякий случай рассредоточились. Штырь бросил пирофакел с желтым дымом для обозначения места посадки. Пилот облетел по кругу, и, убедившись, что заказчики не таятся и вписываются в оговоренные рамки по численности, начал приземляться. Сплин смотрел на снижающийся в поднятой пыли издававший виды «Конвей», как заблудившийся в пустыне изнуренный странник смотрит на мираж оазиса. После стольких контрастных жизненных перепадов он не мог до конца поверить в спасение из-за рефлексорного страха перед возможностью снова ощутить, как монетка его жизни опять будет цинично отправлена кувыркаться перстом судьбы. Мираж растает, а вокруг будет все та же пустыня, равнодушная и убийственная в своей раскаленной безграничности. А вдруг там внутри вражеский отряд? Глупо – крайне уязвимая позиция. А если десант неподалеку высадился? Вряд ли – подлетающий безоружный вертолет можно было наблюдать со значительного расстояния, и он не пытался финтить. Из зачарованного оце-

пенения его вывел голос Малого, тоже слегка обалдевшего от спускающегося с небес счастья:

– Слышь, Длинный, ты прикинь-ка хуй к носу: вертушка-то реально в красный цвет покрашена – настоящий пожарник, язви его мухи. А я ведь в детстве, было время, хотел стать пожарником и гонять без правил на красивой тачке с сиренами. Да... Много я чего хотел. И в детстве, и потом...

– Так радуйся, что не стал – правильно, вообще-то, будет «пожарный», а «пожарник» – это жмурик, которого на пожарище нашли, – ухмыльнулся Сплин, припомнив когда-то давно услышанную разницу в понятиях. – Знал бы ты тогда, какого дерьма придется огрести, чтобы прокатиться на жарке – наверняка захотел бы чего-нибудь попроще, – добавил он, поднимая свой край носилок с Вэйлом.

Пилот, мужик возраста Доплера с мясистой красной мордой вороватого прапорщика, высунулся из форточки кабины. Разглядев вблизи заросших щетиной закопченных солдат, с дикими глазами готовых на все недавних выходцев с того света, в изодранной униформе, заляпанной черт знает чем, он малость сбледнул лицом. Но Доплер, приветливо скалясь, продемонстрировал ему ладонь с камешками. Летчик, выборочно глянув один из кучки на заходящее солнце, решительно отринул всякие сомнения во вменяемости пассажиров, энергично кивнул головой и открыл кормовую дверь-трап. Два раза звать не пришлось, отряд мигом загрузился внутрь.

– А клевая у твоего корабля расцветка, отец. Помогает при пожаре? – ухмыляясь, спросил Слэш, пока летчик осматривал камешки. Понимал он в них толк или нет, непонятно, но выглядел при этом солидно. Не прекращая своих манипуляций, летчик ответил на подначку:

– Самый заебок у меня расцветка, сынок. Пожарных у нас в округе все любят, потому как знают, вдруг обратиться придется по какой надобности, вот как вам сейчас. По нам, пожарным даже в этой незаконной дыре не каждый урод с ПЗРК палить станет... Порядок. То, что доктор прописал, – пилот закончил экспертизу и, упрятав богатство в недра своего комбинезона, начал готовиться взлетать.

– А что бы он, интересно, сделал, если б даже это были стекляшки? – хмыкнул Сплин.

– А без разницы, что бы он сделал, и что бы сделали с ним. Мы бы все равно никуда не полетели, потому как у него рукоятка штурвала со сканером ДНК и механизмом саморазрушения блока управления на случай вскрытия. У вертушки Лутара режим идентификации был отключен, так как в боевых условиях это неудобно, а для левого извоза – незаменимая вещь, – устало объяснила Шелли.

Винты набирали обороты, гудящий рев моторов усилился. Кормовой грузовой трап начал подниматься, жужжа гидравликой. Когда летели из космопорта в лагерь, откуда начинали, народу было на два таких же полных вертолета, а теперь на один полупустой. Отрыв, набор высоты, выход на

курс. В открытую малую бортовую дверь видно, как проплывает внизу потемневший ковер джунглей, выглядящий сверху обманчиво однородным, мягким и безобидным. Солнечный диск наполовину скрылся за горной грядой, до которой им так и не пришлось дойти. Неужели выбрались? Тупой резыю напомнил о себе голодный желудок, раньше как-то об этом и не думалось. Сплин достал заначку – пластиковую тубу с концентрированным бульоном, и выжал себе в рот ее содержимое, которое упало на дно желудка как в пустое ведро. Затем сделал пару глотков теплой воды из фляжки, поделился с лежащим на полу раненым Хэллораном, осторожно поддерживая тому голову. Хэлу досталось в последней стычке: пуля сломала ребро и пробила легкое, из спины вырван шмат мяса – выходное отверстие. Хэл был первым кандидатом в покойники, так как при отсутствии медпомощи ему оставались считанные часы. Сейчас активная аптечка обеспечивала ему дыхание. Сплин убрал фляжку и, привалившись к мелко вибрирующей стенке, расслабился, ощутив себя пассажиром, который в последний момент успел на уходящий поезд, у которого есть билет и которому не о чем беспокоиться.

При полете к границе Доплер связался с диспетчером базы, где располагалась сводная бригада внутренних войск, чтобы им выделили воздушный коридор и подсуетились насчет приема раненых и целых. Летчик великодушно согла-

сился добросить щедрых клиентов прямо до места, а не до ближайшего блок-поста. Если что, то он принял сигнал о помощи и бескорыстно помог борцам за идеалы демократии не загнуться в стране победившего бандитизма. Это лучше, чем просто засветиться на радарх, как контрабандисту какому-нибудь. Кроме того, надо было обналичить часть гонорара, чтобы, отстегивая долю своим, не светить камешки. Гудеть во все тяжкие и прожигать жизнь летчик пускаться не собирался, по крайней мере, сразу.

Уже стемнело, когда внизу показались огни посадочной площадки. Зависание, снижение, касание, жужжание опускающегося трапа. С трудом ворочая конечностями, Сплин на пару с Барни поднял Вэйла, Малой помог выбраться Валету, которого развезло от кровопотери и лекарств и он толком не мог двигаться сам – бывает, что стгоряча-то эффект ранения поначалу в полной мере вроде «не вставляет», а потом, спустя некоторое время, накрывает и боль, и слабость. На освещенной базе царило оживление, как на ярмарке или в растревоженном муравейнике. Приземлялись и взлетали летательные аппараты, перевозящие солдат, грузно топающих в полной полевой выкладке, ревела моторами техника, перекрывая ее, матерились офицеры. Какие-то подразделения пребывали здесь транзитом, какие-то оставались ожидать распределения. Ряды щитовых домиков, казарм и ангаров там и сям перемежались с большими шатрообразными армейскими палатками, вокруг строений сновали люди.

В воздухе пахло выхлопами горючего, новой амуницией, полевой кухней. Да, порубать, кстати, было бы неплохо.

– Это что, готовят торжественный парад в честь нашего прибытия? – спросил, вертя головой, Сплин.

– Наверяд ли. Это больше похоже на переброску войск в район боевой операции, – усмехнулся Слэш. – Располагайтесь прямо здесь пока, мы с Сержантом пойдем в штаб, насчет устройства допиздимся, заодно узнаем, что тут за праздник.

Пожарный вертолетчик приятельски болтал через открытую форточку кабины с кем-то из местных, его тут знали. Видимо, выяснив, что в царящей возне все его здешние деловые партнеры были заняты, он распрощался и взлетел, освобождая место на площадке.

Доплер, отойдя в сторонку, рассчитался с Шелли, написав ей пароль к счету, та поблагодарила кивком головы. Он также отсыпал ей камешков из «оперативного фонда», причем, по-видимому, еще раньше отсыпал офицерам, так как осталось намного меньше. Доплер особенно не шифровался при раздаче, но рядовые были не в претензии, что «слонов» не досталось – если бы не офицеры, они были бы мертвы, вывели живыми – и на том спасибо, кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево...

– Ты уж извини, сестренка, что в такой блудняк тебя втравил, сама понимаешь – нужда заставила, – развел руками Доплер.

– Да ладно, чего уж теперь, дело сделано, – пожалала плечами Шелли. – Мне бы в порядок себя привести и где тут попутку до города найти можно?

– Уже уходишь? После всего того, что у нас было? Ну шучу, шучу... Погоди, мы щас до штаба сходим, осмотримся, – ответил Доплер, махая рукой Слэшу, и они направилась к двухэтажному зданию в центре с комплексом разнокалиберных антенн на плоской крыше. Шелли изнуренно опустилась на траву рядом с остальными.

Сплин жевал травинку, бездумно смотрел на суету вокруг и тихо радовался, что не надо больше никуда ни от кого бежать, быть в постоянной готовности, ожидая нападения, и тащить себя за яйца сквозь зеленую преисподнюю, когда хочется упасть и не шевелиться. Проходящие мимо колонны солдат в новом обмундировании синхронно поворачивали головы, взирая на их потрепанное подразделение. Кто-то глядел со смесью удивления и любопытства, кто-то с пониманием и узнаванием. Один из таких, встретившись взглядом со Сплином, подмигнул ему. Сплин кивнул в ответ. Добро пожаловать в Клуб. Наверное, это можно было в какой-то мере считать торжественным парадом.

Вернулись отцы-командиры и рассказали много интересного. Оказывается, своим чудесным избавлением их группа обязана тому, что на Лутара навалилась другая штурмовая команда, и он по рации затребовал всех своих людей, задействованных в поисково-карательной операции обратно, за-

щищать себя любимого, но те опоздали – Лутар был убит при грамотно спланированной и проведенной крутыми спецами зачистке резиденции, оставшейся с ослабленной защитой. О том, что бывшие партнеры вознамерились его убрать и, напаях с военными, уже запущена операция, Лутар знал заранее от наемника-перебежчика Зальцмана, которого отдел собственной безопасности «Магмы» использовал втемную, создав благоприятствующие задумке обстоятельства. Расчет на то, что алчность сподвигнет наемника продать объекту информацию о покушении на него оправдался. Выдержав паузу, первый отдел Корпорации вышел с Лутаром на контакт с предложением «слить» рабочий план операции по его смещению в обмен на возврат к соглашению о разделе продукции в прежнем формате. Якобы, полностью свернуть операцию уже нельзя из-за инерции вовлеченных в нее сил – военные уже впряглись в тему, сделка идет в обход них, но позволит спустить вопрос на тормозах и снова жить душа в душу, позабыв в интересах дела старые недоразумения. Лутар, понимая, что за него взялись всерьез, и добьются успеха, если не в этот раз, то в следующий, согласился, причем попутно решил для себя кадровый вопрос – подставил вместо себя и фактически руками их отряда убрал своего подельника Пако, который после неудачного мятежа оппозиции почувял слабинку босса и стал много на себя брать, а в свете новых договоренностей вообще сделался лишним при дележке.

Чтобы не дать повода сторонникам Пако поставить во-

прос о его способности реально контролировать территорию, Лутар тут же развил кипучую деятельность по ликвидации отряда Доплера. Чтобы новообращенный партнер надежней заглотил наживку, первый отдел «Магмы» даже поспособствовал с обнаружением беглецов через GPS. Отборные войска Лутара постепенно затягивали мешок, уходя вслед за преследуемыми все дальше, оставляя без прикрытия самого Лутара, который так и не понял до последнего, что «Магму» уже не устраивает какой-то там сраный раздел, ей теперь нужно все. Порой даже весьма ушлые проницательные люди, долго и успешно на разный лад обманывающие других, оказываются неспособны вовремя разглядеть относительно несложную оперативную комбинацию, направленную против них самих, как то бревно в своем глазу. Как только настал подходящий момент, команда опытных профессионалов, классом не ниже, чем Штырь или Боцман, нанесла просчитанный удар по резиденции Лутара на окраине столицы Либертии, где он потирал руки в ожидании победных реляций.

В настоящий момент войска Конфедерации и местные внутренние войска с территорий провинций, лояльных планетарной администрации, входят в Либертию и занимают ключевые объекты, покрывая всю провинцию структурой блок-постов и опорных пунктов. Как только вопрос с этим решится (что не займет много времени – когда большим шишкам всерьез надо, все шустро делается и ресурсы на это

как по волшебству находятся), последуют «свободные выборы», на которых победит правильный кандидат и «Магма» получит вожделенные месторождения обратно. А дальше – хоть трава не расти. Штабные использовали обтекаемые формулировки, и не все из расклада было произнесено открытым текстом, но домыслить недостающее было несложно.

– Так что же получается, нас за живца держали? Лутар успокоился, мы стянули на себя часть его войска, и этим воспользовалась вторая команда? – возмущенно спросил Боцман. – Браткам за атаку – хуй в сраку, а...

– Да, вот именно так и получается, что хуй стоит, а голова качается, – раздраженно прервал его Доплер.

– Я уж думал, ты там в драку полезешь и опять кому-нибудь челюсть сломаешь, такая у тебя зверская морда сделалась, когда все понял, – усмехнулся Слэш.

– А ты не особенно удивлен, как я погляжу, – заметил Штырь.

– Да так же, как и ты, полагаю. Все ж поняли, что нас наебали, просто только сейчас выяснилось зачем и как именно. В нашей работе такое бывает. Как верно подметила Шелли, дело сделано, – пожал плечами Слэш.

– Ну так что, здесь ночевать или как? Поставили нас на довольствие хоть? – спросил Боцман, возвращаясь к текущим проблемам.

– Все путем. Раз уж мы, паче чаяния, объявились, то име-

ем все причитающиеся права, с этим проблем не было, – ответил Слэш.

Подкатил санитарный фургон, забрал раненых. Какой-то капитан из постоянного штата базы отрядил им палатку, рассказал, где тут что и к кому обращаться, если что. Шелли до утра выделили комнату в пустующем по случаю выбытия постояльцев офицерском модуле. Бойцам предстояло провести несколько дней на базе, дожидаясь отправки в космопорт, оттуда на шаттле до корабля домой. Получили по случаю близкого дембеля новые форменные комплекты, помылись в душе, смыв липкий налет, оставленный на теле щупальцами джунглей, побрились, отоварились на кухне хавкой. Навевшись горячей цивильной пищи, Сплин отставил пустой котелок и, почесывая пузо, блаженно произнес:

– Бля, мужики, а жизнь-то налаживается – прям как заново народился...

– Однозначно, – поддержал Малой с набитым ртом, самоабвенно запуская зубы в кусок настоящего хлеба, выгодно отличавшегося по вкусу от галет из походного рациона, которые здорово смахивали на прессованные опилки. Воистину, если у человека все отнять, довести до предела, а потом малость вернуть и дать чуток оклематься, то он испытывает чистое незамутненное счастье и искреннюю благодарность судьбе.

Тут Сплин вдруг почувствовал, как же он зверски устал. Агрессивная и опасная внешняя среда больше не вынужда-

ла к активным действиям, требующим полного напряжения сил, почти постоянное ощущение опасности ушло, и теперь выжатый организм буквально валился с ног, требуя полноценного отдыха. Сплин доплелся до отрядной палатки, направился было к пирамиде за своим автоматом, но увидел в свете тусклой ночной лампочки, что никто при оружии не спит. Спотыкаясь о чужой скарб, пробрался к своей раскладушке, сел на край, после некоторого раздумья скинул ботинки и завалился, с наслаждением позволяя сну полностью овладеть разумом и подарить покой измученному телу. Миссия завершена, всем спасибо – все свободны, рота, отбой...

Большая часть народу подрыхла завтрак и очнулась от летаргии лишь к обеду, остальных разбудили духота и жара раскалившейся на дневном солнце палатки, выгоревший тент которой образовывал сейчас своего рода парник. Едва пробудившегося Сплина на миг охватило острое чувство тревоги, словно он осознал, что преступно утратил бдительность, типа, как будто заснул на посту. Успокоившись, протерев глаза, и с кряхтением приведя свое ломящее тело в вертикальное положение, Сплин обработал и заклеил мозоли, после чего не без труда вколотил нещадно сбитые и стертые ступни в до сих пор влажные ботинки. И как он только носился с такими ногами с полной выкладкой? Однако, коли смертушка в затылок дохнет, еще и не такое силенок достанет...

– Так, рядовой Длинный, ты там навсегда сдох что ли? А

ну-ка живо подъем – трибунал проспишь и без обеда останешься! – требовательно заглянул в палатку Хоу.

– Да иду я, иду уже... О, господи, ну что за жизнь – ни покоя, ни почтения к старому, насквозь больному, изможденному героической службой человеку – вечно дергают по пустякам, даже в кровный выходной, – недовольно бурча, выбрался на улицу Сплин. – Ну что, братцы, какие новости?

– Главная новость дня – раз уж один широко известный в узких кругах симулянт снова в состоянии в полный рост ворчать, значит какое-то время еще жить будет – народная примета такая, – не упустил случая поглумиться Малой.

Офицеры в штабе обстоятельно отчитывались о проведенной операции, исходя из принципа, что больше бумаги – чище задница. Доплер договорился, чтобы Шелли докинула до города попутная вертушка. Почти весь взвод, включая ходячих раненых, приперся ее проводить, пока летчик, вяло переругиваясь с техником, готовился к взлету. Шелли смутилась, так как не ожидала такого внимания. Они стояли у вертолета и смотрели друг на друга, не зная, что сказать – все было как-то не к месту. Наконец вылез чумазый техник и сказал пилоту:

– Ладно, лети уже – я что мог сделал, до капремонта дотянешь поди...

– Эй, подруга, ты летишь или остаешься? Да не дрейфь, тут вся техника такая, мой аппарат, можно сказать, один из лучших – десять лет, а все как новый, – оглянулся из фор-

точки кабины ехидно улыбающийся летчик, начали вращение винты.

Тут Зуб, единственный оставшийся в строю назначенный с начала похода командир отделения, вдруг вытянулся по стойке смирно, глянув на остальных. Остатки отряда почти синхронно вскинули кисть к виску в воинском салюте. Шелли смутилась еще больше, запрыгнула в вертолет и, махнув рукой из открытого проема снятой бортовой двери, сказала на прощанье:

– Бывайте, ребятки, ведите себя правильно, ни в какую гнилую войну больше не встревайте, не стоит оно того...

Вертолет улетел. Раненые поплелись обратно по палатам, целые – на обед.

– Матерая баба, таких не часто встретишь, – прокомментировал Малой.

– Да, хорошо шла, – согласился Сплин.

Хоу ткнул его в бок:

– Тоже мне эксперт, сам-то был – краше в гроб кладут.

– Осторожнее! Ребра болят... Ну, может и был... Так ведь не я один...

После обеда пошарились по базе, заглянули в финчасть за боевыми, какую-то долю обналичили для текущих нужд, наведались к парням в санчасть. Без неуместных здесь при себе оружия и снаряги Сплин чувствовал какую-то уязвимость, почти неполноценность, будто забыл что-то важное.

В местный госпиталь возили народ со всей округи, не

только армейских. Бишоп временно подрабатывал здесь, так как спецов не хватало, а делать ему до отлета было особо нечего. Сейчас он отсыпался после ночной смены. Дрейк оклемался настолько, что лежа на здоровом боку, вовсю дулся в карты с Валетом, который, оказавшись снова за любимым делом, обыгрывал и его, и большую часть скучающих соседей по палате. Он втыкал свои карты между стянутых повязкой пальцев раненой руки, которую врачам едва удалось сохранить, как в держатель, глаза его азартно блестели.

– Смотри, доиграешься, опять на край света бежать придется, – поддел игрока Барни.

– Да мы ж без интереса, – хитро сощурившись, ответил Валет. – Тут ведь и так край света.

Из эвакуированных раненых, дотянувших до квалифицированной медпомощи в стационарных условиях, никто уже не погиб. Хэллорана врачи тоже спасли, но он все еще был «тяжелый» и посетителей к нему не пускали. Роуч зависал в палате интенсивной терапии, опутанный какими-то дренажными трубками. На вопрос о своем состоянии он ответил:

– Стабильно хуевое. Я, блядь, в вертолете по дороге сюда чуть ласты не завернул, если б не Бишоп... Рана – не подарок, конечно, но непосредственной-то угрозы жизни вроде не было, а тут вдруг на полдороги внутреннее кровотечение открылось – заплохело враз. Чувствую, отлетаю на хрен – тело, как не мое вовсе и не больно уже, да и вообще все равно стало, Док надо мной хлопчет, в жилу капельницу ставит,

говорит что-то, а я не понимаю ни черта, мне спокойно так... Очнулся уже здесь, в госпитале. Щас говорят, помереть не должен, но с вами, однако, не полечу – меня кантовать пока нельзя, еще пару недель тут загорать самое малое. Скучища смертная. Что там снаружи-то хоть?

– Да все то же – земля, небо, солнце, жара. Расслабься, ты ничего не теряешь, – успокоили его.

Разговор помалу сошел на нет: здоровый больному, как и сытый голодному – хреновый товарищ. Роуч это знал, они это знали, никто не виноват, но это факт, как обычно, короче. Пожелали выздороветь и распрощались.

Сплин на всякий случай показал дежурному хирургу свои болячки, раз уж в госпиталь забрел, так как в нем вдруг взыграла мнительность, для разгула которой раньше не было достойного пространства. Хотя раны уже начали помаленьку подживать, напоминая о себе тянущей болью вместо прежних обжигающих волн, но ему вдруг показалось, что коварная судьба, упустившая свой шанс стереть его в джунглях, достанет-таки через заразу. Врач глянул, сказал, что, в принципе, все заживает нормально, хотя рана на бедре слегка гноится. Тут во дворе сел вертолет с партией раненых из свежевведенного контингента в Либертии – колонна попала под обстрел из засады. Сплина выпроводили, вторично вмазав регенерирующий состав и выдав стандарт таблеток для профилактики раневой инфекции.

Оно-то, конечно, праздность – грех, но сейчас, когда кон-

траст относительного спокойствия с недавно перенесенным напрягом был еще разителен, вынужденное бездействие в неизвестной дыре на краю света в ожидании отправки домой воспринималось практически как благоденствие в отпуске на курорте со всеми удобствами. После продолжительного существования словно на глубине под всесторонним давлением и отказа себе во всем личном ради выполнения задачи и выживания, хотелось уже предпринять что-нибудь жизнеутверждающее по собственной воле, а не под прессом жестких обстоятельств.

Сказано – сделано. Вечером в полном составе закатились в местный бар, отметить «по-человечьи» окончание операции, закрытие контракта и встретить надвигающийся дембель. Доплер встретил на базе каких-то знакомых по старой службе и они с офицерами еще с обеда находились в стационарном состоянии, исключая Слэша, который, как подозревал Сплин, по указанию Доплера приглядывал, чтобы молодые «по синей волне» во что-нибудь не ввязались, пустившись во все тяжкие, и не попадались под руку начальству из крыс-штабистов. Короче, не можешь предотвратить – организуй и возглавь. Вообще-то, «квасить» с рядовыми для офицера – плохая затея, ведущая к принижению командного статуса и потере авторитета. Но не в данном конкретном случае – во-первых, это не просто бытовая пьянка от морального разложения, а скорее некое ритуальное действие, во-вторых, потеря авторитета офицерам отряда не грозила – люди

все понимали правильно.

Бар в тихие времена был просто гарнизонной лавкой, но в зависимости от наплыва посетителей был по совместительству клубом. Наплыв очень даже имел место, народ перед отправкой на ту сторону отрывался, не жалея здоровья и средств.

Кое-как с помощью Слэша удалось добыть столик, договорившись потесниться и поставив выпивку соседям. Народу был пресс, шум от пьяных разговоров и музыки стоял оглушительный, кто-то там даже поцапался за доступ к диджею, который сам был обдолбан в умат, но держался за пультом стойко – талант не пропьешь, по крайней мере, не сразу. В воздухе дым висел коромыслом, причем отнюдь не только табачный. Сплин довольно быстро дошел до состояния алкогольной нирваны, на что, собственно, и рассчитывал. Он притянул за стриженный затылок башку Хоу и, упершись ему в лоб своим лбом, проорал в порыве чувств, перекрывая гвалт:

– Монах, ептыть! Азиатская твоя душа! Ты ж мне без пяти минут жизнь спас, тогда с деревянной иглой, когда я коленом маялся!

Хоу блаженно жмурился с загадочной улыбкой, словно статуя Будды. Осмыслив услышанное, он изрек:

– Дык, братушка, елы-палы!

Растопило Слэша, который пришел уже не пустой. Накатив еще малость, он рассказал, почему Доплера прозва-

ли Сержантом. Оказалось, отнюдь не за стереотипные типаж и командные голосовые данные. Эта погремуха возникла несколько лет назад на Шеоле, где он был капитаном, а Слэш зеленым лейтенантом в его роте. Тогда они еще не были наемниками, а были просто кадровыми военными-десантниками на службе у правительства Межпланетной Конфедерации и должны были высадиться в одной из мятежных провинций, чтобы занять административный центр города.

Предысторию Сплин помнил из новостных репортажей нескольких лет давности. Колонизация Шеола проводилась и финансировалась совместно двумя крупными корпорациями, одной из которых была «Магма». У каждой метрополии была своя сфера влияния, но, как это случается, в какой-то момент им стало тесно вместе. Проекту шел третий десяток лет, производственная база в основном была запущена, рабочая сила прибывала, дело вроде начало окупаться, но тут на невзрачный пограничный регион, находящийся в сфере влияния «Магмы», положил глаз конкурент – «Феникс». Провинция была – ничего особенного, но секретные геологические исследования «Феникса» показали, что, поставив там на определенном пятачке скважины, можно было очень даже выгодно тянуть нефть из огромного месторождения, находящегося почти целиком в недрах на территории «Феникса». То, что это случится, было лишь вопросом времени, причем довольно обозримого.

Правительство Межпланетной Конфедерации также име-

ло долю в проекте, но что особенно важно, оно могло перераспределять лакомые регионы между конкурентами, если компания, занимающаяся их освоением, плохо справляется со своим делом: без меры гнобит экологию, грубо и повсеместно нарушает трудовой кодекс по отношению к колонистам, допускает социальную нестабильность и массовые беспорядки на подведомственных территориях и так далее. Освоение с участием Правительства на конкурсной основе начало применяться, когда практика дикого захвата планет корпорациями показала себя неэффективной: конфликты между конкурентами разрастались в целые опустошительные войны, планеты после жесткого освоения превращались в выжатые зловонные отравленные пустыни, о рядовых колонистах вообще никто не думал, за людей не считал и условия труда у них были порой ужасные, а контракты просто кабальные.

Так вот, пока «Магма» не пронюхала, какую ценность представляет собой эта приграничная дыра, «Феникс» принял меры. Жизнь у рабочего народа там была нелегкая, хотя новая система колонизации и была более лояльной к людям. Сам народ тоже попадался всякий и разного отребья, служащего извечным базовым ресурсом революций, хватало. Так что, вложив относительно немного средств, дестабилизировать обстановку и устроить социальный взрыв оказалось несложно и недолго. Специально нанятые кадры не давали волне беспорядков затихнуть, затевая провокации и

подстрекательские митинги с битьем себя пяткой в грудь. «Феникс» опосредовано через профсоюзную мафию, чтобы не засветить свой шкурный интерес, начал давить на Правительство, чтобы те отдали проблемный регион в более достойные и компетентные руки, но «Магма», используя свои рычаги, пролоббировала ввод в мятежную провинцию правительственных войск для восстановления порядка.

Провинция к тем порам уже представляла собой что-то вроде нынешней Либертии – нормальные люди как-то быстро и незаметно растворились в наплыве разной местной и пришлой нечисти. Зачем работать на дядю, если можно быть борцом за свободу? Большую часть территории контролировали выросшие словно на фабрике по клонированию бандформирования, которые зачастую возглавлялись людьми, в мирной жизни мало чего из себя представлявшими, но при этом весьма тщеславными. Тем из главарей, кто обрел за время войны существенное влияние, порядок уже был не нужен, так как в нормальных условиях для реализации их властных амбиций не было бы места, а жить по закону и за свой счет гораздо труднее, чем обирать данников, грабить соседей и заниматься криминальными видами бизнеса. Такого рода лидеры нуждаются в образе врага для своих последователей, это многое упрощает. А если война с одним врагом, паче чаяния, сойдет на нет, то можно назначить врагом кого-то еще или заново разворошить застарелые обиды, и все пойдет на новый круг.

Бравый генерал, возглавляющий вторжение, решил до усрачки напугать полуграмотных немых туземцев молодецкой высадкой полка десанта с орбиты прямо на город, служивший административным центром и форпостом новой самопровозглашенной власти. Предполагалось, что, видя скоординированную мощь регулярных войск, плохо вооруженные повстанцы, обделавшись, сдадутся или разбегутся. А потом, если потребуется, выдавить оставшихся из лесных массивов и дело сделано – орден на грудь. Хорошая идея. Да кончилась плохо.

Повстанцы, против ожиданий командования, были до зубов вооружены и информированы о времени и месте высадки. Зенитный огонь их крупнокалиберных пулеметов и ПЗРК был сокрушителен. Неповоротливые десантные модули сбивались десятками и падали на город, вызывая пожары. Изначально десантники были настроены на относительно щадящую полицейскую акцию по пресечению беспорядков, а вышло, что угодили на тотальную бойню – их, покидающих приземлившиеся модули, выкашивали прицельным огнем, словно в тире, из заранее подготовленных позиций. Из ротных офицеров остались в живых только Слэш и Доплер, они со своими бойцами пробились из мешка, заняли угловое здание и держали оборону трое суток, ожидая подкрепления. Но подкрепления не было, никто из высокопоставленных хомяков в погонах не хотел брать на себя ответственность за возможную неудачу, да и план для изменив-

шихся условий отсутствовал. Кончались боеприпасы и продовольствие. Почти двое суток выбирались к своим, теряя в стычках людей и голодая. После все же были подтянуты свежие силы и предпринят повторный штурм, но должная координация на высшем уровне все равно отсутствовала – правительственные войска завязли в уличных боях, царил бардак, артиллерия и авиация поддержки частенько долбили по своим, так как город напоминал слоеный пирог, где участки, занятые противниками, затаенно перемежались. Младшие офицеры «на земле», из тех, что потолковее, кое-как пытались на своем уровне наладить взаимодействие и действовать по обстановке, подзабив на шапкозакидательские приказы штабных клоунов, а те, кто не имел опыта или не врубился в тему, бестолково клали людей и гибли сами.

Рота Доплера, расположившись в полуразрушенных строениях, третьи сутки безуспешно пыталась захватить капитальное здание районной администрации, расположенное так, что из него легко можно было, не напрягаясь, держать большое прилегающее пространство. В здании были гражданские, которые сначала искали там укрытия, а теперь повстанцы удерживали их как живой щит. Обработать здание огнем самоходок запрещали из соображений гуманности, так как целью операции было не уничтожение города, а восстановление порядка и защита мирного населения. Это вам не хрен собачий.

Выразить недовольство командования задержкой победо-

носного наступления приперся какой-то штабной майор, который с ходу наехал на Доплера с угрозами отстранить того от командования, если не будет немедленной атаки ключевого объекта. Доплер заявил, что гнать людей на убой не намерен и попросил несколько часов на разведку. Местный житель, у которого в здании была жена, сказал, что знает, как подобраться через служебные тоннели с коммуникационным хозяйством, надо было дождаться темноты и проверить эту тему. Штабист вроде согласился.

Доплер взял отделение и по темноте уполз кружным путем на разведку, а майор велел Слэшу идти в атаку и взять объект во что бы то ни стало, а то, мол, сгноит, причем так, что формально все законно будет, и в общих чертах обрисовал как именно это можно обтяпать. Была мясня, по ходу зацепили изрядно гражданских, потеряли немало своих. Доплер до этого всю кампанию возился со своими солдатами – не то что бы панибратство разводил или подтирал молодым сопли, наоборот, дровичил как котов, но исключительно по делу, к их же пользе. Он старался по возможности устроить своим людям сносную жизнь в тяжелых условиях – учил, объяснял, добывал нормальную жратву и нестандартную снарягу, устраивал бани, удобные ночевки и так далее, а теперь повсюду на подступах и этажах видел их трупы. Доплер впрягся в бой уже под занавес штурма, прервав не нужную теперь разведывательную миссию и потеряв одного бойца по дороге назад от пули снайпера, которых в развалинах

развелось чуть поменьше, чем крыс, жиреющих на трупях.

Когда здание было захвачено, он в горячке пронес майора на хуях – с матом выкатил ему все, что думает, коротко, но доступно. Майор угрожающе прошипел, что так этого хамства не оставит и свинтил назад, докладывать о победе, естественно, с освещением своей руководящей роли под нужным углом. Доплера на полгода разжаловали в сержанты в дисциплинарных целях и как не соответствующего служебным обязанностям. То есть номинально-то звание осталось, но фактически ему сократили жалование, количество подчиненных, круг решаемых задач и так далее до уровня сержанта. Один молодой солдатик, которому, выполняя приказ майора, пришлось бросить в подвальное окно гранату, чтобы угробить и бандитов, и прикрывающих их гражданских, потом три дня ходил сам не свой, а как-то раз в очередной стычке, бросая гранату, активировал замедлитель, а бросать не стал. Его окликнули, но он так и смотрел на нее задумчиво, пока взрывом не убило. Хорошо хоть остальных никого не задело. Доплер злился, но терпел, так как сливать в унитаз нелегкие годы, отданные «тяготам и невздам» и уходить из армии без пенсии и ясных перспектив дальнейшего заработка, понятное дело, не хотелось. Уважения среди бывших подчиненных он не потерял, даже наоборот, многие командиры также ему сочувствовали, но отмазывать никто не брался – каждый опасался за себя. При желании на войне, да еще такой странной, которая официально и войной-то не

считается, любого можно было под статью подвести, говнистый майор это умел и знался со многими упырями, кто в таком деле помочь мог.

Город с помощью свежих сил захватили через неделю, еще через три недели взяли под уверенный контроль остальные значимые населенные пункты провинции. Мирных жителей защитили по самое не могу – часть переживших «восстановление законности» подалась в банды, так как жить как-то надо было, а работы не было, часть стала беженцами и наводняла приграничные пропускные пункты, а оставшиеся постепенно пополняли ряды первых двух категорий. Гражданское население оказалось меж двух огней – с одной стороны, банды требовали содействия, с другой – войска, причем каждая сторона карала за помощь противнику. В войсках выросла доля потерь от минных ловушек и скоротечных нападений из засад, когда собственно противника-то часто и видно не было. Закономерно озлобленные военные в ответ «трясли» ближайшие поселения на предмет содействия партизанам, иногда довольно жестко и не всегда за дело. Население проклинали и тех, и других, озабоченное проблемой выживания.

Расхожая фраза о том, что «насилие порождает насилие» нуждается в уточнении. Например, если какой-нибудь негодяй умышленно сотворил беспредел и ему за это воздалось по заслугам, по схеме «как аукнется, так и откликнется», то баланс справедливости снова придет в равновесие и во-

прос на этот раз будет исчерпан. Такое адресное ответное насилие совершенно необходимо не только в смысле воздаяния: попустительство и отсутствие адекватного отпора приведут к повторению беспредела и, возможно, к увеличению его масштаба – поскольку один раз сошло с рук, значит и дальше можно так же продолжать и даже больше. А вот если по каким-то причинам вместо беспредельщика, сотворившего непотребство, под раздачу попадают посторонние, то восстановления баланса не происходит, а наоборот, возникает дополнительное возмущение. Новые пострадавшие в лучшем случае отыграются на своих непосредственных обидчиках, а в худшем – опять на посторонних. Истинный же виновник остается безнаказанным, при этом число вовлеченных в конфликт растет. При определенном стечении обстоятельств такая ситуация может принять весьма суровые формы и серьезные масштабы.

Война теперь поддерживала сама себя – почти у каждого жителя пострадал кто-то из близких или погибло имущество, кто что начал и кто в чем виноват уже всем было без особой разницы, банды воевали с правительственными войсками и между собой. «Феникс» тоже не бездействовал и расчетливо подливал масла в огонь выборочным спонсированием местного сопротивления, не позволяя расслабляться закрепившемуся в провинции конкуренту. Горечь потерь, месть, шкурничество, нужда и боль – все переплелось и запуталось так, что концов этого узла сыскать стало практиче-

ски нереально, да уже и не искал никто.

Нетронутая нефть лежала себе под землей, из-за попеременно вспыхивающих очагов боевых действий полномасштабный промысел вести не представлялось возможным, а время шло и люди продолжали гибнуть. Война не кончалась, потому что ни одна из сторон не так и достигла своей цели, а цели нельзя было достигнуть, потому что продолжалась война. Но никто не собирался уступать, предпринимая все новые хитровыебанные комбинации, поэтому конца и края этому непотребству видно не было.

Тот майор стал подполковником, возглавлял базу передовых операций и занимался планированием акций по блокированию и уничтожению партизанских отрядов в лесных массивах и населенных пунктах. С искоренением партизанщины дело двигалось с переменным успехом, но порой обстояло несколько странно, если не сказать мутно. Некоторые отдельные особо одиозные главари бандформирований были просто фантастически неуловимы и всякий раз после своих дерзких вылазок регулярно уходили от возмездия с относительно небольшими потерями. Это при том, что компетентные органы и их высокопоставленные сотрудники имели вполне достаточные полномочия и ресурсы, вплоть до возможности задействовать спутники-шпионы. Да и территория провинции была небольшая, хоть и местность довольно сложная. Но прямо и однозначно что-то заключить на этот счет не представлялось возможным из-за отсутствия

персональной ответственности и присутствия массы вроде бы объективных обстоятельств.

В ходе одной из операций два отделения под командованием Слэша, в том числе и Доплер, по-прежнему в качестве сержанта, выполняли патрулирование района, в котором камерой беспилотного аппарата слежения вроде бы было замечено движение противника. Весь день мотались по «зеленке», устали, как вьючные животные, взорвали несколько тайников с оружием, но партизан не нашли, вышли в точку эвакуации, но транспорт группе не подали. Оказывается, на базу прибыл для постановки стратегических задач генерал, и пока он там был, партизаны обстреляли базу. Не персонально из-за генерала, а в обычном беспокоящем порядке, такое бывало раз в неделю минимум. Чтобы прогнуться перед высоким начальством и сгладить у того неприятный осадок из-за обстрела на якобы давно контролируемой территории, подполковник выделил авиетку, которая должна была забрать людей Слэша и уже стояла под парами, для дополнительной охраны тела начальства. А Слэшу передали по рации, чтобы он топал до дороги, где скоро должна проходить попутная колонна.

До нового места добраться не успели, так как на окраине какого-то заброшенного мелкого селения угодили в засаду. Может быть и следовало обойти открытое место лесом, от беды подальше, но уже темнело, люди умотались, да и времени было впритык. Понаблюдали за поселком и окрестностями.

ми – никого, район в целом вроде не гиблый, пошли напрямик, крайней улицей. Только прошли дома и направились в лес, тут как начали долбить... Половину бойцов срезали, когда группа рванулась назад, под прикрытие стен крайнего дома. Хибара оказалась слабым укрытием – ее разнесли несколькими выстрелами РПГ. За десять минут полегли все, кроме Слэша и Доплера. Слэш потерял сознание от близкого разрыва реактивной гранаты, Доплер притворился убитым. Повстанцы, человек десять, когда собирали трофейное оружие и снаряжение, не стали тратить патроны на контрольные выстрелы по ним, так как Доплер во время перестрелки перепачкался в крови ближнего бойца, которому пулей снайпера разнесло голову, да и самому ему глубоко рассекло лицо осколком, а Слэша привалило куском стены строения, в котором группа пыталась укрыться, и со стороны выглядело, будто его задавило насмерть.

Слэш притворялся вполне естественно – он был без сознания. Доплер лег так, чтобы расширение-сжатие грудной клетки при дыхании было наименее заметно, а свое оружие отбросил несколько в сторону, чтобы не дать лишнего повода себя обыскивать. Поблизости от правой руки под ворохом мусора припрятал ручную гранату, на случай, если притворство раскроется и придется закругляться. Враги не стали его переворачивать и обшаривать, возможно, побрезговали прикасаться к его окровавленной и частично заляпанной чужими мозгами форме, а может, торопились. Командиру враже-

ской группы пришел вызов по радиии – партизаны прекратили обшаривать убитых и слиняли обратно куда-то в лес, выборочно прихватив трофеи. Доплер кое-как остановил кровотечение у себя, откопал контуженного Слэша, которому тоже посекло лицо, да еще каменная крошка попала в глаза, и они двинулись до своих через враждебную территорию с одним оставшимся автоматом на двоих и тремя магазинами к нему.

Рация накрылась вместе с радистом, помощи ждать было неоткуда. Двое суток они ковыляли лесами, обходя селения, отлеживаясь, пропуская вражеские патрули, кормясь подножным кормом, когда кончился сухпай, взятый из расчета на сутки. Это были, конечно, не буйные джунгли Либертии, а скорее субтропики, но стояла осень и ночами было холодно. На третий день у Слэша воспалились глаза. Если раньше они просто зудели, то теперь появилась изводящая резь, зрение упало, мир виделся мутно, как сквозь полиэтиленовую пленку, загноилось посеченное лицо. Кроме того, он простудился, и поднялась температура. Временами Слэш плыл, терял сознание, и Доплер практически тащил его на себе. Вечером четвертых суток они вышли на дружественный блок-пост, откуда их забрал до базы бронетранспортер.

На базе бедолаг-скитальцев встретил подполковник и, не желая признавать своей вины в гибели группы, наехал на Слэша и Допера, без малого навесив некомпетентность и обвинив их в потерях, дескать, не могли чисто людей до точ-

ки эвакуации довести, такое простое дело нельзя поручить. Доплер припомнил штурм администрации, вспылил и врезал подполковнику в морду. Хотя он и был ослаблен за четверо суток полуголодных скитаний, но приложил от чистого сердца так, что качественно сломал этой крысе челюсть. Доплера арестовали, посадили под замок, и через несколько дней, когда подполковнику вправили челюсть и он мог свидетельствовать, повезли на заседание трибунала. По дороге Доплер слинял, прихватив ранец и автомат одного из конвойных, для порядка разбив одному губу, а второму нос, хотя если б захотел – мог бы без труда посворачивать обоим шеи.

Слэш потерял свои глаза, ему вживили искусственные, выращенные клонированием. Операцию делали армейские хирурги, но на сами глаза и пластику изуродованного лица пришлось подзанять. Друзей из числа богатеньких Буратино у Слэша не было, а деньги нужны были срочно, и он заключил контракт с Гильдией наемников, по которому они давали ему деньги, а он возвращал их немалыми процентами с вознаграждения от каждой операции, на которую они его пошлют, пока долг не будет погашен. Глаза прижились нормально и, хотя были нестандартной расцветки, черные, как один большой зрачок, зато позволяли сносно видеть в темноте. Слэш без сожалений уволился из армии, так как за несколько месяцев на Шеоле полностью утратил мотивацию к службе государству. Гильдия дорожила своей репутацией

и на откровенно суицидные задания своих людей не посылала. Слэш вернул долг, поучаствовав в нескольких кровавых разборках на стороне одной организации в борьбе с якудзой, которая активно пыталась выпихнуть конкурента с освоенного рынка и прощупывала, насколько тот крепко стоит на ногах. Заключать новый контракт с Гильдией наемников на долгосрочной основе он не стал, предпочитая самостоятельно выбирать, браться или не браться за задание. На последний контракт он подрядился самостоятельно по вакансии в специализированной базе данных, куда имели доступ частные лица и организации, аккредитованные Гильдией.

Доплер после побега прибился сначала к какому-то местному отряду самообороны, который под его руководством неплохо проявил себя в стычках с организованными мародерами. Потом на него вышли люди из первого отдела «Магмы» и предложили поработать у них. Подтвердив на деле свою компетентность, Доплер через какое-то время ушел, так сказать, на тренерскую работу, став консультантом. За участие в последней операции здесь, на Фурии, Доплера обещали вычеркнуть из списков разыскиваемых и оформить его расставание с вооруженными силами в штатном порядке и в прежнем капитанском звании. Он чувствовал, что дело нечисто, но искушение соскочить с крючка было велико, и все же повелся на посулы нанимателя.

– Так что, ребятки, мы тут, конечно, хлебнули дерьмеца, но вам очень повезло, что ваш контракт фактически закон-

чен и вы расстаетесь с Вооруженными Силами. Потому что вас успели подставить всего один раз, вы видели только сами боевые действия и вам не приходилось ежедневно смотреть в глаза мирным жителям, чьи дома вы походя разрушили и чьих близких, возможно, угробили, пусть и не нарочно. Вас не дрочил Устав, не плющила тупая армейская бытовуха и казенная муштра, да и хуева туча чего еще, – закончил Слэш.

Сплин прикинул, каково это – подолгу не вылезать из очереди боев без определенных фронта и тыла, почти постоянно ожидая нападения в любой момент с любой стороны, да еще свое же крупнозвездное начальство добавляет рисков мудацкими непродуманными приказами или даже прямым пренебрежением солдатскими жизнями. Тут единственная-то операция досуха выжала силы, а если вариться в подобной среде изо дня в день месяцами, наблюдать, как неумолимо выбивают одного за другим бойцов из подразделения – и близких друзей, и тех, с кем едва успел познакомиться, сознавая, что и собственное везение тоже не может быть вечным, если искушать судьбу постоянно... Их отряду, конечно, тоже неслабо досталось – по замыслу организаторов, их миссия была акцией прикрытия, предполагающей почти полную гибель группы как наиболее вероятный исход операции, поэтому-то контракт в качестве «заманухи» одновременно «закрывал» и службу в армии. Но Сплин отчетливо понимал, что им еще относительно повезло, по сравнению с тем, что бывает. Еще раз выпили за тех, кого нет с нами.

Закусив галетой, Сплин вспомнил убитых и покалеченных парней из роты, в памяти замелькали отрывки, в душе что-то тупо замозжило, как боль под местной анестезией. Малой, видимо, почувствовал что-то похожее и сказал слегка заплетающимся языком, по-пьяному старательно выговаривая слова:

– Обидно, что мы огребли тут немалых пиздюлей по сути ни за хрен собачий. В Мире, небось, про эту заваруху и не слышали.

Слэш пристально посмотрел на него своими угольно-черными глазами и произнес:

– У тебя в корне неверная расстановка приоритетов. Могу дать мудрый совет, как с этим жить, – все заинтересованно слушали, и Слэш продолжил:

– Солдат победил не тогда, когда вояки с большими звездами политиканам о победе рапортуют, а когда его хотели убить, а он выжил, несмотря на весь окружающий бардак и блядство. Я не говорю, что для этого все средства хороши – не надо проявлять больше скотства, чем реально обстоятельства требуют. Это я о совести, которая каждому обязательно свое слово скажет рано или поздно. Но главное для солдата – это несломленное достоинство. Да, мы убывали от превосходящих сил во всю прыть большую часть этой долбанной операции, всем было тяжело и страшно, но все боролись и бились насмерть изо всех сил. Это и есть ваша персональная победа, которая всегда при вас, независимо от того, что ска-

жет командование или проститутки из масс-медиа, прицепят ли вам на грудь медальку или, как в вашем случае, просто отпустят с миром, отсыпав малость боевых.

Сплин явно не ожидал от Слэша, которого все считали ничным прожженным прагматиком, такого текста. Слэш глотнул еще огненной воды, уже, по-видимому, не ощущая крепости, и добавил:

– И не вздумайте на гражданке заниматься самокопанием насчет убиенных вами душ. И не потому, что наше дело было правое – это вообще не наше дело, а чужой бизнес. Но вы же не старушек за гроши мочили, и не сафари на бомжей устраивали, а воевали с сильным жестоким врагом, с открытыми беспердельщиками, чья жизнь по-любому не ценнее вашей. А если копнуть любую войну поглубже, то там одна сторона, как правило, не лучше другой, а правое дело потом, если надо, лепят пиарщики, обычно для победителей, пока те на коне. Да, это не был персонально ваш враг, пока вас не начали убивать при штурме, но операция проводилась с подачи правительства в конечном счете выбранного населением. Так что отвечайте по жизни за себя и не валите на свою совесть все грехи мироздания – не хрен подпирать все, что падает.

Посидели еще какое-то время. Слэш затяжелел и, покачиваясь, отвалил спать, уходя велев остальным скоренько закругляться. Сплин выбрался из клуба отлить в дощатое четырехочковое сооружение на улице. Солнце уже зашло, сор-

тир был найден методом нарезки кругов и по запаху. На подходе обратно дорогу ему преградили двое местных рядовых, внезапно выступив в освещенную светодиодным фонарем полосу из окружающей темноты:

– Слышь, курить есть? – развязно спросил более крупный, забывчив бельма.

В их отряде никто не курил, включая офицеров – слишком много бегать приходилось, чтобы создавать себе дополнительные проблемы подобной вредной привычкой.

– Не курю, – бросил Сплин, намереваясь обойти залупоглазого любителя курева на заляву, но тот притер его плечом к своему приятелю:

– Слышь, молодой, я гляжу, у тебя камуфляжка новая, а у корефана моего как раз твой размер.

Сплин стоял, оторопело хлопая глазами, не зная, что ответить на такой неожиданный подъезд. Как же так? Ведь свои же... Похоже, осатаневшие от скуки гарнизонной жизни местные «дедушки» приняли его за только что прибывшего из учебки новобранца из пополнения и решили поразвлечься.

– Ну ты что, салабон, припух? Так наебенился, что нюх потерял? Тебе новье по сроку службы не положено, – включился в беседу второй, а первый толкнул Сплина на своего подельника. Недозаросшие ребра прострелила боль, а на боль от ударов у Сплина сформировался устойчивый рефлекс – ярость.

Он засадил локтем назад под дых тому кто его удерживал, притянул за грудки залупоглазого и, резко наклонив голову, лбом вмял тому переносицу. У самого из глаз посыпались искры, но супостату пришлось еще хуже. Тощий ударил его сзади по почкам, Сплин пошатнулся, упал на колено, добавил крепышу кулаком в промежность и откатился от тощего, чтобы переждать болевой пик, развернуться и перегруппироваться. В этот момент вышел Раймо, проветриться. Он увидел, как Сплин и тощий вышибают друг из друга пыль. Сплин смазано ощущал боль, так как был крепко «под мухой», но по этой же причине его сокрушительные бойцовские приемы получались вовсе не так быстро и точно, как он себе представлял. Раймо также заметил и то, что Сплин упустил: к местным двигалась подмога в составе примерно отделения. Он грамотно оценил тактическую обстановку, не стал впрягаться один, а вернулся в клуб и привел остальных.

– Наших бьют! – заорали местные «дедушки», взывая своих о помощи и понеслось: мелькали пряжки ремней, чмокали расквашиваемые носы, смачно плющились губы о зубы, ползали и корчились в пыли вырубленные, по дровосецки хэкали, нанося удары те, кто еще свое не получил. «Дедушки» были неприятно удивлены навыками соперников, которых они из-за новой формы и внешнего возраста некоторых сперва приняли за зеленых новобранцев. Но база была велика, местных становилось все больше и, как ни усердно их метелила команда гостей, по пьяни не замечая боли, паритет

все же постепенно склонялся на сторону «дедушек».

Всех подружил патруль, уравновесив буйство тестостерона успокаивающими разрядами электрошокеров. Не успевших скрыться участников потасовки распихали кого на губу, кого сначала в медпункт, а потом уже оттуда на губу.

– Я хую, дорогая редакция, вам что, парни, на боевой ходке мало досталось, что вы еще и здесь бушлатить принялись? – сноровисто штопая рассечения и обрабатывая ссадины, риторически вопрошал, попыхивая перегаром, заспанный Бишоп, которого ввиду резкого наплыва пациентов с матом пополам разбудил молодой медик, бывший сегодня дежурным коновалом.

– Да не мы ж начали, – уже в десятый, наверное, раз оправдывался Сплин с распухшей верхней губой, которому смазывали на глазах отекающую ссадину на скуле. На лбу выростала синюшная шишка.

– Вот пропустите, сидя на губе, шаттл и огребете все стандартный полугодовой контракт – пиздятину прочесывать в возлюбленной Либертии. Оформят быстрее поросычьего визга, думаете вас здесь хером груши околачивать, да кашу трескать оставят? – страшал Доплер.

Слэш дрых без задних ног в полном ауте, ему даже пистон вставить за недогляд не было возможности.

– Молодцы, вздрачивание побратимых войск должно поощряться премией – рукопашка у вас на достойном уровне оказалась, не посрамили престиж подразделения. Только ду-

раки, что прямо перед клубом разборку устроили, – ухмылялся Штырь, который в силу изрядного присутствия в крови алкоголя пребывал в благостном расположении духа.

А Боцман по-тихому добавил, чтоб не слышали посторонние:

– И не бздите, что еще на полгода загребут, драка между рядовыми без жертв и увечий – плевая статья, вот если бы вы на офицера залупились, тогда да... – он глянул на Доплера и замолчал.

До утра провели за решеткой на дощатых нарах гауптвахты, утром пришел комендант базы, выматерил всех повторно, со своей стороны пригрозив гостям полугодовым контрактом. Комментируя действия местных кадров, комендант отметил, обращаясь к понурым опухшим физиономиям разной степени побитости:

– Ну, а вы-то хули? Культура гостепримства у вас, однако, ни в пизду.

Через полчаса всех распределили на непопулярные работы. Вообще-то, остаткам отряда после возврата с боевой операции положено было двое суток халявы, до того, как трудоспособным должно будет впрягаться в служебный распорядок части – караулы, наряды и так далее, ибо солдату без дела подолгу слоняться не положено. Но вышло вот, что вопрос временного «трудоустройства» на новом месте решился раньше. Сплина и тощего «дедушку» подрядили копать траншею для бронетехники к самому периметру, ко-

торая была уже частично выкопана вереницей предыдущих залетчиков. База располагалась на холме с плоской вершиной и пологими склонами, который являлся в округе господствующей высотой. За проволочным забором основного периметра, напичканным разнообразными датчиками слежения, шли несколько спиральных рядов колючей проволоки. Сплин был предупрежден, что склон густо минирован, за исключением небольших, мало кому известных проходов, оставленных саперами. У самого основания холма почва ржавого оттенка, покрытая чахлой выгоревшей травкой, упиралась в джунгли. Болела от пиздюлей башка и другие части тела, хотелось пить. Палило дневное солнце, обоим было хреново настолько, что зубоскалить насчет вчерашнего не было ни сил, ни желания. Соленая водица пота грязными ручейками стекала по голому торсу за пояс штанов.

– Бля, неужто бульдозером каким-нибудь нельзя это сделать? – первым нарушил молчание Сплин, которого еще и похмелье колбасило.

– Наверное, можно, но как же тогда с воспитательным воздействием? В армии постоянно так – квадратное катают, а круглое носят. Главное, чтоб все при деле были, тогда дисциплина крепнет, – пожал плечами напарник. – Тебя как зовут? – Сплин представился. – А меня Шепард. Давай-ка, коллега, один из нас будет мешок держать, а второй его землей наполнять, потом меняемся, а то поодиночке заебемся хуй сосать.

Над боковым бруствером траншеи показалась голова конвойного, который подошел поинтересоваться ходом работ:

– Век мантуль и век ворочай, в жопу ебанный рабочий, – жизнерадостно ощерился он.

– От работы кони дохнут, – пробубнил Сплин. – Попить дай, начальник, а то помрем – отвечать будешь.

Конвойный отцепил с ремня фляжку и подал страдальцам, усевшись на бруствере на корточках.

– Отец родной – от смерти верной спас, – возвращая фляжку, сказал Шепард. – Может еще и сигареткой угостишь, а?

– Ага, а бабу рыжую-горячую с сиськами вот с такими и пиздой навыворот тебе сюда не подать ли? Самого б кто угостил... И вообще, хорош-ка вола ебать – давайте хуярьте резче, пока свою норму кубатуры не откидаете – спать не пойдете. Ничего личного, мое дело тоже подневольное, – отходя, пригрозил конвойный.

Сплин удвоил усилия. Шепард, державший мешок, удивленно воззрился на него:

– Ты куда это так ломанулся, дурилка?

– Дык ведь...

– Да ты кого слушаешь, наивная твоя душа? Не ссы кругами, к закату мы свое выполним, а будешь жопу рвать – или норму повысят, или на другую барщину зарядят, а ведь нам еще с нарядом еще повезло – бывает хуже, уж поверь. Хотя бывает и лучше... Но не с гауптвахты. Работа не хуй – век

простоит, – словно объясняя малому ребенку очевидные вещи, наставительно сказал умудренный жизнью «дедушка». – А чтоб «навыворот» мне не особо нравится – не по себе как-то... – добавил он задумчиво, закуривая предпоследнюю сигарету из своей пачки.

– Можно подумать, что тут есть ахерный выбор, – хмыкнул Сплин.

– Ну, не то чтобы прям «ахерный», но есть. Правда, у офицеров. Промеж них, собственно, местный бабский персонал и распределен практически без остатка. А солдатам и впрямь здесь, на базе ловить особо нечего – в основном приходится проявлять чудеса тактики при вылазках в город. А сейчас еще война эта злоебучая закрутилась, так вообще хрен кого в увольнительную пустят, пока усиленный режим не отменят... – в двух обрисовал расклад Шепард.

Гипотетическая рыжая баба – объект эротических грез конвойного солдатака какое-то время живо занимала воображение Сплина, даже конец в штанах по этому поводу заворочался было, но усталость, жара и новая жажда грубо вытеснили этот романтический образ довольно быстро. Табачный дым немного отпугивал зудящий вокруг гнус, хотя здесь, на открытом месте его и так было несравнимо меньше. Поменялись – Шепард взялся копать, Сплин – держать мешок. Наполненные вычерпанной землей мешки укладывались на бруствер.

Шепард был прав, к закату они углубили траншею на по-

ложенное количество кубометров, посильно повысив тем самым оборонный потенциал базы, после чего уселись на обращенном за периметр бруствере с котелками неспешно доедать ужин. Жара отступила, мошкара куда-то попряталась, в лицо дул легкий ветерок, приятно холодя кожу. Багровый диск солнца, колышущийся в мареве испарений, висел над далекими гребнями покрытых джунглями холмов, чьи очертания размывала легкая дымка. Внизу выделялись белой пеной пороги на реке, по которой проходила граница с Либертией. Чуть левее чередой завораживающих узоров опадали с каменистого обрывистого склона мириады брызг безымянного водопада. Отсюда не было слышно суеты базы, только далекий мягкий шелест воды.

Сплин вдруг во внезапно нахлынувшем просветлении ощутил величие и мудрость огромного окружающего мира, почувствовал, как пульс земли проходит сквозь него, впервые осознал себя не чужеродным элементом во враждебной среде, а частью могучего древнего целого, составляющего ткань мироздания, которое всегда было, но он в ограниченности своей этого не понимал и не замечал. До этого окружающий мир воспринимался исключительно с точки зрения оценки опасности – тяжело ли пройти по местности, расположение потенциальных засад и укрытий, хватит ли воды до следующего источника, как бы не простыть в дождь и так далее. А сейчас он словно вошел в маленькую неприметную

дверь, которая никогда ни перед кем не запиралась, но большинство в суете жизни спешило мимо, не замечая или не желая замечать этого знания, дающего уверенность и душевный покой. В это нельзя ткнуть носом и показать, бесполезно ждать, просить или требовать силой, оно само призовет тебя, когда ты будешь готов принять все, как есть. Джунгли не пытались сожрать его, они просто жили своей обычной жизнью, а он приперся, куда не звали с оружием в руках, со страхом в душе, но без уважения и понимания в сердце.

– Да тут красиво, как в метро, – не удержавшись, искренне сказал Сплин, ожидая в ответ насмешку.

– Красиво, – без подколов вдруг согласился Шепард. – На свете было много красивых мест, пока люди туда не приперлись со своим ебучим обществом потребления и не устроили дележку того, что им не принадлежит, чтобы создать то, что им на самом деле на хуй не нужно.

Сплин посмотрел на напарника по яме совсем другими глазами. Оказывается, нормальный парень с правильным понятием. Наверное, обстоятельства жизни могут оскотинить кого угодно, а когда это происходит со всеми окружающими одновременно, то деградация изнутри незаметна. Словно подтверждая его мысли, Шепард негромко произнес:

– Ты извини, что вчера на тебя наехали, свинство это. Все всё понимают, но бывает, словно бес какой-то в голове свербит и на всякое паскудство подталкивает.

– Да херня, все равно делать до шаттла нечего. Щас бы

самогон в палатке с нашими жрал и закат пропустил. Давно ты тут?

– Это как считать. По мне, так до хуя уже. Особенно, если в пиздюлях измерять.

– Понятно, – Сплин еще раз порадовался за то, как у него сложилась служба – на халяву здоровья и знаний поднабрался, можно сказать... Пройденный путь – это не просто безликая траектория из одного пункта в другой, это кусок жизни, порой целый пласт, имеющий самостоятельные смысл и ценность, иногда даже более значимые, чем собственно точка назначения. Иногда дорога меняет людей, успевая породить в душе новое качество, даже за относительно малое в абсолютном исчислении время – зависит от того, через что пришлось пройти, на что при этом пойти, и с чем в итоге выйти. Не столь важно, что происходит – главное, как к этому относиться и что при этом чувствовать.

Подошел конвойный солдат:

– Бог помощь! Ну, как успехи в делах наших скорбных?

Удовлетворительно оценив проделанный объем работ, он добавил:

– А вы что, парни, на внешний край-то выперлись – после трудов праведных поясными мишенями решили чуток подработать? А если с той стороны какой-нибудь черт со снайперкой шаробится?

– Так вроде кампания только-только началась, рановато еще настолько щемиться, – проворчал Шепард, но с перед-

него бруствера оба все же слезли.

– Может и так... Бля, успеть бы дослужить да свалить отсюда, пока из-за каждого куста шмалять не начали, – ответил конвойный. – Ладно, пойдем-ка обратно, на нары. Что, Шеп, тюрьма – дом родной, а?

– Да иди ты... – беззлобно огрызнулся Шепард. – Вот придет час – залетишь сам...

– ...и ты тут же вспомнишь, как я был добр к вам, чтобы отплатить мне той же монетой, – закончил за него конвойный.

Назавтра снова занимались трудотерапией – копали ямы для опорных стропил завалившегося местами периметра. Многие припашки в армии традиционно связаны с лопатой в той или иной форме, хотя бывают наряды и полегче, и повыгодней. Но, как правило, не с гауптвахты. Впрочем, Сплин особенно не тяготился работой в предвкушении отлета домой. С местными все устаканилось и конфликтов больше не было, типа, «ну хули, ты – мужик, я – мужик, хернястряслась – погорячились, с кем не бывает». Следующие два дня шел дождь, расквасивший поверхность в непролазную грязь и похеривший существенную часть проданных землеройных работ, а утром следующего за ними, наконец, прибыл вертолет до космопорта.

Сидя в кресле набирающего высоту шаттла, Сплин вдруг почувствовал нарастающее вместе с высотой смутное беспокойство, какую-то необъяснимую горечь расставания. Это

было бессмысленно: с тех пор, как сюда попал, он явно или подсознательно мечтал убраться из этого чистилища домой. Так откуда тогда этот тяжелый ком в груди? Может просто перегрузка? А возможно, дело в другом. Здесь он был на своем месте, он был нужен, на него рассчитывали братаны, доверяя ему свою жизнь, а он доверял им свою, полагаясь на их прикрытие. Они знали друг друга, как облупленных, поварившись в одном дерьме столько, что одни и те же морды примелькались до зубовного скрежета, но каждый в глубине души чувствовал, что они одно целое, свои из отряда – это все, кто у них есть, все, на кого можно рассчитывать. Здесь он узнал, что такое первородный страх и что такое настоящая сила. Здесь оценивали людей по тому, кем они были в действительности и обстоятельства никому не позволяли долго скрывать свое истинное лицо под ворохом поповской мишуры. Сердце выдало сознанию поток откровений, которые из неясных образов и ощущений преобразовывались разумом в цельную картину. Внезапно он понял, что такого яркого ощущения полноты и естественности жизни уже, скорее всего, не будет и специально повторить это невозможно, как нельзя повторить рисунок молнии или второй раз столь же искренне рассмеяться над одной и той же шуткой. Если он когда-нибудь и встретит кого-нибудь из ребят на гражданке, то это будет уже не то – одними воспоминаниями сыт не будешь, а кроме них говорить особо и не о чем, у каждого своя жизнь, свои проблемы и заботы. Как ни печально, но

все что у них есть общего, осталось здесь, в этом жестоком и опасном месте, которое они сейчас с радостью покидают. Ностальгия – это такое чувство, когда хочется вернуться, да некуда. И как только он все это осознал, в душе словно почувствовался треск рвущейся ткани, затем сердце вдруг на несколько тягучих минут придавила такая лютая тоска, что он едва не взвыл вслух.

– Ты что смурной такой? Тошнит от полета? – счастливо улыбаясь во весь белозубый рот, спросил сидевший рядом Малой, хлопнув сверху по запястью Сплина на подлокотнике своей ладонью. – Радоваться надо, братуха, домой летим, на свободу с чистой совестью, а? К холодному пиву и горячим девкам. У-ух, и наебуть же я, как последний котяра, когда приеду!

Через три недели полета в гиперсне прибыли на Землю. От центрального терминала космопорта все постепенно разошлись к транспорту каждый в свою сторону под рукопожатия, объятия до хруста костей и фразы типа «будешь в наших краях – заходи». Доплеру и Сплину оказалось какое-то время по пути. В конце концов они остались вдвоем и встали на остановке такси. Сплину было немного грустно, но радость возвращения перекрывала горечь расставания с людьми, вместе с которыми через многое пришлось пройти. Была ночь, однако огромный транспортный комплекс сиял огнями и был полон спящих повсюду людей и машин.

– Длинный, через какое-то время мне или моим знакомым могут потребоваться сотрудники, ты как, не намерен продолжить карьеру освободителя? – поинтересовался Доплер. – Пако подкинул неплохое выходное пособие, но чтобы уверенно соскочить на покой, этого все же маловато будет, так что работенка еще предстоит.

– Нет уж, сэр, спасибо за предложение и, типа, оказанное доверие, но я уже навсегда навоевался за глаза и за уши. Да и какой из меня на хрен солдат удачи – как из говна пуля. Я и выжил не потому, что был крут, а просто повезло, как дурачку из сказки, – честно ответил Сплин.

– «Просто» даже чирей на жопу не садится, – возразил Доплер. – Не зарекайся – люди часто говорят «всегда» и «никогда», но жизнь обычно или слишком коротка, или слишком длинна для этого. И какой я тебе, к лешему, «сэр»? Ты теперь гражданский человек. Впрочем, как и я...

– Командир, при всем уважении, я даже во сне не хотел бы видеть твою жуткую образину, – решительно заявил Сплин, не переставая по-детски счастливо улыбаться. – Я очень устал и хочу домой.

Доплер ухмыльнулся. Все хотят домой. Он слышал это много раз и даже когда-то неизмеримо давно говорил сам. Вся штука в том, что ни для кого из них прежнего дома больше нет. То есть в физическом смысле все может и на месте, но сам человек необратимо изменился. И то привычное множество людей и вещей уже не является для этого

нового человека домом, они теперь чужие друг другу. Для кого в большей степени, для кого в меньшей, но это свершившийся факт. Они покинули свои дома навсегда, и сейчас вместо них вернулись другие личности. Там, далеко, домом считалась некая идеальная выжимка из реальности с подсознательно забытыми проблемами и приукрашенными яркими положительными чертами. Домом было даже не место, а скорее состояние, это был предохранительный клапан, спасение, неприкосновенное убежище для души, измученной борьбой с почти постоянным изматывающим страхом и грязной жестокой окружающей действительностью, где все перевернуто с ног на голову и при этом воспринимается как некая чудовищная, но все же норма, почти обыденность. Все считали дни, когда вернутся обратно в Мир, и у каждого все будет просто отлично, потому что иначе и быть не может, ведь они вернутся домой, в то светлое и радостное место о котором столько мечтали, сидя по уши в говне, из которого наконец-то вырвутся сквозь страдания, боль, ошибки и необратимые потери, о которых тяжело вспоминать.

Но рано или поздно приходит отрезвление. В Мире все накатано живут своей суетной жизнью в непрерывных потогах выстроить личную скорлупу внешних признаков благополучия, и пришельцев из зазеркалья никто, кроме, может быть, близких родственников, особо не ждет, чтобы предложить им, например, учебу или работу. Никому не интересно, что они пережили, никто и знать не хочет, какое кромешное

блядство порой творится на задворках цивилизации, или на ее передовой, зависит откуда смотреть, чтобы весь этот сияющий праздник потребления продолжал купаться в своем бессмысленном фальшивом изобилии. Да и бесполезно рассказывать, на словах все звучит шаблонно, невыразительно и неуместно. Кадровые службы, едва заведев в военном билете участие в боевых действиях, отрекшиваются от соискателей, как от маньяков психованных. Бывают и такие, но в основном, по здравому размышлению, человек сумел там выжить вовсе не потому, что вел себя как дерганая истеричка, а как раз наоборот.

То, за что по праву уважали там, здесь не стоит ни хрена, является пустым звуком, затасканным штампом или даже конкретно мешает жить. Многих в Мире коробят прямота и резкость, свойственная тем, кто, находясь в принципиально иных условиях, разучился изящно парить ближнему мозги или уместно прогибаться. И ветераны порой действительно начинают звереть, но уже здесь, из-за ханжества людей, считающих себя нормальными, но при этом слепо и жадно поглощающих огромные порции пошлятины и насилия, изгрыгаемые разнообразными масс-медиа. Здесь пустила корни в умах пошлая система дутых никчемных ценностей, порожденных гримасами маркетинга, глянцевого ложью шоу-бизнеса и статусными стереотипами. Людские души деградируют в стяжательстве, взрослые ведут себя, как большие инфантильные дети, забавляясь и хвастаясь навязанными им

дорогими игрушками.

Раньше это не было заметно, потому что не с чем было сравнивать, а теперь просто на каждом шагу бросалось в глаза. Можно конечно приспособиться и жить в этой поверхностной псевдокультуре, участвуя в «крысиных гонках», но радости от этой пресной рутины уже никакой и принять ее снова нет ни возможности, ни желания, как не может астронавт, побывавший в открытом космосе, уверовать, что земля плоская. Что на гражданке делать-то? В торгаши пойти – «купи-продай»? Неинтересно. В охрану к большим барыгам? Так староват уже в халдеи записываться. В бандиты податься? Тоже тошно – к профессиональному мародерству душа что-то не лежит... Нет, уж лучше остаться солдатом-наемником – это порой грязно, но, по крайней мере, честно – на передовой ясно, кто свои, кто чужие и что с этим делать, а противники стоят друг друга и знают, на что идут. Сам он не любил войну, но зато война полюбила его, всякий раз призывая обратно, он с некоторых пор чувствовал себя дома скорее там, чем здесь. Да и некуда уже особенно возвращаться, когда мертвых близких в памяти в разы больше, чем живых, с кем реально поддерживаются отношения. Причем многих уцелевших на войне ветеранов «гражданка» сгубила не хуже гангрены. Но так бывает не со всеми, да и незачем человеку настроение портить, может проскочит – не так уж и много лиха огреб, всего ничего, по большому-то счету, как раз, чтоб мозги по жизни вправить. У каждого свой крест. Ниче-

го этого, как и многого другого, Доплер говорить Сплину не стал. Вместо этого он подмигнул и заговорщицким голосом произнес:

– Возможно, пройдет совсем немного времени, и ты будешь до крупных слез в глазах рад-радешенек видеть любого хрена из нашей пиздобратии, как родного, в том числе и меня, – Сплин в ответ недоверчиво хмыкнул. – И будь осмотрителен в радости своей – здесь тебе не тут. Ну, бывай, солдат, береги здоровье.

– Ясен пень, что ж я – дурнее паровоза? И это... Шеф, хотя там я тебя иногда просто ненавидел, как собака палку, но... Ты – реальный мужик, думаю, все, кто выжил, обязаны тебе. Короче, спасибо, – несколько смущенно и неожиданно для себя выпалил Сплин.

Доплер залыбился в ответ и хмыкнул:

– Тебе спасибо, родной... Что не сдох.

Они крепко пожали друг другу руки, Сплин закинул в подошедшее такси дорожную сумку и уселся на пассажирское место сам. Водитель, пожилой негр в кепке, с лицом изборожденным морщинами, точно кора старого дерева, поднял машину на нужный уровень и влился в транспортный поток.

– Так куда едем, молодой человек? – осведомился он, блеснув белками глаз в зеркале обзора салона.

– Домой, конечно, – ответил чудной пассажир, замороженно таращась в окно на огни и виды большого города, будто наблюдал их впервые.

Водитель улыбнулся:

– Это я уже и сам понял. А нельзя ли поконкретнее?

Сплин оторвался от окна, улыбнулся в ответ и назвал адрес.